

**МАТЕРИАЛЫ IX ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Д

ЫЛЬНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

Геннадий Васильевич Дыльнов

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Социологический факультет

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

IX ДЫЛЬНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«Общество и социология в современном мире:
тенденции и векторы развития»**

11 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «САРАТОВСКИЙ ИСТОЧНИК»
2022

УДК 316 (082)
ББК 60.5 Я43
С69

С69 **Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием IX Дыльновские чтения «Общество и социология в современном мире: тенденции и векторы развития» / Отв. редактор: О.Г. Антонова**
- Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2022. – 258 с.: ил.

ISBN 978-5-6048371-0-8

В сборнике представлены материалы состоявшейся в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского Всероссийской научно-практической конференции с международным участием IX Дыльновские чтения «Общество и социология в современном мире: тенденции и векторы развития».

Научные статьи авторов посвящены актуальным проблемам современного общества, раскрывают важнейшие аспекты и тенденции происходящих изменений.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, ученых, всех интересующихся проблемами социологии.

*Печатается по решению
Ученого совета и научно-методической комиссии социологического факультета
Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
и оргкомитета конференции «Дыльновские чтения»
«Общество и социология в современном мире: тенденции и векторы развития»*

УДК 316 (082)
ББК 60.5 Я43

ISBN 978-5-6048371-0-8

© Социологический факультет СГУ, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Научно-практическая конференция «Дыльновские чтения» - ежегодное мероприятие, начинающее свою историю с 2014 года и объединяющее ведущих специалистов по актуальным проблемам развития общества, - проходит на социологическом факультете Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского в девятый раз.

Конференция носит имя Геннадия Васильевича Дыльнова (12.02.1940-25.03.2013), доктора философских наук, профессора, заслуженного работника высшей школы, заслуженного деятеля науки и образования Российской академии естествознания, вице-президента Российской социологической ассоциации, основателя и первого декана (2000-2013) социологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, заведующего кафедрой теории и истории социологии.

В 2022 году чтения проходили в дистанционном формате и посвящены теме «Общество и социология в современном мире: тенденции и векторы развития».

Среди участников конференции, по уже сложившейся традиции, - известные ученые и начинающие исследователи - представители вузов, эксперты, коллеги-практики из разных регионов нашей страны, в этот раз - из Саратова, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Владивостока, Тольятти, других субъектов Российской Федерации, в том числе, Чеченской Республики, Республик Мордовии, Татарстана, Марий Эл, а также зарубежные коллеги из Республики Беларусь, Китая и Йемена.

Широкий спектр вопросов конференции посвящен, в первую очередь, проблемам социума, институтов и личности в изменяющемся мире; специфике социологического изучения российской провинции; динамике и особенностям гражданских инициатив молодежи; региональным аспектам цифровой трансформации, а также направлениям современных исследований в области социологии повседневности.

Надеемся, что затронутые участниками конференции вопросы актуальны и интересны как предмет разносторонней дискуссии, а представленные материалы будут полезны не только студентам, преподавателям, научным и практическим работникам в области социологии, но и всем интересующимся современными проблемами инновационного развития общества в целом и на региональном уровне.

Оргкомитет конференции

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОЦИУМ, ИНСТИТУТЫ И ЛИЧНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	7
<i>Аль-Халеди Мухъялдин Мохаммед Ахмед.</i> Опыт социальных институтов и организаций в противодействии наркотизации в Йемене	7
<i>Аракчеева М.Б., Гурьянова Е.С.</i> Обеспечение гармонизации межнациональных отношений муниципальными органами власти (на примере города Саратова)	10
<i>Власов Т.С.</i> Социум, институты и личность в изменяющемся мире социальной стратификации	14
<i>Гусейнов А.З.</i> Педагогические риски профессионального образования в условиях социальных изменений	18
<i>Захарова Л.Н., Маслова О.А.</i> Организационная жизнеспособность персонала как проблема социологии управления	24
<i>Лавричева И.А., Илюшин А.М.</i> Профессиональные компетенции в образовательном пространстве высшего учебного заведения	30
<i>Максимов В.А.</i> Социокультурные факторы и поведенческие реалии в современной экономической науке	35
<i>Малый В.И., Гусев В.В.</i> Бедность российской провинции как результат либерально-экономического курса государственной политики	39
<i>Рыкова И.И.</i> К вопросу о факторах реализации традиционной женской карьеры в спорте	46
<i>Селиванов М.И., Антонова О.Г.</i> Конституционно-правовые основы принципа разделения властей в Российской Федерации	50
<i>Тулузакова М.В.</i> Процесс институционализации smart-образования: возможности и перспективы	53
<i>Тюленев А.И.</i> Состояние и перспективы развития фермерства в современной России (региональный аспект)	59
<i>Хисамутдинов А.А., Ян Юе.</i> Россия и Китай - симбиотические великие страны в меняющемся мире	64
<i>Черевичко Т.В.</i> Интеграционные технологии миграции труда в современном обществе	68
Раздел II. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	74
<i>Агишев Р.Р.</i> Телеканалы и доверие к ним: региональный аспект	74
<i>Бегинина И.А., Калининкова М.В.</i> К вопросу об уровне экологического образования населения Саратовской области	77
<i>Валеева А.Ф.</i> Политико-культурное измерение социокультурной ситуации в регионе (на материалах Республики Татарстан)	79
<i>Виноградский В.Г., Виноградская О.Я.</i> Пригород и село: феноменология и смыслы реверсивной миграции	83
<i>Головко Я.А., Калининкова М.В.</i> Массовая вакцинация населения Российской Федерации: общественное мнение	90
<i>Давыдов Д.В.</i> Мнение жителей Мордовии о частоте возникновения коррупционных фактов по бытовым ситуациям	94
<i>Кирдяшкина Т.И.</i> Структуры пассажиропотока пригородного железнодорожного транспорта Республики Мордовия	98
<i>Курмышкина О.Н.</i> Миграционные намерения жителей провинциальных городов Республики Мордовия	101
<i>Немерюк Е.Е.</i> Деятельность органов управления в реализации социальной политики	103

в Саратовском регионе	
<i>Нечаева И.В.</i> Системная встроенность инициативного субъекта в социальное пространство агросферы	107
<i>Хайруллина Ю.Р., Гарипова Р.Р.</i> Опыт деятельности НКО как элементов гражданского общества (на материалах КСИ, Республика Татарстан)	111
Раздел III. ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ	115
<i>Божко Е.С., Антонова О.Г.</i> Некоторые аспекты политической социализации молодежи Казахстана в контексте протестных событий	115
<i>Жемчураева С.Ш.</i> Депортация чеченцев (1944) в восприятии молодежи: социологический анализ	120
<i>Ильяшенко Ю.С., Антонова О.Г.</i> Причины, определяющие политическое поведение молодежи	127
<i>Калугина Т.А., Молодид Н.А.</i> Молодежь в общественно-политическом пространстве региона	129
<i>Киряева Д.А., Покатов Д.В.</i> Особенности современного этапа развития политических движений и организаций молодежи: региональный аспект	133
<i>Лимкина Н.А.</i> Профессиональная мотивация выпускников организаций высшего образования Республики Мордовия	137
<i>Никитина К.В., Покатов Д.В.</i> Особенности ценностных ориентаций современной российской молодежи	142
<i>Семенова Ю.А., Мохнаткина К.В.</i> История возникновения start-up за рубежом	147
<i>Соколова М.М.</i> Исследование взаимодействия как компонента общения иностранных студентов в образовательном пространстве вуза (на примере Дальневосточного федерального университета)	149
Раздел IV. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ	155
<i>Антонова А.В., Антонова О.Г.</i> Особенности организации удаленной работы СМИ: феномен пандемии	155
<i>Бочарова Е.В.</i> Совершенствование цифровых компетенций работников сельского хозяйства в период пандемии covid-19	159
<i>Былина С.Г.</i> Динамика использования сельским населением сети Интернет: региональные различия	163
<i>Вагарина Н.С., Палашевский М.Э.</i> Контексты как цифровые инструменты повышения качества учебного процесса	169
<i>Ершов Н.Н.</i> Цифровая трансформация Республики Мордовия: проблемы и перспективы	173
<i>Коновалова Т.Л.</i> Национальный проект «Цифровая Россия» и региональные аспекты цифровизации	176
<i>Красильников О.Ю.</i> Институты обеспечения безопасности экономического следа личности в интернете	180
<i>Мельникова Н.И.</i> Гедонистический императив и социальная стратификация	184
<i>Нуруллина Э.Р., Кичанова О.Е.</i> Цифровая социология в современных условиях трансформации общества	189
<i>Нуруллина Э.Р., Плетнева А.А.</i> Роль искусственного интеллекта в прогнозном маркетинге с использованием потребительских данных	195
<i>Фисенко Н.А.</i> Модернизация библиотечных ресурсов как фактор устойчивого развития сельского общества	200
<i>Шиленко А.А.</i> Цифровые трансформации в образовательном процессе, региональные аспекты	203
Раздел V. НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	207

<i>Андрющенко О.В., Моисеенко Н.В., Суркова И.Ю.</i> Удовлетворенность сотрудников социальных служб работой в фокусе перехода на дистанционный формат	207
<i>Аракчеева М.Б., Лазарева О.А.</i> Развитие социологии повседневности в XXI веке: новые подходы и направления	212
<i>Велько О.А.</i> Удовлетворенность студентов качеством получаемого образования: социологический анализ на примере БГУ	216
<i>Елютина М.Э., Ивахнова И.Д.</i> Чтение как поле возможностей для пожилых людей	221
<i>Иванова Т.Н.</i> Религиозная социализация населения как объект социологического исследования	224
<i>Климова С.В.</i> Медико-социальная работа в условиях трансформации социальной реальности	230
<i>Немерюк Е.Е., Немерюк Г.В.</i> Уровень жизни как приоритетная стратегическая цель управления в России	234
<i>Саттаров Т.А.</i> Качество жизни граждан как приоритетное направление социальной политики государства	242
<i>Тимофеева А.А., Елютина М.Э.</i> Профессионально-трудовая деятельность в постпенсионный период: направления исследования	244
<i>Уфимцева Е.И.</i> Социологическая интерпретация понятия «обращение в православие»	249
<i>Шабанов В.Л.</i> Потребление как элемент повседневности и предмет социологического анализа	254

УДК 316.624.3

**ОПЫТ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОТИЗАЦИИ В ЙЕМЕНЕ**

М.А. Аль-Халеди Мухьялдин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

В статье рассматривается опыт деятельности социальных институтов и организаций Йемена по противодействию наркотизации населения, анализируются факторы, влияющие на практики наркопотребления, особенности взаимодействия личности, институтов и социума в мусульманском мире.

Ключевые слова: наркотизация населения, социальная инклюзия, государственная политика, нормы ислама, гуманитарный кризис

**THE EXPERIENCE OF SOCIAL INSTITUTIONS AND ORGANIZATIONS
IN COUNTERACTING DRUG ADDICTION IN YEMEN**

M.A. AL-Khaledi Moohialdin

Kazan Federal University, Kazan

The article examines the experience of social institutions and organizations in Yemen in counteracting the drug addiction of the population, analyzes the factors influencing the practice of drug use, the features of interaction between the individual, institutions and society in the Muslim world.

Key words: narcotization of the population, social inclusion, public policy, norms of Islam, humanitarian crisis

Проблему наркотизации населения в мусульманских странах решают ряд социальных институтов и организаций. В государствах, придерживающихся норм шариата, предусмотрена уголовная ответственность за хранение, распространение и употребление наркотических веществ в виде ряда строгих мер, вплоть до смертной казни. Страны, которые взяли курс на светское уголовное законодательство, применяют более гуманные законы. Так в Йемене был принят закон № 3 от 30.03. 1993 г. «О борьбе с незаконным использованием и торговлей наркотическими средствами и психотропными веществами» [1].

Данные законы содержат две составляющие, охватывающие организационно-правовые и уголовно-правовые нормы. Такой подход реализует особенности государственной политики Йемена (схожие с практикой Саудовской Аравии) в области борьбы с наркотизацией и отражает специфику правовой системы этих стран. Эти государства являются исламскими, в которых основным источником права является шариат. Легитимность светского законодательства зависит от его соответствия нормам шариата, вследствие чего наказуемость или ненаказуемость обращения с наркотическими средствами в этих государствах регулируется нормами шариата и светского законодательства.

Однако это отнюдь не означает, что в Йемене до 1993 года не рассматривалось положение о запрещении определенных действий с наркотиками. Двадцать пять лет назад в Йемене уже вводился запрет на сбыт и употребление ка-

та, но он быстро был снят. Причиной послужила политическая ситуация в стране [2]. В последние годы в Адене, южной столице Йемена, правительство опять запретило местным жителям употреблять листья ката, которые содержат в своем составе легкое наркотическое вещество. Такую информацию сообщил один из центральных телеканалов страны [3].

Итак, решение проблемы наркотизации населения Йемена выглядит особенно сложно, так как потребление ката и других легких наркотиков не является преступлением в общественном сознании людей. Эти факторы вызывают непоследовательность и внутреннюю противоречивость в политике социальных институтов по контролю над наркотиками, и ведут к нарушению прав личности, создают сложности для проведения профилактических мероприятий [4,5]. Преимущественно силовой подход к решению проблемы со стороны полиции провоцирует злоупотребление властью в отношении наркопотребителей и иных групп риска. Объект наркополитики сложен, так как на одной стороне находятся наркодилеры, мафиозные структуры, а на другой – наркозависимые, депривированные группы населения, нуждающиеся в практиках социальной инклюзии.

Согласно проведенному анализу, в Йемене уголовное законодательство об ответственности за незаконный оборот наркотиков находится, как и социальные практики помощи наркозависимым, на стадии становления или формирования, поэтому, нет четкости ни в уголовной политике при определении ответственности за сбыт и потребления наркотиков, так и не существует на государственном уровне социальных практик для помощи наркозависимым.

В 2017 году в Queen Arwa University Yemen стартовал успешный социальный проект - создание информационного центра для страдающих от наркотической зависимости. Его основная идея состоит в реализации потребности в комплексном консультационном пункте для семей, оказавшихся в сложной или кризисной ситуации. В целевую группу, которую позиционирует центр как объект своей работы, входят семьи, с членами семьи, употребляющими наркотики, реже алкоголь. Данная организация ведет поддержку данной семьи на регулярной основе и координирует свою общественную деятельность с практиками религиозных организаций и мерами государственной поддержки. Центр функционирует по настоящее время, предоставляет бесплатный доступ к помощи для людей, которые прекратили прием наркотиков и членов их семей. Организуются консультации наркологов, психологов, индивидуальные и групповые тренинги; оказывается юридическое сопровождение; функционирует телефон доверия для наркозависимых и созависимых. Центр выступает в качестве банка информации и успешных практик, опыта медицинского лечения и реабилитации, социальной инклюзии депривированных групп, как в городе, так и в стране. Также предоставляет контакты родственникам наркозависимых о других существующих в Йемене центрах и мечетях, работающих с наркозависимыми.

Еще один успешный социальный опыт реализован студентами другого университета в г. Аден. Они оказывают помощь государственным институтам

при разработке и реализации целевых социальных программ, а также совместных с религиозными организациями образовательных курсов и проектов в сфере здравоохранения. Активисты выступают инициаторами мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни людей, укрепление семьи в рамках традиционных для ислама моральных ценностей. Также, в сфере социальной эксклюзии/инклюзии ими реализуется научно-исследовательская деятельность: изучаются психологические и социальные практики включения депривированных групп, опираясь на количественные и качественные методы социологических исследований; применимый мировой опыт ресоциализации социально исключенных групп и профилактики социальной эксклюзии.

Необходимо отметить, что проблема социальной эксклюзии вышла для народа Йемена на международный уровень. За национальную традицию катожевания все граждане Йемена попали в категорию социального исключения. Так, в Европе и США им не выдают въездных виз, считая всех наркоманами. В рамках мирового опыта борьбы с наркотиками, в современных условиях существуют антинаркотические центры и практики, где стирается память о наркозависимости, человек возвращается к повседневной жизни, способен воспринимать радости семьи, работы, образования, религии. Также есть центры, рассчитанные на потребности мусульман: условия для пятикратной молитвы, соблюдения поста, нахождения с родственниками, посещения мечети, общения с единоверцами, еда и даже врачи стандарта Халяль, говорящие по-арабски (Сеть клиник Dr. Vorobiev Rehad Clinic: (центры в России, Мексике, Сербии, Йемене). Согласно мнению экспертного сообщества, метод академика Воробьева - это Know-How, с помощью которого за последние полтора десятилетия было вылечено более 12000 человек. Это самый эффективный метод лечения героиновой наркомании на сегодняшний день, и его показатель восемь раз выше, чем среднемировые цифры годовой ремиссии. После такого лечения родители начинают узнавать своих детей: любящих, почтительных, религиозных.

Завершая рассмотрение опыта противодействия наркотизации населения в Йемене, необходимо отметить, что на существующие практики влияет комплекс факторов: военные конфликты, нерешенные политические и экономические проблемы, гуманитарный кризис. По мере их преодоления, решение проблемы употребления наркотиков населением, особенно детьми и молодежью, возможно в рамках сочетания последовательной, научно обоснованной государственной политики противодействия наркотизации, опирающейся на профессиональное социологическое сопровождение, и усилий мусульманского общества и НКО, реализующих передовые практики социальной инклюзии депривированных групп.

Список литературы

1. *Масаб Али Саид*. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с наркотизмом в Йеменской Республике и Саудовской Аравии.: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. – 155 с.
2. *А. Д-р Адель аль-Дамердаш*, Наркомания: ее проявления и лечение // Серия "Мир знаний". Кувейт, 1982. – 236 с.
3. *Власти Йемена запретили употреблять наркотики по рабочим дням*

<https://centreabilitatii.ru/news/vlasti-yemena-zapretili-upotreblyat-narkotiki-po-rabochim-dnyam/>
(дата обращения: 22.12.2021)

4. Малиновска-Семпрух К., Галлахер С., Джума В. Наркополитика, ВИЧ/СПИД и права человека // Сборник материалов Международной дебатной образовательной ассоциации (IDEA) по полемическим вопросам современности. - Алматы., 2006.- 336 с.

5. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900535> (дата обращения: 22.12.2021)

УДК 323.1

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА САРАТОВА)**

М.Б. Аракчеева, Е.С. Гурьянова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского г. Саратов*

В статье анализируется состояние межнациональных отношений как фактора социальной и политической стабильности государства и поиск механизмов гармонизации политики в этой сфере. Проведен анализ формирования и реализации политики в сфере межнациональных отношений на примере муниципального образования «Город Саратов».

Ключевые слова: межнациональные отношения, межконфессиональное взаимодействие, национально-культурные и общественные объединения, диаспора, межнациональная политика

**ENSURING THE HARMONIZATION OF INTERNATIONAL RELATIONS BY THE
MUNICIPAL AUTHORITIES
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF SARATOV)**

M.B. Arakcheeva, E.S. Guryanova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article analyzes the state of interethnic relations as a factor of social and political stability of the state and the search for mechanisms to harmonize policy in this area. The analysis of the formation and implementation of policy in the field of interethnic relations is carried out on the example of the municipal formation "City of Saratov".

Key words: interethnic relations, interfaith interaction, national-cultural and public associations, diaspora, interethnic politics

Россия – многонациональная страна, на территории которой проживают представители более 180 национальностей [1]. Поэтому в нашей стране с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный фактор, влияющий на стабильность общеполитической ситуации в целом, играет особую роль.

Изучению состояния межнациональных отношений, механизмов реализации политики в этой сфере посвящено много работ социологов, политологов, философов. Особого внимания заслуживают публикации Рябковой С.А., Трофимовой И.Н., Дмитриева А.В., Воронова В.В., Бедрика А.В., Бинеевой Н.К., Дюжикова С.А. Авторы рассматривают проблемы регулирования межэтнических отношений в местных сообществах, модели межнациональной политики, механизмы гармонизации политики в этой сфере, развитие гражданского потенциала регулирования межэтнических отношений в современной России.

Осуществление политики в сфере межнациональных отношений необходимо на всех уровнях власти и в первую очередь на государственном. Указом Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 года утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», являющаяся на сегодняшний день ключевым документом, в соответствии с которым и должна разрабатываться политика в сфере межнациональных отношений [2]. Разработка подобного документа была обусловлена потребностью в пересмотре и корректировке концепции государственной национальной политики, многие положения которой давно нуждались в уточнении и дополнении.

В сфере федерального, регионального и муниципального управления обозначился запрос на проведение эффективной национальной политики, которая должна обеспечиваться соответствующими финансовыми средствами, высококвалифицированными кадрами, информационно-аналитическими разработками, а также комплексными целевыми программами. В реализации Стратегии национальной политики в регионах большую роль играют не только региональные, но и муниципальные органы власти, которые руководствуясь принципами и ценностями, присущими определенным национальным сообществам реализуют нормативно-правовые документы федерального и регионального значений.

В рамках нашего исследования проведен анализ формирования и реализации политики в сфере межнациональных отношений на примере муниципального образования «Город Саратов».

В июне 2012 года был издан Указ: «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям» [3]. В состав Совета вошли представители органов государственной власти, научных сообществ и представители национально-культурных диаспор. На региональном уровне также были созданы общественные консультативные советы по межнациональным и религиозным отношениям.

В 2020 году создано два Совета при главе муниципального образования «Город Саратов»: Совет по взаимодействию с религиозными объединениями и Совет по вопросам укрепления межнациональных отношений. Данные структуры образованы в целях прямого и эффективного взаимодействия администрации города Саратова с общественными объединениями для разработки и осуществления мер, направленных на укрепление межнациональных отношений, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования «Город Саратов», обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных конфликтов, а также выработку рекомендаций по реализации социально значимых проектов.

Гармонизация межнациональных отношений представляет собой одну из наиболее важных и сложных сфер управленческой деятельности, тем более значимую в условиях многонациональности. Особенно актуальны вопросы сохранения стабильности в межнациональной сфере и предотвращения национальных конфликтов, создания благоприятных условий для развития нацио-

нальных культур народов на муниципальном уровне. Органы местного самоуправления должны уделять национальной политике особое внимание, чтобы поддерживать стабильную общественно-политическую обстановку.

В Саратове, в том числе этим вопросом, занимаются глава муниципального образования, заместитель главы по социальной сфере администрации города, комитет по общественным отношениям и туризму администрации муниципального образования «Город Саратов», сектор по координации антитеррористической деятельности и противодействию коррупции совместно с правоохранительными органами города. От данного направления работы структурных подразделений администрации требуется исключительная компетентность и тактичность, так как межэтнические отношения характеризуются множеством противоречивых факторов. Администрацией города проводится системная работа по взаимодействию с национально-культурными объединениями в сфере реализации основных направлений национальной политики, межконфессиональных отношений, а также гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Саратова.

Сотрудники комитета работают более чем с 40 национальными и общественными объединениями города. Среди наиболее крупных диаспор можно выделить армянскую, казахскую, курдскую, грузинскую, мордовскую и другие общины. Представители национально-культурных объединений входят в состав городской Общественной палаты и принимают активное участие в жизни города.

В механизме реализации государственной национальной политики особое значение придается организации мониторинга межэтнических отношений в регионах, который является важным компонентом в принятии управленческих решений на этом уровне. Сотрудниками администрации на постоянной основе осуществляется работа в Государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных, межконфессиональных отношений по предупреждению и сглаживанию конфликтных ситуаций. На сегодняшний день фактов разжигания конфликтов на межнациональной или межконфессиональной почве на территории города Саратова не зарегистрировано.

Муниципальная политика в сфере межнациональных отношений нашего города, с одной стороны, выступает основой предотвращения и профилактики межнациональной напряженности, а с другой стороны – является основой гармонизации межнациональных связей, сближения людей разных национальностей. Именно поэтому на территории города регулярно проводятся встречи, круглые столы, переговоры с представителями национально-культурных и религиозных объединений в целях сохранения межнационального мира и согласия, по вопросу участия организаций в городских мероприятиях по случаю празднований государственных и национальных праздников и проектов.

Главой нашего города в целях предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов организуются совещания, тематические конференции, вебинары и семинары с лидерами национально-культурных общин. Также проводятся совместные мероприятия с общественниками, приуроченные

к важным общественно-политическим событиям города. Среди них можно назвать: День Государственного флага Российской Федерации, День города, День народного единства и др. На данных встречах обсуждаются вопросы важности сохранения общественного мира и согласия на территории муниципального образования «Город Саратов», недопущения проявления фактов разжигания национальной розни, проведения профилактических бесед лидеров общин с представителями своих диаспор, а также необходимости мирного решения возникающих проблем и вопросов и сохранения межнационального мира и согласия на территории города. Стороны обмениваются предложениями по вопросам организации и проведения культурных мероприятий с участием национально-культурных объединений, обсуждаются возможности совместной подготовки будущих проектов, приуроченных к государственным и национальным праздникам. Данные мероприятия являются достаточно эффективными ввиду комплексности и системности их проведения, творческого подхода к их организации.

В 2021 году, впервые на территории города был организован форум социально-ориентированных некоммерческих организаций «Пространство возможностей» [4]. Одна из его площадок «Национально – культурные сообщества» была направлена на реализацию государственной национальной политики Российской Федерации, содействие укреплению мира, дружбы и согласию между этническими и национальными сообществами, предотвращение национальных и религиозных конфликтов, а также вовлечение молодёжи в деятельность, направленную на укрепление дружественных отношений в межнациональной среде.

Вместе с тем администрация города занимается вопросами социальной и культурной адаптации мигрантов. Регулярно осуществляется анализ сложившейся миграционной ситуации, в ходе которого ежегодно актуализируется национальный состав и количество прибывающих в регион иностранных граждан, определяются места их компактного проживания по районам города. Отлажено партнерское взаимодействие администрации с общественной организацией «Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», которая проводит консультации и прием граждан по вопросам социализации и адаптации к условиям проживания на территории муниципального образования «Город Саратов» с целью совершенствования форм и методов работы по регулированию трудовой миграции. Происходит активное и эффективное взаимодействие органов местного самоуправления с работодателями, которые имеют квоту на привлечение иностранной рабочей силы в наш регион.

Работу муниципальных органов власти курирует министерство внутренней политики и общественных отношений Саратовской области по данному направлению. В рамках совместной работы с министерством осуществляется взаимодействие по вопросам взаимного обмена информацией, координации работы, дачи методических рекомендаций для администраций муниципальных районов и городских округов Саратовской области по организации деятельности в сфере межнациональных отношений, проведении мероприятий по профи-

лактике терроризма и экстремизма, организации мониторинга и профилактики межнациональных конфликтов, ликвидации последствий межнациональных конфликтов, профилактических мероприятиях по недопущению возникновения данных конфликтных ситуаций, по проведению мероприятий, направленных на укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории муниципального образования «Город Саратов».

Национальный вопрос связан практически со всеми сферами жизни общества. Окончательное его разрешение представляется невозможным, поскольку каждый исторический этап выдвигает новые объективные вызовы в сфере национального развития. Однако это не означает, что межнациональное взаимодействие невозможно держать в определенных цивилизованных рамках. Муниципальное образование «Город Саратов» взяло в свои руки инициативу по выражению и реализации национальных интересов на территории города. Гармонизация межнациональных отношений представляет собой одну из наиболее важных и сложных сфер управленческой деятельности. Особенно актуальны вопросы сохранения стабильности в межнациональной сфере и предотвращения национальных конфликтов, создания благоприятных условий для развития национальных культур народов на муниципальном уровне.

Список литературы

1. Итоги Всероссийской переписи населения // Рос.газ. (фед. выпуск). № 5660. 16.12.2011г. [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2011/12/16/stat.html>.
2. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>.
3. Указ Президента РФ от 5 июня 2012 г. N 776 "О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70185068/>
4. Официальный сайт администрации муниципального образования «Город Саратов» [Сайт] // URL: <https://saratovmer.ru/international/nko/>.

УДК 316.34

СОЦИУМ, ИНСТИТУТЫ И ЛИЧНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Т.С. Власов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматривается основная идея концепции социальной стратификации, которая состоит в том, чтобы раскрыть ряд проблем базовых особенностей социума, институтов и личности в изменяющемся мире социальной стратификации. Особое внимание уделяется выявлению тенденций взаимодействия между социумом, институтами и личностью в современных условиях общественного развития и анализу их возможных последствий.

Ключевые слова: социум, социальные институты, личность, социальная структура, социальная стратификация

SOCIETY, INSTITUTIONS AND PERSONALITY IN A CHANGING WORLD OF SOCIAL STRATIFICATION

T.S. Vlasov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article discusses the main idea of the concept of social stratification, which is to reveal a number of problems of the basic features of society, institutions and personality in the changing world of social stratification. Particular attention is paid to identifying trends in the interaction between society, institutions and the individual in the current conditions of social development and analyzing their possible consequences.

Keywords: society, social institutions, personality, social structure, social stratification

В современном мире после многих социально-экономических, политических и культурных преобразований изменились принципы экономической жизни, политических систем, изменилась не только культурная основа России, но и всего мирового общества в целом, так как деформировалась под влиянием процесса глобализации, имеющего характер вестернизации, в котором ключевую роль и наибольшее влияние имеет американская культура. Быстрота, скорость, радикальность и охват произошедших изменений сравнимы с революцией. Однако эти изменения были инициированы неполитизированными массами, а правящими социальными группами. Поэтому такого рода общественное переустройство, которое пережили почти все бывшие социалистические страны, называют «революцией сверху». В результате этих процессов в мире появилась следующая система социальной стратификации [1, с. 53].

В этой структуре, очень близкой к модели пирамиды, типичной для бедных стран, возникает большой, так называемый базовый слой, куда вошли те соц. группы, которые в классической системе стратификации развитых стран включены в средний класс. Представители низов утратили одну из важнейших стратификационных характеристик - уровень доходов, который позволяет им в значительной степени обеспечивать остальные статусные условия своего образа жизни. В прогнозе этой ситуации можно выделить две основные тенденции:

1. Трансформация экономики в сторону инновационного механизма экономического роста позволит воссоздать спрос на массовую, высококвалифицированную рабочую силу, что позволит восстановить базовому слою статусные характеристики условий жизни, обеспечив тем самым формирование социальной стратификации в России аналогичной системе развитых стран.

2. Сохранение ресурсо-производственного и экспортоориентированного характера экономики постепенно приведет к тому, что базовый слой утратит присущие среднему классу статусные характеристики и приобретет характеристики, присущие классической бедноте.

Социум, как социальная система всегда имеет сложную структуру, т.е. дифференцирован по отдельным элементам (подсистемам). Помимо рассмотренной выше горизонтальной дифференциации (в форме стратификации), социум дифференцирован, образно говоря, вертикально. И составляющими вертикальной дифференциации являются соц. институты.

Социальный институт, как социальное явление начался гораздо раньше, чем социальная стратификация. Первым и самым древним соц. институтом можно считать институт семьи. Он происходит при переходе общества из состояния дикости в новое, более сложное состояние варварства. Дикость соответствует форме социальной организации в виде первобытных человеческих

групп. В этом обществе действует так называемая распущенность, то есть свобода совместного проживания парами, не образуя семьи. Новый, растущий член общества, вплоть до момента своей физической зрелости, следует за матерью, наблюдая за ней и другими взрослыми, и успевает приобрести все необходимые знания, умения и навыки. Общество зависит главным образом от самого себя. По мере развития общества, в основном связанного с выработкой способов деятельности общей организации (охота, защита и др.), общество постепенно трансформировалось из стада в организацию – племя, что значительно усложнило его социальную структуру и уклад жизни. Обычные формы и методы социализации стало критически недостаточны. Обществу необходимо прилагать особые усилия в форме и количестве, необходимых для подготовки новых членов общества к их полной интеграции.

Общество возлагает эту обязанность на кровных родственников, в основном на дядей, теток, бабушек и дедушек со стороны матери. Именно они социализировали подрастающее поколение для каждого конкретного человека и образовали таким образом первый социальный институт – семью. Структуру этого института, как и всех других институтов, возникших позднее, в том числе и современных институтов, можно выразить следующим образом. Он включает в себя сложившиеся в обществе представления о необходимости, а значит, о значении того или иного вида деятельности и последствиях такой деятельности. Эти представления формализуются в виде ценностей и норм их достижения, т. е. представлений о том, как правильно выполнять эту деятельность и что означает правильный результат, т.е. представления, как нормы, которые выражают ожидания общества и закрепляются в традициях, обычаях, морали, этике, законах. Сформированные ценности и нормы определяют характер социальных отношений между людьми, вовлеченными в данную социальную практику. Эти отношения, с одной стороны, предопределяют характер поведения акторов в рамках этой практики, а, с другой стороны, именно в этих поведении эти отношения находят свои истинные отношения, вернее, объективируются в них.

Многие институты считаются базовыми, а их формирование и функционирование характерны для перехода общества к цивилизованной форме. К ним относятся:

1. Семья
2. Образование
3. Религия
4. Хозяйственный институт
5. Политический институт (государство)

Все это время, в рамках основных институциональных рамок, по мере развития общества социальная практика претерпевала серьезные изменения, и даже возникали новые формы социальной практики. Достаточная продолжительность этой практики позволяет говорить о начале формирования новой социальной системы, но поскольку ее перспективы зачастую еще неясны, эта система не называется основной системой, или ее называют социальной практикой (профконтракты российской армии для рядовых сержантов) [2, с. 196].

В основе процесса социальной стратификации лежит деятельность общества, с одной стороны, и деятельность конкретных личностей, социализирующих себя и влияющих на социализацию других в процессе стратификации, с другой. В широком понимании социализация — это процесс «превращения» человека в личность. Со стороны общества он выступает как производство и воспроизводство конкретных личностей (членов определенного общества), а со стороны человека — как личность.

Социализация (понимаемая как деятельность конкретного человека) предполагает усвоение человеком ценностей (норм, установок, социокультурных образцов и т. д.) и формирование атрибутов сознания, личности (человека как члена определенного общества).

Закон возрастающего спроса (удовлетворение спроса порождает новый спрос) непосредственно влияет на уровень развития производительности, а закон соотношения между уровнем общественного разделения труда и численностью населения создает объективные предпосылки для институционализации нового труда и деятельность, приносящая пользу обществу, которая, в свою очередь, приводит к новому социальному образованию групп и общностей, например, на каждом отдельном историческом этапе мы можем наблюдать непрерывное возникновение новых социальных групп и обществ: формирование классов в определенной социально-экономической форме, специализация промышленного производства и выделение в относительно самостоятельную область науки, образования, авиации, космонавтики и техники.

С другой стороны, как процесс воспроизводства более или менее однородных совокупностей конкретных личностей (классов, страт или слоев, сословий, групп и т. д., то есть сохранения существующих отношений в обществе. В этом процессе центральное место занимают обучение и воспитание — люди создают, творят себе подобных, например воспитание в семье, обучение в школе, ВУЗе, повышение квалификации по работе, воспитание хороших и изысканных манер и т. п. Не усвоивший этих норм человек не может занять соответствующую ячейку, ступень в общественной иерархии.

С другой стороны, процесс воспроизводства как более или менее однородного коллектива конкретных личностей (класса, страты или слоя), ранга, группы и т. д., т. е. поддержание существующих отношений в обществе. В этом процессе обучение и воспитание находятся в центре внимания — люди творят, создают себе подобных, таких как домашнее образование, школьное образование, обучение в колледже, ВУЗе, повышение квалификации на работе, воспитание хороших манер и т. д. Люди, не усвоившие эти нормы, не могут занимать соответствующие ячейки и входить в социальную иерархию [3, с. 288].

Таким образом, социальная стратификация — это процесс формирования устойчивых отношений между социумом, институтами и личностями на основе различий между ними в изменяющемся мире. При этом социальная стратификация, с одной стороны выступает как процесс расслоения общества, его разделение на различные общности людей, то есть производства новых отношений.

Список литературы

1. Демидов Н.М. Основы социологии и политологии: Учебник / Н.М.Демидов. М.: Академия, 2019. 416 с.
2. Самыгин С.И. Социология: социальные, институты, структура и процессы / С.И.Самыгин. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2016. 252 с.
3. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н.Е.Тихонова. М.: Издательство: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

УДК [378+378.015.31](082)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

А.З. Гусейнов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье представлен анализ педагогических рисков как методологическая категория в контексте профессионального образования в трактовке деятельностного и компетентностного подходов, что позволяет различить аксиологические и когнитивные аспекты этой категории. Обоснованный педагогический риск, позволяет количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, отклонения от цели, позитивные и негативные последствия принимаемых решений в контексте социальных изменений.

Ключевые слова: методология педагогических рисков, профессиональное образование, ситуация социальных изменений, компетентностно-деятельностная парадигма образования

PEDAGOGICAL RISKS OF PROFESSIONAL EDUCATION IN CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES

A.Z. Guseynov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article presents an analysis of pedagogical risks as a methodological category in the context of vocational education in the interpretation of the activity-based and competence-based approaches, which makes it possible to distinguish between the axiological and cognitive aspects of this category. Reasonable pedagogical risk allows you to quantitatively and qualitatively assess the likelihood of achieving the intended result, failure, deviation from the goal, positive and negative consequences of decisions made in the context of social changes.

Key words: methodology of pedagogical risks, professional education, the situation of social changes, competence-activity paradigm of education

Современная российская система профессионального образования находится в стадии динамического преобразования, импульсом к которому послужили, с одной стороны, серьезные признаки кризисного состояния, с другой – логика ее развития, в эволюции, которой длительное время преобладали традиции в ущерб инновациям. Вопросы о качестве подготовки конкурентоспособных специалистов все чаще оказываются в центре внимания дидактических дискуссий; каковы критерии качественного образования, каким образом должно контролироваться качество обучения, как соотносится повышение качества обучения с процессуальным, содержательным и методическим аспектами учебного процесса?

Возникла объективная, настоятельная необходимость в переосмыслении методологических аспектов педагогических рисков профессионального образования. Появились объективные предпосылки и возможность сейчас решить многие сущностные проблемы, определить стратегические ориентиры, чтобы кардинально улучшить качество подготовки специалистов. Со стороны руководителей образования, тех, кто готовит госстандарты, составляет образовательные программы, пишет учебники, есть понимание ситуации и понимание того, что не все утрачено. Многие традиции, огромный гуманистический потенциал профессионального образования жив, его можно активизировать, умножить и выйти из кризиса с тем, чтобы этот кризис не стал кризисом разрушения, а стал кризисом обновления и созидания (Загвязинский В.И.) [1].

Прежде всего, необходимо осознать цели современного профессионального образования. Ее главная цель – подготовка квалифицированного творчески мыслящего специалиста соответствующего уровня и профиля, с высоким уровнем культуры и активной гражданской позицией, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Из данного методологического положения необходимо выявить ошибки, слабые звенья, неверные ориентиры, спорные позиции, которые были допущены и мешают преодолению современных проблем. Как показывает опыт, стратегические ошибки приводят к самым существенным рискам. В данном контексте изучение педагогических рисков решает существенные проблемы профессионального образования.

Понятие «педагогический риск» было теоретически раскрыто И.Г. Абрамовой в связи с необходимостью формирования готовности педагога к обоснованному риску в инновационной педагогической деятельности. Она рассматривает «педагогический риск» как необходимый момент при выборе средств, способов, действий в процессе постановки и решения педагогической задачи в условиях неопределенности. Наряду с этим, И.Г. Абрамова вводит понятие «обоснованный педагогический риск», позволяющее количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, отклонения от цели, позитивные и негативные последствия принимаемых решений. Исследование И.Г. Абрамовой базируется на «деятельностном подходе». Именно он, по ее мнению, позволяет проанализировать взаимодействие педагогов и обучающихся, взяв за единицу анализа этого взаимодействия «риск как меру успешности их совместной деятельности» [2]. Сегодня педагогическая рискология, как новая область педагогических знаний, изучает закономерности и механизмы принятия педагогических решений необходимые для жизнедеятельности образовательных систем и получения планируемого результата с учетом всех затрат и рисков участников образовательного процесса.

Методологический подход связан с изучением сущностных характеристик и особенностей педагогических рисков, как специфической формы про-

фессиональной деятельности, с наличием в нем нескольких составляющих. Первая составляющая педагогического риска определяет меру ответственности педагога в осуществлении собственного педагогического замысла, в отношении конкретного студента или группы студентов; вторая - характеризует педагогический риск, как деятельность педагога по преодолению неопределенности в ситуации принятия педагогического решения; третья - связана с регулированием взаимоотношений между участниками образовательного процесса; четвертая - отражает согласованность педагогических действий членов педагогического коллектива в формировании личности студента.

Методологическое осмысление рисков может оказаться полезным в разрешении рискогенных ситуаций в профессиональном образовании. Сегодня актуальность данной проблемы выдвигает решение следующих важных задач: а) исследовать механизмы возникновения рискогенных ситуаций; б) классифицировать их по существенным свойствам; в) дать рекомендации по избежанию кризисных ситуаций, а значит и педагогических рисков. Известно, что события оцениваются как рискованные, если их последствия не удается предсказать, поэтому прогноз исходов событий позволяет минимизировать риски. В педагогике прочно обосновалось представление о риске как действиях субъекта, предпринимаемых в зависимости от соотношения «оправданность – неоправданность». Мотивы педагогических рисков могут быть разными: ради внедрения нового, из чувства долга, престижа, славы. Значительное место в науке занимает аналитико-нормативный анализ рисков и решений организационно-управленческих задач.

Риск педагогический, в его определении – это применение необычного способа решения отдельной педагогической задачи при отсутствии полной уверенности в положительном результате, в случае, когда обычные меры оказываются неэффективными. Педагогический риск допустим при условии всестороннего анализа ситуации, индивидуальных особенностей и психического состояния личности студента. Методологический статус категории "педагогический риск" состоит, во-первых, в том, что риск представляет собой специфическую форму профессиональной деятельности и отношения педагога к действительности. Существует взаимосвязь педагогического риска с такими категориями как "цель", "выбор", "деятельность", "прогнозирование", "профессиональная культура". Во-вторых, педагогический риск сопряжен с креативной деятельностью, является ее атрибутом. Эта сторона риска раскрывается через связь с понятиями "инициатива", "новаторство", "импровизация", "интуиция". В-третьих, педагогический риск как деятельность в условиях неопределенности имеет количественные и качественные характеристики и на практике подвергается оценке со стороны педагога. Этот аспект риска раскрывается через анализ его связи с категориями "ценность", "возможность и действительность", "необходимость и случайность", "неопределенность". В-четвертых, поскольку риск обладает прогностической, защитной, регулятивной функциями и позволяет педагогам оптимизировать профессиональную деятельность, существует взаимосвязь с такими понятиями как "мотив", "саморегуляция", "самооценка", "самоконтроль",

"тревожность", "стрессоустойчивость". Определение педагогических рисков позволяет с одной стороны управлять ими, а с другой минимизирует возникающие проблемы. Очень важно осознать опорные точки роста, сильные стороны отечественного профессионального образования, наш потенциал, гуманистические традиции, внимание к студенту, умение работать с ним. Необходимо наметить программу конструктивных преобразований и определить практические действия, чтобы ликвидировать разрыв между стратегией профессионального образования и политикой, которая не реализует эти стратегические установки.

Сегодня важно спроектировать модель будущего профессионального образования, чтобы представить, куда мы идем, и спроектировать результаты, которые мы должны получить, для того чтобы успешно преодолеть кризис. Уровневая система позволяет реализовать цели образования, так как она отличается целостностью и иерархичностью; представляет собой комплекс взаимосвязанных приемов, методов и форм обучения; в ней находятся в оптимальном соотношении аудиторные и внеаудиторные формы организации учебного процесса; система строится с учетом последовательной конкретизации задач обучения и формирования у студентов навыков учебной и научной деятельности [3]. Важно дидактически сбалансировать традиционное и инновационное, инициативу «сверху» и «снизу» не забывая, что профессиональная деятельность многогранная, творческая. Для анализа методологических основ, необходимо понять каковы личностные, социальные, экономические, профессиональные критерии профессионального образования.

При решении стратегических задач профессионального образования, особую значимость имеют культурологические результаты. Бакалавр, специалист, магистр носитель культуры, субъект прогрессивного развития. Его созидательную роль в обществе трудно переоценить. Осознание фундаментальных позиций профессионального образования помогает методологически верно определить аксиологические и дидактические цели образования, результаты профессиональной деятельности и наметить соответствующие критерии, которые действительно должны быть положены в основу комплексного мониторинга современного профессионального образования.

Согласно компетентностному подходу, который является методологической основой госстандарта высшего профессионального образования третьего поколения, результат образования определяют определенные компетенции, которыми должны овладеть выпускники к моменту окончания вуза. При этом под компетентностным подходом понимают совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. Теоретик компетентностного подхода А.В. Хуторской выделяет следующие уровни компетенций: а) ключевые – относятся к общему (метапредметному) содержанию образования; б) общепредметные – относятся к определённым кругу учебных предметов и образовательных областей; в) предметные – частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенции, имеющие конкретное описа-

ние и возможность формирования в рамках учебных предметов. Под ключевыми компетенциями понимаются способности личности справляться с самыми различными задачами. Он определяет следующие отличительные особенности компетентностного подхода: а) ориентированность на практическую составляющую содержания образования, обеспечивающую успешную жизнедеятельность (компетенции); б) основная формула – «знаю, как»; в) продуктивный характер образовательного процесса; г) ведущая роль практики и самостоятельной работы в учебном процессе; д) комплексная оценка учебных достижений (портфолио - продукты творческого обучения) [4]. С позиции компетентностного подхода основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетенций.

Как известно, одна из важнейших целей образования, это передача последующим поколениям бесценного опыта, а не только знания. Этот опыт воплощен в предметах материальной и духовной культуры и, особенно, в способах выполнения действий с ними. Способы действий должны быть освоены студентами в процессе обучения, и в этом заключается его цель. Реализация этих способов и есть деятельность. Разработанный А.Н. Леонтьевым [5], С.Л. Рубинштейном, П.Я. Гальпериним и др. деятельностный подход должен стать методологическим основанием профессионального образования не на словах, а на деле (пока остается больше академической, чем прикладной теорией). Он основан на принципиальном положении о том, что психика человека неразрывно связана с его деятельностью и деятельностью же обусловлена. При этом деятельность понимается как преднамеренная активность человека, проявляемая в процессе его взаимодействия с окружающим миром, и это взаимодействие заключается в решении жизненно важных задач, определяющих развитие человека.

На теорию деятельности должны опираться разработчики образовательных программ, организаторы учебного процесса, все те, кто хочет успеха, кто по роду своей профессиональной деятельности должен обеспечивать прогрессивное развитие общества. Выпускники высшей школы должны уметь проектировать и организовывать деятельность не только свою, но и других людей, управлять ею. На это ориентированы и новые стандарты высшего профессионального образования третьего поколения (компетентностный, деятельностный подходы).

Для реализации данного методологического положения очень важно, чтобы в процессе обучения студенты сами совершали деятельность, при этом педагог должен организовать учебную деятельность таким образом, чтобы студент мог сам «взять» (совершить акт учебной деятельности), то есть правильно действовать: мыслить, предсказывать результаты деятельности, сопоставлять их с полученными результатами, делать выводы. Одна из задач профессиональной школы подготовить студентов к осуществлению будущей профессиональной деятельности. Процесс обучения будет деятельностным только в том случае, если сам процесс учения будет учебной деятельностью, причем с учетом всех вытекающих из теории деятельности требований. А знания являются всего

лишь средством обучения действиям, на что впервые указал основоположник деятельностного подхода в обучении П.Я. Гальперин [6].

Учебная деятельность в вузе очень специфична она организуется педагогом. Поэтому, для реализации деятельностного подхода, преподаватель должен принять следующие методологические положения: во-первых, необходимо рассматривать процесс обучения как передачу опыта общественно-исторической практики предыдущих поколений, а не передачу знаний, передать опыт можно только в деятельности (переход от знаниевой парадигмы к деятельностной); во-вторых, при проектировании и организации процесса обучения первичными должны быть заданная характером будущей профессии деятельность и действия, составляющие эту деятельность; в-третьих, конечной целью профессионального образования должно быть формирование способа действий и компетенций, обеспечивающие осуществление будущей профессиональной деятельности, а не запоминание знаний; в-четвертых, содержание профессионального образования должно включать заданную характером будущей профессии систему действий и только те знания, которые обеспечивают выполнение этих действий, а не заданная система знаний; в-пятых, знания не самодостаточны, они являются всего лишь средством обучения, объясняя и подготавливая практические действия, а не его целью; в-шестых, механизмом осуществления учебной деятельности является решение теоретических и практических задач, и если студент не решает учебные задачи, то это значит, что учебная деятельность не организована; в-седьмых, в современном понимании знать – значит с помощью знаний осуществлять определенную деятельность, усваивать знания можно только оперируя ими, а не просто запоминая их; в-восьмых, деятельность педагога заключается в проектировании учебной деятельности, организации учебной деятельности и управлении учебной деятельностью, а не в «передаче» готовых знаний, ученик не сосуд, который необходимо наполнить знаниями, а факел, который необходимо зажечь; в-девятых, процесс обучения представляет собой совокупность двух взаимосвязанных, но самостоятельных деятельностей, - деятельности обучающего (преподавание) и деятельности обучаемого (учение), поэтому субъект – субъектные отношения должны стать психологическим базисом и важнейшим фактором эффективности данного процесса.

Указанные положения по своей сути являются дидактически сформулированными методологическими (а не технологическими) принципами обучения, определяющими стратегическую сущность профессионального образования.

Анализ реальных и потенциальных педагогических рисков профессионального образования в условиях социальных изменений, изучение их методологических основ позволяет быть уверенным в эффективности построения качественных моделей профессионального образования и в готовности успешно решать самые сложные проблемы, возникающие на этом пути.

Список литературы

1. *Загвязинский В.И.* Методология и методы психолого-педагогического исследования. М.: Изд. Центр «Академия», 2005. – 208 с.

2. *Абрамова И.Г.* Теория педагогического риска: автореф. дис. д-ра пед. наук. СПб., 1996.
3. *Гусейнов А.З.* Педагогический потенциал и перспективы двухуровневой системы образования в вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Том 12. Серия Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 4. С.105-108.
4. *Хуторской А.В.* Метапредметный подход в обучении. М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2012. - 73 с.
5. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Наука, 1975. - 89 с.
6. *Гальперин П.Я.* Основные результаты исследования по проблеме «Формирование умственных действий и понятий». М.: Педагогика, 1965.- 68 с.

УДК 136.354:351/354

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Л.Н. Захарова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород*

О.А. Маслова

Самарский государственный медицинский университет, Самара

Рассмотрены проблемы организационной жизнеспособности в условиях наступления нового экономического уклада Индустрии 4.0. Показана необходимость исследования возможностей и ограничений управления организационной жизнеспособностью персонала как динамичным социальным интерактивным феноменом с многоуровневой системной детерминацией

Ключевые слова: жизнеспособность компании, Индустрия 4.0, жизнеспособность персонала, социальная детерминация, управление

ORGANIZATIONAL PERSONNEL RESILIENCE AS A PROBLEM OF THE MANAGEMENT SOCIOLOGY

LN. Zakharova

*National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod*

O.A. Maslova

Samara State Medical University, Samara

The article deals with the problems of organizational resilience under the conditions of the new economic order of Industry 4.0. Necessity of research of possibilities and restrictions of management of organizational resilience of the personnel as dynamic social interactive phenomenon with multilevel system determination is shown.

Key words: company resilience, Industry 4.0, personnel resilience, social determination, management

Проблема поддержания жизнеспособности компании является, безусловно вечной для бизнеса. Но в последние десятилетия общество вступило в эру глобальной экономики, геополитической неопределенности и экономической нестабильности. Появилось даже новое определение современного мира. Это VUCA мир, мир с характеристиками нестабильности (V - volatility), неопределенности (U- uncertainty), сложности (C- complexity), и неоднозначности (A- ambiguity). Такими является и организационные среды многих компаний, стремящихся сохранить свою жизнеспособность и конкурентоспособность за счет постоянного внедрения технологических и управленческих инноваций.

Жизнеспособная организация в состоянии поддерживать конкурентоспособность с преимуществом во времени. Она достигает этого, обеспечивая превосходящую других производительность, эффективно внедряя инновации и адаптируясь к быстрым и турбулентным изменениям на рынках и в технологиях. Такая организация создает новые структуры и устраняет их при необходимости в условиях перемен, обеспечивает безопасность не обязательно за счет стабильности, управляет эмоциональными последствиями непрерывных преобразований и изменений, учится, развивается и растет.

Цель достижения организационной жизнеспособности настолько важна, что ряд государств, начиная с США, рассматривают ее как условие национальной безопасности и создают национальные стандарты организационной жизнеспособности.

Понятие жизнеспособности компании в условиях наступления нового технологического уклада индустрии 4.0 существенно расширяется. Это объясняется тем, что становится понятной недостаточность концентрации внимания на угрозах (финансовых, природных, геополитических, рисках правовой и физической безопасности, кибератаках, угрозе интеллектуальной собственности и пр.). Индустрия 4.0 базируется на внедрении технологических и управленческих инноваций. Инновации не являются угрозой, хотя создают немало рисков, вызывают напряженность, усиливают компоненты VUCA среды. Они – необходимое условие повышения производительности труда, конкурентоспособности и как следствие жизнеспособности компании. Угрозой является отставание компании в глобальном инновационном процессе. Персонал воспринимает как угрозу своему благополучию психологические издержки внедрения инноваций (изменение динамических стереотипов, возможность снижения самооценки, угроза сокращения и пр.) [1, с.134].

В современной России существуют вызовы жизнеспособности компаний, общие с общемировыми, и специфические, которые необходимо учитывать при решении задач повышения инновационного развития российских компаний и повышения жизнеспособности их персонала.

Наступление нового технологического уклада – это общий вызов, затрагивающий мировую экономику в целом. Четвертая промышленная революция несет принципиальные изменения в характере труда и занятости населения. Ключевые технологии Индустрии 4.0 формируют новые требования к персоналу. На смену потребности в чисто профессиональных навыках приходит запрос на широкий круг способностей, гарантирующих быстроту реакции работника на инновации, приспособляемость. Этот процесс в России идет на фоне некоторых специфических социально-экономических особенностей, которые имеют социальную природу и обостряют опасности для жизнеспособности многих компаний: затянувшаяся смена парадигмы социально-экономического развития, устойчивые возрастные и гендерные стереотипы, проводимая пенсионная реформа. Безусловно, возрастные и гендерные стереотипы действуют и в западных странах, но там старший возраст определяется, начиная с 65 лет, а в России – с 40-45. Для женщин сильнее, чем для мужчин. Именно поэтому воз-

растные стереотипы в России можно и нужно рассматривать как специфическую угрозу жизнеспособности компаний в условиях нехватки квалифицированных кадров.

Данные о положении России в глобальном индексе инновационности 45е место, хотя качество человеческого капитала оценивается на уровне 29го места, и только 56е место по результативности деятельности, связанной с инновациями [2] свидетельствуют, что современный российский менеджмент пока не в полной мере может эффективно управлять имеющимся человеческим капиталом. Российские предприятия в среднем отстают по уровню производительности труда от своих иностранных конкурентов в 2-3 раза. Низкая производительность труда является результатом низкой культуры производства, нехваткой квалифицированных кадров, технологического отставания, угрозой жизнеспособности компаний и экономики страны в целом [3]. Оно может быть преодолено только за счет роста инновационности экономики.

Жизнеспособность компании имеет многоуровневую организацию от финансовой, технологической, организационной и экологической до психологической жизнеспособности сотрудников [4]. Исследования показывают, что жизнеспособность компании положительно и значимо связана с намерениями сотрудников в отношении профессионализма, адаптивностью и проактивностью членов организации, компетентностью менеджеров принимать оперативно правильные решения, что способствует повышению организационной эффективности [5]. Эти данные подчеркивают ту составляющую жизнеспособности организации, которая зависит от персонала и традиционно обозначается как его психологическая жизнеспособность.

Вместе с тем один из идеологов исследования жизнеспособности компаний К. Камерон рассматривает жизнеспособность организации, зависимой от характеристик персонала, на трех уровнях: индивидуальном, групповом и организационном. И сейчас исследователями признается, что изучение того, как, в частности, может быть построено развитие жизнеспособности человеческих ресурсов (HRD), чтобы способствовать жизнеспособности организации, только зарождается [Mitsakis, 2020].

Американская психологическая ассоциация определяет жизнеспособность человека как «процесс хорошей адаптации перед лицом невзгод, травм, трагедий, угроз или даже значительных источников стресса. Психологически жизнеспособный персонал переносит трудности, связанные с организационными изменениями, в том числе с внедрением инноваций, без дистресса. Акцент на такой важной индивидуально-психологической характеристике человека, как стресс-устойчивость, важнейшем факторе психологической жизнеспособности сотрудника, не представляется убедительным в практическом плане. В настоящее время испытание жизнеспособности типично не только для профессий, традиционно связанных с экстремальными условиями, в которых решение проблемы психологической устойчивости персонала могут решаться с помощью психологического и психофизиологического отбора, а не только подготовкой. Сейчас проблема жизнеспособности касается большинства сотрудников компа-

ний и, следовательно, рассчитывать на найм стресс-устойчивых сотрудников не реалистично.

Представляется, что основная ответственность за психологическую жизнеспособность сотрудников ложится на организацию, в которой они работают, и речь, следовательно, должна идти об организационной жизнеспособности персонала. Современные представления о детерминантах жизнеспособности человека показывают, что они действуют на целом комплексе уровней: отдельный человек, семья, организация, общество. И организационная жизнеспособность может быть повышена через соответствующую работу на каждом из этих уровней. Как бы ни были важны индивидуальные качества работника по преодолению стресса, зависящие от факторов, условий воспитания в семье, предшествующего опыта, данные исследований свидетельствуют о том, жизнеспособность человека может существенно варьировать в разных сферах деятельности и поэтому нужно с большой осторожностью прогнозировать тот или иной уровень жизнеспособности на основе данных, полученных в других сферах [6].

Можно предположить, что она зависит и от специфики деятельности, специфики угроз, что такая форма жизнеспособности имеет сложную детерминацию, сочетающую генетические факторы, факторы предшествующего опыта, специфики национальной культуры, транслирующей поведенческие модели преодоления угроз и кризисов, образования, возраста, гендерной и профессиональной принадлежности, социальной страты, жизненных планов, надежд, ответственности и пр. Роль всех этих и других факторов в обеспечении психологической жизнеспособности персонала нуждается в изучении. Однако, в типичной компании персонал обладает всем или почти всем перечисленным разнообразием и, следовательно, задача первостепенной важности состоит в раскрытии специфики влияния на психологическую жизнеспособность организационных условий, которые, в свою очередь, тоже весьма разнообразны. Представляется, что в трех уровнях жизнеспособности персонала, о которых писал К. Камерон, организационный уровень является системообразующим, поскольку именно через организационные условия менеджмент может влиять на развитие позитивного психологического климата и поведенческие модели конкретных сотрудников. Так получены данные о том, что персонал, независимо от хронологического возраста, профессиональной и гендерной принадлежности в условиях внедрения инноваций обнаруживает разные комплексы принципиально важных характеристик: приверженность инновационным ценностям, вовлеченность в трудовой процесс, самооценку здоровья, усталость и пр. в конкретных моделях организационной культуры компании [2]. Однако, эти факты зафиксированы на критической массе персонала компаний, который остается неоднородным, т.е. организационные условия являются сильным фактором, но не единственным. И в отношении другой части персонала (сторонниками инноваций в обычных компаниях, консервативной части в инновационных компаниях) действуют другие детерминанты, которые требуется выявить, объяснить силу их действия, сделать управляемыми.

Результаты этих исследований убедительно свидетельствуют о необходимости выделения феномена организационной жизнеспособности персонала из общей проблематики жизнеспособности человека и исследовать его как феномен социальный, поскольку он порождается системой социальных отношений в компании, но имеет значительно более широкую детерминацию, чем эти отношения. Организационная жизнеспособность персонала – нечто большее, чем способность переживать организационные изменения без дистресса. Больше, чем психологическая жизнеспособность. Так при изучении психологической жизнеспособности практически не рассматриваются профессиональные компетенции, хотя понятно, что разная компетентностная готовность будут способствовать и разному уровню жизнеспособности. Исследования показывают, что персонал нередко готов к изменениям, но не тем, которые поддержат жизнеспособность компании. Так в российских компаниях изменения от рыночно-инновационной к кланово-иерархической модели нередко являются желательными для критической массы персонала, и менеджмент с трудом удерживает, а иногда и не удерживает компанию на достигнутом титаническими усилиями уровне развития рыночных организационных отношений. Исследования также показывают, что можно выделить, по меньшей мере, две формы жизнеспособности персонала: стратегическую, направленную на обретение конкурентных преимуществ и жизнеспособности компании, и тактическую, которой обладает немалая часть персонала, отыскивая возможности избежать движения в соответствии с корпоративным вектором развития компании [8].

Под организационной жизнеспособностью персонала представляется обоснованным полагать обладание сотрудником теми компетенциями, которые обеспечивают его успешную трудовую деятельность в соответствии с корпоративным вектором развития компании, направленным на достижение ею конкуренто- и жизнеспособности в условиях VUCA-мира и VUCA- организационной среды компании, т.е. готовность персонала должна быть к прогрессивным, а не к регрессивным изменениям. Речь идет о компетенциях всех уровней: этических, личных, когнитивных, функциональных и метакомпетенциях [9]. Однако, все эти компетенции приобретаются субъектом труда в учреждениях системы образования, а затем развиваются в социальной среде компании, которая способствует или не способствует их освоению, причем в современных условиях нужна личная ответственность сотрудника за их освоение в режиме постоянного обучения и самообучения, развивающегося вместе с компанией.

Социология располагает надежным методологическим аппаратом, позволяющим построить теоретическую модель организационной жизнеспособности персонала. Наиболее перспективной в этом отношении представляется теория социального действия Т. Парсонса. Она позволяет рассмотреть организационную жизнеспособность персонала как динамичный и интерактивный процесс с системной детерминацией на уровнях культуры общества, культуры контекстов включенности субъекта, уровне его личностных характеристик, компетенций и диспозиций, а также организменном уровне, представляющем собой комплекс значимых психофизиологических особенностей [10].

Динамичный, поскольку вызовы и требования развивающейся трудовой деятельности, организационных отношений и изменений обуславливают успех только в соответствующем развитии персонала. Интерактивный, - поскольку реализуется во взаимодействии с коллегами, менеджментом, корпоративными требованиями, широким жизнедеятельностным контекстом, даже с самим собой в разных социальных ролях.

На уровне национальной культуры исследуются культурные ценности как детерминанты этнокультурных мотивационно-ценностных диспозиций в комплексе важных для субъекта труда деятельностей: от гражданской и трудовой до семейной и занятий, характерных для его частной жизни.

На уровне контекстов представляется важным исследовать их относительную значимость для субъекта и конфликтное или бесконфликтное соотношение ценностей в разных по личностной значимости контекстах в онтогенезе и в настоящее время, а также опыт решения жизненных задач, связанных с предвосхищением угроз и их относительной значимости, преодолением трудностей и кризисных ситуаций, формирование моделей жизнеспособного поведения.

Уровень личности представлен комплексом имеющихся компетенций профессиональной деятельности и организационного поведения, иерархией мотивов и личностных смыслов разных видов деятельности, коммуникативных стилей, позиций в групповом взаимодействии, умений моделировать деятельность, особенности рефлексивности, креативности и саморегуляции как инструментов моделирования и динамичной перестройки деятельности. И все это в отношении становления характеристик организационной жизнеспособности.

Психофизиологический уровень проявляется в характеристиках работоспособности, устойчивости динамических стереотипов, стресс-устойчивости, эмоционального контроля.

Это, безусловно, не полные перечни конкретных детерминант организационной жизнеспособности. Тем не менее, важен сам принцип учета относительной значимости трудовой деятельности в VUCA- организационной среде, поскольку организационная жизнеспособность не существует отдельно от остальных аспектов жизни человека. Исследование социальных механизмов ее становления откроет возможности более эффективного и гуманного управления ею.

Выводы:

1. В современной России есть неиспользованный ресурс управления жизнеспособностью компании через повышение организационной жизнеспособности персонала, которая должна обеспечить готовность персонала к инновационному развитию компаний в VUCA организационной среде.

2. Организационная жизнеспособность персонала является важным фактором жизнеспособности компании. Она может быть изучена как социальный феномен, представляющий собой динамичный интерактивный процесс со сложным многоуровневым комплексом детерминации.

3. Организационная жизнеспособность персонала зависит от относительной значимости других, внетрудовых, но личностно значимых для субъекта

труда деятельности. Их ценностно-смысловые комплексы могут порождать внутренние конфликты у субъекта труда, определяя уровень и характеристики проявляемой им организационной жизнеспособности.

4. Управление организационной жизнеспособностью персонала может быть существенно повышено на основе раскрытия ее системной детерминации.

Список литературы

1. Захарова Л.Н., Леонова И.С. Социально-психологический возраст персонала российских компаний. М.: ИНФРА-М, 2021. 292 с.
2. Global Innovation Index 2021 / Eds. S. Dutta, L. R. Leyn, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business, 2021. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
3. Национальный проект «Производительность труда» // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 2021. [сайт] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 15.01.2022).
4. Tasic J., Amir S., Tan J., Khader M. A multilevel framework to enhance organizational resilience // Journal of Risk Research. 2020. Vol.23. №6. P. 713-738.
5. Werner M.J.E., Yamada A.P.L., Domingos E.G.N., Leite L.R. Pereira C.R. Exploring organizational resilience through key performance indicators // Journal of Industrial and Production Engineering. 2021. Vol.38. №1. P. 51-65.
6. Mitsakis F.V. Human resource development (HRD) resilience: a new ‘success element’ of organizational resilience? // Human Resource Development International. 2020. Vol.23. №3. P.321.
7. Pietrzak R.H., Southwick S.M. Psychological resilience in OEF-OIF Veterans: Application of a novel classification approach and examination of demographic and psychosocial correlates // Journal of Affect Disorders. 2011. Vol. 133. №3. P. 560–568.
8. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских компаний. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017.
9. Cheatham G., Chivers G. Professional competence: harmonizing reflective practitioner and competence-based approaches // Dave O’Reilly, Lynne Cunningham & Stan Lester (Eds). Developing the Capable Practitioner. Chapter 18. London: Kogan Page, 1999. P.215-228.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

УДК 378.8

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

И.А. Лавричева, А.М.Илюшин

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Статья посвящена проблеме развития профессиональных компетенций в период цифровизации образовательного процесса вуза. Особое внимание в работе уделяется цифровой образовательной среде, в сфере которой осуществляется самостоятельная познавательная деятельность, формирующая профессиональные компетенции, способствующие конкурентоспособности специалиста и личностному развитию.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, самостоятельная работа, когнитивное развитие, компетенции

PROFESSIONAL COMPETENCIES IN THE EDUCATIONAL SPACE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

I.A. Lavricheva, A.M. Iljushin

Saratov State Law Academy, Saratov

The article is devoted to the problem of professional competencies development in the period of the educational process digitalization. Particular attention is paid to the digital educational environment. The independent cognitive activity is carried out in this sphere. It forms professional competencies that contribute to the competitiveness of a specialist and personal development.

Keywords: digital educational environment, self-guided work, cognitive development, competencies

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Изменения пронизывают буквально все сферы человеческой жизни. И сегодня, как никогда, образовательная система нашей страны, и в частности, высшего профессионального образования, должна быть нацелена на подготовку специалистов, которые умеют адаптироваться к постоянно меняющимся окружающим условиям. Так, специалисты должны не только уметь самостоятельно приобретать знания, но и в дальнейшем применять их на практике, решать с их помощью многофункциональные задачи, креативно мыслить, грамотно обрабатывать информацию, заниматься самообразованием.

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в настоящее время необходима такая организация образовательного процесса в вузе, которая будет характеризоваться расширением самостоятельной деятельности студентов на базе инновационных форм, методов и средств организации обучения.

По мнению Н.В. Тельтевской главными целями самостоятельной работы является повышение уровня знаний у студентов, повышение качества подготовки будущих специалистов, формирование у них профессиональных компетенций, необходимых для эффективной практической деятельности. Результативность самостоятельной работы проявляется в овладении студентами методами познания и повышении интересов к научно-познавательной деятельности, а также развитие самостоятельности мышления.

«Инновационные формы организации самостоятельной познавательной деятельности обеспечивают глубокую вовлеченность студентов в образовательный процесс, улучшают их профессиональную компетенцию, формируют у них способности нешаблонно подойти к принятию того или иного решения, отталкиваясь от собственного мировоззрения и индивидуального стиля деятельности».

Благодаря использованию инновационных форм, методов и средств организации самостоятельной работы студенты вовлекаются в реальную творческую деятельность, которая способствует развитию потребности обнаруживать проблемы и разрешать противоречия, возникающие в процессе такой деятельности, и осознанию обучающимся себя в качестве подлинного субъекта учебной деятельности» [5, с. 54].

Внедрение в педагогический процесс профессионального образования инноваций ориентировано на обновление и совершенствование содержания, форм и методов обучения, организации совместной деятельности преподавателей и студентов, способствующих повышению эффективности образовательного процесса.

Одним из видов нововведений является информатизация образования. Искусственный интеллект, средства автоматизации служат колоссальным подспорьем, как для преподавателей, так и для студентов способствуя проведению и развитию всего образовательного процесса.

По мнению Н.Н. Елистратовой, информатизация образования, представляет собой «научно-практическую деятельность, направленную на применение компьютерных технологий для сбора, хранения, обработки и распространения информации, обеспечивающую систематизацию имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования для достижения психолого-педагогических целей обучения и воспитания» [2, с. 12–13].

О процессе информатизации высшего образования свидетельствуют следующие действия:

- оснащенность вузов и их органов управления программными средствами информационных технологий;

- подключение по высокоскоростным каналам к национальным, региональным и международным компьютерным образовательным сетям, к глобальной сети Интернет;

- размещение информационных ресурсов образовательного назначения;

- развитие у студентов, педагогов, сотрудников учебного заведения информационной культуры;

- курсы переподготовки, конференции, семинары необходимые для постоянного обучения педагогов информационным технологиям.

В федеральных государственных образовательных стандартах одним из обязательных условий является наличие электронной информационно-образовательной среды, как механизма осуществления внедрения и реализации программ высшего образования, с помощью создания цифровой образовательной среды (ЦОС).

Роль цифровой образовательной среды, исследовалась учёными С.В. Тарасовым и А.Е. Марон, по мнению которых «в эпоху стремительных изменений во всех сферах жизнедеятельности людей особого внимания заслуживают вопросы обновления содержания и качества образования как способности системы образования обеспечить достижение целей личности, общества и государства. Решение данной проблемы возможно посредством моделирования образовательной среды, системообразующим компонентом которой станет формирование принципиально новой системы непрерывного образования» [4, с. 16].

Трактовки понятия цифровой образовательной среды разнообразны и включают отражение отдельных, хотя и важных черт определения. Многие исследователи согласны с мнением М.Э. Кушнир, что ЦОС – это «открытая совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса» [3, с. 5].

Цифровая образовательная среда вуза представляет собой совокупность информационно-коммуникационных технологий, направленных на реализацию основных образовательных программ и дисциплин с планированием учебного процесса, результатов промежуточного и итогового контроля [6, с. 59].

Возможность получения информации с помощью цифровой образовательной среды позволяет студенту получить дополнительный материал по изучаемым вопросам, расширить свои знания и в других областях, что будет способствовать познавательной (учебной и самообразовательной) деятельности и когнитивному развитию, что подтверждается рядом исследователей (Н.В. Апатовой, Р. Вильяме, Б.С. Гершунским, С.Р. Домановой, И.Г. Захаровой, Г. Клейман, А.А. Кузнецовым и др.).

По определению Педагогического словаря когнитивное развитие рассматривается как процесс формирования и развития когнитивной сферы человека, в частности его восприятия, внимания, воображения, памяти, мышления и речи.

Осуществляющий ведущие функции, когнитивный компонент, отражает не только наличие комплекса знаний и умений у субъекта, но и способность осмысленно подходить к своей профессиональной деятельности, устанавливать ее сущность и специфику, и тем самым продолжать активизировать самостоятельную познавательную деятельность, без которой невозможно формирование как основополагающих, так и других не менее важных профессиональных компетенций.

Министерством образования и науки Российской Федерации разработана модель построения стандартов третьего поколения, где одним из важных концептуальных положений выступает компетентностный подход.

Компетентность, по мнению М.Я. Виленского, представляет собой систематизированную и целостную совокупность обобщенных теоретических и эмпирических знаний, обладающих широким уровнем обобщений, многофункциональностью, междисциплинарностью, многомерностью и включающих познавательные, операциональные, эмоционально-волевые и мотивационные компоненты. Взаимосвязь и взаимодействие базовых компетентностей (общенаучных, социально-экономических, гражданско-правовых, информационно-коммуникативных, общепрофессиональных, социально-культурных) позволяют проявлять способность и готовность выполнять социально-профессиональные роли и функции на уровне, обеспечивающем успешную самореализацию и саморазвитие личности.

Компетенции – обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение социально-профессиональной деятельности, то есть способность человека реализовать на практике свою компетентность [1].

Понятие компетенция в функциональном применении являет многозначность и многообразность (учебно-познавательная компетенция, информационная компетенция, общая компетенция, профессиональная компетенция, ключевые компетенции) в сочетании с функциями деятельности.

По определениям словарей, энциклопедий и справочников:

- компетенция – отражает способность применять знания, умения и практический опыт для успешной деятельности в определённой области;
- учебно-познавательная компетенция — это совокупность умений и навыков познавательной деятельности, предполагающая наличие умений пла-

нирывать, анализировать, рефлексировать, оценивать успешность собственной деятельности, владеть приемами действий в нестандартных ситуациях и эвристическими методами решения проблем, владеть измерительными навыками, использовать статистические и иные методы познания;

- информационная компетенция — это способность самостоятельного анализа, сбора, отбора, обработки и передачи необходимой информации;

- профессиональная компетенция – способность осуществлять успешные действия, основываясь на практическом опыте, умении, знаниях при решении задач профессионального рода деятельности;

- ключевые компетенции — узловое понятие в современной мировой образовательной практике, обозначающее совокупность базовых (ключевых, универсальных) знаний, умений, навыков, которыми должен овладеть обучающийся для более полной последующей самореализации в основных своих статусно-ролевых проявлениях.

Именно формирование и совершенствование ключевых компетенций обучающихся, то есть системы базовых знаний, умений и навыков, с активной, самостоятельной деятельностью на основе личной ответственности становится определяющей в формировании квалифицированного специалиста с обстоятельными теоретическими знаниями и развитыми профессионально-практическими умениями. Развитие и интеграция компетенций будущего специалиста на базе использования цифровой образовательной среды будет содействовать системной организации в повышении уровня знаний, активизации самостоятельной работы, мотивации развития и творческой деятельности личности.

Таким образом, реализация компетентностного подхода путём приобщения к расширяющимся возможностям использования информационных технологий в профессиональном образовании студентов будет определять не только конкурентоспособность человека на рынке труда, но и его планирование личного развития.

Список литературы

1. *Виленский М.Я.* Компетентностный подход в структуре деятельности преподавателя физического воспитания вуза [Текст] / М.Я. Виленский // Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы. – М., 2008.
2. *Елистратова Н.Н.* Современные проблемы информатизации высшего образования // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 4. С. 12–13.
3. *Мироненко Е.С.* Цифровая образовательная среда: понятие и структура // Социальное пространство. 2019. № 4 (21).
4. *Тарасов С.В., Марон А.Е.* Инновационное развитие системы образования на основе методологии средового подхода // Человек и образование. 2010. № 3. С. 16.
5. *Тельтевская Н.В.* Инновационные формы и методы обучения в вузе: методическое пособие / сост. Н.В. Тельтевская. – Саратов, 2015. – 95 с.
6. Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования: монография / Н.В. Горбунова [и др.]. Саратов.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

В.А. Максимов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия экономической культуры и экономической науки. Подчеркивается значение социетальности экономической культуры, как фактора устойчивого развития. Теоретически осмысливается индивидуальное и коллективное поведение в рамках универсализма и уникальности, что находит практическое воплощение в современных компаративистских исследованиях.

Ключевые слова: демаркация культуры и экономики, этапы влияния и расхождения

**SOCIALITY OF ECONOMIC CULTURE AND PROBLEMS OF DEMARCATION OF
ECONOMICS AND CULTURE**

V.A. Maksimov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article deals with the problems of interaction between economic culture and economic science. The importance of the socio-economic culture as a factor of sustainable development is underlined. Theoretical interpretation of individual and collective behavior within the framework of universalism and uniqueness, which finds practical application in modern comparative studies.

Keywords: demarcation of culture and economy, stages of influence and divergence

Культура занимает странное место в экономической науке. Метаморфозы представлений о ее роли в объяснении экономических состояний, поведении субъектов, структурных изменений, хозяйственных практик и – шире – в экономическом развитии прошли долгий путь в виде идеологем, методологических поворотов и концептуальных пристрастий.

К рубежу XX-XXI веков сложились три сферы взаимодействия:

1. Культура и экономика
2. Экономика как культура
3. Культура как экономика

Ключевой момент: возможно ли органичное соединение постулатов экономической науки с полифонией культурного пространства. Соотносятся ли содержательно: ноумен и феномен, рационализм и субъективизм, априоризм и мозаичность, изменчивость и традиционность. Имеют ли схождение метатеоретические предпосылки изучения предметных областей социума и объяснения явлений? Более того встает вопрос о характере знания, транслируемой культурой и экономикой. Подходят ли эпистемические предпочтения и абстракции объяснений для конвергенции наук, и если да, то, на каком уровне действительности и каузальности. Отдельный вопрос о природе культурных и экономических изменений их взаимодополняемости. Эволюционирование роли культуры в экономике было широко представлено в работах по истории экономической мысли [1].

Сама культура развивалась как концепция, сосредоточенная на структурах и коллективной идентичности. Специфическое поведение идеи, личност-

ный выбор не относились к культурным явлениям. Экономическая наука с самого своего дисциплинарного выделения из гуманитарных наук выбрала теоретическую установку принятия решений на уровне индивида, то есть на микроуровне. Макроуровень, в какой-то степени объясняющий результативность общественных экономических действий, являлся производным от микродеятельности. Причем эта деятельность связана с предпосылкой универсального репрезентативного агента (актера). Возможность проникновения культуры в экономическую науку появилась в связи с концептуальными установками поведенческого раздела дисциплины, который потом стал тематически важным для теории институционализма. Согласно этой теории, существует укорененность индивидуальных действий в институтах, или в коллективных источниках предпочтений. Также новый институционализм утверждает постулат об ограниченной рациональности. Тем самым экономический выбор индивида зависит от внешних факторов, в том числе и культурного. С одной стороны, коллектив не выступает как нечто самостоятельное (макро обобщение есть сумма индивидуальных решений), с другой стороны, решения находятся под влиянием внешней среды (не только природы, как в ранних объяснениях роли культуры), окружающего мира и, особенно, социальных структур [2, с. 467].

Налицо сущностный конфликт для экономической науки, который ставит и методологические и практические проблемы. Одна из них – не возможность на макроуровне даже простого агрегирования поведения экономических субъектов, так как всегда существует разнородность потребления, экономической активности и доходов. Другая проблема: эндогенность предпочтений. Поведение индивидуальных агентов не автономно, оно осуществляется «с оглядкой» на других. Об этом писал еще в начале XX века социолог и основоположник институционализма Торстен Веблен [3, с. 341]. Культура проникает в данном случае в мышление и действия индивидов, как коллективная сущность. Это никак не стыкуется с главным основанием ортодоксальной экономической наукой – методологическим индивидуализмом.

В эмпирических исследованиях применяют кросс-культурные регрессии на уровне отдельных стран и регионов в виде кейс-стадий. Но обычно они сводятся к выявлению различий в управлении и организации процессов производства. Такие работы с 50-х годов XX века положили начало отдельному направлению экономической науки: корпоративной культуре. В последнее время стал применяться метод изучения структур с вложенными данными, взятый из социологической науки. По нему действие индивида объясняется как зависимыми переменными, так и независимыми на индивидуальном и более высоком уровнях (например, крестьянские общины, соседские поселения). Нобелевская премия 2019 года была присуждена А. Банерджи, Э. Дюфло и М. Кремеру за полевые эксперименты в условиях бедности, которые показали значимость культурных приоритетов в выборе места работы, образовании, социальной идентичности [4, с. 32].

В теоретических исследованиях экономической науки концепция культуры противопоставляется экономическому мышлению в виде расчетливого эгои-

стического выбора индивидов. Это способствует сохранению дихотомии рационального и иррационального (культурного) поведения. Выдвигается инструментальный аспект объяснения поведения индивида: построение изоциренных моделей предполагаемых решений вероятностного характера. Культура не входит в круг предпосылок, так как обычаи, традиции, убеждения, этнические и конфессиональные особенности являются (терминологически) иррациональными, или заурядно нерациональными. Такое теоретическое настаивание породило альтернативное представление в неортодоксальных экономических программах. Были выработаны новые подходы, занимающиеся генезисом и природой вообще экономического выбора, введены новые ментальные модели, связанные с каузальным объяснением поведения, как исторически, так и ситуативно. Нобелевский лауреат (1997 г.) Д. Норт попытался проследить происхождение культуры исходя из когнитивных способностей людей, выделяя нормы и ценности. Делался вывод, что именно культура естественным образом ограничивает рациональность. Последняя, становится частным случаем анализа экономического поведения субъектов [5, с.16].

С философской точки зрения включение культуры в экономическую мысль, дает определенные перспективы преодоления противоречий в анализе общественных явлений. Культуру можно рассматривать не только как нормативные ограничения и ментальные ожидания, но и как представления о своей деятельности и ее последствиях. Э. Гидденс подчеркивал, что структура и деятельность не гетерогенные понятия, а сложно связанные, придающие друг другу смысл [6, с. 128]. Классики социологии заявляли, что экономическое действие всегда наполнено смыслом и ценностями, интерактивно в сообществе (М. Вебер, П. Сорокин).

Рациональные действия и культурные паттерны в ортодоксальной экономической науке считаются несовместимыми, но эволюционная концепция развития общества доказывает, что ценности могут быть результатом исторического рационального выбора, приспособления к окружающей среде. На их основе вырабатываются привычки, стереотипы, перерастающие в установки (убеждения), приобретая архетипические черты. Природная, а затем материальная составляющая поведения может быть ответом на изменения, становится реактивной и, подчас, проявляется на подсознательном или интуитивном уровне индивида. В экономической науке, при рассмотрении условий координации (взаимодействия) действий экономических субъектов фундаментальная категория - собственность берется как данное, как нечто выходящее за рамки анализа. В институциональной же теории признается, что собственность есть не ноуменальное, а феноменальное явление, имеющее две поведенческие характеристики, восходящие к истокам цивилизации и организации хозяйственных порядков. Во-первых – это поведенческие отношения, совершаемые в рамках обычаев, традиций и регулятивных, правовых норм. Во-вторых - собственность есть ответ на ограниченность материальных и духовных ресурсов, исключающих доступ к ним индивида или групп.

Отдельно можно рассматривать метауровень наук об экономике и культуре. Проблема рефлексий ученых – экономистов в ходе интерпретации собственного анализа, проведенных исследований, полученных результатов и выдвинутых прогнозов поднимает вопрос об истинности знаний в экономике и трансляции их в виде «облегченных» вариантов, утилитарного объяснения сложных процессов. Развитие экономической мысли на фоне создания и выделения экономической сферы из наук об обществе способствовало появлению ортодоксальной экономической теории с ее строгой формализацией, с упором на жесткую рациональность («взвешивание издержек и выгод») и игнорированию социального контекста [7, с.156]. В этом ракурсе экономическую науку можно рассматривать как культурный артефакт современного капиталистического общества как теоретическое оправдание идеологической гегемонии правящих элит.

Современный социолог П. Бурдье утверждает, что экономические соображения следует рассматривать как исторически и социально обусловленные явления. «Нужно перестать, по умолчанию, считать экономическую рациональность, универсальной, независимой от контекста структурой человеческого поведения, как это делает экономическая теория» [8, с. 211]. По его мнению, экономическая наука приравнивается к набору убеждений, вдохновляющих проект по воспроизведению мира в виде зеркального отражения экономической мысли; мира без коллективов, где все, что имеет значение, - это преследование собственных интересов. Культура экономических исследований, на протяжении XX века, стала выразителем модернизма, нацеленную больше на методы естественных наук, чем на более релевантные методы наук об обществе. Возросло количество критических работ о культуре экономической науке, в которых указывается, что образцом является американская культура. Американское экономическое сообщество навязывает свое понимание знания, с помощью собственной системы смыслов и символов. Наиболее отчетливо это проявляется в математической версии экономической науки. Построение моделей строится на наборе упрощений и предпосылок, считающихся традиционными и принятыми внутри этого сообщества. Особый культурный подход объяснений реальности, в действительности придает моделям псевдозначимость и аналитически является лишь нефальсифицированными гипотезами, о чем еще в 60-е годы XX века писал К. Поппер в работе «Объективные знания» [9, с.18].

Делая выводы, можно определить, что экономический mainstream готов принять культуру в рамках дополнения, приукрашивания теории [10, с. 94], так как это требует минимальной адаптации мышления экономистов. Выделение схемы «экономика, как культура» придает релятивистскую окраску, или метафизический подтекст, в виде бесконечной редукции мнимой простоты. «Культура, как экономика», легко была принята в экономическую теорию 50-60е годы XX века, но в большинстве случаев, количественное измерение пристрастий, идей, жизненных ценностей несет в себе этическое несогласие, смысловые коннотации, навязывание эталонного поведения и, в конечном счете, упразднение свободы выбора.

Следует признать, что наибольшее сближение двух сфер происходит в экспериментальной экономике, сосредоточенной на инклюзивной полевой практике, на интерпретативной, коллективной тематике. Эксперименты показывают, что люди куда больше склонны к сотрудничеству, и куда менее – к оппортунистическому поведению. Методика исследования сосредоточена на сравнении ценностей различных культур, понимаемых как цивилизационные сообщества, находящихся на одинаковых или не совпадающих ступенях развития. Составленные базы данных, сформированные Г. Хофстеде, Ш.Х. Шварцем, Р. Инглхартом и другими, обозначили многообещающие векторы сближения индивидуального и коллективного поведения в культуре и экономике.

Список литературы

1. Максимов В.А. Реверсия культуры в экономическую науку в современных исследованиях: политико-экономический аспект // Изв. Сарат. у-та. Нов. Серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. Т.18, вып.4. 366-370 с.
2. Хайек Ф. Собрание сочинений. Т. 15: Рынок и другие порядки. Фридрих Хайек. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 604 с.
3. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ ВШЭ, 2006. - 584 с.
4. Эксперт. 2019. №43.
5. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / М.: Изд. Дом Гос. у-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Эмиль Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
7. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Карл Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
8. Бурдьё П. Экономическая антропология / Пьер Бурдьё. – М.: Изд. Дом «Дело» РАНХ и ГС, 2018. – 418 с.
9. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.-384 с.
10. Макклоски Д. Риторика экономической науки. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, 2015, - 328 с.

УДК 316.334.2:316.35

БЕДНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИБЕРАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В.И. Мальй, В.В. Гусев

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Саратов

В данной статье изложены взгляды на решение важнейшей проблемы современной России - бедности. Установлены возможные пути решения проблем бедности в монопрофильных поселениях, сельских и периферийных территориях. Практический аспект статьи заключается в том, что её выводы могут быть использованы органами государственного управления при реализации программных документов борьбы с бедностью

Ключевые слова: экономическое неравенство, бедность, моногород, село, периферия, социальная поддержка

THE POVERTY OF THE RUSSIAN PROVINCE AS A RESULT OF THE LIBERAL ECONOMIC COURSE OF STATE POLICY

V.I. Maliy, V.V. Gusev

Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov

This article presents views on the solution of the most important problem of modern Russia - poverty. Possible ways of solving the problems of poverty in single-industry settlements, rural and peripheral territories have been identified. The practical aspect of the article is that its conclusions can be used by public authorities in the implementation of program documents to combat poverty

Key words: economic inequality, poverty, monotown, village, periphery, social support

Одной из важнейших проблем развития современной российской экономики является растущее число бедных граждан. В стране, обладающей самым большим запасом природных ресурсов в мире (до 40% общемировых запасов), подобной проблемы, на первый взгляд, вообще не должно существовать, однако экономическое неравенство и непропорциональное, несправедливое распределение доходов внутри государства приводят к тому, что количество бедных граждан в последнее время только возрастает. Применяемый внутри страны хозяйственный механизм не дает на выходе результата социальной справедливости, функционирование экономики приводит к тому, что богатые граждане в РФ становятся все богаче, а количество и доля бедного населения имеют тенденцию к увеличению. Почему так происходит в нашей стране – об этом и пойдет речь в данной статье.

Проблемам увеличения числа бедных граждан постоянно уделяет внимание Президент РФ В.В. Путин. На прошедшем 19 июля 2021 года заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам он отметил: «Мы хорошо понимаем, что наряду с реальными достижениями есть и значительное число нерешенных задач. Проблем, которые чувствительны для людей. Это, прежде всего, бедность, низкие доходы многих семей, невысокое качество первичного звена здравоохранения, изношенность школьных зданий». Президент призвал различные ветви власти в стране объединить усилия и снизить риски столкнуться с бедностью для российских граждан [1].

По определению, приведенному в Словаре экономических терминов, бедность – это крайняя недостаточность имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизни и жизнедеятельности. Порогом бедности называют нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов человека, семьи за определенный период, который обеспечивает физический прожиточный минимум [2].

Теоретически выделяют понятия абсолютной, относительной и субъективной бедности. Критерием оценки индивидуума по абсолютной бедности является минимальный уровень дохода человека, регулируемый государством. В России в качестве регулятивного параметра для оценки абсолютной бедности применяется величина прожиточного минимума как уровня дохода, который необходим для удовлетворения основных жизненных потребностей человека (физиологические потребности). Прожиточный минимум может различаться в зависимости от социальной группы или региона (взрослые, дети, пенсионеры, работающие) и привязан к стоимости продовольственной корзины – то есть, к набору товаров и услуг, необходимому для минимального обеспечения нормальной жизни. Но есть и среднее значение на душу населения, устанавливаемое государством – в 2022 году установленный Президентом РФ прожиточный

минимум в среднем по стране составит 12 654 рубля по сравнению с 11 653 рубля в 2021 году на человека в месяц [3].

Понятие относительной бедности намного сложнее и во многом учитывает психологические факторы. Под относительной бедностью понимают нехватку материальных ресурсов для того, чтобы вести образ жизни, который считается нормальным или желательным в данном обществе. В каждом обществе этот показатель будет своим. В развитых индустриальных странах «Центра» мировой экономической системы он будет значительно выше уровня относительной бедности большинства стран «Периферии», государств Азии и Африки, а внутри Российской Федерации стандарты жизни и уровень потребления в крупных городах-миллионниках будут значительно отличаться от уровня жизни в российских малых городах или сельской местности.

Также выделяют субъективное определение бедности – на основании собственных суждений индивидуума, насколько он беден. Как и в случае с относительной бедностью, здесь также необходимо, во-первых, учитывать индивидуальное и общественное мнение, и, во-вторых, только после этого сравнивать полученные данные с минимальным размером оплаты труда, с уровнем жизни в других странах, других регионах и так далее. Например, большинство россиян считают себя традиционно бедными, особенно в контексте анализа уровня жизни граждан развитых стран (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия). Но, при этом, если сравнить уровень жизни в РФ и бывших республиках Советского Союза (например, в Беларуси, Молдове, Украине, Грузии, Армении, Таджикистане), в развивающихся странах Азии и Африки, то картина не будет выглядеть столь фатальной.

Качественное состояние развития бедности определяется динамикой четырех стадий (по аналогии со стадиями развития экономического кризиса):

1) первая стадия – наличие близкого к среднему стандарту проживания. Данная стадия не означает существенного отклонения от принятого в обществе уровня жизни, здесь члены семьи или общества вынуждены незначительно ужиматься в расходах,

2) вторая стадия – малообеспеченность домохозяйств и отдельных граждан. При этой стадии бедности не хватает средств на деликатесы, на подарки близким людям, книги и журналы, семья экономит на путешествиях, в большинстве своем отказывается от платных услуг, например, от спортивных мероприятий, концертов, спектаклей и т.д.,

3) третья стадия – острая нуждаемость (бедность). Здесь члены домохозяйства начинают экономить на продуктах питания, отказываются от обновления одежды и обуви, не приобретают или минимизируют покупку лекарств, ограничивают визиты гостей,

4) четвертая стадия – состояние полной нищеты, когда семья или гражданин экономит на всем: на питании, на одежде, на предметах гигиены, на медикаментах, должным образом не заботится о нуждах детей, не имеет телевизора и холодильника.

Проблема бедности в Российской Федерации обострилась в последние годы, на наш взгляд, из-за санкционного давления на экономику, из-за всё более проявляющихся признаков экономического кризиса, а также из-за политики всеобщей деиндустриализации, промышленного и экономического спада, из-за ситуации вопиющей социальной несправедливости при распределении национального богатства и получаемых доходов в российском обществе. В 2020 году, по оценке Росстата, в России насчитывалось примерно 18,1 млн. бедных граждан или 12,3% общей численности населения страны [4]. В декабре 2021 года Правительством Российской Федерации было впервые введено новое понятие - «граница бедности», в третьем квартале 2021 года она была определена в 11 970 рублей на человека. С помощью данного критерия, новой «границы бедности» численность населения с доходами ниже этой границы в третьем квартале 2021 года была установлена Росстатом в 16 млн. человек, или 11% численности населения РФ [5], то есть, число бедных официально уменьшилось. Двадцать лет назад, в 2000 году, показатель бедного населения в РФ составлял 42,3 млн. человек, или 27,5% численности, то есть, за прошедшее двадцатилетие количество бедных граждан удалось снизить более чем в два раза [4]. Однако кривая бедности в последние годы опять пошла вверх.

Действия либерально-экономического блока российского правительства, которые в настоящее время способствуют увеличению бедности:

- 1) минимум социальных обязательств перед обществом;
- 2) увеличение пенсионного возраста;
- 3) высокая инфляция, прежде всего, продовольственная;
- 4) повышение банковской процентной ставки и ставок по ипотечным кредитам;
- 5) увеличение энерготарифов и цен на энергоносители, вслед за которыми увеличиваются цены практически на все товары и услуги.

Например, что касается инфляции – официальный показатель, по данным Росстата, составил в 2021 году 8,4% [6]. В то же время за 2021 год основные виды продовольствия в РФ подорожали: хлеб пшеничный – на 10,1%, макароны – на 10,5%, говядина – на 7,6%, яйцо куриное – на 26,9%, сахар – на 38,8%, подсолнечное масло – на 28,7%, свекла – на 83,8%, картофель – на 51,6%, а незначительно подешевели лишь яблоки и лук [7]. Получается, что цифры реальной инфляции в РФ занижены, а также то, что инфляционный налог на бедные слои населения выше, чем для состоятельных граждан, из-за того, что бедные больше тратят своих средств именно на продукты питания.

Для исследования проблемы бедности, на наш взгляд, целесообразно выделить анклав бедности как места сосредоточения бедного населения нашей страны. Анклавы бедности в Российской Федерации, на наш взгляд, следующие:

- 1) моногорода,
- 2) сельские территории,

3) некоторые из периферийных регионов, жизнь в которых при функционировании существующего экономического механизма становится невыносимой.

Из данных анклавов, ареалов обитания населения со скромными доходами бедность расползается по стране, подобно эпидемии заразной болезни. Что касается монопрофильных поселений, некогда успешных и процветающих населенных пунктов, то с момента перехода экономики России к рыночным отношениям, разгосударствления и приватизации многие градообразующие предприятия, вокруг которых и строились моногорода, пришли в упадок, породив проблему бедности в моногородских поселениях. Хуже, чем с моногородами, ситуация может быть в сельском хозяйстве, где после навязанной властью насильственной «фермеризации» 1990-х годов, разорения крупных аграрных предприятий в полной мере возрождаются отношения «Помещик» – «Батрак», и наёмные работники часто работают за минимальную оплату труда, получают заработанные средства натуральными продуктами и зерном, находятся на грани выживания. Если же перевести тренды деиндустриализации и «фермеризации» на отдельные регионы, к тому же находящиеся на периферии Российской Федерации, то можно получить полностью деиндустриализованный, бедный, разоренный регион, в котором низкий уровень жизни приводит к оттоку населения, ранней смертности и иным негативным социальным последствиям (например, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Забайкальский край, Карелия, Архангельская, Курганская области и так далее).

Безусловно, как социальное явление бедность несет в себе негативный смысл. Отрицательные черты бедности (для общества и жителей), на наш взгляд, заключаются в следующем:

1) в паре с бедностью идет безработица, как правило, именно безработные, лишенные возможности реализовывать свои трудовые способности и получать за это вознаграждение, составляют основной контингент бедных граждан,

2) для бедных стран характерна «атомизация» населения, когда индивиды борются за выживание в условиях рыночной экономики и которая приводит к ситуации, когда ни одну полноценную социальную проблему в стране и обществе невозможно решить,

3) из-за бедности и переносимых трудностей население страны теряет перспективы жизни и начинает отрицательно относиться к собственной власти (например, события в Республике Казахстан в январе 2022 года).

На наш взгляд, российское государство, особенно финансово-экономический блок Правительства РФ, в некоторой мере не борется с бедностью, а поддерживает её определенный уровень для решения своих внутренних задач. В то время как в Российской Федерации есть возможность поднять уровень жизни за счет увеличения прожиточного минимума и минимальной оплаты труда, чем органы государственной власти и занимаются, особенно в предвыборный цикл, другая сторона статус-кво государственной политики заключается в сохранении прежнего уровня жизни за счет одновременного под-

нятия цен, увеличения налогов и сборов, повышения процентных ставок по кредитам, дополнительной маркировки отдельных видов товарных групп, сохранения прежнего уровня оплаты труда. Поэтому ситуация выглядит парадоксально - с одной стороны, граждане вынуждены предпринимать все больше усилий для поддержания прежнего уровня доходов, с другой стороны, государство следит, чтобы эти доходы не увеличивались. Почему государство проводит подобную политику? На наш взгляд, богатые, независимые граждане обладают определенной самостоятельностью в принятии общественных решений (теория маржинализма, «богатство государства есть сумма богатства его членов»), в то время как бедные больше зависимы от органов государственной власти и поддерживают, пусть даже нехотя, повестку правящего класса.

Также бедность имеет свои региональные особенности. Изучение бедности с учетом региональной специфики актуально в масштабах всей Российской Федерации как протяженной страны с множеством субъектов. Не случайно с точки зрения промышленного потенциала, размещения производительных сил, численности населения, бюджетонаполнения, все российские регионы делятся на «регионы-доноры» и «депрессивные». В «регионах-донорах» выше уровень жизни, больше средств идет на социальные выплаты, на поддержку молодых семей, на содержание социальной инфраструктуры, что придает качеству жизни совсем другой уровень. В депрессивных регионах как органы государственной власти, так и население вынуждены выживать и довольствоваться тем, что пришлет в виде трансферов и выравнивания бюджетной обеспеченности федеральный центр. На выходе появляется ситуация, когда в регионах-донорах, в крупных городах и депрессивных территориях, в провинциальных городках и селах доходы населения различаются в разы, например, в Москве и Московской области доходы граждан в три раза выше, чем в Саратове.

Возникает закономерный вопрос - что делать в подобной ситуации, каким образом эффективно бороться с бедностью? Здесь хотелось бы отметить, что российское население старается выжить само, в ряде регионов России возникают элементы его самоорганизации. У трудоспособных индивидуумов повышается социальная мобильность, благодаря вахтовому методу занятости и маятниковой миграции люди зарабатывают деньги в регионах с более высоким уровнем жизни. Однако в целом данная ситуация с блуждающими миграционными потоками и работой вахтовым методом является ненормальной. На наш взгляд, в целях борьбы с бедностью в РФ следует реализовать следующие мероприятия:

- 1) возрождать предприятия в российской провинции, создавать рабочие места, осуществлять инвестиционные вложения в производство в провинциальных населенных пунктах и моногородах. Данная мера позволит создавать занятость и иметь людям работу на местах. Кроме того, возрождение предприятий в малых городах может наполнить жизнь людей новым смыслом, так как для того, чтобы удержать жителей провинции, и особенно молодежь, на местах, они должны видеть перспективы своей жизни на несколько десятилетий вперед,

2) возрождать крупные и средние сельскохозяйственные производства с государственным участием и участием крупных негосударственных инвесторов (опыт республик Татарстан и Башкортостан, Краснодарского края и Белгородской области),

3) развивать инфраструктуру периферийных и сельских территорий – с больницами, современными ФАПами, детскими садами, школами, хорошими дорогами. В позднем СССР проводилась политика «смычки» города и деревни в целях выравнивания жизни в городах и сельской местности, и эта политика достигала своей цели, в провинции были крупные предприятия, рабочие места, и там оставалось много молодежи,

4) следует постоянно увеличивать минимальную оплату труда и доводить ее до уровня развитых стран – с финансовой точки зрения подобные возможности у государства есть.

Также, на наш взгляд, российское государство не должно отказываться от своей социальной функции, так как подобный отказ может вызвать обрушение всей внутренней экономической и социальной политики. Курс на сокращение или постепенную ликвидацию социальных функций негласно проводится либерально-экономическим блоком российского правительства. В то же время, подобная политика по своей сути напоминает настоящий социал-дарвинизм, естественный отбор в условиях дикого капитализма. В России целые категории населения, дети, пенсионеры, инвалиды, вынужденные переселенцы не могут вписаться в рыночные реалии. Многие утрачивают или не обладают необходимыми компетенциями и навыками, позволяющими быть конкурентоспособным на рынке труда. С точки зрения либеральных экономистов, в перспективе выживут крупные города – глобальные «человейники», в них будет достойный уровень жизни, рабочие места и заработная плата, а провинция подвергнется люмпенизации и тотальному вымиранию оставшегося бедного населения. В то же время подобная государственная политика, направленная на создание крупных городских агломераций, является ошибочной и может привести к опустыниванию российской территории и распаду страны.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что по уровню территориально-пространственного развития Россия сегодня вернулась на два столетия назад, в девятнадцатый век. Разница состоит лишь в том, что в девятнадцатом веке страна была аграрной и крепостной, в настоящее время большинство населения страны живет в крупных городах, а провинция опустела, превратилась в «территорию доживания». Поэтому, здесь будет уместным вспомнить, что тогда говорил о российской внутренней политике выдающийся русский историк В.О. Ключевский: «Все эти неправильности (*государственного развития – прим.*) имели один общий источник - неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа: народные силы в своем развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста. Государство пухло, а народ хирел» [8]. Поэтому важнейшая задача страны в настоящее время, как и двести лет назад – вернуть жизнь в провинцию, нормализовать в регионах России производственные, социальные и демографические процессы, побороть в малых городах и на селе

бедность, вернуть людям социальные ориентиры и гарантии. От успеха подобной политики, в конечном итоге, зависит благосостояние и устойчивое развитие российского государства в будущем.

На наш взгляд, победить бедность можно госинвестициями в активные группы граждан и в наименее защищенные слои населения, в новую индустриализацию и выпуск высокотехнологичной гражданской продукции, в возрождение крупных сельскохозяйственных предприятий, привязанных к местам проживания коренного населения. Получится ли это у российской власти – покажут ближайшие годы.

Список литературы

1. Президент Путин назвал бедность одной из серьезных проблем России // [Сайт]. URL: <https://iz.ru/1195345/2021-07-19/putin-nazval-bednost-odnoi-iz-sereznykh-problem-rossii> (дата обращения: 05.01.2022)
2. Бедность. Словарь экономических терминов // [Сайт]. URL: <https://slovar.cc/ekon/term/2329272.html> (дата обращения: 05.01.2022)
3. В России утвердили прожиточный минимум на 2022 год // [Сайт]. URL: <https://ria.ru/20211121/mrot-1760047042.html> (дата обращения: 05.01.2022)
4. Уровень бедности по данным Росстат // [Сайт]. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения: 06.01.2022)
5. Росстат впервые оценил число малоимущих исходя из «границы бедности» // [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2021/61aa34739a7947e24f034e11> (дата обращения: 06.01.2022)
6. Рост цен в России превысил годовые прогнозы // [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/12/2021/61cc712a9a79471af62fa210> (дата обращения: 07.01.2022)
7. Картошка и морковь дороже фруктов: почему растут цены на продукты, и кто в этом виноват // [Сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/06/25/69990995/> (дата обращения: 07.01.2022)
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории Лекция 41 // [Сайт]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch41.htm> (дата обращения: 07.01.2022)

УДК 316.423.2

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ КАРЬЕРЫ В СПОРТЕ

И.И. Рыкова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматриваются факторы реализации традиционной женской карьеры в спорте в СССР и в современной России. Выведены ключевые отличия в традиционной карьере в зависимости от гендера и возможные варианты развития женской карьеры после её завершения.

Ключевые слова: карьера, традиционная карьера, женская карьера, спорт, этапы карьеры

TO THE QUESTION OF THE FACTORS OF THE IMPLEMENTATION OF A TRADITIONAL WOMEN'S CAREER IN SPORTS

I.I. Rykova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article discusses the factors of implementation of the traditional women's career in sports in the USSR and in modern Russia. The key differences in the traditional career depending on gender and possible options for the development of a women's career after the finish are deduced.

Key words: career, traditional career, female career, sports, career stages.

На современном этапе общественного развития научное понятие карьеры, как индивидуально осмысленного положения и поведения, взаимосвязанного с личным опытом и деятельностью, как общественной, так и индивидуальной, на протяжении всего трудового жизненного процесса, обретает новый смысл. Трудовая деятельность человека побуждает к появлению новых потребностей, так или иначе являющимися личностными и профессиональными факторами развития и становления себя как индивидуума.

Научные исследования, проводимые в последние годы, выражаются в общественных изменениях, связанных с профессиональной деятельностью человека. Данную тенденцию крайне трудно игнорировать. Если ранее, понятие «карьеры», «карьерного роста» и «профессионального продвижения» играли не столь значительную роль в социуме, то современное общество представляет собой большой процент озабоченности собственным карьерным продвижением и планированием собственного профессионального роста. [1, С.81]

Относительно спортивной карьеры можно сказать, что тенденции ее развития хорошо прослеживались уже в СССР, ведь государство оказывало огромное влияние на развитие спорта, и образа советского народа как спортивного. На физическую подготовку и поддержание духа выделялись огромные средства из бюджета и в целом страна должна была выглядеть, как полная активных и спортивных людей. Спортсмены высоко ценились в обществе и получали хорошие зарплаты, участие в соревнованиях оплачивались из бюджета, подготовка к ним также. Выделялись средства на инвентарь, если таковой был необходим. Таким образом, мы видим, что у спортсменов было достаточно мотивации, чтобы стартовать с таковой карьерой, а также стремиться к победам, защищая честь страны, что давала им возможность тренироваться.

В СССР спорт стал трудовой деятельностью официально в конце 80-х годов XX столетия. До этого момента он принимал различные формы и роли в зависимости от происходивших в стране политических и социокультурных изменений. Советская физкультурноспортивная система возникла в 1925 году и окончательно сформировалась в сталинском обществе к середине 30-х гг.—раньше многих других сфер культуры. [2, С.37]

В советской культуре спорт достаточно быстро занял особое место. Он был одним из инструментов формирования т. н. человека нового типа (более развитого физически и обладающего особым типом сознания) и поэтому стал официально одобренной социальной практикой. Постепенно складывалась и развитая система спортивных институций и мероприятий. В стране организовывались соревнования на местном, региональном, национальном, международном уровнях; проводились физкультурные парады; в школах физкультуре уделяли особое внимание; на заводах и предприятиях проходили физкультурные программы; в спортивных клубах существовали секции по различным ви-

дам спорта. Кроме того, спорт активно освещали СМИ: радиопередачи, такие газеты, как «Правда», «Известия»; специализированные журналы «Советский спорт», «Красный спорт», «Физкультура и спорт». По словам М. О'Махоуни, в СССР спорт сделали одной из главных тем в более широкой сфере – культуре, да ещё и горячо и единодушно поддерживали: «Культурные репрезентации физической культуры и спорта в Советском Союзе были повсюду» [3 С.35]

В Советском Союзе спортивная карьера в целом и женская спортивная карьера в частности развивается исключительно традиционным типом. С младшего возраста родители приводили своих детей в спорт, чтобы занять их свободное время и, если тренер видел особые способности у ребенка, а также позволяло физическое развитие был возможен дальнейший рост. Таким образом спортивная карьера могла стартовать уже в 3-4 года, и тут не имел значение гендер.

Выделяют четыре этапа спортивной карьеры: подготовку, старт, кульминацию и финиш. Подготовка включает выбор вида спорта, старт - начало занятий спортом, кульминация - достижение пика результатов, финиш - завершение спортивной карьеры, прекращение занятий спортом. Если на этапе начальной специализации спорт обычно воспринимается спортсменами как игра, на этапе углубленной тренировки - как сфера учения, то на этапе спорта высших достижений спорт становится образом жизни, а затем и профессией, источником существования» [4 С.233].

Исходя из этих этапов можем сделать вывод, что первые два в традиционной карьере проходят в младшем возрасте, а в некоторых видах спорта, например, в гимнастике и фигурном катании, и достижение пика результатов происходит до совершеннолетия, то есть, вероятно, также под влиянием родителей.

В целом, если рассматривать поэтапно разницу женской и мужской традиционной карьеры, основные отличия пойдут на этапе кульминации в силу физиологических особенностей и гормональных перестройках женского организма, а также в причинах завершения спортивной деятельности. Зачастую на этапе построения семьи спортсменка вынуждена прекратить карьеру. Рената Мордвинцева сообщает: «В 10 лет началась моя карьера, как танцора, которая не закончилась до сих пор. Начались турниры, занятия, семинары, поездки. Карьера была очень успешная, единственное, я сделала перерыв, когда в 25 лет вышла замуж, родила детей. Как спортивная карьера моя на тот момент закончилась, после этого я уже не выходила на турниры, но я решила открыть танцевальную школу, причём опыт преподавания танцев был уже к этому времени, очень большой. Лет с 14 мы занимались с малышами, наши тренеры давали нам самых маленьких детей для того, чтобы мы их обучали танцевать, поэтому проблемы в принципе с выбором профессии тогда не стояло, и мне это очень нравится до сих пор. Сейчас уже моя младшая дочь пошла по моим стопам, а вот с 5 лет я её тоже привела на паркет, а она уже выступает на турнирах и как бы тоже горит этим делом».

Тут также есть три возможных пути развития событий: женщина может, как прекратить занятия профессиональным спортом, так и поставить на паузу, вернувшись после рождения ребенка. Кроме того, есть вариант смены сферы деятельности в спорте, та же тренерская карьера, либо удаленные консультации для любителей.

Существуют целые спортивные династии – где родители тренируют детей и те идут по стопам и даже порой перекрывают их успехи.

В современном мире спортивная карьера также стартует в раннем возрасте. Исходя из исследования, проведенного автором в ходе подготовки диссертации в 2021 году среди 400 женщин – возраст старта занятий спортом составляет 11 % 2-4 года и 32 % 5-10 лет, у 20 % пришлось на 11-17 лет, 14% начали заниматься в 18-24 года, 7 % в 24-30 лет, но есть и те, кто стал спортсменкой после 31 – таких оказалось 4%.

В сравнении со стартом спортивной карьеры в СССР, в современной России есть отличие – если раньше государство выделяло значительные средства из бюджета на секции, и родителям ничего не стоило определить детей в спорт, то сейчас, чтобы попасть на бесплатные занятия нужно уже уметь многое.

В рамках подготовки диссертации автором также было проведено ряд глубинных интервью профессиональных спортсменок. Так, мастер спорта по бальным танцам Рената Мордвинцева утверждает, что только с 7 лет может отдать ребенка в детскую спортивную юношескую школу, которая будет на государственном обеспечении, но, при этом, он уже должен много уметь. Получается, для того чтобы к 7 годам его чему-то научить, я должна его водить по коммерческим школам.

Таким образом, на начальном этапе родитель всегда должен вкладывать средства, а порой достаточно большие, чтобы ребенок мог стартовать со спортивной карьерой. При этом далеко не всегда после обучения в коммерческой секции принимают в государственные, можно пробовать много лет, до тех пор, пока уровень не сочтут достаточным для поступления. И все это время будет необходимо вкладывать деньги в тренеров и секции. Безусловно существуют талантливые самородки, или дети, что попадают под льготы, но бывают случаи, что родители вынуждены платить за занятия спортом своего ребенка.

Огромной особенностью построения традиционного типа карьеры в спорте является то, что на момент принятия решения по конкретной области, спортсмену недостаточно лет для принятия самостоятельного решения и за него это делают взрослые. И не всегда это решение принимается, основываясь на желаниях ребенка, зачастую взрослые хотят потешить свое самолюбие, или же воплотить свои нереализованные мечты в карьере своего ребенка. Например, мама всю жизнь хотела блистать на паркете и тут в голову приходит – а не отдать ли мне свою дочь на танцы?! А дочь может хотела бы пойти на карате, но родители против. Обладательница черного пояса по карате Татьяна Чучаева так и говорит: «Есть предрассудки, например, бокс, говорят, что не для женщин. В карате мне очень часто говорили, почему ты занимаешься карате, а не гимнастикой, это не для женщин. Конечно, предрассудков хватает, наверное, они

ограничивают многих людей даже подумать, после вот этих вот ограничений. То есть если девочке 10 лет, грубо говоря, сказать, почему ты занимаешься карате, а не балетными танцами, она дважды подумает, почему она занимается карате, а не балетными танцами, и, возможно, вопреки своим желаниям, пойдёт на поводу общества и сменит род деятельности на балетные танцы. А потом, в итоге, совсем бросит спорт».

В целом, проведенные исследования, а также результаты авторских опроса и глубинного интервью позволяют говорить о том, что основными факторами реализации традиционной карьеры в спорте являются: здоровье спортсменки, верность выбора ее родителями направления занятий физической культуры, интерес и мотивация спортсменки, выбор правильной стратегии продвижения, а именно спортивного клуба или же тренера, а также бюджетные средства, имеющиеся у родителей, или же поддержка, полученная от государства.

Таким образом, мы видим, что в любом случае традиционная спортивная карьера у женщин сопряжена и осложняется принятой гендерной функцией матери и «хранительницей очага» и только спортсменке решать, хватит ли ей сил, желания и мотивации продолжать карьеру в чистом виде, как профессионалу, переквалифицироваться в тренера или вовсе прекратить.

Список литературы

1. *Абросимова А.Е., Демченко Т.С.* Развитие персонала на основе формирования карьерного роста в организации // Научные исследования. 2017. № 4(15). С. 81-83.
2. *Шевелева Л.А.* Особенности спортивного профессионализма в Советском Союзе // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 36–45.
3. *Визитей Н.Н.* Социальная природа современного спорта. Кишинев: Штиинца, 1979.– 84 с.
4. *Ильин Е.П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2008.- 352 с.

УДК 342.33

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.И. Селиванов, О.Г. Антонова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В данной статье проанализирован принцип разделения властей, его влияние на устройство и функционирование современного российского государства. Автором освещена роль Президента при разграничении властей; дана оценка эффективности функционирования государственного аппарата, его перспективы.

Ключевые слова: принцип разделение властей, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, конституционный строй

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

M.I. Selivanov, O.G. Antonova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

This article analyzes the principle of separation of powers, its influence on the structure and functioning of the modern Russian state. The author highlights the role of the President in the separation of powers; an assessment of the effectiveness of the functioning of the state apparatus, its prospects is given

Keywords: principle of separation of powers, legislative power, executive power, judiciary power, constitutional order

Одной из главных основ конституционного строя Российской Федерации является разделение властей. Принцип разделения властей играет важнейшую роль в формировании политико-государственного устройства современной демократической России. В настоящее время, в действующих условиях построения правового демократического государства и гражданского общества, получили признание как действенный принцип государственного устройства – использование и реализация положений теории разделения властей. Теория разделения властей, ее развитие и воплощение в России – это феномен будущего [1, с. 1-3].

Стоит отметить, что в настоящее время особое внимание уделяется не только практическому воплощению положений теории разделения властей, но и сущности данного понятия.

М.П. Буторина и О.А. Теплякова полагают, что разделение властей – правовая теория, согласно которой государственная власть должна быть разделена на три независимые друг от друга (но при необходимости контролируемые друг друга) ветви: законодательную, исполнительную и судебную [2, с. 189].

О.В. Шестакова говорит, что «разделение властей представляет собой конституционный принцип, регулирующий основы взаимодействия органов единой государственной власти и обеспечивающий их специализацию в процессе осуществления ими своих публично-властных полномочий» [3, с. 179].

Р.В. Косов отмечает, что «под разделением властей следует понимать рациональную организацию государственной власти в демократическом государстве, при которой осуществляются гибкий взаимоконтроль и взаимодействие высших органов государства как частей единой власти через систему сдержек и противовесов» [4, с. 12].

Л.А. Голубева считает, что «разделение властей – не конкретный шаблон, одинаково реализуемый во всех государствах, что позволяет говорить не столько о «теории» или «доктрине» разделения властей, сколько о «принципе реализации государственно-властных полномочий». Его конкретное воплощение предопределяется конкретными условиями времени и места, в том числе зависит от формы конкретного государства, исторических, политических и культурных традиций» [5, с. 52].

А.Г. Пархоменко «под разделением властей понимает рациональную организацию государственной власти в демократическом государстве, при которой осуществляются гибкий взаимоконтроль и взаимодействие высших органов государства как частей единой власти через систему сдержек и противовесов. Суть данного принципа состоит в том, что единая государственная власть организационно и институционально подразделяется на три относительно самостоятельные ветви – законодательную, исполнительную и судебную. В соответствии с этим создаются высшие органы государства, которые взаимодействуют на началах сдержек и противовесов, осуществляя постоянно действующий контроль друг над другом» [6, с. 8].

Н.И. Ярошенко полагает, что разделение властей имеет два аспекта. Во-первых, это распределение власти между органами государства. Ни одному из органов не принадлежит вся государственная власть в полном объеме, поэтому ни одна из ветвей власти не способна занять авторитарно абсолютное положение и опрокинуть право и конституцию. Во-вторых, разделение властей не абсолютно. Оно в то же время предполагает единство властей на основе общих политико-правовых принципов и целей гуманного общества. Единство и разделение властей конкретизируется в различных исторических ситуациях и положениях, но при этом обязательное условие: не должно быть сосредоточения власти в руках одного лица или органа, иначе станет невозможным взаимоконтроль властей [7, с. 13.].

Таким образом, исходя из мнений авторов, можно сделать вывод о том, что разделение властей представляет собой распределение полномочий между тремя самостоятельными ветвями власти, а также взаимный контроль, осуществляемый при помощи системы сдержек и противовесов. По мнению ученых, принцип разделения властей в настоящей России признается, закреплен в Конституции и в тех или иных пределах используется в построении и работе институтов государства. И все же, механизм сдержек и противовесов, который так необходим для реализации принципа разделения властей, и позволяющий найти баланс между ветвями власти и поставить действенный барьер на пути к присвоению власти, находится на этапе формирования. Создание такого механизма можно считать важнейшей гарантией демократического развития нашего государства. У высшего законодательного органа власти нет возможности оказывать влияние ни на органы исполнительной власти, ни на Президента.

Действительность настоящей России такова, что от действенного использования полномочий Президента зависит стабильная деятельность всего механизма государства и осуществление принципа разделения властей. Одним из проблемных вопросов разделения власти в Российской Федерации является место Президента РФ в данной системе. Президент РФ не входит прямо, непосредственно ни в одну из ветвей власти, а скорее условно становится над ними, координирует их. На практике Президент возглавляет всю систему исполнительной власти.

Список литературы

1. Курмаз А.И. Теория разделения властей, её развитие и воплощение в России как феномен будущего // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С.1-3.
2. Буторина М.П. Закрепление принципа разделения властей на примере Конституций Российской Федерации и Эстонии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2008. С.188-191.
3. Шестакова О.В. Развитие принципа разделения власти Российской правовой наукой и его понятие // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. №1. С. 175-179.
4. Косов Р.В. Пределы власти (история возникновения, содержания и практика реализации доктрины разделения властей). Монография. – Тамбов, 2005.- 176 с.
5. Голубева Л.А. Особенности реализации принципа разделения властей в Российской Федерации // Известия Российского Педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 40. С. 52-55.

6. *Пархоменко А.Г.* Парламент России и принцип разделения властей: история вопроса // Образование и право. 2012. № 9. С. 7-28.
7. *Ярошенко Н.И.* Место судебной власти в системе разделения властей // Вестник РУДН. 2010. № 3. С. 11-19.

УДК:316

**ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ SMART-ОБРАЗОВАНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

М.В. Тулузакова
РАНХиГС, Москва

В статье рассматривается концепция смарт-образования, ее основные элементы, смарт-образования: организационный, технологический, педагогический, а также возможности применения Smart-технологий в образовательном процессе ВУЗов. Делается акцент на необходимости создания новой инфраструктуры, способной обеспечить учебный процесс, а также речь идет о необходимости пересмотра существующей нормативно-правовой и научно-методической базы ВУЗов.

Ключевые слова: смарт-образование, смарт-общество, смарт-технологии

**THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF SMART EDUCATION:
OPPORTUNITIES AND PROSPECTS**

M.V. Tuluzakova
RANEPA, Moscow

The article discusses the concept of smart education, its main elements, smart education: organizational, technological, pedagogical, as well as the possibilities of using Smart technologies in the educational process of universities. The emphasis is placed on the need to create a new infrastructure capable of providing the educational process, as well as the need to revise the existing regulatory and scientific and methodological base of universities.

Key words: smart education, smart society, smart technologies

Мы с вами являемся не просто свидетелями, но и непосредственными участниками закономерного перехода к новой образовательной парадигме, которая непосредственно связана с формирующейся моделью SMART-общества. А эта модель предполагает создание с помощью современных информационных и организационных систем интеллектуальной, высокотехнологичной, комфортной для человека среды обитания. По сути дела, речь может идти о SMART-образовании как одном из направлений развития SMART-общества.

SMART-общество, в свою очередь, предполагает абсолютное присутствие информационных технологий (далее - ИТ), связывающих в единую интеллектуальную сеть людей, создающих среду для распространения новых знаний и способствующих эффективному SMART -управлению. Таким образом, ИТ присутствуют везде, но всегда исполняют только роль инструмента.

SMART-образование - понятие междисциплинарное, что предполагает многозначность этого понятия в научных категориях социологии, философии, педагогики, психологии, информатики, что предопределяет его рассмотрение как феномена современного общества с последующим прогнозированием развития в современных российских реалиях.

Рассмотрим указанные процесс применительно к проблеме «умного» образования и практикам его внедрения в условиях российских реалий.

Пионерами развития SMART-образования являются такие государства как Нидерланды, Австралия, Корея, в которых SMART объявлена национальной идеей и главной политической задачей. Переход к сильной SMART-стране, таким образом, предполагается осуществить через революцию в образовании», а «SMART Education» провозглашено как базовое системное решение в построении SMART-общества и один из основных способов укрепления конкурентоспособности национальной экономики.

Для современного российского общества указанный подход более, чем актуален, ибо стоит острейшая задача обеспечить устойчивое развития социума и экономики в условиях турбулентности и достичь нового уровня эффективности в экономике и государственном управлении.

Центральной фигурой указанных процессов должен стать человек, готовый к жизни и работе в условиях SMART-общества, главным компонентом существования и развития, которого являются знания. А потому возникла острейшая необходимость внедрения такой формы образования, в которой дистанционные формы не заменяют, а дополняют обучение. Современный человек практически в состоянии приобретать новые знания, обновлять имеющиеся, совершенствовать умения и навыки с помощью информационных технологий.

По сути дела, мы уже пользуемся в достаточном объеме указанными технологиями. Переход в 2020 году на дистантную форму обучения ускорил освоение нами новых компьютерных программ обучения и контроля, актуализировал характер интерактивного взаимодействия в процессе обучения с помощью различных современных технологий.

Многие преподаватели, прошедшие советскую систему образования, продолжают верить, что именно они являются носителями «сакрального знания», а потому требуют стопроцентного посещения лекций и семинаров. Но современные студенты/обучающиеся всех уровней зачастую получают информацию из альтернативных источников, включая однокурсников/соучеников.

Задача же, как справедливо указывают некоторые авторы, состоит в том, чтобы «Smart-образование смогло объединить в единую систему учебные заведения, ППС и студентов для осуществления с помощью информационных технологий совместной образовательной деятельности на базе единых стандартов и технологий. Как следствие, мы получим рациональный способ организации академической мобильности и сотрудничества преподавателей и студентов» [1]. Представляется возможным согласиться и с мнением А.А. Алетдиновой и А.А. Мельниченко, которые выделили следующие направления в трактовке понятия смарт-образования: «SMART как образовательная, интеллектуальная среда; SMART как совокупность учебных заведений и профессорско-преподавательского состава (с которым сложно согласиться, скорее, это следует рассматривать как инфраструктуру образования, в данном случае в вузе); SMART как новый вид, новый подход к образованию, позволяющий достигать или более высоких результатов, или более эффективными способами; SMART

как развитие личности человека в контексте формирования новых смарт-компетентностей» [2].

В настоящее время мы имеем дело с новой моделью образования, которая ориентирована, с одной стороны, на реализацию принципов самостоятельности, саморазвития, самоконтроля и самообучения, а с другой стороны, эти же принципы, что в этих условиях принципиально предполагают невозможность жесткого моделирования процесса обучения. А именно эта жесткость в определенной мере заложена в большинстве действующих рабочих учебных планах (РУ-Пах), по которым происходит подготовка в большинстве направлений подготовки на уровне бакалавриата.

И в этом направлении представляет большой интерес модель «педагогике постмодернизма», которая призвана работать в условиях трансформации и разрушения всяческих смыслов и ценностей обучающихся, вызванных новыми реалиями и раздвоением между миром реальным и миром виртуальным [3].

И это неслучайно. Цель образования в постиндустриальном обществе становится неопределённо множественной, подвижной, предельно индивидуализированной. Научное знание становится полицентричным, множественным, что предполагает минимизацию монологической деятельности преподавателя и переход к диалогическим формам обучения. Именно в этих условиях реально может быть реально выстроена индивидуальная образовательная траектория обучающихся.

В связи с этим возникают, на наш взгляд, вполне закономерные вопросы. Во-первых, насколько система высшего образования готова к реальному пересмотру ролевых позиций преподаватель – обучающийся? Во-вторых, какую роль в возможном изменении могут сыграть интерактивные технологии и методы интерактивного обучения? В-третьих, насколько оправдана замена преподавателя, даже частичная, мультимедийными средствами обучения? И самое главное – насколько обучающиеся готовы самостоятельно учиться в этих условиях, реализовывать самоконтроль и самодисциплину?

Поиск ответов на указанные вопросы должен происходить одновременно, потому что все проблемы взаимосвязаны.

Мы полагаем, что в системе российского высшего образования накопился большой объем противоречий, как на уровне нормативных актов, так и на практике использования в учебном процесс ИТ. Так, например, И. Шевцова справедливо утверждает, что «на практике задачи, связанные с адаптацией образовательной системы и учебных заведений к произошедшим изменениям, такие как дистанционное обучение, индивидуальные траектории обучения и др., решаются на уровне электронного обучения (e-learning)» [4]. И эта форма может быть рассмотрена как основа перехода к SMART-образованию.

Опыт использования электронной информационно - образовательной среды (ЭИОС) показал не только новые возможности, но и выявил серьезные проблемы. С одной стороны, использование ЭИОС позволило сделать доступными методические материалы в условиях дистанционного обучения. Образовательный контент, представленный в ЭИОС, создается для решения опреде-

ленных учебных задач в соответствии с реализуемой основной образовательной программой. Он может быть представлен в различных форматах: конспекты лекций, аудио, видеоматериалы, практические задания, тестовые программы и использоваться как для текущей, так и для промежуточной аттестации.

В настоящее время на первый план должна выйти другая актуальная проблема – а как перейти к реальной системе SMART-образованию? В настоящее время переход от e-learning к Smart (англ. - умный, сообразительный, энергичный) e-learning и Smart Education (умное образование) происходит медленно и с некоторыми потерями, в том числе и для профессорско-преподавательского состава.

В чем мы видим проблемы?

Во-первых, если система Smart-образования ориентируется не только на традиционные формы обучения (лекция, семинар, практическое занятие), но и на новые - нередко альтернативные -источники познания, то возникает вопрос: А кто должен отвечать за качество этих новых источников или хотя бы гарантировать это качество?

Во-вторых, если в рамках концепции Smart-образования предполагается наличие большого количества источников, способных подстраиваться под уровень и потребности обучающихся, то кто может измерить и верифицировать этот уровень и потребности?

В-третьих, в случае использования smart-технологий резко видоизменится роль преподавателя, который, по сути дела, и должен создавать и применять новую систему обучения и контроля. Большинство из нас уже владеют в той или иной степени информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) в условиях реального учебного процесса, активно используют мультимедийные презентации, платформы Moodle, LMS, Mentimeter и др.

В-четвертых, назрела острейшая необходимость реорганизации системы контроля освоения студентами знаний, умений, навыков и компетенций, которые были заложены в конкретную образовательную программу. И эта система контроля не может быть универсальной, ибо образовательные программы предполагают определенную специфику даже в пределах одного ВУЗа.

Это предполагает повышение качества педагогических кадров как важнейшего компонента образовательной системы. Но при существующих нормах учебной нагрузки во многих ВУЗах преподаватели не в состоянии оперативно работать с образовательным контентом и тем более ориентироваться на реализацию индивидуальных траекторий обучающихся. И в результате ППС, используя ИТ, выстраивают интересный комплекс из инновационного и традиционного методов обучения.

Профессиональное образование должно стать одной из самых быстро обновляемых отраслей, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения технологий и методов обучения. Скорость обновления знаний и технологий должна рассматриваться как критерий качества системы образования. Поиск решений указанных проблем должен, на наш взгляд, вестись с учетом процесса сме-

ны поколений [5]. В большинстве источников выделяются, помимо цифровизации как таковой, несколько трендов образовательного процесса.

Начнем с первого - геймификация как сочетание обучающего и развлекательного компонента. Сама по себе идея не нова, этот подход ориентирован на развитие впечатлений, что позволяет сделать процесс обучения более интересным, а потому более эффективным. Если исходить из этого тренда, то в процессе обучения должна идти некая борьба за привлечение внимания обучающихся. Но, если человек, осознанно сделал выбор относительно профессии, то предполагается, что это ему уже интересно. Опять же, как включить элементы геймификации в важные, но достаточно серьезные и трудные для освоения дисциплины – например, «сопротивление материалов», «теория машин и механизмов» и т.п.?

Гораздо важнее научиться использовать технологии виртуальной реальности. Эти технологии уже активно используются при изучении гуманитарных дисциплин - появилась возможность посетить виртуальные музеи и места исторических событий, реконструировать события прошлого и т.д. Это делает обучение наглядным, а, следовательно, более активным, создает вовлеченность обучающихся в образовательный процесс. Подобная практика вполне применима (и применяется в отдельных ВУЗах) в освоении естественно-научных и технических дисциплин. Виртуальные научные лаборатории позволяют наблюдать и проводить реалистичные эксперименты, проводить лабораторные работы, моделировать макро- и микрообъекты, совершать путешествия в мир математических объектов. «Модели в виртуальной реальности дают обучающимся возможность безопасно и не страшась возможных ошибок формировать такие умения, выработка которых в реальных условиях чревата опасностями или сталкивается с другими ограничениями (доступность оборудования, высокая стоимость выполнения работ, опасность для других людей и проч.)» [6,160].

Второй тренд – персонализация образовательного процесса и его подстройка под индивидуальные запросы конкретного обучающегося, в том числе под запросы людей с ограниченными возможностями здоровья или особенностями развития. Именно этот вариант позволит относиться к учебе не как к тяжелой повинности, а как к осмысленному процессу удовлетворения познавательных потребностей личности. Традиционная система образования не в состоянии в полном объеме ориентироваться на персональную работу с каждым обучающимся. Цифровизация позволяет включить в этот процесс искусственный интеллект (далее ИИ), который в состоянии подбирать образовательный контент и методы обучения, которые эффективны для каждого конкретного обучающегося, отслеживать количество времени, потраченное на выполнение задания, анализировать ответы и создавать индивидуальные рекомендации.

Третий тренд - lifelong learning или обучение в течение всей жизни. Он уже стал нормой. В постоянно изменяющемся мире человеку приходится постоянно учиться, осваивать новые навыки, потому что знания устаревают быстрее, чем старится человек. Особое значение приобретает цифровая грамотность, понимаемая как «способность безопасно и надлежащим образом управлять, по-

нимать, интегрировать, обмениваться, оценивать, создавать информацию и получать доступ к ней с помощью цифровых устройств и сетевых технологий для участия в экономической и социальной жизни» [7]. А потому практически все люди, стремящиеся к конкурентоспособности на рынке труда, постоянно повышают свою квалификацию.

Четвертый тренд – развитие soft skills, способность работать в команде, оперативно решать возникающие проблемы, умение управлять людьми и навыки быстрого освоения новых сфер деятельности. Способность к развитию soft skills предполагает осмысленность деятельности субъекта как такового, что неизменно влечет за собой развитое системное мышление и эрудированность как результат непрерывного самостоятельного обучения.

Мы полагаем, что реализация этих трендов возможна с пересмотра системы высшего образования как такового. Система среднего общего образования слабо ориентирована на выбор профессии. Не все школьники делают осмысленный выбор в отношении ЕГЭ, идут по пути наименьшего сопротивления, выбирая, условно говоря, облегченные для сдачи предметы. Современная «экономика знаний» предполагает наличие не фрагментарных, а фундаментальных знаний, на базе которых, собственно, и могут формироваться универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Во многом решение названных проблем будет зависеть от того, насколько образовательная среда готова к этому. В настоящее время цифровая трансформация образовательного проявляется в использовании электронных учебных модулей (ЭУМ), разработанных по всей дисциплине или отдельным разделам. Платформа LMS, внедренная в Российской академии народного хозяйства и государственной службы, уже позволяет использовать искусственный интеллект, который уже сориентирован на индивидуальную образовательную траекторию обучающегося.

Способность работать в цифровой среде является в настоящее время важным показателем профессиональной компетенции ППС. Но реальная практика не всегда позволяет совершенствовать этот навык.

Учебная нагрузка штатного преподавателя многих ВУЗов может достигать до 900 часов в учебный год (в пределах должностного оклада), и до трех четвертей этой нагрузки относится к аудиторной («горловой»). По факту преподаватели работают в условиях хронической перегрузки учебными часами, что превращает в простого ретранслятора информации, а не в создателя и интерпретатора знаний. В этих условиях практически невозможно готовить качественный электронный контент.

Есть еще один принципиальный момент. Переход на Болонскую систему предполагал, что «произойдет снижение доли аудиторной нагрузки на одного преподавателя с одновременным увеличением доли его внеаудиторной нагрузки, которую необходимо посвятить индивидуальной работе со студентами» [8,100-107]. Кроме того, сокращение аудиторной нагрузки позволит формировать/совершенствовать цифровые компетенции. Согласно данным опроса, около 42% преподавателей высших учебных заведений используют цифровые ре-

сурсы для создания учебных материалов или модификации уже имеющихся [9, 1055-1072].

На решение названной проблемы направлен проект «Цифровое образование». Его реализация позволит повысить «уровень цифровых компетенций обучающихся, научно-педагогических работников, а также формирования компетентной команды управления процессом цифровой трансформацией образовательной организации для создания и реализации стратегии развития с целью повышения качества образовательных услуг и модернизации инструментов образовательного процесса» [10].

Переход к диктантному и электронному обучению – это по сути дела первый шаг на пути к Smart-образованию, к новой философии образования. Как показывает практика последних лет, наше общество к этому не готово. Ни технологически, ни морально. Внедрение указанных новаций требует анализа новых моделей - Smart педагога и Smart обучающегося. Но это уже другая история. А потому институционализация Smart-образования находится в процессе становления.

Список литературы

1. Сарсембаева Г. Кайгородцев А. Концептуальная модель SMART-университета//Статистика, учет и аудит. – 2017. - №3 – С.210-214.
2. Алетдинова А.А., Мельниченко А.А. Развитие Smart-образования как инновационной технологии // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S2 (37). С. 14-16
3. См.: Гариффулин Р.Р. Основы постмодернистской педагогики, Казань, изд-во КФУ, 2021.
4. Шевцова И. Учебно-методическая поддержка студентов в учебном процессе с использованием свободных веб-сервисов// Сборник докладов и тезисов Форума Преподаватель в среде e-learning. – Московский государственный университет экономики, статистики и информатики Москва, 2014. – С. 142–146.
5. См.: Трансформация образовательного процесса в условиях смены поколений. Монография.-М.: Проспект,2021.- 496 с.
6. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
7. A Global Framework of Reference on Digital Literacy Skills for Indicator” United Nations, Unesco Institute for statistics, 2018
8. Яшин А.А., Струкова М.Н. Нормирование и распределение учебной нагрузки: взгляд практика // Университетское управление: практика и анализ. №6 (100) 2015,с. 100-107
9. Константинова Д.С., Кудяева М.М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. – 2020. – Том 7. – № 11. – С. 1055-1072.
10. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload>

УДК 316.334.23

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

А.И. Тюленев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола

В статье рассмотрены некоторые правовые и социально-экономические аспекты фермерства как особого социального института, играющего ключевую роль в производстве продуктов и сырья для перерабатывающего сектора агропромышленного комплекса, а также в удовлетворении потребительских нужд населения. Исходя из анализа данных конкретно-

социологического опроса практикующих бизнесменов и специалистов по предпринимательству, сделан вывод, что текущее состояние регионального фермерства, равно как и перспективы его дальнейшего развития сложны, противоречивы, нестабильны и неустойчивы.

Ключевые слова: предпринимательство, фермерство, крестьянское хозяйство, государство, бюрократия

STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF FARMING IN MODERN RUSSIA (REGIONAL ASPECT)

A.I. Tyulenev

Volga State Technological University, Yoshkar-Ola

The article discusses some legal and socio-economic aspects of farming as a special social institution that plays a key role in the production of products and raw materials for the processing sector of the agro-industrial complex, as well as in meeting the consumer needs of the population. Based on the analysis of data from a specific sociological survey of practicing businessmen and entrepreneurship specialists, it was concluded that the current state of regional farming, as well as the prospects for its further development, are complex, contradictory, unstable and unstable.

Key words: entrepreneurship, farming, peasant economy, state, bureaucracy

В условиях модернизации российского общества, перехода его от традиционных форм организации и функционирования к современным моделям происходит становление и развитие социальных институтов, адекватных по своей природе социуму, определяемому в рамках модернистской парадигмы как общество modernity. Одним из таких институтов является фермерство, полиструктурное по своему характеру, но непременно включающее в себя частные фермерские хозяйства.

Фермерство есть социальный институт, имеющий все основные атрибуты такового. Правда, о российском фермерстве этого сказать нельзя, оно лишь институционализируется, превращаясь в социальный институт. Частнопредпринимательское начало в нем выражено слабо, что, помимо прочего, не дает оснований считать Россию полностью сформировавшимся, целостным модернистским и, тем более, постмодернистским обществом. Фермерство – ключевой институт современного в модернистском смысле общества, главная функция которого заключается в производстве продуктов и сырья растительного и животного происхождения в объемах, необходимых и достаточных для обеспечения продовольственной безопасности страны и возрастающих потребностей населения.

Современному человеку недостаточно «голодного пайка» в 890 граммов в сутки, пусть даже столь скромный пищевой рацион и продлевает жизнь, как утверждают некоторые ученые [3]. В отличие от традиции, в условиях модерна и постмодерна большая часть населения склонна не к пассивно созерцательному образу жизни, а к интенсивной производственной и внепроизводственной деятельности. Большинству людей чужд средневековый аскетизм с его неприхотливостью к еде, напротив, это большинство весьма требовательно к качеству, калорийности и разнообразию пищи.

На фоне мажорных заявлений, будто Россия в условиях наложенных на нее санкций и «добровольного» отказа от импорта сельскохозяйственной продукции, обеспечивает себя продовольствием на 80-90% [5], хочется задать

наивный вопрос: «Кто именно обеспечивает продовольствием страну, если действительно обеспечивает, и окажется ли он в состоянии делать это впредь?»

Ответ, казалось бы, напрашивается сам собой – АПК Российской Федерации, в структуру которого с начала 90-х гг. XX в. вошли крестьянские (фермерские) хозяйства. Пусть так. Однако, правовой статус этих хозяйств с необходимой юридической точностью не определен. Так утверждают некоторые исследователи российского фермерства, считая, что вопрос о статусе крестьянского (фермерского) хозяйства однозначно не решен [1].

Приведем текст Статьи 1 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ с изменениями и дополнениями (последние сделаны 23 июня 2014 г.) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», где определяется данное понятие.

1. Крестьянское (фермерское) хозяйство (далее также - фермерское хозяйство) представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии. 2. Фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином. 3. Фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. 4. Фермерское хозяйство может признаваться сельскохозяйственным товаропроизводителем в соответствии с законодательством Российской Федерации [6].

Российский и советский экономист и социолог А.В.Чаянов усматривал различие между крестьянскими и фермерскими хозяйствами в мотивации хозяйственной деятельности. Ведущим мотивом аграрной деятельности фермера, полагал он, выступает стремление к максимизации прибыли за счет рационализации предприятия и хозяйственной практики в целом. В то время как субъекты крестьянского хозяйства руководствуются организационно-хозяйственным планом, представляющим собой сочетание денежного бюджета, трудового баланса во времени, по различным отраслям и видам деятельности, а также оборота денежных средств и продуктов. В отличие от фермера, резюмирует Чаянов, крестьянскую семью интересует не рентабельность производства, а рост валового дохода и обеспечение равномерной занятости всех членов семьи [7, с.138].

Итак, действующее российское законодательство не дает четких и однозначных ответов на вопросы: кто такой фермер, и каков правовой статус фермерского хозяйства? Противоречивая фермерско-крестьянская практика в сочетании с правовой неопределенностью порождает различные толкования сущности и типологии фермерства. Последнее рассматривается как явление неоднородное, а фермерские хозяйства разграничиваются на реальные и мнимые. При этом утверждается, что основная масса зарегистрированных фермеров не относятся к фермерам реальным. Земельные участки таких мнимых фермеров, как правило, невелики. Производимая ими продукция зачастую даже не учитывается районной и областной статистикой. Немалое число подобных фермеров не-

редко ведут полунатуральное хозяйство, отдавая приоритет самообеспечению пищей, а не рыночной продаже производимой продукции. По существу, полунатуральные фермерские хозяйства мало чем отличаются от индивидуальных хозяйств населения.

К числу мнимых фермерских хозяйств относят колхозы (1), образовавшиеся в результате перерегистрации в частные предприятия, что давало возможность избавиться от долгов. Таких мнимых фермерских хозяйств немного, но они очень крупные и занимают немалую часть фермерских земель. Фермы-колхозы (2), организованные председателями или администрацией колхозов (совхозов), которые при выходе из коллективных хозяйств приватизировали часть средств производства. Такие мнимые фермерские хозяйства довольно крупны и по управленческой структуре представляют собой своеобразные мини-колхозы. Мнимыми фермерами считаются также фермы – индивидуальные хозяйства (3). Реальные фермеры дифференцируются на два типа. 1. Фермеры – производители с 10-20 работниками. Этот достаточно распространенный тип фермеров, в большинстве своем созданный номенклатурной верхушкой или высококвалифицированными специалистами, несмотря на трудности, связанные в первую очередь с малоземельем, старается вести устойчивое товарное производство. 2. Фермеры – производители без постоянных наемных работников, созданные сельской интеллигенцией или рядовыми специалистами колхозов (совхозов). Они составляют большинство реальных фермерских хозяйств, владеют небольшими участками земли, используя главным образом труд членов своей семьи. Большая часть таких фермерских хозяйств балансируют на грани убыточности [2].

Для сравнения приведем еще одну классификацию фермеров, автором которой является Р.Э. Прауст. Эта классификация включает в себя четыре класса работающих фермеров, исходя из их происхождения. Первый, самый многочисленный класс фермеров состоит из профессионалов с достаточно высоким уровнем квалификации: механизаторов, шоферов, доярок, агрономов, экономистов, зоотехников и пр. Второй класс, «элитный» образован из представителей советской партийной и хозяйственной номенклатуры или членов их семей и родственников; он использует свои прошлые статусные возможности и связи для получения ссуд, кредитов и имущества. Третий класс фермеров объединяет в себе сельских интеллигентов неаграрных профессий: учителей, медицинских работников, военных, после отставки или демобилизации осевших в сельской местности, и т.д. Наконец, четвертый класс фермеров представляют так называемые хозяйства-маргиналы, созданные лицами с достаточно невысоким уровнем образования и квалификации. Значительная их доля несостоятельна в профессиональном и экономическом отношении [4, с.61].

Позволим себе предложить гипотезу, что текущее состояние неустойчиво и противоречиво, а перспективы его неопределенны, туманны и неясны. Верифицируем данную гипотезу данными конкретно-социологического исследования, проведенного в Республике Марий Эл (РМЭ) летом 2018 года. Участниками исследования стали практикующие бизнесмены, включая фермеров, а также

теоретики, специалисты, занятые изучением проблем становления и развития предпринимательства. Объем выборочной совокупности, сформированной способом «снежный ком», составил 240 единиц (n=240).

Анализ полученных данных показывает, что только шестая часть принявших участие в опросе лиц (17,5%) оценивает имевшееся на момент проведения опроса состояние фермерства в РМЭ как «хорошее». Между тем «удовлетворительных» оценок оказалось примерно в два раза больше (38,3%). Едва ли эти последние следует считать индикатором оптимального состояния фермерства. Как бы то ни было, «неудовлетворительное» деление предложенной респондентам оценочной шкалы, явно указывающее на наличие серьезных проблем в фермерском секторе отечественного агрокомплекса, было востребовано более чем четвертью экспертов (27,5%). Если прибавить к «неудовлетворительным» оценкам «другие» варианты ответов, обобщенно определив их как «противоречие» (1,6%), а также вариант «затрудняюсь ответить» (15,8%), то в сумме получится весьма значительная величина (44,9%). Это ли не показатель сложного, противоречивого и неустойчивого состояния регионального фермерства?

Полученные результаты позволяют приоткрыть завесу и увидеть картину возможного будущего фермерства РМЭ. Картина эта в некоторой степени схожа с нынешней ситуацией в фермерском секторе аграрного производства. Около двух пятых респондентов (38,3%) полагают, что фермерство «станет развиваться». Каждый восьмой опрошенный (12,5%) ушел от выбора определенного варианта ответа, предпочтя выбрать формулировку «затрудняюсь ответить». На этом сходство заканчивается, поскольку остальные участники опроса остановили свой выбор на вариантах «будет стагнировать» (30,8%), «деградировать» (15,0%), эволюционировать «неустойчиво, нестабильно, противоречиво» (3,3%). Таким образом, суммируя оценки, указывающие на неопределенный или на неблагоприятный сценарий развития фермерства, получаем результат (свыше 60%), который едва ли вызовет чувство уверенности в завтрашнем дне мариэловских фермерских хозяйств.

В заключение статьи выразим надежду, что российская государственная бюрократия, определяющая законодательные основы, задающая вектор развития и осуществляющая управленческо-контрольную деятельность, наконец-то осознает всю серьезность текущего и возможного перспективного положения в фермерском секторе агропромышленного комплекса России, разработает, примет и реализует комплекс мер, создав тем самым благоприятные условия для развития региональных фермерских хозяйств.

Список литературы

1. «Бухгалтерский учёт в крестьянских фермерских хозяйствах (КФХ) [Электронный ресурс]. – URL: [http://referatyk.com/buhgalterskiy_uchet_audit/17596-hgalterskiy_uchet_v_krestyanskih_fermerskih_hozyaystvah_\(kfh\).html](http://referatyk.com/buhgalterskiy_uchet_audit/17596-hgalterskiy_uchet_v_krestyanskih_fermerskih_hozyaystvah_(kfh).html) - 17.07.15.
2. *Нефедова Татьяна, Пэллот Джудит*. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? [Электронный ресурс]. – URL: <http://bzbook.ru/Neizvestnoe-seljskoe-khozyajstvo-ili-Zachem-nuzhna-korova.AContents.html> - 17.07.15.
3. Низкокалорийная диета продлевает жизнь [Электронный ресурс]. – URL: <http://girlsfood.ru/article/nizkokaloriinaya-dieta-prodlevaet-jizn> - 17.07.15.

4. Прауст Р.Э. Развитие различных форм хозяйствования в аграрном секторе / Р.Э. Прауст. - М.: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1998.
5. Россия обеспечивает себя сельскохозяйственной продукцией на 80-90 процентов [Электронный ресурс]. – URL: <http://customsforum.ru/news/business/rossiya-obespechivaet-sebya-selskokhozyaystvennoy-produktsiey-na-80-90-protsentov-543767.html> - 17.07.15.
6. Федеральный закон от 11 июня 2003 г. N 74-ФЗ "О крестьянском (фермерском) хозяйстве" [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/12131264/1/#block_100–18.07.15.
7. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И.Абалкин (пред.) и др. / А.В.Чаянов – М.: Экономика, 1989. – 492 с.

УДК 316.72

РОССИЯ И КИТАЙ - СИМБИОТИЧЕСКИЕ ВЕЛИКИЕ СТРАНЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

А.А. Хисамутдинов

*Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения РАН, Владивосток
Ян Юе,*

*Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета,
Владивосток*

И Россия, и Китай - симбиотические крупные страны в меняющемся мире. Культурный обмен играет важную роль в дипломатических отношениях между этими двумя государствами. Российско-китайская культурная дипломатия пережила период трансформации (1949–1991), зрелый период (1992–2006 гг.) и период достатка (с 2006 г. по настоящее время).

Ключевые слова: культурные обмены, исторические изменения, российско-китайские отношения, культурная деятельность

RUSSIA AND CHINA - SYMBIOTIC GREAT COUNTRIES IN A CHANGING WORLD

A.A. Khisamutdinov

*Central Scientific Library of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok*

Yang Yue

School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Both Russia and China are symbiotic major countries in a changing world. Cultural exchange plays an important role in diplomatic relations between these two states. Russian-Chinese cultural diplomacy has gone through a period of transformation (1949-1991), a mature period (1992-2006) and a period of prosperity (from 2006 to the present).

Key words: cultural exchanges, historical changes, Russian-Chinese relations, cultural activities

Глядя на долгую историю, культурные обмены всегда были активными на арене российско-китайской дипломатии. Они не только продвигали российско-китайскую экономику, распространяли концепцию мира и развития, но и способствовали взаимному обучению между российской и китайской цивилизациями. Это показывает, что культурная дипломатия - важный практический путь построения сообщества с общим будущим.

На протяжении более 70 лет культурных обменов между Россией и Китаем происходило много событий. В контексте предложения Китая о создании сообщества с общим будущим культурная дипломатия является хорошей отправной точкой для развития всестороннего сотрудничества. Строительство

Институтов Конфуция в 21 веке - одна из движущих сил, способствующих обмену между людьми двух стран, и важное звено в установлении российско-китайского сотрудничества.

Трансформационный период в процессе развития китайско-российской культурной дипломатии (1949–1991). С момента основания Нового Китая культурная дипломатия всегда играла важную роль во внешних обменах Китая. Китай добился дипломатических прорывов через культуру. Поскольку СССР возглавил открытие посольств в Китае, многие страны Восточной Европы установили дипломатические отношения с Новым Китаем одно за другим. В 1950-е годы советско-китайские отношения были очень дружескими: посольства двух сторон часто проводили культурные обмены. Например, в январе 1950 года Советский Союз и Китай заключили «Советско-китайский договор о дружбе и взаимопомощи», который предусматривал развитие и укрепление экономических и культурных отношений между Китаем и СССР. Благодаря Советскому Союзу в Китае были введены многие виды русского классического искусства.

Однако с середины 1950-х у Советского Союза и Китая начались разногласия по вопросам оценки Сталина и пути развития социалистического лагеря – отношения между двумя странами постепенно охладились, что привело к постепенному сокращению культурных обменов. В 1970-е годы ЦК КПСС ужесточил идеологические ограничения на исторические исследования. Однако после визита Горбачева в Китай в 1989 г. отношения государств постепенно нормализовались. Культурная дипломатия между людьми России и Китая очень важна в Северном экономическом поясе, особенно в рамках все более частых контактов между двумя странами **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

С началом нового пути реформ и открытости в Китае было решено остановиться на проведении мирной внешней политики. Культурная дипломатия всегда соответствовала национальным интересам, все взлеты и падения в отношениях между двумя странами отражались в их мерах и действиях. Только в конце 1991 года культурная дипломатия и отношения между двумя странами смогли положить конец этой непредсказуемой трансформации с распадом Советского Союза.

Зрелость развития китайско-российской культурной дипломатии (1992-2006 гг.) После распада СССР Российская Федерация стала его правопреемницей. По сравнению с советско-китайскими отношениями до распада, развитие российско-китайских отношений было значительно более плавным. Обе страны усвоили опыт и уроки советско-китайских отношений, построение российско-китайских отношений на основе «партнерства» открыло хорошее стратегическое пространство для развития двусторонних отношений. Партнерство между двумя странами сохраняет устойчивую тенденцию развития, и прогресс постепенно поднимался на самый высокий исторический уровень.

«Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации», подписанное 18 декабря 1992 г. лидерами России и Китая в Пекине, стало программным документом, направляющим работу двух стран в области культуры.

«Китайско-российский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», подписанный в 2001 году, заложил прочную основу для развития отношений между двумя странами. От «союза и взаимопомощи» в 1950-х годах до «дружественного сотрудничества» после 2000 года – все это свидетельствует об изменениях во внешней политике России и Китая **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

В течение этого периода благодаря прямому продвижению двух стран дружеские обмены и сотрудничество между Россией и Китаем постепенно стабилизировались. У двух стран была потребность во взаимном обучении в области культурных и образовательных обменов. Многопрофильное сотрудничество способствовало общему процветанию и развитию культуры и образования между Россией и Китаем.

Период процветания китайско-российской культурной дипломатии (2006-настоящее время). Причина, почему этот период стал периодом процветания, заключается в том, что в 2006 году российский и китайский университет совместно построили первый Институт Конфуция в России 0. Как все мы знаем, Институт Конфуция в 21 веке стал центром гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем. На Дальнем Востоке России действуют 4 Института Конфуция: в ДВФУ, БГПУ 0, Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете и в Бурятском государственном университете.

В 2006 и 2007 годах Китай и Россия совместно провели Национальный год – присутствовали главы государств и премьер-министры, десятки тысяч китайских и российских зрителей. В 2008, 2010, 2011, 2012, 2013 и 2014 годах в двух странах прошли культурные фестивали, кроме того, 2009 и 2010 были взаимными языковыми годами, в 2012 и 2013 годах Год туризма проводился совместно. В 2013 году президент Си Цзиньпин выдвинул инициативу сотрудничества «Один пояс, один путь» [4, с. 52-53], активно развивая партнерские отношения со странами, находящимися на этом пути и совместно строя сообщество общей судьбы, основанное на политическом взаимном доверии, экономической интеграции и культурной терпимости. Как наиболее важная страна в создании инициативы «Один пояс, один путь», Россия всегда положительно относилась к инициативе президента Си Цзиньпина и поддерживала высокий уровень сотрудничества.

В 2014 году Институт Конфуция БГПУ провел мероприятие для российских студентов, изучающих китайскую традиционную культуру, чтобы углубить их понимание в этой области. Российские студенты также изучали искусство китайской каллиграфии. С 2016 года Минкультуры двух стран реализовывали План сотрудничества на 2014-2016 годы, который был сосредоточен на музыке, драматургии, изобразительном искусстве и т.д.

В последние годы российско-китайское гуманитарное сотрудничество стремительно развивается. Начиная с 2007 года, Россия и Китай успешно проводят друг с другом Национальный год, Год языка, Год туризма и Год дружественного молодежного обмена [5, с. 4]. В 2018 и 2019 годах в России и Китае также прошли годы местного сотрудничества и обмена. В сфере образования росло число людей, обучающихся друг у друга в России и Китае.

Существует бесчисленное множество примеров сотрудничества в области распространения языков и культурных мероприятий в течение этого периода. Вышеупомянутые культурные мероприятия эффективно продемонстрировали успех российско-китайской культурной дипломатии, а Институт Конфуция эффективно содействовал двусторонней культурной деятельности, экономическим и торговым обменам между Россией и Китаем. В последние годы российско-китайское всестороннее военное партнерство всегда поддерживало высокий уровень активности. Интересы обеих сторон постепенно охватывают различные области, а обмены и сотрудничество становятся все более тесными, что полностью доказывает стабильность, зрелость, расширение и развитие китайско-российских отношений.

Сегодня культурная дипломатия через Институт Конфуция стала важной частью дипломатических отношений между Россией и Китаем. Российско-китайские отношения в новую эпоху будут основаны на укреплении многостороннего сотрудничества, отказе от противоречивых факторов, извлечении уроков и осознании подлинного равенства в китайско-российских отношениях. Только так можно максимизировать интересы двух стран.

На протяжении более 70 лет мир является свидетелем непрерывного развития российско-китайских отношений на глубоком историческом фоне. Практика доказала, что культурная дипломатия может способствовать процветанию экономики страны, укреплению ее имиджа, представлению культуры и ценностей более приемлемыми для международного сообщества.

Таким образом, необходимо усилить культурную дипломатию во всех аспектах, сосредоточить внимание на будущем, продолжить развивать международные таланты и проложить путь к долгосрочной дружбе между двумя странами. Обмены будут и дальше укреплять социальную основу российско-китайской дружбы, способствовать углублению и развитию китайско-российских отношений и вместе создавать лучшее будущее!

Список литературы

1. «环球时报» 2004年6月23日 // Хуань чюй ши бао, 23 июня 2004.
2. 沈志华. 苏联专家来华的高峰时期. 国际人才交流, 2013(10):4. Шэнь Чжисхуа. Пиковый период приезда советских специалистов в Китай // Международная биржа талантов. 2013. №10. С. 4.
3. 《中国青年报》 2011年04月22日 // Газета китайского юноши, 22 апреля 2011.
4. Симонова А.И. "один пояс - один путь" как глобальный китайский экономический проект" // Восточная аналитика. 2017. №. 3. С. 52-53.
5. 赵东波. 中俄"国家年"合作新起点[J]. 东北亚论坛, 2006, 6号, 第4页. Чжао Дунбо. Новая отправная точка китайско-российского сотрудничества в рамках «Национального года» // Форум Северо-Восточной Азии. 2006. №. 6. С. 4.
6. Се Фэнлин, Еланцева О.П. Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 51.
7. Стокоз В.Ю. Перспективы развития туристического потенциала Амурской области // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. №1. С. 73-83.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МИГРАЦИИ ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.В. Черевичко

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

Статья посвящена особенностям и перспективам применения интеграционных технологий миграции труда в соответствии с современными тенденциями общественного развития. Рассмотрена структура интеграционно-адаптационного механизма миграции труда. Особое внимание уделено информационному элементу механизма, составляющему основу цифровой интеграции миграции труда.

Ключевые слова: интеграция, миграция труда, цифровая интеграция, интеграционная политика

INTEGRATION TECHNOLOGIES OF LABOR MIGRATION IN MODERN SOCIETY

T.V. Cherevichko

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article is devoted to the features and prospects for the use of integration technologies of labor migration in accordance with modern trends in social development. The structure of the integration-adaption mechanism of labor migration is considered. Particular attention is paid to the information element of the mechanism, which forms the basis of the digital integration of labor migration.

Key words: integration, labor migration, digital integration, integration policy

Современное общество в настоящее время продолжает развиваться в условиях глобального кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Введение тотального карантина в мировом пространстве, закрытие границ, ограничения при перемещении населения на неопределённое время — это реалии жизни современного общества. В этой связи следует отметить одну важную особенность - над общемировыми целями устойчивого экономического, политического развития как никогда ранее преобладают национальные государственные интересы. Наиболее яркий пример – это глобальный рынок труда, который был дестабилизирован ограничительными мерами и, что привело к масштабной трансформации миграционных процессов. Однако, не смотря на драматизм миграционной ситуации в мировом пространстве, вопросы интеграции и адаптации мигрантов как никогда актуальны.

Неопровержимый факт, что все государства в той или иной мере подвержены влиянию миграции. Страны мира сейчас являются либо странами происхождения потока мигрантов, либо странами назначения, либо теми и другими одновременно. А миграция как сложный социальный процесс всегда связана с взаимным влиянием принимающего общества и сообществ мигрантов.

Демографические тенденции и прогнозы говорят о том, что в будущем сохранение численности населения и восполнение трудовых ресурсов развитых стран будет все сильнее зависеть от объемов миграции. Уже сейчас 272 млн. людей проживают не в тех странах, в которых родились. Из них около 70% мигрируют в поисках работы, т. е. являются трудовыми мигрантами [1, Р. 21, 33].

Интеграционные процессы в корне изменяют политическую картину всего мира. И это еще одна особенность современных международных отношений, ведь в большинстве западноевропейских обществ доля иностранцев или их потомков значительна. Крайне важным вопрос интеграции иммигрантов является еще и потому, что он вызывает острейшие конфликты в монокультурной среде европейских стран.

Следует отметить, что государственное регулирование интеграции мигрантов в иммиграционных обществах является относительно новым явлением. При реализации интеграционной политики приходится одновременно решать две противоположные проблемы: привлекая из-за рубежа необходимую рабочую силу, при этом контролировать антииммигрантские и ксенофобские настроения в обществе.

Взаимодействие между гражданами принимающей страны и вновь прибывшими мигрантами сопровождается приспособлением мигрантов к новым для них социальным, культурным, экономическим, правовым условиям, что регулируется адаптационными элементами интеграционно-адаптационного механизма миграционной политики. Затем мигранты должны включиться в культурную, социальную и экономическую жизнь страны, в которую приехали, на равноправных с местными жителями основаниях, что, собственно, и является действием интеграции мигрантов. Следует отметить, что интеграция мигрантов имеет культурный, структурный, социальный и идентификационный аспекты. В этой связи интеграционная политика государства может быть направлена на поддержание текущего положения дел, либо на модификацию того или иного явления. Также интеграционная политика может быть общей – направленной на мигрантов и граждан страны, воздействующей на основные общественные институты, либо специальной – направленной только на мигрантов или конкретные их группы [2, с. 315-316].

Интеграционная политика включает различные структурные элементы, необходимые для функционирования интеграционно-адаптационного механизма. Так, политика культурной интеграции предполагает меры, способствующие освоению мигрантами языка принимающего общества в необходимом объеме (язык и нормы принимающего общества), а также «культуры принимающего общества», и потому ориентирована в основном на мигрантов. В свою очередь, структурная интеграция нацелена на включение мигрантов в статусы принимающего общества: через приобретение гражданства, участие в рынке труда, системе образования и социального обеспечения. Социальная же интеграция чаще всего реализуется на локальном уровне и нацелена на установление связей разного характера между мигрантами и местным населением. А политика по идентификационной интеграции предполагает создание и поддержание единого символического поля из граждан страны и вновь прибывающих мигрантов (эмоциональный аспект объединения общества).

Представляется, что интеграция — это совокупность взаимосвязей и взаимодействий разного уровня между мигрантами и принимающим обществом. Реализация и результат интеграционных процессов зависят как от характери-

стик мигрантов, так и от структур принимающего общества: рынка труда и процедур приема в гражданство (структурная интеграция), характеристик соседских отношений и уровня расизма (социальная интеграция), национальной концепции и характеристик символического ряда (идентификационная интеграция).

Интеграционные технологии миграции имеют свою историю развития. Со второй половины 1960-х гг. в большинстве западных стран была проведена либерализация иммиграционной политики, которая привела к масштабному расширению этнокультурного многообразия. От стремления ассимилировать чужие культуры Западная Европа перешла к «политике признания». Но монациональным государствам все равно было сложно принять «этнонашествие».

В Великобритании, бывшей империи, которая исторически не была монациональной, и меры по иммиграции, и меры против дискриминации – две стороны государственного вмешательства – традиционно считались неразрывно связанными: «интеграция без контроля невозможна, но контроль без интеграции является неоправданным».

Классическая модель национальной интеграции миграции предполагает совпадение культурных и политических границ, что в реальности всегда было практически неосуществимо. И из-за того, что страны Европы долго делали упор в своем развитии на культурное ядро, в противовес национальному, они оказались идеологически не подготовленными к тому, что иммигранты заявят собственные политические и культурные требования.

На международном уровне миграционными вопросами занимается Международная организация по миграции (МОМ). Еще в 2011 г. под руководством МОМ появился сборник законодательства, политики и практики в области интеграции иммигрантов, подготовленный на материалах 19 государств. В 2016 г. (после «кризиса беженцев» 2015 г.) Европейская комиссия предложила План действий по интеграции граждан третьих стран. Согласно Плану, основой интеграционной повестки выступает инкорпорация мигрантов в общественную жизнь во всех ее проявлениях и отказ от дискриминации [3]. Повестку предполагается встраивать в общесоциальную политику стран Европы, для всех слоев населения, с привлечением негосударственных стейкхолдеров. Особый интерес представляет программа успешной интеграции мигрантов «Стратегия четырех Д». Данная программа предполагает доступ мигрантов к информации: правовой, культурной, трудовой; правовому статусу: легализация пребывания и трудовой деятельности; инфраструктуре страны пребывания: социальной, жилищной, транспортной, культурной, экономической; ресурсам и услугам принимающего государства и общества: возможность воспользоваться поддержкой, получить необходимые услуги, достичь приемлемого уровня жизни и потребления и стать в итоге полноправным участником экономической, социальной и культурной жизни [4,с.5]. Безусловно пандемия коронавируса вносит свои коррективы в интеграционные программы, но миссия интеграции остается неизменной и цели программы должны определяться приоритетами жизни человека, независимо от его гражданства.

Важно, чтобы интеграция мигрантов не возлагалась на самих мигрантов. Если принимающее общество не захочет их интегрировать, они могут стараться изо всех сил, но все равно у них нет никаких шансов. А в условиях незнания языка, законов, отсутствия официальной правовой помощи иностранные граждане становятся заложниками ситуации. Как отмечает В.С. Малахов, вопросы первичной важности в деле интеграции мигрантов – условия труда и жилье: «Если эти проблемы не сняты (например, индивид работает по 12 часов в сутки без выходных и живет в унижающих человеческое достоинство условиях), ожидать от мигрантов включения в принимающее общество не придется» [5, с.10]. Если у мигрантов из-за интенсивного труда, в напряженном графике, не остается сил, чтобы знакомиться с культурой принимающей страны (концерты, выставки, встречи), мероприятиями диаспор, то реализация интеграционных технологий не произойдет.

Нельзя также брать резкий курс в интеграционной политике на ассимиляцию иностранцев. Для человека, оказавшегося в чужой стране, в окружении чуждой культуры, собственная идентичность – важный фактор морального состояния, стержень, помогающий преодолевать трудности миграции. Обратная сторона – возникающие конфликты с мигрантами, возникающие в результате ущемления ценности этноса, пренебрежения его ценностями и традициями [6, с.31].

Правовой статус и правовая защищенность мигрантов – следующие по важности после обеспечения жильем и работой, так как противодействуют дискриминации и маргинализации вновь прибывших, их теневой занятости и эксплуатации. Факт нарушения чьих-либо прав – это констатация факта неэффективности законодательства, и гражданство тут ни при чем. Принимающее общество, несомненно, несет ответственность за то, чтобы реализация правового статуса мигрантов способствовала их участию в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни общества. В свою очередь, мигранты обязаны уважать нормы и ценности принимающей стороны и активно участвовать в процессе интеграции, при этом, не отказываясь от своей идентичности.

Обеспечивая защиту прав мигрантов, общество публично признает их роль для экономики страны, в целом содействует формированию толерантного отношения к приезжим у коренного населения. В том числе гражданам разъясняются мотивы проводимой миграционной политики. Все это создает нужную для интеграции мигрантов атмосферу [7, с.12]. Возможно, лучшим вариантом являются программы интеграции только для тех, кто решил стать гражданином и остаться жить в стране пребывания. Это позволит экономить нервы трудовых мигрантов, кто приехал на полгода-год на заработки, и средства государства. Тогда для желающих стать гражданином имеет смысл тот же «контракт натурализации», а затем участие в программах для желающих получить гражданство.

Особенностью интеграционных стратегий большей доли трудовых мигрантов (особенно из Средней Азии) является транснационализм – мигрант не порывает полностью экономические, социальные и культурные связи со своей родиной, делит свое время между странами приема и происхождения, не делая

выбора в пользу одной из них, на протяжении многих лет сохраняет высокую социальную и экономическую мобильность. Так, более 75 % мигрантов с Кавказа сохраняют свою культуру и ценности, они не стремятся к аккультурации – освоению новых культурных ценностей и моделей поведения, заимствованных в результате контактов с другим этническим сообществом (прежде всего русскими).

Самым предпочтительным интеграционным институтом для такого мигранта оказываются миграционные сети (места работы, молельные комнаты, кафе и чайханы и т.п.) – буфер между ним и принимающим сообществом, через активного земляка, владеющего языком страны пребывания и помогающего освоиться. Сюда же следует относиться и цифровую инфраструктуру: чаты в мессенджерах, группы в социальных сетях, тематические ютуб-каналы и т.д.

Пандемия коронавируса обусловила цифровой переход к использованию информационных ресурсов во всех сферах общественной жизни. В определённой степени мы можем говорить и о цифровизации интеграции миграции труда. В условиях информатизации общества осуществляется процесс интеграции сетевых технологий, новых и социальных медиа с миграционными сетями, что усиливает адаптивность мигрантов к новым реалиям.

В этой связи, представляется важным отметить активное использование в качестве интеграционных технологий миграции труда информационного компонента. Определяя информационную компоненту интеграционно-адаптационного механизма миграции как систему коммуникативных ресурсов и технологий, выступающих в качестве самостоятельного структурного элемента, необходимо указать его миссию, которая состоит в имплементации государственных задач в области миграционной политики как на национальном уровне, так и на международном.

Анализ интеграционных технологий миграции труда крайне важен в современных условиях развития общества. Различие культур актуализирует вопросы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в принимающем обществе. Не менее остро стоят эти вопросы и в России. Неприятие в обществе трудовых мигрантов во многом объясняется попытками политизации этничности, использованием в СМИ «языка вражды», манипулированием проблемами иммиграции в политических целях.

Понятие «интеграционные технологии» предполагает ряд мер по обеспечению включения иностранных граждан в общественные отношения в стране пребывания в качестве полноправных членов общества. Эта цель достигается через реализацию комплекса мер по правовой, социальной защите мигрантов, по приобщению их к культурным нормам и стандартам поведения.

Существующая ситуация присутствия мигрантов в России, особенно в условиях пандемии коронавируса, требует новой политики в отношении мигрантов. В российской практике интеграционная политика, к сожалению, все еще сводится к мерам по легализации трудовой деятельности иностранных работников. Реализация мероприятий в социальной сфере и их финансирование передано в полномочия субъектов РФ, которые отличаются между собой фи-

нансовыми возможностями и объемами миграции, что затрудняет проведение в стране комплексной интеграционной политики.

Список литературы

1. World migration report 2020 / IOM. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf.
2. *Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3. С. 315-330 / CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-migrantov-cto-eto-i-kakuyu-rol-v-ee-osuschestvlenii-mozhet-igrat-gosudarstvo>. (дата обращения 04.01.2022).
3. Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. – М., 2011. URL: https://moscow.iom.int/sites/default/files/politika_integracii_migrantov_19_stran.pdf. (дата обращения 04.01.2022).; Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions Action plan integration third country nationals [Электронный ресурс] // European Commission, Directorate-General for Migration and Home Affairs. COM/2016/0377 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52016DC0377>. (дата обращения 04.01.2022).
4. Адаптация и интеграция мигрантов сборник эффективных практик / Автор-составитель Якимов А.Н. – СПб., 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf>. (дата обращения 05.01.2022).
5. *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. М. Спецкнига. 2014. № 12.
6. *Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А.* Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа. ДизайнПресс. 2014.
7. *Ивахнюк И.В.* Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России. Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? // Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 29. М., 2015. С. 8-28.

Раздел II. Российская провинция: опыт социологического изучения

УДК 070(470.345)

ТЕЛЕКАНАЛЫ И ДОВЕРИЕ К НИМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Р.Р. Агишев

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск*

В статье рассматриваются особенности региональной практики телепотребления и доверия к получаемой информации. Изучается востребованность федеральных, региональных телевизионных каналов. Уделяется внимание оценке информации, получаемой зрителями посредством телевизионных каналов. Анализируется профиль телевизионной аудитории.

Ключевые слова: телевидение, доверие, информация, телепотребление, медиасреда

TELEVISION CHANNELS AND THEIR CREDIBILITY: A REGIONAL ASPECT

R.R. Agishev

*State State Institution of the Republic of Mordovia
«Scientific Center for Socio-Economic Monitoring», Saransk*

The article discusses the peculiarities of regional practice of television consumption and trust in the information received. The demand for federal and regional television channels is being studied. Attention is paid to the evaluation of information received by viewers through television channels. The profile of the television audience is analyzed.

Key words: television, trust, information, television consumption, media environment

В реалиях активно эволюционирующего постинформационного общества роль СМИ становится всеобъемлющей, нередко в отрицательной парадигме формируют суггестивное воздействие и усиливает дезориентацию в информационном поле [1, с. 106]. Последнее облавливает целый ряд знаковых негативных для общества в целом последствий, особое место среди которых занимает снижение «институционального гражданского доверия и доминированию межличностного доверия короткого радиуса» [2, с. 31]. Для Российской Федерации с ее этноконфессиональным разнообразием и неравномерным территориальным развитием эффект от снижения институционального доверия может быть особенно разрушительным, грозящим окончательно подорвать и без того хрупкий консенсус. В этой связи исследование региональной медиасреды и доверия к ней приобретает особую значимость.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены некоторые результаты длительных мониторинговых исследований медиапотребления в полиэтническом и многоконфессиональном регионе (Республика Мордовия), где уровень доверия к традиционным государственным институтам особенно высок. Хронологические рамки исследований ограничены 2017 (n = 1000) - 2020 (n = 1000) гг. Предметом рассмотрения выступают особенности региональной практики телепотребления и доверия к получаемой информации. Для обсуждения предлагаются следующие, нашедшие свое подтверждение в

результатах исследования, тезисы: телевизионные каналы остаются информационным каналом для широкой аудитории телезрителей с разным гендерным и возрастным составом и одним из главных источников информирования о событиях в стране [3, с. 7]; снижение аудитории наиболее популярных телеканалов; большее доверие к информации региональных телеканалов по сравнению с федеральными.

Результаты мониторинговых исследования СМИ в регионе демонстрируют устойчивость предпочтений респондентов при выборе медиаканалов, как федерального, так и регионального значения. Лидерские позиции в 2020 г. занимает тройка наиболее популярных федеральных телеканалов - «Первый канал» (61 %), «Россия 1» (44 %) и «НТВ» (33 %), что соответствует и общефедеральным тенденциям. Значимую долю зрительского внимания удерживают СТС и ТНТ, которые в 2020 г. смотрели четвертая (25 %) и пятая (20 %) части респондентов соответственно. Медиаконтент остальных федеральных телеканалов менее значим для телепотребителя.

Для динамики телепотребления в 2017-2020 гг. характерны некоторые изменения. Рейтинг предпочтений на протяжении всего исследуемого периода возглавляли «Первый канал», «Россия 1» и «НТВ», зрительская аудитория которых изменилась в разной степени. Для телеканалов «Первый канал» и «НТВ» характерна существенная отрицательная динамика (более 10 %), для телеканал «Россия 1» - незначительная позитивная динамика (2 %).

Профиль зрителей несущественно определяется социально-демографическими характеристиками респондентов.

Большую часть зрительской аудитории телеканалов - лидеров рейтинга составляют женщины («Первый канал» - 66 %, «Россия 1» - 49 %), доля мужчин значительно меньше - 55 и 39 % соответственно. При этом женщины предпочитают смотреть каналы, ориентированные на показ развлекательных передач и сериалов: «СТС», «Домашний», «ТНТ», «Пятница». Мужская аудитория отдает предпочтение каналам, в которых основная часть контента отводится информационно-аналитическим и спортивно-развлекательным передачам: «НТВ», «Матч ТВ», «Рен ТВ», «Звезда», «Россия 24».

С увеличением возраста респонденты отдают предпочтение при просмотре следующим каналам: «Первый канал», «Россия 1», «НТВ», «Пятый канал», «Россия 24», «ТВЦ», «РЕН ТВ», «Спас», «Домашний», «Звезда», «Мир», «ГТРК Мордовия», «10 канал - ТелеСеть Мордовии». Такие каналы, как «Матч ТВ», «СТС», «Пятница», «ТНТ» и «Муз ТВ», привлекают более молодое поколение.

Тройку основных телеканалов, которые предпочитают смотреть русские, мордва-мокша, мордва-эрзя и татары, составляют «Первый канал», «Россия 1» и «НТВ». Респонденты татарской национальности отдают приоритет каналам, транслирующим спортивные («Матч ТВ») и развлекательные («ТНТ», «СТС» и «МУЗ ТВ») передачи. Результаты исследования демонстрируют стабильный интерес мордвы и русских к передачам регионального телевидения.

Уровень образования оказывает влияние на предпочтения респондентов

при выборе каналов, не являющихся лидерами просмотра. Респонденты с общим образованием наряду с фаворитами рейтинга смотрят каналы «Матч ТВ» и «СТС»; со средним профессиональным образованием - «Звезда»; с неоконченным высшим - «СТС» и «ТНТ»; высшим - «СТС». Респонденты с ученой степенью проявляют максимальный интерес к информационному контенту и предпочитают смотреть «Россия К (Культура)» и «Россия 24»; кроме того, среди них максимальная доля тех, кто не смотрит телевизор. Прослеживается следующая тенденция: чем выше уровень образования респондента, тем реже он смотрит ТВ.

Влияние места проживания на предпочтения зрительской аудитории проявляется при выборе каналов, не входящих в четверку лидеров («Первый канал», «Россия 1», «НТВ», «СТС»). Сельские жители значительно чаще смотрят ТВ, чем городские. Им нравятся телеканалы, ориентированные на показ сериалов, развлекательных и спортивных передач, а также региональных новостей. Предпочтения жителей малых городов Мордовии при выборе телеканалов представляют собой своеобразный «симбиоз» мнений сельчан и населения столицы: сохраняя заинтересованность к телеканалам «Звезда», «Домашний» и региональным (как проживающие на селе), среди развлекательных предпочитают «ТНТ» и проявляют минимальный интерес к спортивному «Матч ТВ» (как проживающие в Саранске).

Востребованность телевидения, как источника новостей, актуализирует вопрос о доверии к транслируемому медиаконтенту. Жители региона демонстрируют достаточно высокий уровень доверия к телевидению как к источнику информации о стране (48 %).

Определенное влияние на мнение респондентов оказывают их социально-демографические характеристики. Например, уровень доверия к новостным продуктам телевидения у женщин несколько выше, чем у мужчин.

Наибольшая степень доверия к новостным продуктам телевидения о стране выявлена у поколения людей от 50 лет, наименьшая степень доверия зафиксирована среди молодежи. Сельские жители в большей степени, чем городские, доверяют телевидению как источнику новостей о стране.

В 2017-2020 гг. определилось заметное снижение внимания телезрителей к региональным телеканалам. За период с 2017 г. доля аудитории ГТРК «Мордовия» снизилась на 19 %, «10 канал - ТелеСеть Мордовии» - на 13 %; канал «Саранск-ТВ» респонденты практически не смотрят. Незначительную тенденцию к росту демонстрирует только «Народное телевидение Мордовии (НТМ)» (на 4 %).

Сложившийся в 2020 г. профиль аудитории региональных телеканалов в разной степени обусловлен социально-демографическими характеристиками респондентов. Не зафиксированы гендерные предпочтения респондентов при выборе телеканалов. Возрастная специфика, напротив, оказывает влияние на предпочтения респондентов. С возрастом респонденты несколько чаще просматривали телеканалы ГТРК «Мордовия» и 10 канал - ТелеСеть Мордовии. В остальных случаях возрастная дифференциация не существенна. Сельские

жители предпочитают просмотр телеканалов ГТРК «Мордовия» и Народное телевидение Мордовии (НТМ), а городские жители - 10 канал - ТелеСеть Мордовии. Национальность респондентов оказывает влияние на их предпочтения при выборе телеканалов лишь в некоторых случаях. Наиболее сильно интерес к просмотру телеканала ГТРК «Мордовия» выражен у мордвы-эрзя, наименее - у татар. Существенно реже к просмотру телеканала 10 канал - Теле-Сеть Мордовии обращаются татары.

Восприятие респондентами регионального контента характеризуется достаточно высоким уровнем доверия (46 %), который в той или иной степени различается в зависимости от социально-демографических характеристик. Уровень доверия к новостным продуктам телевидения у женщин несколько выше, чем у мужчин. Новостным продуктам телевидения о республике более склонны доверять люди от 50 лет, наименее - молодежь. Уровень доверия к телевидению, как источнику новостей о республике, выше у сельчан, чем у горожан.

Таким образом, фиксируется снижение аудитории наиболее популярных федеральных и региональных телеканалов. Последнее, предположительно, обусловлено активной экспансией интернета и новых социальных медиа, конкурировать с которыми традиционным СМИ становится все сложнее и сложнее. Региональной спецификой выступает относительно высокий уровень доверия телевизионной информации, в особенности, поступающей из региональных источников. В связи с этим можно говорить о том, что более высокий уровень доверия детерминируется злободневностью информации, ее экстраполяцией на уровень потребителя и личностной окраской.

Список литературы

1. *Мацевич И.Я.* Феномен «постиндустриального» общества как объект концептуализации // *Медиафилософия.* 2009. № 2. Т. 2. С.106-115.
2. *Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А.* Постинформационное общество, недоверие и новые идентичности // *Вопросы культурологии.* 2015. № 10. С. 30-35.
3. *Ушкин С.Г., Агишев Р.Р., Пакишина И.А.* Медиапредпочтения жителей Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. Саранск, 2021. № 3 (11).

УДК 316.4

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.А. Бегина, М.В. Калининкова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье исследуется связь между экологическим образованием населения и его желанием участвовать в общественных движениях по защите окружающей среды своего места проживания. Особое внимание уделяется проблемам в развитии экологических движений в Саратовской области.

Ключевые слова: окружающая среда, экологическое образование, экологическое движение

ON THE ISSUE OF THE LEVEL OF ENVIRONMENTAL EDUCATION OF THE POPULATION OF THE SARATOV REGION

I.A. Beginina. M.V. Kalinnikova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article examines the relationship between the ecological education of the population and their desire to participate in social movements to protect the environment of their place of residence. Special attention is paid to the problems in the development of environmental movements in the Saratov region.

Key words: environment, environmental education, environmental movement

Экологическое образование в России имеет 50-летнюю историю и его значение в концепции общего образования постоянно растет. Основы экологического образования были заложены на целой череде международных форумов под эгидой ООН, посвященных защите окружающей среды, таких как «Conference on the Human Environment» (1972 г., г. Стокгольм), «Экологический Форум» (1975 г., г. Белград), «Межгосударственная конференция» (1977 г., г. Тбилиси), Московская конференция (1987 г.), всемирный форум United Nations Conference for Environment and Development – UNCED (1992, Рио-де-Жанейро), Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 2002 г.) и наконец, Конференция ООН по изменению климата (2021 г., г. Глазго).

Все эти форумы в своих итоговых декларациях подчеркивали значимость и необходимость экологического образования и воспитания во всемирном масштабе. Благодаря этим решениям, были разработаны основные принципы экологического образования, и оно было введено в учебные планы и рабочие программы дисциплин в рамках средних и высших учебных заведений. А такие принципы экологического образования как непрерывность, междисциплинарность нашли свое отражение в дошкольном и послевузовском образовании. Экологическое образование получило свое определение как «сознательное и планомерное развитие знаний об окружающей среде в течение всей жизни человека» [1, с. 340].

Учеными подчеркивается, что главная цель экологизации образования состоит не столько в овладении методами экологических исследований (хотя это и важно), сколько в выработке нового массового сознания с новой системой ценностей и приоритетов мировосприятия, с новой этикой взаимоотношений человека с природой [2, с.42]. Для того, чтобы бережно относиться к природе, человек должен мыслить по-новому, то есть у него должен быть экологический стиль мышления.

Население Саратовской области признает у себя наличие экологического образования, позволяющего преодолеть потребительское отношение к естественным природным ресурсам и участвовать в общественных движениях по защите окружающей среды своего места проживания [3, с. 119]. Данному настроению наилучшим образом отвечает концепция Zero Waste (Ноль отходов), выступающая против появления отходов в повседневной жизни людей и борющаяся за создание цепочек замедляющих энтропию материалов и усили-

вающую природные процессы метаболизма [4]. Данное движение приобрело большую популярность среди населения урбанизированных территорий, в том числе и жителей города Саратова, так как основная его цель - сокращение количества промышленного мусора и бытовых отходов благодаря предметам многократного использования.

Для того, чтобы определить уровень экологической образованности и культуры населения Саратовской области, на кафедре социологии регионов СГУ имени Н.Г. Чернышевского в 2021 году силами магистрантов были проведены авторские социологические исследования, которые выявили степень готовности населения вести борьбу с бытовыми отходами и экологическими рисками окружающей среды. Было установлено, что население Саратовской области осознает важность экологических проблем и готово решать их, оценивает экологическое состояние как «скорее не благополучное» и считают себя лишь «частично информированными в вопросах экологии своего населенного пункта» [5, с. 11].

Также выявлено, что большинство саратовской молодежи осведомлены о движении Zero Waste и старается по мере возможности использовать ее принципы в своей повседневной жизни. Однако для полной реализации данного экологического движения в нашей области необходимо, прежде всего, создание усовершенствованной системы управления отходами.

Список литературы

1. Маркович Д.Ж. Социальная экология: Монография. - М.: Изд-во РУДН, 1997. - 436 с.
2. Глазычев С.Н. Экологическая культура учителя: исследования и разработки экогуманитарной парадигмы. М., 1998. С. 42.
3. Калининкова М.В. Поколенческий дизайн экологического образования. Глава в монографии / Теоретические и прикладные аспекты исследования жизнедеятельности поколений / И.А. Бегинина, М.Э. Елютина, Д.Л. Иванов [и др.]; под ред. проф. С.Г. Ивченкова. - Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. - 192 с.
4. Мюррей Р. М987 Цель - Zero Waste. (Перев. с англ.). М.: ОМННО «Совет Гринпис».2004. – 232 с.
5. Глухова А.Р. Экологические риски и их влияние на социальные процессы (на примере Саратовской области) //Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – Вып. 21. - 132 с. ил. (Электронное издание)

УДК 316.334.23

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

А.Ф. Валеева

Казанский государственный институт культуры, Казань

В статье рассмотрены некоторые аспекты теоретического и эмпирического измерения политической культуры, а также влияния политико-культурного фактора на состояние и развитие социокультурной ситуации в Республике Татарстан. На основании анализа данных экспертного опроса сделан вывод, что региональная политическая культура носит смешанный характер, детерминируя региональную социокультурную ситуацию как переходную от традиции к модерну при доминировании авторитарных властных структур.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, политическая культура, местническая (приходская), подданническая (подчинения), активистская (участия), смешанные политические культуры

POLITICAL AND CULTURAL DIMENSION OF THE SOCIO-CULTURAL SITUATION IN THE REGION (BY THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

A.F. Valeeva

Kazan State Institute of Culture, Kazan

The article discusses some aspects of the theoretical and empirical measurement of political culture, as well as the influence of the political and cultural factor on the state and development of the socio-cultural situation in the Republic of Tatarstan. Based on the analysis of the expert survey data, it was concluded that the regional political culture is of a mixed nature, determining the regional socio-cultural situation as a transition from tradition to modernity with the dominance of authoritarian power structures.

Key words: socio-cultural situation, political culture, local (parish), subject (subordination), activist (participation), mixed political cultures

В условиях модернизации индустриального российского общества и его региональных сообществ, трансформации социальных структур и социальных институтов становится все более актуальной необходимостью комплексного изучения региональных социокультурных ситуаций, в том числе и в аспекте, касающемся измерения политико-культурных составляющих означенных ситуаций.

Если исходить из концепции одного из столпов постмодернистской парадигмы социальной эволюции Р. Инглегарта, то в основу научного исследования текущих региональных социокультурных ситуаций, нацеленного на диагностику сущностных характеристик политико-культурных ценностей и норм, следует положить ряд соображений американского социолога и политолога.

Первое. Термин «постмодернистский» имеет множество значений. Сам Инглегарт, судя по его рассуждениям, придерживался распространенного в литературе мнения, что постмодернизация предполагает «...отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм» [1, с.269].

Второе. С точки зрения американского ученого, концепция постмодернизации в известной степени связана с культурным детерминизмом, когда восприятие реальности происходит через «некие культурные фильтры», и культурные факторы превращаются во все более значимый компонент повседневного опыта [1, с. 269].

И, наконец, третье. Демократия и, следовательно, демократический тип политической культуры приобретают большую вероятность генезиса, укрепления и развития по мере перехода от модернизации к постмодернизации, поскольку их отсутствие сопряжено с большими издержками [1, с. 268].

Вначале определимся со значением ключевых терминов настоящей статьи «социокультурная ситуация» и «политическая культура», поскольку эти термины, так же, как и понятие «постмодернистский», имеют неоднозначное толкование.

Под социокультурной ситуацией региона мы разумеем интегральное социокультурное пространство, которое окружает обитателей региона, определяя в значительной мере условия их жизни и деятельности. Социокультурное пространство региона являет собой комплекс «полей» и сфер жизнедеятельности, а также духовно-культурных основ образа жизни населения региона, а именно: ценностей, мотивов, личностно-деловых качеств, включая способность взаимодействовать на основе взаимного доверия. Такого рода дефиниции социокультурной ситуации достаточно часто используются в современной отечественной литературе [4].

Вслед за Г. Алмондом и С. Вербой, политическая культура определяется нами как «образец индивидуальных позиций и ориентаций участников политической системы, составляющий основу политически значимых действий [6, с.13].

Вдобавок к дефиниции политической культуры американские исследователи предложили оригинальную шкалу для измерения характера и содержания политических культур, существующих в различных странах. Известно, что социокультурные образования измеряются с помощью метрических и неметрических шкал. В частности, такой неметрической шкалы, как шкала наименований.

Для целей измерения качества политической культуры Алмонд и Верба в духе идеальных типов М. Вебера сконструировали три чистых политико-культурных типа (местнический, подданнический и активистский), а также три смешанных, представляющих собой различные комбинации трех чистых типов. Одну из таких комбинаций они назвали гражданской политической культурой, наличествовавшей, по их мнению, в момент написания книги в США и Великобритании [6, с.16-20].

Актуальность политико-культурного измерения и диагностики характера российской политической культуры возросла вследствие распространившегося в научной среде мнения, что Россия в последние десятилетия уверенно движется по пути «модернизации индустриального общества» или, применяя терминологию У. Бека, «от индустриального общества к обществу риска» [1].

Не думаем, что этот тезис справедлив, во всяком случае, он явно нуждается в дополнительном обосновании. И исследования в области изучения политико-культурных аспектов социокультурной среды и влияния этих аспектов на различные составляющие жизнедеятельности и взаимосвязи государства и общества ведутся. Выделим среди них монографию О.Ю. Шмелевой «Политико-культурное измерение системы государственного управления на современном этапе модернизации России (2000–2011 гг.)» [5], а также и статью В.А. Носкова «Политико-культурное измерение системы государственного управления на современном этапе модернизации России (2000–2011 гг.)» [3].

В целях номинативного измерения, определения преобладающего в Республике Татарстан типа политической культуры, а также выявления характера и особенностей влияния данного типа на региональную социокультурную ситуацию в июне-июле 2016 г. проведен экспертный опрос по проблемам факторов и условий развития предпринимательства. Одной из наиболее активных соци-

альных групп, во многом определяющих социально-психологический климат и «болевым нервом» региональной социокультурной ситуации. Выборочная совокупность (n=105) была сформирована способом «снежный ком» из числа практикующих бизнесменов («практиков») и специалистов в области изучения предпринимательства («теоретиков»), названных «экспертами». Представим в обобщенном, систематизированном виде данные, касающиеся политико-культурного аспекта региональной социокультурной ситуации.

В числе прочих экспертам был задан вопрос: «Политологи Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа политических культур, обуславливающих поведение людей в политике, бизнесе и иных сферах социальной практики. Какой тип политической культуры, на Ваш взгляд, преобладает сегодня в Вашей республике?».

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют, что на момент проведения экспертного опроса в Республике Татарстан, по мнению свыше двух третей экспертов (68,0%), преобладал подданнический тип политической культуры. 20% респондентов отметили местнический тип, и лишь 12% указали на активистский тип политической культуры. Опрос также показывает, что в Татарстанском регионе, опять-таки, по мнению его участников, наличествует смешанный тип политической культуры.

Исходя из теоретических выкладок, произведенных Г. Алмондом и С. Вербой на основе изучения и сравнения политических культур США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики, следует, что смешанные политические культуры весьма различны по своему характеру. Приведем примеры смешанных политических культур, адекватных определенным типам общества. Так, по подсчетам американских ученых, в демократическом доиндустриальном обществе (Доминиканская республика 1940-х гг.) около 55% населения обладали приходской (местнической) культурой, 40% - культурой подчинения (подданничества) и только 5% - культурой участия (активистской). В демократических индустриальных странах (США и Великобритания) наличествовала смешанная политическая культура (культура гражданственности), представлявшая собой синтез культур приходской (10%), подчинения (30%) и участия (60%). Авторитарный переходный общественный строй (Португалия 1940-х гг.) отличался смешанной политической культурой, где культура приходская составляла 30%, подчинения — 60% и участия — 10%) [6, с. 6–46].

Соотнося данные экспертного опроса с теоретическими (чистыми) и эмпирическими (опытными) моделями политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, приходим к выводу, что в Республике Татарстан к настоящему времени сложилась смешанная политическая культура, по количественным параметрам с небольшими отклонениями соответствующая авторитарному переходному обществу. Следовательно, и социокультурную ситуацию в Татарстанском регионе, во всяком случае, ее политико-культурный аспект правомерно квалифицировать как авторитарные, переходные от традиции к модерну при доминировании в различных сферах и «полях» региональной социокультурной ситуации властных структур.

Список литературы

1. *Гришаев В.В. Ульрих Бек: от индустриального общества к обществу риска* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/17_127809_ulrih-bek-ot-industrialnogo-obshchestva-k-obshchestvu-riska.html (дата обращения 26.02.22)
2. *Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация* // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л.Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С.261-291.
3. *Носков В.А. Политико-культурное измерение системы государственного управления на современном этапе модернизации России (2000–2011 гг.)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-obschestvo-politiko-kulturnyy-aspekt-vzaimodeystviya/viewer> (дата обращения 26.02.22).
4. Современная социокультурная ситуация и ее составляющие (поля и сферы деятельности) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034539/5.pdf> (дата обращения 07.02.22).
5. *Шмелева О.Ю. Политико-культурное измерение системы государственного управления на современном этапе модернизации России (2000–2011 гг.): Монография.* — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. — 375 с.
6. *Almond G., Verba S. The Civil Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* – Boston, 1965.

УДК 316

ПРИГОРОД И СЕЛО: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СМЫСЛЫ РЕВЕРСИВНОЙ МИГРАЦИИ*

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва*

В статье рассматриваются смыслы реверсивной миграции и признаки жизненного мира социальной группы, которая начинает формироваться в пригородах и селах из так называемых «новых поселян», бывших жителей городов. Обсуждается проблема терминологического уточнения их обозначений. Анализируются факторы степени успешности их хозяйствования.

Ключевые слова: миграция, новые поселяне, пригород, деревня, жизненный мир

SUBURB AND VILLAGE: PHENOMENOLOGY AND MEANINGS OF REVERSE MIGRATION

V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

The article discusses the meanings of reverse migration and the signs of the life world of a social group that begins to form in the suburbs and villages from the so-called «new settlers», former residents of cities. The problem of terminological clarification of their designations is discussed. The factors of the degree of success of their house management are analyzed.

Key words: migration, new settlers, suburb, village, life world

Феноменология реверсивной миграции элементарна, — люди начинают постепенно двигаться уже не из села в город, а в обратном направлении, — из города в пригород и дальше, на деревню. Этих людей пока еще мало, но социологически они уже заметны. Перед нами событие активного реагирования социальных субъектов на свойства современного жизненного пространства. По-

* Публикация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

кидая одно, они устраиваются в другом. Как называть этих людей? В социологической науке существует ряд именовании, фиксирующих фактуру элементарного передвижения субъектов из одной среды обитания в другую — «мигранты», «переселенцы», «приезжие», «пришлые», «понаехавшие» и т. д. Перечисленные понятия нейтральны и взаимозаменяемы. Им не вполне присуща и их стилистическая окраска. Исключение составляют, пожалуй, «понаехавшие», определенно негативное социально-культурное клеймо, накладываемое обычно на чужаков. Есть и более замысловатые примеры. В одной из саратовских деревень довелось услышать оценочное прозвание, адресованное семье образованных горожан, перебравшихся сюда на постоянное жительство — «варяги». Возникла даже некая эрзац-пословичная формула: «пришли варяги — начались напряги», выразившая раздраженную реакцию местных властей на социально-культурные инициативы приезжих (организацию кружков, конкурсов, возрождение праздников и т. д.).

Таким образом, большинство существующих в науке наименований групп людей, передвигающихся по территории страны, отличается языковой нейтральностью, и в этом смысле понятийной однозначностью. Это обстоятельство делает их удобными для включения в разного рода учетно-статистические ряды, которые пока что, повторяем, не слишком заметны. Но ограничиться здесь даже подробной статистикой вряд ли возможно. При переходе на содержательно-наполненный уровень понимания случаев переезда городских жителей в пригород и деревню с намерением дожить век в обновленной среде обитания одних только нейтральных понятийных конструкций недостаточно. Необходима нагруженная положительным оценочным смыслом понятийная позиция.

В одной из свежих социологических публикаций отображается экзистенциальный пейзаж столичного мигранта в село. «Жизненный мир и ценностные ориентиры городского поселенца в деревне — многоуровневая ментальная конструкция, которая включает различные компоненты. Это переживание пространственной удаленности от мегаполиса, попытка уйти от цивилизации в мир уединения, “заброшенность” в мире, поиск лучшей экологической среды обитания, удовлетворение эстетического чувства, возникающего при виде девственных природных ландшафтов. Наконец, обретение “дома” во всем многообразии смыслов, включая возрождение исторической памяти: реконструкция локальных построек, сохранение предметов быта и документов, воспроизводство традиционных бытовых практик» [6, с. 73].

И несмотря на то, что изображенная здесь «ментальная конструкция» больше похожа на конгломерат разнообразных эмоциональных реакций новоявленного хозяина, с приподнятыми чувствами оглядывающего прелести буколической обстановки, здесь выразительно схвачен именно сельский мир, предстающий на этот раз в виде вещей, недоступных и даже чуждых миру современного мегаполиса. И его можно назвать «миром новых поселян».

Какова лингвистическая прописка словечка поселяне? Словарь Владимира Даля. Там значится: «Поселянин м. поселянка ж. — селянин, сельский обы-

ватель, деревенский житель, мужик, крестьянин, пахарь, пахатник, землепашец, хлебодел, земледелец; вообще черный деревенский народ» [5, с. 327]. Но в статье сказано по-другому – «поселенец». «Городской поселенец». В. Даль видит разницу этих коннотаций. «Поселенец, — посельник, поселенный, пришлый житель, в своей избе, на своем хозяйстве». «Поселянин, — сам поселившийся; Поселянин — более крестьянин, поселенец — более колонист, переселенец, новосёл, выселенец, не коренной житель. И, как часто у Даля, — поговорка. «Поселенец — что младенец: что видит, то и тащит». Этот последний пример замечателен своей прогностической угадкой. Вот уж для кого, действительно, «мир дан не на погляденье». — для поселенца!

Кто в нынешней деревне ожесточенно пользуется «дарами природы», — под корень выстригает лечебные и кулинарные травы, пропалывает до земли заросли иван-чая, опустошает грибницы, а вместо собственного скромного огорода заводит городской газон с искусственным поливом? Кто азартно занят тем, что загорает, купается, ловит рыбу и взбаламучивает гидроциклами местные речки и озера? Кто ежедневно озабочен приготовлением гастрономических удовольствий в виде шашлыков, барбекю и мяса на вертеле, тем более что на дым и чад никто не пожалуется? Да и в самой звуковой форме — «поселенец» — слышится укор. Как известно, суффикс «-ец», кроме нейтральности, образует существительные с уничижительно-издевательской экспрессией (мерзавец, паршивец, стервец, гордец, наглец, оголец). «Поселянин» же, который и в словаре, и в жизни стоит буквально рядышком с «поселенцем», не таков. В современных справочниках «поселяне» определяются как «сельские жители», «крестьяне». Такой ресурс, как «Карта слов и выражений русского языка» приводит длинный список синонимов («житель», «земледелец», «землепашец», «насельник», «пахарь», «пейзан», «сельчанин», «селянин», «хлебопашец», «хлебороб», «хуторянин»).

Если обобщенно взглянуть на этот перечень, то именно «поселяне» не имеют иных форм занятости, кроме работы на земле и с животными. В сущности, новых поселян, переехавших на постоянное жительство в деревню, следует по их функциональным характеристикам отнести к крестьянскому сословию. И в этом качестве они с исчерпывающей точностью описываются классической дефиницией Теодора Шанина. «Крестьяне — это мелкие сельскохозяйственные производители, которые, используя простой инвентарь и труд своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение собственных нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти» [4, с. 11]. Неотменимая модальность крестьянских трудов и забот, панорамно изображенная Т. Шаниным, в сущности, трансисторична. Суть крестьянского мира — в более лаконичной и иной, чем у Шанина, дискурсивной манере, — промелькнула в электронной переписке с одной из наших респонденток, поселянок, уже десять лет живущей на хуторе Белгородчины. Рассказывая в письме о текущих делах, она подытожила: «Наша любимая поговорка сейчас: «Хазары придут, хазары уйдут — а ты сей да паши...». Вот таковы настоящие поселяне.

Но мы говорим здесь не просто о «поселянах», а «новых поселянах...». Кто они? Это бывшие горожане, люди образованные, владеющие городскими профессиями, причем несколькими, люди среднего возраста, воспитывающие детей. Таких людей можно отыскать везде, — и в пригороде, и в деревне, какой бы скромной и далекой данная деревня ни являлась. Новые поселяне изначально располагают средствами для постройки или капитального ремонта семейного дома, приобретают в частное владение достаточно обширные природные угодья. Точный статистический учет новых поселян не ведется. Информацию об их наличии на территории региона можно получить лишь от знающих людей — экспертов, сотрудников аграрных департаментов или, что надежней, от низового местного начальства, «на местах».

В современной социологии села существуют примеры анализа хозяйственной деятельности новых поселян. При этом в центре внимания традиционно оказывается прежде всего ресурсная оснащенность так называемых сельских подворий. Известный исследователь сельских подворий П. П. Великий подчеркивает, что для их хозяев наиболее «важными являются такие признаки, как материальная составляющая хозяйства и потенциал использования имеющихся ресурсов» [3, с. 50]. Автором была проведена серия «интервью о вещах» и предложена таблица, характеризующая объем производственных ресурсов, находящихся в распоряжении хозяев, начиная от земельных площадей, количества плодовых деревьев и кончая поголовьем кроликов. Перед нами разворачивается материально-вещественная картина, ресурсный мир сельского подворья. Изменения параметров последнего дает возможность предугадать будущность сельских подворий и деревенского социума, но лишь в одном ракурсе — склад, хоздвор, мастерская, гараж. Это, конечно, существенно.

Однако можем ли мы узнать о целостной жизни поселян, рассматривая её лишь в этой, суженной проекции? Сам автор понимает ограниченность этого угла зрения и завершает статью следующей фразой: «Изучение специфики жизнедеятельности и хозяйствования подворий потребует выявления не только материальных предпосылок жизнедеятельности, но и комплекса смысложизненных ценностей и духовных потребностей» [3, с. 58]. «Смысложизненную» проекцию человеческого труда на земле разглядеть труднее, чем его оснащенность. Необходим переход на новый уровень понимания, связанного с осмыслением того, что называется мир человека.

Что означает понятие «мир», если всмотреться в него как в некое единство, заданное не в последнюю очередь лингвистической уникальностью данного понятия? Л. Толстой в названии своего главного романа наглядно показал мощь нашего языка. Здесь «мир» – единство. Это и общество (социум), и покой (согласие). Но что это — «мир как единство»? «Единство мира таинственно, оно существует не по способу суммы и не по способу пространства и множества. Всё-таки, на самом деле, когда люди говорят, что мир — это всё, совокупность всего, они говорят не всерьёз» [1, с. 318]. «Не всерьёз» в данном случае говорят не столько люди. Здесь хитроумно высказывается сам русский язык. А он устроен так, что «мир» — это и «всё вместе», «навалом» («Мир мебели» и

«покой, тишина, согласие». Мир – это совсем не только «всё». Миру не предписана всеохватывающая, элементарно-накопительская, сгребаящая разнообразные вещи в один вселенский курган, энергетика.

Природа мира иная. И если говорить о мире «всерьез», то его позитивная дефиниция такова: это - основной тон бытия. Именно так, дословно, переводится употребляемый М. Хайдеггером термин «Grundweise des Seins». В «Основных понятиях метафизики» «die Grundweise» переводится как «настроение», как «основострой» человеческого существования. «Настроение — это некий строй, строй в смысле мелодии, которая не парит над так называемым наличным бытием человека, но задает тон этому бытию, т. е. настраивает и обустривает “что” и “как” его бытия. Настроения — это основострой (die Grundweise), в которых мы так-то и так-то находимся. Настроения — это то, как, в соответствии с которым человеку так-то и так-то» [7, с. 116-117].

Суммированные «так-то и так-то» человеческой жизни покрывают и исчерпывают мир существования человека, задают тон его повседневного бытия. Этот тон бывает различным. Наиболее позитивная тональность бытия - это, конечно, радость. Эпикур считал радость «подвижным удовольствием души». А согласно Аристотелю, радость – это «беспрепятственная реализация преобладающей способности». Современный философ пишет: «Радость - ключ к живому и его истории. Она не устанет и не соскучится. В основе этого русского слова не случайно лежит покой. О поводах для радости лучше не говорить. Ясно одно: она бывает» [2, с. 8].

Попробуем посмотреть, как именно бывают, как выглядят зафиксированные нами в нарративах новых сельских поселян параметры и кондиции радости, оживления, свободного размаха жизненных намерений, не скованных изначально соображениями непрременной прибыльности и выгоды? Вот два кейса.

Кейс первый. Кубань. Небольшой (150 жителей) хутор на севере Кубани. Хозяева усадьбы — новые поселяне, бывшие москвичи. Муж работал в IT-бизнесе, жена — эндокринолог в частной клинике. Возраст — немногим больше сорока лет. Дети доучиваются в столице и хотят приехать к родителям. Дом и земля куплены четыре года назад. Далее — цитаты из расшифровок бесед с хозяйкой.

О направлениях хозяйствования: *«У нас есть небольшой огород, но здесь климат жаркий, и для растений не очень пригодный, надо постоянно поливать. И мы в прошлом году купили капельный полив. В этот год у нас вызрели очень вкусные дыни. Я таких никогда не пробовала! Арбузы вызрели. Огород у нас маленький, но химических удобрений мы принципиально не используем. Из-за климата мы больше по части животных занимаемся. Животные здесь не мерзнут, им достаточно навес сделать, и они под ветерком сидят, в комфорте. Баранина приносит нам примерно 100 000 рублей, в год. Вот этих баранов, которых вы видели, мы дважды в день пасем. Это — бесплатная физкультура для нас, и корма мы для них практически не покупаем благодаря тому, что они круглый год пасутся, — здесь ведь снега нет почти».*

О домашней птице: «У наших индюшек слабый иммунитет, они не могут жить без антибиотиков. Но когда птица постоянно растет на этих препаратах, это беда. Нам удастся избежать этих лекарственных атак, и удастся птицу сохранить более-менее здоровой. У птицы есть выгул, она кушает травку, принимает солнечные лучи. Мы еще в Москве столкнулись с плохой едой, чувствовали, что едим что-то не то. Но мы даже не предполагали, в какой степени — это “не то”. И мы не хотим питаться отбросами. Штучный подход к птице обеспечивает некую природосообразность наших фермерских забот...».

Об отношении к животным: «Мы вообще сейчас мясо мало едим, даже свое. Хотя оно и очень вкусное. Мы радуем своих друзей, знакомых, продаем в рестораны. Мясо мы еще мало едим потому, что мы ведь сами его выращиваем, и нам просто жалко. Мы ведь люди городские, мы смотрим на наших животных, видим, какие все они хорошенькие, — птенчики, барашки. Рука не поднимается резать знакомого барана. Это какое-то городское проклятье!».

Список сельских удовольствий: «В сельских удовольствиях главное то, что жизненное время здесь — моё! Да, я могу кого-то из животных не покормить и не напоить, но это моя ответственность. И я сама решаю, что делать, я не жду приказа. А вообще-то здесь прекрасно! Вот, я выхожу из дома, распахиваю двери, и когда ветер дует с моря, мне кажется, что я на морском берегу. Если дует не сильный ветер, а легкий ветерочек, то он несет такой неповторимый морской запах, что голова кружится. Вода в море испаряется и получается особый живой запах. И в это время у меня прямо-таки зашкаливают эмоции. Мне кажется, что я окунаюсь в какую-то прошлую, неведомую жизнь. Чуть ли не на уровне подсознания у меня это ощущается. И я думаю: “Где же я нахожусь, в каком непонятном месте?” Настолько всё это красиво и хорошо, как будто ты находишься на грани жизни и смерти. Вот такое у меня главное сельское удовольствие!»

Еще одно удовольствие — это погулять с баранами. Я с ними выхожу, они пасутся, я наблюдаю, и я госпожа, — даю им жизнь, их берегу. И тут же — горизонт! В городе горизонта нет, а здесь я не могу насмотреться на горизонт. Я смотрю и силуюсь увидеть что-то вдали, и дальше, и дальше. Что там еще можно увидеть?! Для горожанина это просто непривычно — видеть просторный, огромный горизонт. Хутор наш стоит на высоком берегу лимана, и вид отсюда — потрясающий, неповторимый. А какие здесь закаты!..».

Характерно, что сама выстроенность и общее настроение этих нехитрых рассказов в определенной степени модельны. Они намечают все более крепнущую в общественном климате тягу городских жителей к земле.

И сельский мир, который дан в таких рассказах прежде всего «для погляденья», а уж вслед за этим для «юзанья», оборачивается уже не столько набором необходимого хозяйственного оборудования, сколько панорамой настроений радости, способной пересилить повседневные трудности.

Кейс второй. Белгородчина. Хутор, бревенчатый двухэтажный дом, вписанный в пологий склон. Хозяева: муж, профессиональный микробиолог, с

опытом работы у швейцарского фермера, жил в Москве. Жена: кандидат наук, родом из Белгорода. 30 гектаров земли, товарные посеы полбы, спельты, элитного картофеля, оранжерея с 15-ю видами экзотических фруктов, бычки на откорме, дойные коровы, пасека. Возраст — около 50-ти лет, взрослый сын работает в городе, айтишник, младший — старшеклассник, живет с родителями, ездит на учебу в райцентр. Далее — выдержки из рассказов хозяйки.

Об усадьбе и округе: *«У нас есть много знакомых, уехавших из города в деревню. Они по-другому, чем мы, решают свои проблемы, но это не принципиально. Здесь каждый идёт своей дорогой. Мы часто пересекаемся. Люди приходят, смотрят на нашу жизнь, а потом уходят заниматься каждый своим делом. Мы любим с ними общаться, обмениваться опытом, смотреть, кто чего достиг в наших деревенских делах».*

О гармонии с природой: *«Мир — это, когда люди хотят выстроить новые формы общественного устройства. А ведь у нас тут именно своё общественное устройство, мы здесь выстраиваем свой маленький социум. И этот социум должен быть настроен в гармонии с этой конкретной природой, которая вокруг нас. И тогда возникает такая жизнь, как у меня сейчас — в одном слышать другое. И животное мы убиваем, чтобы съесть, а не для прихоти, не для охоты самой по себе. Убил — съешь! И это не только для животных правильно. И для травки, и для листиков, и для овощей. У каждого растения свой характер и своя модель поведения. Растения же друг с другом конкурируют, друг друга подавляют... И для меня эта природная наука потрясающе интересна. Вот, недавно прилетела крестоцветная блошка. И чем я могу с ней справиться?! Она либо сожрёт мои баклажаны и капусту, либо я их спасу. Какие здесь варианты? Что делать? Не применяя никакой химии... А до этого у нас была гусеница, которая ест тёрн и яблоню...»*

Муж применил покупной бактериальный препарат, но он не справился с гусеницей. Тогда он сам набадяжил — развел нужных бактерий, дождался, когда у них появится жор, и выпустил на гусениц. Сработало мигом! Его препарат подействовал отлично. Так что здесь у нас — постоянной процесс взаимодействия с природой, с кусочком данной нам экологической среды. И самое главное — эти наши увлечения постоянно выходят за грань обыденного. За границу привычного...

Вот, у нас преспокойно растёт пшеница твердых сортов. Эта пшеница, вообще-то, не культивируется в регионах севернее Италии. А у нас — растёт. А почему растёт? Да потому что никто не пробовал! (Смеется) А мы взяли и посеяли! И вот так и узнали, что она у нас всё-таки растёт!»

О скуке: *«Мне здесь никогда не бывает скучно, потому что я не представляю, чем всё это закончится. У нас никогда не бывает однозначных ответов. И ты не представляешь, чем именно наши труды закончатся. И ты действуешь, — либо вот так, галсами, либо вот этак, напрямки, либо вот так, с тыла, обходным маневром, понемножку, ориентировочно, подбираешься, подбираешься, подходишь, подкрадываешься к этому природному сокровищу. А в городе всё заранее понятно. У нас здесь не бывает никакой скуки. Скука в го-*

роде. А здесь нам не скучно. Нам некогда. У нас много идей, всяких мечтаний и хотелок...».

В рассказах двух женщин важен не столько «мир фактов», сколько настроение, куда эти факты погружены. Здесь слышится не только экзистенциальная радость бытия, но и нечто более серьезное и обнадеживающее. Горожане, переезжая в деревню, создают свои сельские миры, в которых поселения уже не являются функциональной формой «объединения людей» вне городов, а представляют собой «сгармонизированные» с природой социумы, каждый член которых вмещает в себя свой мир, позволяющий ему быть человеком.

Список литературы

1. Бибихин В.В. Мир. СПб.: Наука, 2007. 431 с.
2. Бибихин В.В. Новый ренессанс. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 424 с.
3. Великий П.П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 48-60. DOI: 10.31857/S013216250007734-0
4. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона; пер. с англ. М.: Издат. группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1992. 432 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М.: Русский язык-Медиа, 2006. Т. 3. 555 с.
6. Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 71-80.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество / Пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб.: «Владимир Даль», 2013. 592 с.

УДК 316. 74

МАССОВАЯ ВАКЦИНАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Я.А. Головко, М.В. Калининкова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматривается проблема отношения населения России к вакцинации. Приводятся статистические данные и результаты аналитических обзоров, проведенные ВЦИОМ за период 2020-2021 гг. На основе проведенного сравнительного анализа показана устойчивая позиция граждан РФ к массовой вакцинации.

Ключевые слова: вакцинация, COVID 19, общественное мнение, иммунизация, Спутник V

THE ATTITUDE OF RUSSIANS TO VACCINATION AGAINST CORONAVIRUS INFECTION

Y.A. Golovko, M.V. Kalinnikova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article deals with the problem of the attitude of the Russian population to vaccination. Statistical data and results of analytical reviews conducted by VCIOM for the period 2020-2021 are presented. Based on the conducted comparative analysis, the stable position of the citizens of the Russian Federation to mass vaccination is shown.

Keywords: vaccination, COVID 19, public opinion, immunization, Sputnik V

В январе 2020 г. ВОЗ объявила о чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения и пандемии COVID 19 в марте 2020 г. По состоянию на 28 февраля 2022 года, Минздрав РФ приводит следующую статистику: проведено 17 803 955 тестов на COVID 19, из них 4 718 854 подтвержденных, выздоровевших - 4 343 229, умерших - 106 307. Распределение зараженных по регионам сложилось таким образом: на 1 месте г. Москва (1 068 048 чел.), на 2 - Санкт-Петербург (408 699 чел.), на 3 - Московская область (243 793 чел.), наименьшее число зарегистрированных заболеваний коронавирусом наблюдается в Чукотском Автономном Округе как одном из наиболее изолированных регионов (743 чел.). Что касается Саратовской области, то она расположилась на 13 месте с количеством в 57 668 чел. [4].

Для борьбы с эпидемией, начиная с марта 2020 года, реализуется правительственная программа разработки вакцины, 2 февраля 2021 разработана отечественная вакцина «Спутник V», а затем начата массовая вакцинация, или же «иммунизация» граждан РФ [1]. Данная мера применима государством по отношению к своим гражданам в чрезвычайных ситуациях и может иметь как добровольный, так и принудительный характер. Именно отношение наших граждан к вакцинации авторы показывают на примере статистических данных.

Цель данного исследования – провести анализ общественного мнения россиян насчет вакцинации населения от коронавирусной инфекции за период 2020-2021 гг.

Напомним, что авторами был начат данный анализ мониторинга и его результаты опубликованы [3], все статистические данные представлены Всероссийским центром изучения общественного мнения. Рассмотрим выводы предыдущей авторской работы для дальнейшего сравнения с актуальными показателями. Население в достаточной мере информировано о проведении профилактических прививок от коронавирусной инфекции. Большинство россиян положительно относится к массовой вакцинации (59% по данным, представленным 19 мая 2020 г. и 60 % по данным 11 июня 2021 г.). Доля тех, кто собирается привиться составляла 71% еще до изобретения вакцины (мониторинг 19 мая 2020 г.), но после внедрения вакцины в массы, после негативного влияния СМИ о последствиях вакцинации доля желающих снизилась; далее доля желающих привиться колебалась в следующих значениях (38% на 23 декабря 2020 г., 46% на 29 апреля 2021 г., 38% на 11 июня 2021 г.); Три четверти опрошенных доверяют отечественной вакцине - 84% опрошенных (23 Декабря 2020), данные приведены до массового внедрения «Спутник V», последние данные будут приведены и сравнимы в текущей статье. Оказался не высок процент людей, которые уже реально сделали прививку отечественной вакциной на момент опроса, хотя он и вырос за несколько месяцев (11% - 29 апреля 2021 г.; 17% - 11 июня 2021 г.). Показатели россиян готовых вакцинироваться разнятся с процентами вакцинировавшихся на практике, это говорит о том, что люди в полной мере не доверяют не конкретно российской вакцине, а вакцинации, в целом. Для работников сферы услуг обязательную вакцинацию россияне поддерживают в большей мере (52% - мониторинг 23 июня 2021 г.). Подавляющее боль-

шинство наших соотечественников (70%) убеждены, что массовая «иммунизация» позволит предотвратить распространение коронавируса и новые вспышки эпидемии (29 апреля 2021 г.).

Эмпирической основой исследования послужили данные ВЦИОМ. Организация представляет данные опроса россиян, посвященного вакцинации: 18 ноября 2021 г. [5] и 26 ноября этого же года [2]. Данные представляют собой результат одного исследования, результаты которого разбиты на 2 мониторинга. Сам опрос проведен 14 ноября 2021 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, действующих на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

Более половины россиян (55%) положительно относятся к массовой вакцинации граждан от коронавируса (определенно положительно — 28%; скорее положительно — 27%), 32% относятся к ней отрицательно (скорее отрицательно — 16%; определенно отрицательно — 16%), а 9% — безразлично. Показатель положительного отношения падает, ведь ранее он составлял 59%, затем 60%, но уменьшение не значительно.

Более половины граждан (54%) скорее положительно относятся к решению об обязательной вакцинации большинства работающих в сфере услуг в ряде регионов России, 33% — скорее отрицательно, 9% — безразлично, а 4% — затруднились дать ответ. Мы видим, что процент поддерживающих эти меры возрос на 2% по сравнению с предыдущим мониторингом.

На вопрос «Если у Вас будет желание сделать прививку, как Вы думаете, Вы сможете или не сможете сделать прививку от коронавируса?» респонденты ответили следующим образом: 50% убеждены, что смогут сделать прививку от коронавируса, если у них возникнет такое желание (определенно смогу — 29%, скорее смогу — 21%), 9% полагают, что не смогут, 4% не хотят ее делать, а 37% опрошенных декларируют, что уже сделали прививку или затруднились ответить на вопрос. Предыдущий показатель собирающихся привиться, согласно последним данным, составлял 38%, но сейчас он вырос до половины. Это говорит о том, что органами власти ведется грамотная эффективная политика по пропаганде профилактики эпидемиологической ситуации в стране.

Следующий вопрос был касательно российской вакцины. Итого: уже сделал прививку — 35%, точно стал бы делать такую прививку себе — 16%, скорее стал бы делать такую прививку себе — 15%, скорее не стал бы делать такую прививку себе — 12%, точно не стал бы делать такую прививку себе — 18%, затруднились ответить — 4%. Теперь мы видим положительную картину, доля привитых на момент опроса выросла с 17% до 35%, есть вероятность ее большего роста, ведь изначально она составляла лишь 11%. Все же ожидаемый ав-

торами процент был гораздо выше, ведь население так положительно относится к массовой вакцинации, а также понимает важность обязательной «иммунизации» для работников сферы услуг, в которой задействована большая часть человечества, а значит, логично суждение, что «каждый второй» должен быть уже привит. Здесь же мы видим и доверие к нашему Спутнику V - целых 66%! Ранее, еще до разработки вакцины, этот процент составлял значение 84. Несмотря на его падение, все же мы декларируем высокий уровень доверия.

Две трети россиян (65%) согласны с мнением о том, что, даже сделав прививку от коронавируса, можно заразиться ковидом, но вакцинированные переносят коронавирус намного легче тех, кто не сделал прививку, 27% с этим не согласны, 8% затруднились ответить. Более половины россиян (61%) согласны с мнением, что вакцинированные умирают от коронавируса намного реже, чем те, кто не сделал прививку, 25% с этим не согласны, 14% не смогли дать ответ. Результаты не имеют аналогов в предыдущем мониторинге, так как ранее эти вопросы не были включены в анкету, но автор считает, что их разумно сравнить с последним аналитическим обзором 29 апреля 2021 г., в котором 70% опрошенных видят в массовой вакцинации предотвращение новых вспышек эпидемии. На их основе можно сделать вывод о том, что люди на данный момент в достаточной мере осведомлены о течении эпидемии, статистике заболеваемости, смертности и выздоровлении от COVID 19, которая имеется в свободном доступе. Об этом свидетельствует и следующие данные.

Почти две трети россиян (64%) опасаются, что они или их близкие могут заболеть коронавирусом, 14% уже столкнулись с этой болезнью у себя или своих близких, 13% уверены, что ни с ними, ни с их близкими этого не случится, и только 6% пока не задумывались над этим вопросом. Помимо информированности населения мы также можем констатировать факт высокого уровня страха населения, отсутствии чувства безопасности. Возможно, СМИ излишне усердны в своей работе по профилактике и предотвращении эпидемии.

Почти две трети принявших участие в опросе (64%) согласны с мнением, что призывать людей отказаться от вакцинации – значит подвергать их жизнь и здоровье, 27% так не считают, а 9% воздержались от выражения своего мнения. Данный вопрос также не имеет аналога в предыдущей аналитике, ответы респондентов свидетельствуют об осознании ответственности за распространение заведомо ложной информации о конкретной вакцине или вакцинации, в целом. Также мы снова убеждаемся в высокой информированности и положительном отношении людей к «иммунизации».

Таким образом, общественное мнение граждан РФ солидарно с проводимой государством политикой по массовой вакцинации, обязательной вакцинации для служащих, задействованных в сфере услуг, а также доверительно в отношении отечественной вакцины. Доли готовых привиться или уже привитых выросли с аналогичными показателями предыдущих опросов. Также прогрессирует информированность населения по сложившейся ситуации и опасения на ее счет.

Список литературы

1. *Bucci, E., Andreev, K., Björkman, A. et al.* Safety and efficacy of the Russian COVID-19 vaccine: more information needed. *Lancet*. 2021 [Электронный ресурс]: [THE LANCET] URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(21\)00899-0/fulltext#back-bib6](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00899-0/fulltext#back-bib6) (дата обращения: 18.01.2022). Загл. с экр. Яз. рус.
2. Вакцинация от коронавируса: отношение россиян 26 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]: [ВЦИОМ] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan> (дата обращения: 15.02.2022). Яз. рус.
3. *Головкин Я.А., Калинин М.В.* Отношение россиян к вакцинации от коронавирусной инфекции / Научный электронный журнал «Инновации. Наука. Образование» \ Отв. ред. Сафронов А.И. – Тольятти: – 2021. – № 47 (декабрь). – 3255 с. [Электронный ресурс]: [Инновации. Наука. Образование] URL: <http://innovjournal.ru> (дата обращения: 11.02.2022). Загл. с экр. Яз. рус.
4. Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы — Официальный сайт Минздрава России [Электронный ресурс]: [Минздрав РФ] URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru> (дата обращения: 17.01.2022). Загл. с экр. Яз. рус.
5. Отношение россиян к вакцинации: мониторинг 18 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]: [ВЦИОМ] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-rossijan-k-vakcinacii-monitoring> (дата обращения: 15.02.2022). Яз. рус.

УДК 31(049.5):328.185(470.345)

МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОРДОВИИ О ЧАСТОТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ФАКТОВ ПО БЫТОВЫМ СИТУАЦИЯМ

Д.В. Давыдов

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск

В статье представлены результаты исследования ГКУ РМ «НЦСЭМ» «Оценка уровня «бытовой» коррупции в Республике Мордовия», проведенного в 2020 г. В ходе опроса жителей региона замерялись такие показатели как риск «бытовой» коррупции, вероятность реализации коррупционного сценария в сфере «бытовой» коррупции, коррупционный опыт, количество коррупционных сделок и др.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, личный коррупционный опыт

OPINION OF RESIDENTS OF MORDOVIA ON THE FREQUENCY OF OCCURRENCE OF CORRUPTION FACTS IN EVERYDAY SITUATIONS

D.V. Davydov

The State Budget Institution of the Republic of Mordovia «The Scientific Center for Socio-Economic Monitoring», Saransk

The article presents the results of the study «Assessment of the level of petty corruption in the Republic of Mordovia», conducted in 2020. During the survey of residents of the region, such indicators as the risk of petty corruption, the probability of implementing a corruption scenario in the field of domestic corruption, corruption experience, the number of corrupt transactions, etc. were measured.

Key words: corruption, petty corruption, personal corruption experience

Понятие «бытовая коррупция» в настоящее время не получило четкого юридического закрепления. Отечественные исследователи определяют данное явление как систему отношений физического лица — потребителя коррупционной услуги с лицом, предоставляющим эту услугу в органах государственной власти, местного самоуправления, коммерческих и иных

организациях в целях обеспечения оперативности и эффективности удовлетворения физическим лицом его бытовых (непроизводственных) потребностей [1, с. 636]. Таким образом акцент в определении делается на личности потребителя, рассматривающего свои действия как способ удовлетворения повседневных потребностей. Это явление широко распространено в нашей стране, многие воспринимают его как приемлемую формы разрешения проблем. Бытовая коррупция затрагивает жизнь множества людей, подрывает доверие к государственным институтам и является фактором деструктивного развития современного общества. Для системного противодействия данному явлению необходим постоянный мониторинг его аспектов.

С целью изучения особенностей «бытовой» коррупции, в Республике Мордовия сотрудники ГКУ РМ «НЦСЭМ» в сентябре-октябре 2020 г. провели репрезентативный опрос 400 жителей региона. Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с квотами по социально-демографическим характеристикам – месту проживания (город-село), полу, возрасту. Методика исследования опиралась на постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» [2].

В результате исследования, удалось сформировать картину частоты возникновения коррупционных фактов по широкому перечню различных бытовых ситуаций взаимодействия жителей республики с представителями органов власти, учреждений и организаций. Были получены следующие результаты.

- Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, прием у врача и др.), в больнице (серьезное лечение, операция, и др.). Практически равные доли опрошенных при получении бесплатной медицинской помощи имели единичный случай дачи взятки или давали ее более 3-х раз – 3,5 % и 3,3 % соответственно. Тех, кто давал взятку 2 раза – 1,5 %, и в 5 раз меньше число тех, кто давал ее 3 раза – 0,3 %.

- Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и др.). Случаи коррупции в дошкольных учреждениях случаются реже, чем при получении бесплатной медицинской помощи: 1,3 % опрошенных давали взятку 1 раз, 0,5 % – 2 раза, 0,8 % – более 3-х раз. При этом никто из респондентов не давал взятку 3 раза для решения каких-либо проблем в дошкольных учреждениях. В целом, упоминания респондентов о том, что им приходилось давать взятки в данных учреждениях, являются единичными и, соответственно, не приходится делать вывод о том, что на эти процессы могли повлиять какие-либо гендерные, возрастные или социальные характеристики.

- Школа (поступление в нужную школу и (или) успешное ее окончание, обучение, «взносы», «благодарности» и др.). Коррупционные факты в школе носят, как правило, не единичный характер: 2,3 % от общего числа респондентов давали взятку более 3-х раз, 1,3 % – 2 раза.

- Вуз (поступление, перевод из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом и др.). Картина частоты распространения коррупционных фактов при получении высшего образования является схожа с предыдущей. Большинство из тех, кто давал взятку, делал это более 3-х раз – в общей сложности этот ответ дали 4,0 % от общего числа опрошенных. Также относительно часто респонденты упоминали о единичном случае дачи взятки – 2,8 %. Обращает на себя внимание, что коррупционное поведение в вузе в большей степени характерно для относительно молодых респондентов. Например, среди них опыт дачи взятки 1 раз имеется у 8,8 %, тогда как среди респондентов в возрасте от 31 года до 50 лет – лишь у 0,7 % опрошенных. Среди молодых респондентов доля тех, кто давал взятку в вузе более 3-х раз, составляет 8,8 %, среди тех, кто старше 50 лет – лишь 0,6 %. Причина очевидна – получение высшего образования является уделом молодых жителей республики. В настоящее время более зрелые респонденты сталкиваются с системой высшего образования зачастую опосредовано (через детей), а собственный опыт по простествии определенного (иногда довольно значительного) времени не является ярким.

- Пенсии (оформление, пересчет и др.). Упоминания о том, что приходилось давать взятки при оформлении, пересчете пенсий практически не встречались. Лишь 0,5 % респондентов делали это 1 раз, 0,3 % – 3 раза.

- Социальные выплаты (оформление прав, пересчет и др.). Предыдущее наблюдение характерно и для описания ситуации с дачей взятки при решении вопросов с социальными выплатами – подобное практически не встречалось. Лишь 0,8 % респондентов отметили, что делали это один раз, 0,5 % – давали взятку 2 раза.

- Решение проблем в связи с призывом на военную службу. Практика коррупционных действий при решении проблем в связи с призывом на военную службу, несмотря на имеющиеся в обществе стереотипы, также не является распространенной. Лишь у 1,0 % респондентов был опыт дачи взятки (однократный). Возможно, изменению положения дел в данной сфере помогло двукратное снижение продолжительности срока обязательной военной службы, а также рост ее престижа и востребованности при устройстве на работу в государственные структуры.

- Работа. Лишь 1,3 % респондентов давали взятку (один раз) для получения нужной работы или обеспечения продвижения по службе. Тех, кто делал это чаще (а именно более 3-х раз), еще меньше – 0,3 %.

- Земельный участок для дачи или ведения своего хозяйства. Число тех, кому приходилось незаконно стимулировать должностных лиц для приобретения и (или) оформления права на земельный участок для дачи или ведения своего хозяйства ничтожно мало – 0,8 % (при этом все они делали это однократно).

- Жилплощадь. Однократный опыт дачи взятки для получения или оформления права на жилплощадь был у 1,3 % респондентов. О том, что приходилось давать взятки чаще 1 раза не упомянул никто из опрошенных.

- Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья у служб по эксплуатации. Давать взятки при получении услуг по ремонту и эксплуатации жилья у

соответствующих служб приходилось чаще, чем в нескольких предыдущих бытовых ситуациях. Так, о наличии единичного случая дачи взятки упомянули 2,3 % респондентов, еще 0,8 % отметили, что делали это чаще 3-х раз.

- Обращение в суд. Отдельные респонденты упоминали о том, что им приходилось давать взятки при обращении в суд. 1,3 % от общего числа опрошенных делали это 1 раз, 0,3 % – 2 раза. Примечательно, что большинство из них были опрошены в городской местности.

- Обращение за помощью и защитой в полицию. Результаты исследования свидетельствуют, что дача взятки при обращении за помощью и защитой в полицию является относительно редким явлением. 1,5 % опрошенных упоминали о том, что им приходилось 1 раз поступать подобным образом. Те, кто делал это чаще, не зафиксированы вовсе. Все, дававшие взятки в подобных ситуациях – мужчины с невысоким доходом, живущие в основном в городской местности.

- Получение регистрации по месту жительства, паспорта или заграничного паспорта и др. Все зафиксированные в ходе исследования случаи дачи взятки при получении регистрации по месту жительства, паспорта и др. носят единичный характер. Упоминания о том, что взятку приходилось давать чаще, не встречались. Всего в подобной ситуации оказывался 1,0 % опрошенных. Все они мужчины, жители городов, с начальным профессиональным или средним профессиональным образованием.

- Урегулирование ситуации с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил и др.). Частота фактов коррупции при урегулировании ситуации с автоинспекцией находится на относительно высоком уровне. 2,0 % от общего числа опрошенных давали взятку в подобной ситуации более 3-х раз. У 3,5 % респондентов подобные случаи являются единичными. Среди мужчин доля тех, кто урегулировал ситуацию с автоинспекцией с помощью взятки, существенно выше, чем среди женщин. Так, 1 раз взятку давали 6,5 % опрошенных мужчин и лишь 0,9 % женщин, более 3-х раз – 4,3 % мужчин и никто из женщин. Иные характеристики респондентов на распределение ответов не оказывали существенного влияния.

- Регистрация сделки с недвижимостью (дома, квартиры, гаражи и др.). Случаи дачи взятки при регистрации сделок с недвижимостью не являются распространенными. 1,3 % респондентов делали это 1 раз, 0,5 % – 2 раза. Упоминания о более частом совершении коррупционных поступков не встречались.

Таким образом, если охватить все многообразие исследуемых бытовых ситуаций, в которых потенциально могут совершаться коррупционные действия, то мы получим следующую картину. Единичные случаи дачи взятки чаще всего фиксировались при получении бесплатной медицинской помощи (3,5 % респондентов отметили такой факт), урегулировании ситуации с автоинспекцией (3,5 %) и решении различных проблем в вузе (2,8 %). Ответ «давал взятку 2 раза» чаще упоминался при характеристике ситуаций в учреждениях здравоохранения (1,5 %) и образования (1,3 % в школе и 1,0 % в вузе). Трехкратная дача взятки – крайне редкое явление, по большинству исследуемых ситуаций подобного поведения не зафиксировано. В то же время есть ряд ситуаций, где

дача взятки (если подобное происходит) носит систематический характер. Так, 4,0 % опрошенных более 3 раз давали взятку в вузе, 3,3 % – в учреждениях здравоохранения, 2,3 % – в школе. По другим бытовым ситуациям коррупционные факты имеют эпизодический характер и укладываются в рамки статистической погрешности. В целом реальные коррупционные факты в бытовых ситуациях относительно редки и, соответственно, сделать выводы о влиянии социально-демографических факторов на частоту их распространения является затруднительным.

Список литературы

1. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5. С. 634-640.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» // Сайт Правительства РФ [Сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/122158/> (дата обращения: 31.01.2022).

УДК 656.224(470.345)

СТРУКТУРЫ ПАССАЖИРОПОТОКА ПРИГОРОДНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Т.И. Кирдяшкина

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск

В статье приводятся результаты исследования пассажиропотока пригородного железнодорожного транспорта Республики Мордовия. Сделан акцент на востребованности среди населения и социальной значимости пригородных электричек. Выявлены проблемы и потенциал дальнейшего развития данного вида общественного транспорта.

Ключевые слова: пассажир электрички, пассажиропоток, цель поездки, частота поездки, маршрут движения

STRUCTURE OF PASSENGER TRAFFIC OF SUBURBAN RAILWAY TRANSPORT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

T.I. Kirdyashkina

State Institution of the Republic of Mordovia Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk

The article presents the results of a study of passenger traffic of suburban railway transport of the Republic of Mordovia. The emphasis is placed on the demand among the population and the social significance of commuter trains. The problems and potential of further development of this type of public transport are identified.

Key words: train passenger, passenger traffic, purpose of the trip, frequency of the trip, route

Пригородный железнодорожный транспорт является составной частью транспортной системы и играет важную роль в пространственном развитии регионов. Основной объем пассажироперевозок в Республике Мордовия осуществляется автомобильным транспортом, поскольку часть районов имеют только автодорожную сеть. Развитие пригородных пассажирских железнодорожных перевозок может способствовать решению проблем в организации

транспортного обслуживания населения, обеспечить мобильность жителей периферии и оптимизировать пассажиропотоки.

Для изучения структуры пассажиропотоков, выявления проблем и потенциала развития пригородных пассажирских железнодорожных перевозок, в 2021 г. ГКУ РМ «НЦСЭМ» проведено масштабное социологическое исследование. Информационную базу исследования составили два этапа анкетного опроса, проведенных в марте (676 чел.) и июле 2021 г. (665 чел.) на маршрутах Красный Узел — Рузаевка — Зубова Поляна, Зубова Поляна — Рузаевка — Красный Узел, Рузаевка — Воеводское, Воеводское — Рузаевка, Саранск — Зубова Поляна, Рузаевка — Ужовка, Ужовка — Рузаевка, Рузаевка — Ночка, Ночка — Рузаевка, Алатырь — Красный Узел, Красный Узел—Алатырь.

Особенности структуры пассажиропотока электричек представим на примере обследования маршрута Саранск— Зубова–Поляна. В опросе приняли участие 110 чел. Специфика маршрута заключается в том, что электропоезд следует только в сторону пригорода и отправляется от станции Саранск-1 в вечернее время, когда практически прекращается автобусное сообщение по пригородным маршрутам. Его можно назвать «маршрутом выходного дня», поскольку периодичность движения электропоезда по данному маршруту – три раза в неделю (пятница, суббота, воскресенье).

Значительная доля пассажиров являются жителями столицы республики (41,8 %) – г. Саранска, средний возраст пассажиров данного маршрута - 41 год (в. т.ч.: 40,9 % - 23-54 года, 32,8 % — 55 лет и старше, 20,0 % — 18 - 22 года, 7,3 % — до 17 лет). В сравнении с результатами предыдущего этапа исследования (март 2021 г.) значительно сократилась доля молодежи в возрасте от 17 до 22 лет и увеличилась доля пассажиров в возрасте старше 23 лет. Изменение возрастной структуры обусловлено сезонным фактором: окончанием учебного года, началом дачного сезона и сезона отпусков.

В летний период большинство пассажиров (50,9 %) выезжают загород к родственникам и друзьям, четверть (25,5 %) – посещают свой загородный дом, дачу, приусадебный участок, каждый десятый (11,8 %) отметил, что возвращается к месту жительства. Значительно меньшая доля пассажиров используют данный маршрут для поездок в командировку – 1,0 %, до места учебы – 2,7 %, до места работы– 5,5 %, за покупками – 5,5 %, для посещения госучреждений (больница, поликлиника, соцзащита, МФЦ и т. д.) – 4,5 %. Данное распределение не является постоянным и может меняться, в том числе в зависимости от сезонного фактора. В летний период значительно выросла доля поездок в загородный дом, дачу, приусадебный участок – на 20,2 п.п., напротив, снизилась — до места работы, места учебы и посещения госучреждений.

Льготным проездом воспользовалось 13,6 % опрошенных пассажиров маршрута. В сравнении с предыдущим этапом исследования их доля снизилась на 35,7 п.п. Основной категорией из числа льготников являются студенты (50,0 % или 14 чел.). Сокращение численности льготников на данном маршруте связано с завершением учебного года и, соответственно, снижением доли наиболее многочисленной категории, пользующейся льготным проездом.

По данному маршруту чаще всего опрошенные совершают поездки 1-2

раза в неделю (47,3 %), каждый четвертый (27,3 %) - 2-3 раза в месяц и 18,2 % - 1 раз в месяц. В сравнении с результатами первого этапа исследования, частота поездок несколько снизилась: среди пассажиров стало больше совершающих поездки 1 или 2-3 раз в месяц. Среди тех, кто регулярно (1-2 раза в неделю) пользуется данным видом транспорта, чаще встречаются пассажиры более старших возрастов. Пассажиропоток в летний период характеризуется большей интенсивностью, в сравнении с первым этапом исследования отмечается расширение направлений перемещения по маршруту, число станций отбытия увеличилось с 10 до 14, а станций прибытия - с 16 до 22.

Основной объем перевозок осуществляется от головной станции Саранск-1 (62 человека) и крупных станций: Посоп, Рузаевка, Кадошкино, Ковылкино. На остальных станциях подсаживаются единичные пассажиры. Наиболее массовыми направлениями перемещений являются станции: Зубова-Поляна, Ковылкино, Кадошкино, Торбеево, Самаевка, 551 км., Инсар.

Ключевым критерием оценки удовлетворенности пассажиров услугами пригородного железнодорожного транспорта является расписание движения поездов. В бланк опросника второго этапа исследования был внесен вопрос «Насколько вас устраивает расписание движения электрички по данному маршруту». По результатам опроса большинство пассажиров в той или иной степени устраивает расписание движения электропоездов по маршруту Саранск - Зубова-Поляна (полностью устраивает - 71,8 % и устраивает отчасти - 23,6 %), лишь 4,5 % - совершенно не устраивает.

Основной причиной неудовлетворенности расписанием движения, исходя из неформализованных ответов, является нерегулярность движения поездов по данному маршруту. Пассажиры выражают недовольство тем, что электричка по маршруту Саранск — Зубова-Поляна ходит только три дня в неделю. По их мнению, этот маршрут должен быть ежедневным. Еще одной причиной недовольства является время движения поезда по маршруту.

В 2021 г. началось масштабное реформирование сферы железнодорожных пригородных пассажирских перевозок Республики Мордовия: изменен график движения пригородных поездов с 15 августа 2021 года в соответствии с интересами и потребностями жителей региона; запланировано поэтапное обновление подвижного состава [1].

Результаты исследования свидетельствуют о востребованности пригородного железнодорожного транспорта жителями Республики Мордовия. Пассажиры отмечают его несомненные достоинства перед другими видами общественного транспорта: низкая стоимость, удобство оплаты проезда при посадке в вагон, возможность выбора посадочного места, строгое соблюдение графика движения. Дальнейшая модернизация в этой сфере позволит повысить качество и объемы пригородных пассажирских перевозок.

Список литературы

1. Пригородные железнодорожные пассажирские перевозки ждут масштабные реформы// Сайт газеты «Известия Мордовии» [Сайт]. URL: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/artiom-zdunov-o-peresmotre-raspisaniya-prigorodnyh-elektrichek-komfortnye-poezda-dolzny-hodit-v-udobnoe-dlya-lyudej-vremya/> (дата обращения: 31.01.2022).

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

О.Н. Курмышкина

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск

В статье рассматриваются миграционные стратегии городских жителей Республики Мордовия. На основе социологических данных выявлены причины возможной миграции. Определены группы с активной миграционной стратегией.

Ключевые слова: миграция, миграционные настроения, население, регион, провинциальные города

MIGRATION INTENTIONS OF THE POPULATION PROVINCIAL CITIES OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

O.N. Kurmyshkina

Scientific Center for Social-Economic Monitoring of the Republic of Mordovia, Saransk

The article presents migration strategies of urban residents of the Republic of Mordovia. The reasons for possible migration are identified on the basis of sociological data. The author identified groups with an active migration strategy.

Key words: migration, migration sentiments, population, region, provincial cities

Проблема миграционной убыли населения особо остро стоит в малых городах, в которых складывается неблагоприятная ситуация в социально-экономической и социально-демографических сферах. Высокая миграционная активность населения провинции обусловлена экономическим положением региона, отсутствием или ограниченностью рабочих мест в родном городе, а также подпитывается многочисленными примерами отъезда знакомых и родственников. Для регулирования вопросов миграционного поведения населения необходимо принимать во внимание и миграционные настроения его жителей.

Миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население в большей степени привлекают крупные центры и городские агломерации. Малые города в таких случаях, фактически выполняют роль «спальных районов» городов-центров. Население привлекают урбанистические центры своими экономическими, образовательными и культурными возможностями. Согласно данным социологических исследований, прежде всего, из провинциальных городов выезжает молодежь, нацеленная на учебу или поиск новой работы [4]. Исследователи, занимающиеся изучением миграции молодежи, выделили основные виды миграции молодежи из малых городов: образовательная, трудовая и связанная с отсутствием досуга, условий для самореализации/саморазвития [3].

Как уже отмечалось выше, для успешного регулирования и прогнозирования миграционных процессов в городах необходимо изучение миграционных стратегий населений в ближайшем будущем. Решение этой задачи видится в опросах общественного мнения.

Миграционные настроения горожан Республики Мордовия были изучены в рамках социологического мониторинга «Резервы гармонизации социальных отношений» в 2020 г. [2]. В исследовании приняли участие 1000 жителей региона от 18 лет и старше, отбор респондентов производился в соответствии за-

данным квотным признакам: пол, возраст, место жительства (город, село), доля городского населения составила 60,3 %. Метод опроса – анонимное анкетирование.

Согласно статистическим данным, в городской местности (городах и поселках городского типа) республики проживает 64 % всего населения [5]. В городе больше рабочих мест, развитая инфраструктура и комфортнее условия жизни, однако и для нее проблема оттока населения является актуальной. Городские поселения республики не представляют собой какой-либо совместной агломерации или объединений. Всего в республике 7 городов и 13 поселков городского типа, к самым крупным городам относятся Саранск (столица республики), Рузаевка и Ковылкино, в которых сосредоточено 76% всего городского населения.

Социологический опрос подтвердил гипотезу исследования, согласно которой, среди населения республики высокий уровень миграционных настроений. Так, на смену постоянного места жительства нацелены пятая часть горожан, причем, 6,7 % хочет переехать в ближайший год. Миграционные потоки потенциальных мигрантов из города выглядят следующим образом:

- другой регион России — 55,1 %;
- другой город Мордовии — 20,4 %;
- другая страна — 13,4 %;
- не определился — 12,3 %;

В качестве основных причин возможной миграции горожане отмечают: отсутствие перспектив служебного и карьерного роста (55,9 %), ухудшение материального положения (38,6 %) и отсутствие работы (32,3 %). Вторую группу причин образуют социально-культурные факторы: неинтересная в культурном отношении жизнь (24,4 %), многочисленные примеры отъезда знакомых (20,5 %), и желание посмотреть другие города и страны (17,3 %).

Самый высокий уровень миграционных настроений среди молодежи от 18 до 29 лет — 47,3 %. Миграционная стратегия в других возрастных группах значительно ниже: среди респондентов среднего возраста — 19,3 %, а старшего — 10,4 %. Следует отметить, что для респондентов всех возрастных групп, основные детерминанты миграции – это поиск работы и ухудшающееся материальное положение. Однако, для молодежи большее значение приобретают культурно-досуговые факторы, а для старшего поколения – семейные ценности (переезд к родственникам).

Таким образом, возможная миграция городского населения Республики Мордовия, в первую очередь, обусловлена экономическими факторами, однако немаловажное значение остается и за социально-культурными причинами. Население для возможной миграции больше привлекают крупные мегаполисы, так как там больше возможностей для работы, заработка и досуга [1].

Малые города, где отсутствуют градообразующие или крупные предприятия, нуждаются в другой модели экономики, заключающейся в поддержке самостоятельных рынков сбыта, создании самостоятельных рабочих мест в виде малого и среднего бизнеса [4]. Малым городам-агломерациям же необходимо

обеспечить развитие предприятий, увеличить количество рабочих мест, поднять заработную плату. Немаловажное значение имеют налаживание связей с большими близлежащими городами.

Список литературы

1. Аксёнова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37-53
2. Курмышкина О.Н. Возрастные и гендерные особенности региональной миграции (на примере Республики Мордовия) // VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика». Материалы международной научно-практической конференции. Саратов. 2021. С. 299-302.
3. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 225-242.
4. Роговая А.В., Левченко Н.В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. №4 (55). С.23-33.
5. Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2021 по районам РМ // Сайт Мордовиястат [Сайт]. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 29.01.2022).

УДК 316.4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

Е.Е. Немерюк

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматривается проблемное поле государственной и региональной социальной политики. Особое внимание уделяется деятельности органов управления в реализации основных направлений социальной политики в саратовском регионе.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сфера, социальные проблемы, органы управления, муниципальное образование

ACTIVITIES OF GOVERNMENT BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY IN THE SARATOV REGION

E.E. Nemeryuk

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article examines the problematic field of state and regional social policy. Special attention is paid to the activities of government bodies in the implementation of the main directions of social policy in the Saratov region.

Key words: social policy, social sphere, social problems, management bodies, municipality

Социальная политика занимает приоритетное место в структуре государственной власти и представляет собой составную часть внутренней политики любого государства. Проблема выбора направлений государственной социальной политики, адекватной потребностям социума, в отечественных реалиях государственного управления, актуализируется также и тем, что в современном мире намечен и реализуется общецивилизационный переход к модели государства социального.

Основная цель социальной политики заключается в обеспечении того, чтобы каждый человек в обществе жил в гармонии, вдали от конфликтов. Иными словами, цель состоит в обеспечении социальной справедливости, социаль-

ного развития, социального равновесия, социальной интеграции и социального мира. [1, с. 9] Благодаря социальной справедливости все члены общества будут иметь равные права перед лицом равных рисков, в связи с чем устраняются неравенства и различия, обусловленные экономическими шансами. Все меры политики, обеспечивающие каждому человеку равные возможности в отношении доходов, налогов, заработной платы, образования и социального обеспечения, способствуют развитию социальной справедливости.

Обеспечение социального равновесия возможно, если все в обществе живут в гармонии и равновесии, ввиду чего социальные различия должны быть уменьшены. В особенности различия и неравенство в отношении возможностей людей, живущих в разных регионах, приводят к ухудшению этого баланса и гармонии. Одной из главных задач практиков социальной политики является устранение различий в уровне развития и обеспечение того, чтобы все пользовались одинаковыми социальными услугами [2, с. 112]. Социальный мир обеспечивается посредством политики, направленной на устранение факторов, ведущих к ухудшению баланса внутри социальной структуры. Для создания общества, в котором доминируют гармония и примирение, необходимо проводить политику, направленную на устранение негативных последствий для психологии общества.

Социальная интеграция – это минимизация политических и экономических факторов, негативно влияющих на единство и солидарность в обществе. Образование, культура и моральные ценности – это вопросы, которые влияют на социальное разрешение в этом смысле. Принимая во внимание, что данное явление приобретает свою практическую значимость, вполне закономерно можно наблюдать усиливающуюся роль государства, способствующего реализации присущих реальному социальному обществу принципов. В результате чего в основе значительной части современных теорий социальной политики заложена концепция социального государства. Считаем, что дефиниция «социальное государство» трактуется как политическая система, в которой правом претендовать на широкий выбор социальных благ, а также на достойный уровень жизни обладает каждый гражданин государства. В качестве социальных благ можно указать такие категории как: субсидии для реализации необходимых потребностей; бесплатное медицинское обслуживание и медицинская помощь; достойное состояние жилья; выплаты льгот; пенсионное обеспечение; получение за труд достойной заработной платы; занятость. [3]

Обращает на себя внимание стремление к осуществлению принципов социальной справедливости, а также к достижению всеобщего блага социального государства. Надо отметить, что каждому гражданину субъектами социального государства предоставляются источники существования. В следствии наличия у человека того, что может способствовать удовлетворению его потребностей, в обществе происходит сохранение мира, а также реализуется его безопасность и комфортность. В результате оказания помощи более обеспеченными обездоленными последние ощущают поддержку как со стороны определенных категорий граждан, так и, конечно же, со стороны государства.

В качестве приоритетных векторов осуществления политики социального государства, способствующих функционированию государства как социально ориентированного на потребности и нужды своих граждан, отметим:

1) поощрение момента состязательности и плюрализма, позволяющее предотвратить монополизацию сфер жизни социально значимых для человека;

2) отношения, складывающиеся между работодателями и работниками, должно нормализовать в полной мере государственное участие;

3) акцент государства на превенцию безработицы и на обеспечение полной занятости граждан.

Цель проводимой правительством государства социальной политики, являющей собой часть общей государственной политики, заключается в соответствии в полной мере социального государства своим принципам, а также в урегулировании отношений между обществом и его отдельными членами, между социальными группами [4, с. 94].

Указанные отношения напрямую связаны с происходящими в социальной структуре общества изменениями. Улучшение общего благосостояния граждан, повышение качества их жизни, а также нарастание чувства удовлетворенности своими духовными и материальными потребностями, совершенствование в соответствии с требованиями и возможностями, которые постоянно предоставляются обществом образа жизни населения – цель данных изменений.

Итак, необходимо указать, какие аспекты, входящие в структуру социальной политики, особо значимы для эффективности её реализации. Среди таковых отметим политику в сфере поддержания находящихся в зоне риска социальных групп; политику, направленную на общественное благосостояние; политику в сфере развития отраслей социальной инфраструктуры; политику доходов и личного потребления в рамках семьи; социально-демографическую политику или политику государства в области воспроизводства населения.

Следует обратить внимание на тот непреложный факт, что проводимая в нашем государстве социальная политика претерпевает ежегодные изменения. Пандемия коронавируса COVID-19 стала самым главным вызовом 2020 года, в связи с чем социальная сфера была насыщена такими событиями как: перестройка системы здравоохранения, поскольку возникла необходимость борьбы с пандемией; переход на дистанционное обучение студентов и школьников; беспрецедентные меры поддержки населения.

В Саратовской области проводится единая государственная политика, направленная на социальную защиту жителей региона, повышение качества их жизни. Единое министерство труда и социальной защиты было образовано в 2020 году. Общая сеть подведомственных учреждений после реорганизации насчитывает 165 организаций, более 16 тыс. человек являются работниками отрасли [5]. Деятельность министерства осуществляется по двум основным направлениям: социальная поддержка и социальное обслуживание населения. Меры социальной поддержки предоставляют 78 учреждений социальной поддержки и занятости населения. В общей сложности министерством совместно с учреждениями осуществляется предоставление 92 мер поддержки, из них 80 по

линии социальной защиты, 12 по линии труда и занятости. Указанными мерами социальной поддержки охвачено 725 тысяч человек (643 – по линии соцзащиты, 82 – по линии занятости) [5].

По линии министерства труда и социальной защиты области социальную поддержку получают 125 тысяч семей, в которых воспитываются 214 тысяч детей. Следует отметить, что всего учреждениями социальной поддержки населения области реализуется 12 законов федерального и регионального уровня, которые обеспечивают предоставление 21 вида денежных выплат семьям с детьми, 10 из них выплачиваются в соответствии с областным законодательством.

На базе комплексных центров социального обслуживания населения области внедряются методики работы с пожилыми и инвалидами, направленные на профилактику падений, когнитивных возрастных нарушений, повышение двигательной активности через выполнение посильных упражнений с инвентарем. Также пожилые граждане могут получить комплексную помощь при посещении комнат психологической разгрузки. В основе комплексной социально-медицинской помощи пожилому человеку лежат рекомендации Российской ассоциации геронтологов и гериатров. С учетом современных тенденций, основной акцент сделан на внебольничные формы ведения пожилых граждан. Это прочно вошедшие в практику совместные с медиками технологии: «стационар на дому», «школы по уходу», «школы восстановления «Шаг за шагом» [6].

В Саратовской области проводится единая государственная политика, направленная на социальную защиту жителей региона, повышение качества их жизни. На базе комплексных центров социального обслуживания населения области совершенствуются методики работы с пожилыми и инвалидами. Министерство труда и социальной защиты наряду с национальными проектами продолжает принимать участие в реализации федеральных программ в области социальной политики. Негативные демографические тенденции, а именно постарение населения и спад рождаемости, а также сложившаяся демографическая ситуация задают вектор стратегическому развитию системы в перспективе.

Итак, реализация социальной политики на уровне региона является отражением государственной социальной политики, а бюджет в Саратовской области является социально направленным. Сформированная в рамках реализации на территории нашей области государственной социальной политики система социальной защиты соответствует современным потребностям населения. На улучшение качества и уровня жизни населения в рамках социальной политики направлены национальные проекты. Основным инструментом улучшения демографической ситуации выступает федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография». Наш регион приступил к реализации еще одного масштабного проекта, сравнимого с реализацией национального проекта "Здравоохранение". Это пятилетняя программа по модернизации медучреждений, оказывающих первичную медицинскую помощь жителям области. В Саратове запланировано создание международного центра по готовности к пандемиям. Разрабатывается проект по внедрению на территории области электронного социального проездного билета.

Список литературы

1. Социальная политика государства [Текст] / [составители]: *Коврижкина Л.Н., Телюбаева А.Ж.* - Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018.
2. *Маматказин И.Р.* Компенсационная функция права социального обеспечения: монография / И.Р. Маматказин. - Пермь: Perm university press, 2019. - 207 с.
3. *Эсра Дундар Араваджик* Социальная политика и социальное государство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/public-economics-and-finance/social-policy-and-the-welfare-state> (дата обращения 23.12.2021).
4. Основы социально-экономической политики государства [Текст] / [С. В. Маркова и др.]. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017.
5. Минтруда и социальной защиты РФ [Сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения 24.01.2022).
6. Министерство здравоохранения Саратовской области [Сайт]. URL: <http://саратов.рф/gov/auth/minzdrav/> (дата обращения 24.01.2022).

УДК 316.354.4

СИСТЕМНАЯ ВСТРОЕННОСТЬ ИНИЦИАТИВНОГО СУБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АГРОСФЕРЫ

И.В. Нечаева

Институт аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН», Саратов

В статье рассматривается встроенность инициативного индивида в социальное пространство агросферы с входящими в него элементами, ответственными за развитие и регуляцию процессов в сельских социумах. Аспекты соотносимости и взаимодействий основных элементов данной системы проанализированы как в аналитической, так и практической плоскостях аграрной подсистемы общества.

Ключевые слова: инициативный субъект, институт, социальное пространство, системность, развитие, агросфера

SYSTEMIC INTEGRATION OF THE INITIATIVE SUBJECT IN THE SOCIAL SPACE OF THE AGRICULTURAL SPHERE

I.V. Nechaeva

*Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov*

The article discusses the integration of an initiative individual into the social space of the agrosphere, with its components responsible for the development and regulation of processes in rural societies. Aspects of the relationship and interaction of the main elements of the system are analysed in both the analytical and practical planes of the agrarian subsystem of society.

Key words: initiative subject, institution, social space, system, development, agrosphere

Сельский социум сегодня представляет собой наименее изученное социальное пространство несмотря на то, что в нем постоянно зарождаются и складываются новые тенденции, связанные как с потребностью населения в самостоятельном выживании, хозяйственной активностью, так и с социокультурной динамикой общественных представлений. Данные изменения, на наш взгляд, прежде всего связаны с деятельностью инициативных хозяйственных субъектов [1, С.110-111] сельского социума (фермеров, глав ЛПХ, неформальных лидеров), изучение влияния которой представляет собой наибольшую ценность для

социологического осмысления векторов развития аграрной подсистемы общества.

Исследования взаимодействий социума, его институтов и личности традиционно рассматриваются в рамках системного подхода [1, С. 83], поскольку он является основным методом изучения социальной реальности разных уровней – от общественных систем до индивида и его микрогруппы. Социологические аспекты данных взаимодействий в статье рассмотрены в плоскости переноса данных категорий в социальное пространство агросферы, где основным действующим актором является инициативный индивид.

В рамках системных и структурно-функциональных представлений [2, С. 107-116] акторы, деятельность которых связана с хозяйственной активностью, являются самостоятельными субъектами социально-экономического пространства. Однако их деятельность ограничена воздействием ряда институтов (управленческих структур), наделенных организационно-правовыми полномочиями, способными оказывать существенное воздействие на траекторию их социального и хозяйственного движения. Поэтому положение инициативных субъектов села отличается определенной двойственностью.

Схема системных взаимодействий в социальном пространстве села чаще затрагивает хозяйственные аспекты жизнедеятельности инициативных субъектов, проявляющихся на основе как прямого, так и опосредованного воздействия государственной аграрной политики. Данные воздействия в основном направлены на развитие сельскохозяйственной экономической деятельности индивидов (организацию новых фермерских хозяйств, семейных ферм) и осуществляются в виде целевых программ стимулирования и распространения необходимых государству видов социально-экономической деятельности в сельской местности.

Взаимодействие между управленческими уровнями и субъектом сельскохозяйственной деятельности обеспечивают целостность процессов развития и изменений в социальном пространстве сельского социума. Определенно, что главным фактором воздействия, приводящим данный социальный механизм в движение, выступает стимул как побудительный мотив деятельности индивидов. Поэтому при разработке и формировании социально-системных механизмов развития села целесообразно опираться и отслеживать:

- инициативу субъектов сельского пространства (количественные и качественные показатели инициативных групп села, социальные ресурсы индивидов);

- сравнение нормативов и индикаторов состояния внешней среды сельского социума,

- целевые программы, способствующие развитию экономической и социальной сфер сельского пространства;

- оперативно-тактические планы и механизмы осуществления запланированной деятельности [3, С. 249].

Социально-системные взаимодействия управленческих структур и инициативных субъектов как любое социальное образование обладает

определенной социальной устойчивостью. Однако, в соответствии с практическими потребностями субъектов, их запросами обладает способностью видоизменяться. Обеспечивает данную динамику как правило «сигналы с мест», поступающие в управляющую систему от малых сельскохозяйственных предприятий, глав КФХ, лидеров общественного мнения.

Включение индивидов, ориентированных на инициативные виды деятельности в плоскость системных взаимодействий с институтами, ответственными за развитие фермерского сегмента обусловлено прежде всего наличием личностных количественных и качественных социальных показателей, определенных социальных ресурсов [4, С. 146-154], которыми они обладают. На наш взгляд, именно от них зависит возможность воспринимать сигналы и стимулы, идущие от институтов управления и включаться в программы хозяйственной и социальной активности жизнедеятельности сельчан, а затем и занимать определенную статусную позицию в данной системе.

Социологические подходы, используемые при изучении феномена социальных ресурсов инициативных субъектов позволили рассматривать их в качестве особой целостности, состоящей из взаимосвязанных между собой социальных элементов, ведущим из которых выступает инициатива субъекта, движимого собственными мотивационно-целевыми импульсами. Именно личность, субъект активизирует комплекс имеющихся ресурсных элементов и определяет общую стратегическую направленность своей деятельности. Данное теоретическое понимание, основанное на социокультурном и системном подходе позволило выделить в социальных ресурсах качество интегративности – взаимосвязи составляющих его элементов, означающее что усиление либо ослабление какого-либо ресурсного элемента влияет на устойчивость и функционирование всей конструкции социальных ресурсов.

Теоретическое направление, подчеркивающее определяющее значение социоресурсной основы, определяющей перспективы его жизнедеятельности, сегодня пользуется методологической популярностью у отечественных исследователей [5, С. 30-37]. Дифференциация современного общества включает в социальные ресурсы как экономические показатели жизнедеятельности субъектов, так и мировоззренческие – жизненные цели, мотивацию, квалификацию, аскриптивные характеристики.

Описанная выше схема системности, включающая инициативных индивидов, институты регуляции социальных и хозяйственных процессов дает нам наглядное аналитическое представление об аспектах соотносимости и взаимодействий элементов социального пространства, касающихся аграрной подсистемы общества. Однако практика реализация управленческих решений, которая осуществляется как правило через инициацию целевых программ поддержки сельскохозяйственного сегмента сегодня «обрастает» рядом проблем. Основными среди них выступают - неудовлетворенный спрос на участие в данных программах, т.к. число желающих включиться в ряды

фермеров существенно выше, чем допускается в них; бюрократизация процесса (длительность получения ряда разрешений и лицензий); обилие завышенных требований к кандидатам в новые фермеры.

Рекомендации по корректировке сложившейся ситуации в основном концентрируются на усилении финансовой поддержки инициативных субъектов. Однако на взгляд социологов, здесь необходима комплексная работа, касающаяся и социокультурных аспектов проблемы – ментальной перестройки сознания индивидов, форматирования нового целеполагания, связанного с осознанием наличия новых возможностей перестройки своей жизнедеятельности. Здесь особо необходимы меры социального повышения доступности перехода в фермерское сословие. В связи с этим, предлагается:

- расширить информационное консультирование по возможностям поддержки фермеров, освоению фермерской профессии; организовать индивидуальное курирование фермеров по необходимым вопросам;

- оптимизировать и упростить бюрократический путь для будущих фермеров; т.к. есть примеры, когда за справкой необходимо ехать за 160 км., либо кандидаты в фермеры не могут правильно заполнить документы и др.;

- сократить и «смягчить» список требований для желающих получить грант на создание своего фермерского хозяйства (семейной фермы).

В статье с аналитических и практических позиций описана универсальная схема включенности инициативных хозяйственных субъектов (акторов) села в аграрно-социальное пространство, включающая как внешний социально-экономический механизм хозяйствования, так и продуцирование собственных интенций инициативных субъектов. Нахождение инициативного субъекта в зоне преломления векторов воздействий, идущих от потенциала его социальных ресурсов и основных структурных элементов данной системы в оптимальном представлении должно способствовать росту их экономического влияния и социальной привлекательности инициативной сельскохозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев и др. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 82, 110-111;
2. Семенов С.Н., Бочарова Е.В. Развитие функционально-структурного метода в системе управления социальным потенциалом АПК // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 2. С. 107-116.
3. Максимова О.Ю., Масликов В.А. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления. Социальные структуры, институты и процессы. Вестник университета, № 3. 2016. С. 249.
4. Нечаева И.В. Методологические подходы к исследованию формирования и трансформации социальных ресурсов аграриев конструктивной ориентации. Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 1. С. 146-154.
5. Великий П.П., Бочарова Е.В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 1. С. 30-37.

**ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКО КАК ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ КСИ, РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН)**

Ю.Р. Хайруллина

Центр перспективных экономических исследований АН РТ, Казань

Р.Р. Гарипова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

В статье рассматривается деятельность НКО в Республике Татарстан как элемента гражданского общества на основе авторских эмпирических исследований мнения населения и экспертного сообщества. Выделены проблемы и направления развития.

Ключевые слова: некоммерческие организации, социальное предпринимательство, социально-незащищенные слои, социальные услуги.

**EXPERIENCE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS ELEMENTS OF CIVIL
SOCIETY (ON THE MATERIALS OF A SPECIFIC SOCIOLOGICAL STUDY,
THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Yu.R. Khayrullina

*Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan*

R.R. Garipova

Kazan Federal University, Kazan

The article discusses the activities of non-profit organizations in the Republic of Tatarstan as an element of civil society based on the author's empirical research on the opinion of the population and the expert community. The problems and directions of development are highlighted.

Key words: non-profit organizations, social entrepreneurship, socially vulnerable groups, social services

Развитие человеческого капитала в рамках решения социально-экономических задач выступает базовым приоритетом стратегии развития Российской Федерации до 2030 года [1]. Разнообразные практики социального предпринимательства, связанные с деятельностью социально ориентированных НКО, способны реализовать актуальные формы гражданского участия и солидарности людей, удовлетворить в рамках своей предпринимательской деятельности растущие потребности социально- незащищенных категорий населения, а также одновременно обеспечить их занятость [2]. Таким образом, формируя современные институты гражданского общества на федеральном и региональном уровне, функционирование НКО позволяет гармонично реализовать сочетание общественных и коммерческих интересов в ходе оказания социальной поддержки тем социальным слоям, которым ее вовремя не оказало государство.

Республика Татарстан в ПФО занимает передовую позицию по деятельности НКО, так как на республиканском уровне данную сферу целенаправленно курирует Министерство экономики РТ [3], Кабинет Министров РТ утвердил специальную подпрограмму «Поддержка социально-ориентированных некоммерческих организаций в Республике Татарстан на 2014-2024 годы» [4]. Также деятельности НКО, популяризации передовых социальных практик содействуют республиканские СМИ, например, создан портал для работы НКО, презентации их целей и проектов [5].

В то же время, результаты авторских социологических исследований [6], предпринятых в 2020-21 гг. рабочей группой под руководством д. социол.н., профессора, Заслуженного деятеля науки РТ Хайруллиной Ю.Р. (ЦПЭИ АН РТ, К(П)ФУ), с применением комплексной количественно-качественной стратегии (анкетный опрос n=396, n=1065; экспертный, n=165) показали, что в становлении социального предпринимательства существуют проблемы и трудности, особенно во взаимодействии с населением и административными структурами.

Так, о деятельности НКО произошел рост осведомленности с 44% до 58% и появились те, кто сталкивался с их работой лично. Опрос показывает, что проделанная в республике работа по повышению информированности населения имеет свои результаты, но на сегодняшний день недостаточна и существуют серьезные резервы.

Опрошенные, прежде всего, до 60% знают о деятельности профсоюзов, благотворительных организаций и фондов; до 40% - дачных и экологических и объединений по месту жительства; до 35% - обществ ветеранов и инвалидов, защиты прав потребителей, религиозных объединений. Основными каналами получения информации оказались: общение с другим людьми (63%), интернет (46%), родственники, знакомые или органы центральной и местной печати (по 30%). Принимали участие в их работе около десятой части опрошенных, почти столько же получали от них услуги и помощь. Необходимо отметить, что также около 14% получили помощь некоммерческих организаций в предшествующем году.

В рамках исследования 2020 года 43% респондентов считали, что в целом НКО несут большую пользу обществу. В следующем опросе также 41% отметил, что эти организации способны решать социальные проблемы. Рассматривая практики НКО в Республике Татарстан в 2020 г. отметим: 29% считают, что их деятельность скорее эффективна 27% думают, что она достаточно сильно влияет на решение социальных проблем, хотя почти столько же полагает, что оказывает слабое воздействие. Это демонстрирует неоднозначную оценку опрошенными феномена НКО в регионе.

Противоречивость оценок социальных практик НКО в РТ сохранилась в следующем году, хотя произошел некоторый рост понимания общественного значения НКО, так полагает 39% опрошенных. Причем, 44% согласны с тем, что деятельность НКО в республике заметна и важна.

Отвечая на вопрос о необходимости развития работы НКО в республике (2020г.), 71% опрошенных полагали, что ее надо развивать и 57% отметили, что качество социальных услуг только возрастет, когда они будут представляться коммерческими организациями, наряду с государственными, в рамках конкуренции. За конкуренцию также высказалось 72% экспертного сообщества при получении государственных и муниципальных заказов по оказанию услуг населению.

В то же время в 2020 году респонденты полагали, что, НКО должны сами окупать свою деятельность (55%), рассчитывать только на себя (25%), власть должна обеспечить их финансовую независимость (45%). Через год мнение

следующее: 83% считают, что органы власти должны помогать НКО в решении актуальных проблем, только 13% полагают, что помогать не следует, что говорит о противоречивом и неоднозначном становлении отношений государственного и негосударственного секторов экономики в социальной сфере.

Такая повысившаяся оценка значимости социального предпринимательства в республике подкрепляется следующими оценками опрошенных: НКО помогают решению актуальных социальных проблем (49%) защищают права граждан, реализуют общественные инициативы (54%). Эксперты также полагают, что социальные некоммерческие организации обеспечивают развитие социальной сферы (74%).

Респонденты в 2020 году в качестве приоритетных направлений для деятельности НКО выделили сферу охраны материнства, родительства и детства, преодоления детской беспризорности (55%), охрану здоровья и развитие медицины (33%), указали на защиту социально уязвимых слоев населения (23%). Годом позднее, опрошенные выделили охрану здоровья и медицину (57%), помощь социально уязвимым слоям населения (49%), благоустройство жилья, дворов, улиц (45%). Охрану материнства, родительства и детства, преодоление детской беспризорности отметили 31%. У экспертов в тройку вошли: охрана здоровья и медицина, помощь социально уязвимым слоям населения, охрана материнства, родительства и детства.

Завершая рассмотрение функционирования института социального предпринимательства в Республике Татарстан, опираясь на его опыт и мнение экспертного сообщества, сформулируем предложения для его укрепления и развития. Необходимо совершенствование как законодательной и административно-организационной базы развития социального предпринимательства, особенно на муниципальном уровне, так и наработка практических стандартов взаимодействия субъектов социального бизнеса с властными структурами, особенно в части преодоления бюрократизма в получении финансовой, административной, информационной поддержки, предоставлении грантов и субсидий. Особенно большой запрос представителей НКО на целевую информационную поддержку их деятельности как поставщиков социальных услуг, на освещение СМИ успешных социальных проектов и их масштабирование в рамках республики и региона. Предпринятые меры послужат как развитию инновационного человеческого капитала, так и укреплению гражданского согласия и стабильности в обществе.

Список литературы

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Правительство Российской федерации. - URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 11.10.2021).
2. *Попова К.А.* Формы социального предпринимательства: обзор российского и зарубежного опыта работы с социально исключенными группами населения URL: <http://nko.economy.gov.ru:81/data> (дата обращения: 11.10.2021)
3. Министерство экономики Республики Татарстан // Поддержка СО НКО URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/Gospodderzka_socialno_orientirovannih_necommercheskih_organizaci.htm (дата обращения: 11.10.2021)

4. Кабинет Министров Республики Татарстан. Постановление от 31 октября 2013 года №823 «Об утверждении Государственной программы "Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014 - 2024 годы" (с изменениями на 24 апреля 2020 года)» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/463305855> (дата обращения: 11.10.2021)
5. Портал некоммерческих организаций Республики Татарстан // URL: <http://www.nkort.ru/> (дата обращения: 11.10.2021)
6. *Khairullina, Y.R., Garipova, R.R., & Sattarov, T.A.* (2021). Development of social entrepreneurship in the republic of Tatarstan: Population attitude. *Linguistics and Culture Review*, 5(S3), 761-769. <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1628>

УДК 316.4

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНЫХ СОБЫТИЙ**

Е.С. Божко, О.Г. Антонова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

Целью статьи является выявление причин внутривнутриполитического кризиса в Казахстане, разразившегося в январе 2022 года. На уровне государства формально отмечается внимание к молодежной политике и наличие нескольких политических молодежных институций. Однако, латентный уровень нарастания причин, приведших к деструктивной активности молодежи, фиксировали некоторые из социологических исследований, проведенные накануне.

Ключевые слова: молодежь, политическая социализация, Казахстан, гражданская активность

**SOME ASPECTS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF THE YOUTH OF
KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF PROTEST EVENTS**

E.S. Bozhko, O.G. Antonova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The purpose of the article is to identify the causes of the internal political crisis in Kazakhstan that erupted in January 2022. At the state level, attention to youth policy and the presence of several political youth institutions are formally noted. However, the latent level of the growth of the causes that led to the destructive activity of young people was fixed by some of the sociological studies conducted the day before.

Key words: youth, political socialization, Kazakhstan, civil activity

Молодежь – отдельная и высокоресурсная социальная группа, которая является исследовательским объектом социально-политических наук. В настоящее время ей уделяется повышенное внимание. Объясняется это способностью и возможностью молодых людей оказывать непосредственное влияние на настоящее и обозримое будущее общества в целом по всему спектру государственного развития, а также численным ростом молодежной страты (например, в Казахстане каждый второй житель республики моложе 30 лет).

Острый политический кризис в Казахстане в трагическом январе 2022 года со всей очевидностью высветил проблемные зоны. Некоторые из них есть следствие давления извне, что подчеркивают многие представители казахстанского экспертного сообщества, считая, что «<...> наша республика по-прежнему находится в зоне соперничества крупных геополитических акторов и конфронтации между Россией и т.н. коллективным Западом» [4]. Другая группа причин следует из высокого уровня накопившихся внутривнутриполитических проблем экономического и социального характера, среди них «<...> высокие темпы роста социального расслоения и коэффициента Джини вели к росту среди населения тезиса о социальной несправедливости существующей модели государства» [4]. Отдельного анализа требует факт участия в деструктивных действиях казахстанской молодежи. Он должен быть многоуровневым, основанном

на получении и тщательном изучении достоверных данных. Исследовательским преддверием дальнейших аналитических действий является обзор ранее проведенных исследований, выводы которых важно сопоставить с эмпирикой случившегося.

Прежде всего, отметим, что со стороны государства по отношению к казахстанской молодежи отмечается целенаправленное внимание, которое выражается в ряде нормативных актов, назовём лишь некоторые, но главные. В 2015 году был принят Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике» [2], главной целью которого декларировалось создание условий для всестороннего развития молодых людей, а также участие «в процессе принятия решений, успешной социализации и направления ее потенциала на дальнейшее развитие страны». Этим подчеркивается внимание государства к необходимости политической социализации молодежи. За два года до принятия Закона специальным постановлением Правительства Республики Казахстан утверждена Концепция государственной молодежной политики «Казахстан 2020: путь в будущее» до 2020 года [5]. В этом документе ключевыми названы идеи, согласно которым «молодежь становится важным фактором конкурентоспособности Казахстана» и «огромная надежда и ответственность возлагаются на молодежь, которой предстоит продолжить эстафету созидательных дел старшего поколения». там же

Еще ранее были предприняты конкретные действия, направленные на содействие политической социализации казахстанской молодежи. В 2000 году создается «Жас Отан» – молодежное крыло народно-демократической партии «Нур Отан», которое президент Н. А. Назарбаев назвал школой будущих политиков. В 2008 году по инициативе молодежного крыла и соответствующим указом Главы государства создается Совет по молодежной политике при Президенте Республики Казахстан с довольно широкими полномочиями: запрашивать и получать, изучать, анализировать, обобщать, заслушивать итоги работы на своих заседаниях информации руководителей центральных и местных исполнительных органов по вопросам молодежной политики, создавать экспертный совет для проведения экспертно–аналитической работы. Четко декларирует свою цель созданная при Ассамблее народа Казахстана молодежная республиканская организация «Жарасым» – содействие формированию у молодых людей в Казахстане социально-гражданской активности и поддержка их политической и патриотической реализации [1].

Следовательно, институциональная основа для успешного вовлечения молодых людей с активной гражданской позицией в политическую деятельность в разных формах существует. Вместе с тем, социологические исследования последних лет фиксируют иную картину. Для анализа возьмем наиболее заметные, исследующие проблему политической социализацией в разных аспектах.

По гранту Министерства информации и общественного развития РК в 2019 году Центр прикладных исследований «Талап» провел исследование на тему «Формирование концептуальных подходов по реализации государствен-

ной молодежной политики» [7]. Одной из задач исследования явился анализ эффективности шести действующих в Казахстане государственных программ, ориентированных на решение проблем молодежи, а именно вопросы ожиданий и доверия молодежи к программам государственной молодежной политики, отношение к возможностям существующего рынка труда, коррупции, совершенствование работы комитетов по делам молодежи и т. п.

Экспертные встречи в формате фокус-групп проводились в пяти крупнейших городах страны, являющихся центром притяжения молодежи (Павлодара, Кокшетау, Караганда, Нур-Султан, Алматы). В экспертные группы приглашались участники неправительственных организаций («Жас Отан», молодежные ресурсные центры и студенческие организации, союз сельской молодежи и др.). В круг обсуждаемых тем также вовлекались участники специально организованной конференции «Глобальное видение нового поколения» (г. Алматы) и встречи представителей государственных структур и экспертных кругов в Академии государственного управления при Президенте РК.

В итоговом аналитическом докладе опубликованы данные социологического опроса, проведенного на территории всех областей Казахстана с использованием технологии MobileSurvey/API методом снежного кома, а также поквартирного и подомового обхода. Некоторые аспекты политической социализации высвечены. В первой пятёрке молодежных проблем отмечено отсутствие политического участия при доминировании проблем, лежащих в социально-экономической плоскости (дороговизна продуктов и одежды (36%), отсутствие работы с достойной оплатой (30%) и собственного жилья (28%), нехватка денег (28%), взаимоотношения в семье (27%). В категории ценностных установок опрос не предусматривал участие в политической жизни, однако, косвенный ответ получен, поскольку каждый второй участник считал, что главный фактор его успеха заключается в личной целеустремленности и активности, а каждый четвертый респондент полагался на волю Аллаха, 8% участников опроса указали на ситуативное стечение обстоятельств и ситуацию в стране. Одновременно 54% респондентов убеждены в правильности государственного развития страны, 15% не согласны с этим, треть молодых людей затруднились с ответом, а 15% обратятся к активной политической деятельности при ухудшении ситуации в стране. Следовательно, что за несколько лет до январских событий 2022 года определенный протестный потенциал был накоплен, но в итоговом заключении аналитического доклада этот момент не был актуализирован.

В социологическом исследовательском проекте «Молодежь в Казахстане», проведенном в 2020 году НИЦ «Молодежь», выводы носят более настоятельный характер. Одной из причин большей актуальности сформулированных в анкете вопросов и большей объективности выводов является поддержка международных консультантов ЮНИСЕФ из лаборатории молодежной политики (Германия/Великобритания) и Фонда Фридриха Эберта (ФФЭ). Этот старейший германский политический фонд организует проекты, направленные на изучение основных социал-демократических ценностей молодежи, а также моделей поведения молодых в современном обществе. Наиболее крупными ис-

следованиями ФФЭ стали международные исследования молодежи Центральной Азии, Восточной и Юго-Восточной Европы 2018–2019 и 2020–2021 гг.

Итоговый доклад отмечает, что «у Казахстана выше среднемировых показатели по критериям образование, здоровье и благополучие, трудоустройство». В то же время Казахстан продемонстрировал ниже среднемировых значения по гражданскому участию молодежи [8, с. 2]. Вновь исследователи отметили невысокий уровень участия молодых людей в гражданских или политических движениях либо организациях (28,7%) при отсутствии высказать свое мнение публично и низком доверии к правовым институтам в стране [8, с. 10]. Отсюда понятными являются низкая электоральная активность молодежи (треть респондентов проголосовала на последних парламентских выборах) и маленький процент те, кто участвовала в подписании политических петиций (4,7%) при наличии 20,6 % респондентов, указавших возможность своего участия в подобных мероприятиях в будущем.

Относительно отношения к государственным молодежным программам доминирует мнение о том, что существует «потенциальный разрыв между государственной политикой, программами и ожиданиями граждан» [8, с. 10]. В качестве важного социализирующего агента молодежи в Казахстане экспертами выявлена семья при доминирующей поддержке молодыми политических взглядов своих родителей [8, с. 91]. Итоговые выводы проекта «Молодежь в Казахстане» относительно социальной справедливости (сокращение разрыва между бедными и богатыми, обеспечении прав и свобод человека – 88,5%, улучшении положения молодежи – 88,4%, социальной справедливости и социальных льготах для всех – 87,9%) коррелируют с выводами Центра прикладных исследований «Талап», указывающими на преобладание социально-экономических претензий молодых к государству.

В завершение наиболее заметных социологических исследований, проведенных в Казахстане, отметим отчет «Индекс благополучия молодежи Казахстана» по результатам национальных онлайн-консультаций с молодежью Казахстана, сделанный по инициативе Мажилиса Республики Казахстан при участии ЮНИСЕФ с целью экскурса в понимание жизни и реалий современной молодежи [3, с.10].

Приведем только те данные отчета, которые относятся к политической социализации молодежи: «Из всех категорий самое низкое значение зафиксировано по гражданскому участию молодежи Казахстана. Молодые люди не чувствуют себя важной частью общества, что снижает значение по данной категории <...> несмотря на наличие молодежной политики в Казахстане <...> только немногим более половины молодых людей (58,10%) считают, что правительство заботится об их потребностях и нуждах» [3, с.5]. Индекс гражданского участия казахстанской молодежи равен 0,47 из 1,00, что соотносимо с 23 местом из 31 страны, что выводит индекс на минусовую отметку в 0,06 (0,47) при среднем значении 0,53.

Сопоставление заключительных выводов трех наиболее заметных социологических исследований, проведенных в Казахстане в период, непосредствен-

но предшествующих январским событиям 2022 года, с государственными программами и организациями, призванными содействовать эффективной и конструктивной политической социализации молодежи, дает основание для некоторых выводов.

Несмотря на наличие государственной программы молодежной политики и существование ряда политических молодежных организаций, эффективность указанных институций является низкой, на что указывает реакция респондентов и заключение социологических опросов. Более того, большая часть представителей молодого поколения не считают, что их проблемы реально решаются. Очевиден разрыв между декларируемыми программами, ожиданиями молодежи и фактическим состоянием.

Ответы участников социологических опросов отражают пассивную политическую культуру молодого поколения, как следствие – низкий уровень интеграции в внутривнутриполитический процесс. Существенное влияние на политическую безинициативность оказывает комплекс проблем социально-экономического порядка. Для казахстанской молодежи преимущественными социализирующими агентами являются члены семьи. При возрастающем в стране в последнее десятилетие религиозном факторе среди старшего и среднего поколения обнаруживается тенденция нарастания деструктивных настроений среди молодежи, связанных с активизацией радикальных движений и их распространением по всей Центральной Азии.

Президент РК К.-Ж. Токаев в ряде выступлений, сразу последовавшими после острой фазы внутривнутриполитического кризиса, отмечал серьезные упущения в социально-экономическом положении молодежи, которые сыграли детонирующую роль. В отношении основного ресурса политической активности молодого поколения – партии «Жас Отан», отмечено: «В молодежном крыле партии состоят более 100 тысяч членов. Однако эти значительные ресурсы не находят должного применения» [6].

Таким образом, среди некоторых внутривнутриполитических причин январского кризиса 2022 года в Казахстане можно назвать фактор низкой политической культуры молодежи, который на фоне формально существующих молодежных государственных программ и по факту наличия социальных, экономических, гражданских проблем стали мотивом деструктивного участия молодежи в беспорядках.

Список литературы

1. Ассамблея народа Казахстана. [Электр. ресурс] Режим доступа: ASSEMBLY.KZ <https://assembly.kz/ru/prochee/rmo-zharasym-ank>. (дата обращения 26.01.2022)
2. Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике» от 9 февраля 2015 года № 285-V ЗРК. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285> (дата обращения 20.01.2022)
3. Индекс благополучия молодежи Казахстана и краткий отчет по результатам национальных онлайн-консультаций с молодежью Казахстана. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/> (дата обращения 26.01.2022). с 10.
4. Лаумулин М., Ибраева А. Ситуация в Казахстане: контекст и прогнозы. [Электр. ресурс]. <https://cabnews.kz/archives/7507> (дата обращения 20.02.2022).

5. О Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее». Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 февраля 2013 года № 191. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191> (дата обращения 25.01.2022).
6. Токаев К.-Ж. Нам нужно заняться работой с необустроенной молодежью в городах [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.nur.kz/society/1953543-tokaev-nam-nuzhno-zanyatsya-rabotoy-s-neobustroennoy-molodezhyu-v-gorodah/>. (дата обращения 28.01.2022).
7. Формирование концептуальных подходов по реализации государственной молодежной политики Казахстана: Аналитический доклад. [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://cisc.kz/wp-content/uploads/2020/08/doklad-formirovanie-konzeptualnyh-podhodov> (дата обращения 25.01.2022).
8. Шарипова Д., Бейменбетов С. Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. Friedrich-Ebert-Stiftung Kazakhstan. – Алматы, 2021. – 98 с.

УДК 316.346.32-053.6

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ (1944) В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.Ш. Жемчурева

*Комплексный научно-исследовательский институт
имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный*

В работе осуществлена попытка социологического анализа отношения чеченской молодежи к событиям 1944 года, связанным с поголовной депортацией чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. Рассматриваются социокультурные последствия депортации, ее влияние на социальное самочувствие потомков.

Ключевые слова: этносоциология, историческая память, чеченцы, социокультурное развитие

DEPORTATION OF CHECHENS (1944) IN THE PERCEPTION OF YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

S.Sh. Zhemchuraeva

*Comprehensive Research Institute named
after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Grozny*

The paper attempts to carry out a sociological analysis of the attitude of Chechen youth to the events of 1944 associated with the total deportation of Chechens to Kazakhstan and Central Asia. The socio-cultural consequences of deportation and its impact on the social well-being of descendants are considered.

Keywords: ethnosociology, historical memory, Chechens, socio-cultural development

Во всемирном историческом процессе было достаточно трагедий, в числе которых и депортация ряда малых народов бывшего Советского Союза в разгар Великой Отечественной войны. Депортации народов на протяжении многих лет тщательно скрывались и от советского народа, и от мировой общественности. Причины этой бесчеловечной трагедии объяснялись по-разному, включая абсурдные обвинения в сотрудничестве с фашистами. Фактически для депортированных народов это означало геноцид. Наряду с другими народами от акта депортации жесточайшим образом пострадали чеченцы. На фронтах Великой Отечественной Войны героически сражались мужественные воины Чечено-Ингушетии против фашистско-немецких захватчиков, проявившие высокий боевой дух, храбрость и отвагу. Известно, что более 300 чеченцев участвовало в

защите Брестской Крепости. История знает имена сыновей чеченского народа, которые бесстрашно сражались и сложили свои головы на полях сражений. Город Грозный и вся чеченская земля была защищена от фашистов, и враг не был допущен на территорию Чечено-Ингушетии.

Однако, невзирая на это, чеченский народ по гнусному обвинению в пособничестве фашистам был поголовно выслан в Среднюю Азию и Казахстан в феврале 1944 года. В период депортации чеченский народ потерял треть своего населения.

Пребывание в ссылке выживших чеченцев длилось 13 лет. С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1957 г. «О территории Чечено-Ингушской АССР», начался период восстановления автономии Чечено-Ингушетии и возвращения чеченского народа на родину. 23 февраля и сегодня ассоциируется у представителей чеченского этноса с трагическими событиями 1944 года. Эта тема на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей с разных областей знания. 23 февраля 2021 года в Чеченской Республике отметили 77-летие со дня депортации чеченского народа. К очередной годовщине был приурочен социологический опрос среди молодежи региона.

Одним из первых депортацию исследовал А. Авторханов [1]. Опираясь на сведения очевидцев и доступные ему публикации, А. Авторханов описал беспрецедентный акт геноцида чеченского и ингушского народов. Он привел шокирующие факты преступлений сотрудников НКВД против стариков, женщин, детей: массовые расстрелы, мор от голода, холода и болезней во время пути и по прибытию в Среднюю Азию и Казахстан. На основе большого фактического материала, архивных источников и воспоминаний бывших спецпереселенцев проблема депортации чеченцев в 1944 году детально рассмотрена в работе Мусы М. Ибрагимова [2]. Внимание в монографии уделено борьбе за выживание и сохранение чеченцами своей этнической и религиозной идентичности. Здесь же проанализированы публикации и труды других авторов об изучаемой проблеме [3]. Проблема депортации народов и, в частности, чеченцев, изучена учеными-историками в достаточной степени. В связи с депортацией калмыцкого народа группой авторов [4, с.33-48] проведено социологическое исследование, в рамках которого изучены различные аспекты восприятия данного факта современниками. Однако на сегодняшний день социологических исследований, связанных с изучением восприятия факта депортации и ее последствий представителями молодого поколения чеченцев, нами не обнаружено.

Ежегодно 23 февраля чеченский народ вспоминает о чудовищной трагедии, произошедшей в 1944 году, вписанной «кровавыми буквами» в историю этноса. Тема депортации остается интересной для исследователей и сегодня, спустя 77 лет с той страшной даты.

В 2021 году был проведен опрос «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодежи» (Грозный, 2021 г., n=360) среди жителей региона с целью изучения восприятия современными чеченцами депортации и ее последствий в ракурсе социологического анализа. Респонденты отобраны методом снежного кома. Выборка репрезентативная, отображает генеральную совокуп-

ность по полу, возрасту, территории проживания [5]. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 29 лет, идентифицирующие себя с чеченским этносом. Выборка рассчитана пропорционально, где намеренно большую часть (15-24 лет, 244 человека) представляют центиниалы (поколение Z), рожденные в 2001 г. и позднее, взрослевшие в 2016 г. и позднее. Треть респондентов (116 человек) – представители поколения миллениалов (поколение Y) [6, с. 472-478].

Принципиально значимым в проводимом исследовании было выявление степени заинтересованности молодежи к событиям депортации 1944 года. В связи с чем сформулирован соответствующий вопрос. Распределение ответов демонстрирует внимательное отношение к обозначенным событиям. Так, абсолютное большинство опрошенных (83%) однозначно проявляют интерес к трагедии этноса. Считают, что иные события новейшей истории более интересны 7% респондентов. Стараются не вспоминать о величайшем бедствии чеченского народа 7%, т.к. прошлые обиды мешают жить. Затруднились ответить 3% молодых людей.

Несмотря на то, что значительной части опрошенных небезынтересна этническая катастрофа 1944 года, почти для каждого шестого респондента она не привлекает особенного внимания среди череды трагедий, произошедших в 21 веке с чеченским этносом. Думается, что для подрастающих поколений чеченцев необходимо на постоянной основе проводить мероприятия, акцентированные на историческом и социокультурном значении горестного факта истории этноса.

Каким образом фиксируется в сознании респондентов понятие «депортация», мы попытались выяснить с помощью конкретного вопроса. Анализ полученных данных позволяет увидеть, что в представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64%). В качестве другого определения почти треть респондентов считает депортацию высылкой из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными (26%). Лишь 10% опрошенных обозначили депортацию как выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями.

Проведенный корреляционный анализ влияния половозрастных характеристик опрошенных на определение ими депортации показал, что геноцидом депортацию представляют чаще женщины в возрасте 25-29 лет (68%). Именно этот пласт респондентов оказался наиболее эмоционально восприимчивым к масштабным потрясениям, произошедшим с чеченским народом в 1944 году. Можно предположить, что подобное острое восприятие чудовищного акта жестокости по отношению к депортируемым связано для указанной части респондентов, в том числе, со свежими впечатлениями от произошедших на рубеже веков двух военных кампаний в регионе.

В ходе выполнения проекта было необходимо установить главные каналы, посредством которых сегодня информация о депортации транслируется и воспринимается. Так, на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о Депортации чеченцев в 1944 г.?» 29% молодых людей отметили, что

осведомлены о случившемся из исторических передач, телевидения, радио; каждый четвертый респондент (25%) узнал о событиях 1944 г. от образовательных учреждений и сети Интернет. От бабушек, дедушек, старших родственников информированы о трагедии 18% опрошенных; сослались на прочитанные книги, газеты, художественные и документальные фильмы по тематике вынужденного переселения 18% респондентов; не акцентируют внимание на проблеме высылки народа 7% опрошенных, затруднились ответить 3% молодых людей.

Чрезвычайный интерес в исследовании разных граней проблемы депортации чеченцев в 1944 году представляет выявление мнения молодежи о причинах случившегося. В этой связи был сформулирован и задан соответствующий вопрос. Выяснилось, что 54% респондентов уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Четверть опрошенных (25%) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию явилась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21%) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Геноцидом чеченцев, осуществленным без наличия серьезных причин чаще, чем другие назвали 20-24-летние (47%) молодые люди (57%). Территориальную значимость как фактор, повлиявший на принятие решения о переселении народа чаще обнаружен в ответах девушек (62%) возрастной группы 15-19 лет (52%). Анализ ответов подтверждает, что молодежь не представляет причин для акта депортации и считает высылку людей с применением насилия с исконных территорий проживания в неизвестность геноцидом целого народа. Примечательно, что некоторые варианты ответов, а именно, наказание за повстанческие движения, наказание за бандитизм, наказание за пособничество фашистской Германии в совокупности выбрали только 1% всех опрошенных.

Как пишет Муса М. Ибрагимов: «...в определенной степени, все вышеназванные обстоятельства сыграли роль при принятии Сталиным и его окружением решения о выселении того или другого народа. Но главной причиной депортации народов, как отмечает значительное число исследователей, является сама природа советского тоталитарного режима. По мнению А.А. Манкиева, режиму для самосохранения требовались все новые враги и тотальный страх. Поэтому вполне закономерно, что он, репрессировав миллионы людей по социальному, сословному, конфессиональному, политическому основаниям, перешел к их репрессиям по национальному признаку» [7, с. 12]. К моменту депортации чеченского народа Сталин и его клика уже были матерыми преступниками, - пишет Манкиев А.А., - повинными в истязаниях, заточении и убийствах миллионов безвинных советских людей всех национальностей и вероисповеданий, а также поголовной депортации ряда народов. Подход, исходящий из такого исторического контекста, делает очевидным..., что депортация чеченцев, во-первых, не была для главарей тоталитарного режима чем-то неординарным и уникальным, а являлась очередным звеном в длинной цепи их бесчеловеческих преступле-

ний, во-вторых, она являлась закономерным сущностным проявлением сталинского режима, его преступной человеконенавистнической природы [8, с. 407]. Именно эта позиция абсолютно объективно отражает причины одной из наиболее болезненных страниц в истории чеченского народа.

Имеются документальные работы и художественные произведения, посвященные чудовищным преступлениям против чеченцев в ходе депортации в 1944 году. Приказ Берия, требовавший полностью освободить республику, в том числе и горные районы, от чеченцев и ингушей в отведенное время практически не мог быть выполнен. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района после окончания спецоперации, по оперативным данным, оставалось не выселенным более 6 тыс. чеченцев. Берия потребовал вывезти их к станциям погрузки в течение двух дней, однако, как подчеркивает исследователь В.П. Сидоренко, реально выполнить это указание было крайне сложно. Дополнительные войсковые подразделения и запланированные 635 автомобилей так и не смогли прибыть в эти аулы, а имеющимися автомашинами и 52 повозками вывезти людей оттуда было невозможно [9, с. 40]. По свидетельствам современников, больные, старики, беременные женщины – все, кто не был в состоянии быстро передвигаться в условиях зимних гор, загонялись в кошары и заживо сжигались. 27 февраля 1944 года в селе Хайбах были расстреляны и сожжены заживо люди из нескольких селений и хуторов Галанчожского района в количестве 700 человек. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в селе Урус-Мартан больных людей, находившихся в районной больнице, расстреляли и закопали во дворе больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали [10, с. 40].

В ходе опроса был задан вопрос: «Известно ли Вам о трагедии в с. Хайбах Галанчожского района?». Большинство респондентов ответили, что знают о трагедии (86%), ничего об этом не знают 6% опрошенных, затруднились ответить 8% молодых людей. Не знают о произошедшем горестном событии в Хайбахе чаще девушки во возрасте 15-19 лет (46%). Незнание молодежи (хоть и небольшой доли опрошенных) о в высшей степени жестоком и циничном преступлении, совершенном в отношении жителей Галанчожского района, является упущением, которое необходимо восполнить. Чудовищные деяния по отношению к самой незащитной, уязвимой категории людей не могут быть преданы забвению. Также недопустимо позволить молодежи забыть о преступлениях, совершенных в других населенных пунктах в ходе осуществления операции «Чечевица».

С целью реализации одной из задач исследования, в опросник был включен вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, сыграли главную роль в возвращении чеченцев на родину?», предлагающий один вариант ответа. Анализ полученных данных показал, что третья часть респондентов считает ключевым фактором изменения и борьбу за власть в руководстве СССР (32%). Еще треть

опрошенных существенную роль в принятии решения о возвращении чеченцев на родину отводит всем предложенным факторам (30%). Антисоветскую деятельность и выступления переселенцев как главный фактор определили 23% респондентов. Сопротивление в форме религиозной деятельности, а также в виде музыкального и литературного творчества как значимое обстоятельство, сыгравшее роль в возвращении чеченцев на родину, назвали по 4% соответственно. Результаты ответов позволяют предположить, что в восприятии молодежи каждый из перечисленных факторов стал причиной возвращения чеченцев на Землю предков (Даймохк). Вместе с тем, именно изменения и борьбу за власть в руководстве СССР, респонденты назвали как важное обстоятельство, определившее репатриацию чеченцев.

Среди наиболее значимых характеристик, присущих жизни чеченцев в условиях «спецпоселения» респонденты назвали стойкость, сохранение чести и достоинства (40%), почти в равной степени сплоченность (22%) и верность традициям (21%), агрессивность и законопослушание (по 3%). Затруднились ответить почти 11% опрошенных. Отрадно, что респондентами отчетливо воспринимаются проявившиеся особенности этнической идентичности чеченцев в суровых условиях выживания на чужбине. Доля затруднившихся ответить среди респондентов указывает на необходимость восполнения пробелов, связанных с отсутствием знаний о специфике взаимоотношений спецпереселенцев в период пребывания в Казахстане и Средней Азии.

Обобщенные результаты социологического исследования позволяют сделать основные выводы.

1. Абсолютное большинство опрошенных (83%) однозначно проявляют интерес к трагедии этноса. Почти каждый шестой респондент не считает факт депортации заслуживающим особенного внимания. Обнаружена необходимость проведения на постоянной основе учебно-образовательных, познавательных мероприятий среди молодежи, сосредоточенных на исключительном историческом и социокультурном значении скорбного факта истории чеченского этноса.

2. В представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64%). Проведенный корреляционный анализ влияния половозрастных характеристик опрошенных на определение ими депортации показал, что геноцидом депортацию представляют чаще женщины в возрасте 25-29 лет (68%). Именно этот пласт респондентов оказался наиболее эмоционально восприимчивым к масштабным потрясениям, произошедшим с чеченским этносом в 1944 году.

3. Более половины (54%) опрошенных уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Каждый четвертый респондент (25%) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию явилась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21%) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Опрошенные представители трех возрастных групп не представляют причин для акта депортации и назвали насильственную депортацию чеченцев с

исконных территорий проживания геноцидом целого народа.

4. Популярными характеристиками чеченцев в условиях «спецпоселения» респонденты считают стойкость, сохранение чести и достоинства (40%), почти в равной степени сплоченность (22%) и верность традициям (21%), агрессивность и законопослушание (по 3%). Затруднились ответить почти 11% опрошенных. Примечательно, что молодежь отчетливо воспринимаются проявившиеся особенности этнической идентичности чеченцев в суровых условиях выживания на чужбине. Доля затруднившихся ответить (каждый девятый) среди респондентов указывает на необходимость восполнения пробелов, связанных с отсутствием знаний о специфике взаимоотношений спецпереселенцев в период пребывания в Казахстане и Средней Азии. Считаем, что следует использовать каждую возможность при взаимодействии представителей разных поколений чеченцев, акцентируя внимание на обозначенных качествах этноса во время пребывания в местах высылки. Специфика их отношений, образцы стойкости, сохранения чести и достоинства должны стать (как бы ни банально звучало) примером для подрастающих поколений.

5. К поколению чеченцев, выживших в период сталинской депортации, респонденты относятся с глубоким почтением и состраданием. Подобное отношение особенно весомо на фоне трансформационных процессов идентичности чеченцев в контексте глобализации (обнаруженных в предыдущих исследованиях автора).

Список литературы

1. *Авторханов А.Г.* Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М., 1991; *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.
2. *Ибрагимов Муса М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944-1963 гг.). / Муса М. Ибрагимов. – Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015.
3. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978; *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960; *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. №7; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашего указания...». М., 1998; *Ибрагимбейли Х.-М.* Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. М., 1989. №4; и др.
4. *Лиджи-Горяева С.Э., Оконов Б.А., Чемидова Л.С., Спиридонова Л.Ю., Ункуров Э.Ю., Хашиева А.Б.* Население Республики о депортации калмыков 1943-1956 годов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. Том 2 (27). 2013. С. 33-48.
5. Численность населения Чеченской Республики по полу и возрасту на начало 2020 года // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике [Сайт]. URL: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (дата обращения: 29.03.2021).
6. См. *Жемчураева С.Ш.* К вопросу о роли поколений в трансформирующемся чеченском обществе // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25-27 ноября 2021 года / Отв. редакторы: Н.Г.Скворцов, Ю.В.Асочаков. - СПб.: Скифия-принт, 2021. – 673 с.
7. Цит. по: *Ибрагимов Муса М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944-1963 гг.). – Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015. С. 12.
8. *Манкиев А.А.* Депортация чеченского народа в 1944 году: преступление сталинского режима // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов:

Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный, 2010. С. 407.

9. Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» // Исторический архив. 2000. №3. С. 69. Цит. по: Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944-1963 гг). – Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015.

10. См.: Живая память. О жертвах сталинских репрессий. Автор-составитель Д. Хожаев. Грозный: «Книга», 1991. С. 122-123. Цит. по: Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944-1963 гг). – Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015.

УДК 316.4

ПРИЧИНЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Ю.С. Ильяшенко, О.Г. Антонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье определено понятие политического участия молодежи в политической жизни, рассматриваются внутренние, внешние, фиксированные и ситуационные факторы, оказывающие влияние на политическую активность или пассивность граждан, влияние ценностей на политическое участие индивидов.

Ключевые слова: молодежь, политическое поведение, политическое участие, разнообразность факторов, ценности

CAUSES THAT DETERMINE THE POLITICAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE

Yu.S. Ilyashenko, O.G. Antonova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

This article defines the concept of political participation of young people in political life, examines internal, external, fixed and situational factors that influence the political activity or passivity of citizens, the influence of values on the political participation of individuals.

Key words: youth, political behavior, political participation, variety of factors, values

Участие молодежи в политической жизни на сегодняшний день – это одна из наиболее актуальных проблем современного общества. Подключение молодого поколения к участию в политических процессах является одной из приоритетных задач государства. Участие в политике понимается как осознанная целенаправленная деятельность, прямая или опосредованная вовлеченность граждан в разработку и реализацию политико-управленческих решений. Кроме того, стоит отметить, что политическое поведение характеризует все действия граждан, стремящихся повлиять на характер и содержание политических решений органов и институтов государственной власти на общенациональном и региональном уровнях [1, с. 232]. Однако на сегодняшний день нельзя однозначно оценить степень вовлеченности молодежи в политическую жизнь страны. На данный момент в современном российском обществе наблюдается невысокая политическая активность российской молодежи [2, с. 133].

Количество факторов, определяющие политическое поведение, многообразно: регион проживания, социальная среда, уровень образования, политическая и экономическая ситуация в стране, различные ценности и установки. Так, например, известный исследователь политических ценностей Р. Инглхарт показал их влияние на политическое участие индивида. Он разделил ценности на материалистические и постматериалистические, первые ориентированы на вы-

живание и материальные ценности, а вторые на самовыражение. Ученый выявил, что индивиды, у которых преобладали постматериалистические ценности, были более склонны к протестным и неконвенциональным формам политического поведения ввиду того, что они более заинтересованы в изменении существующего порядка вещей, чем в его сохранении. [3, С. 74]. В целом, ценности можно назвать убеждениями, которые складываются под действием множества факторов и являются ориентирами в политической деятельности.

Причины, оказывающие влияние на политическое поведение молодежи, можно разделить на внутренние и внешние. Так, к внешним факторам относятся процессы, от изменения и развития которых зависит не только жизнедеятельность, но и социальная жизнь индивида, а к внутренним - процессы, формирующиеся на базе личностных характеристик индивида и его восприятия. Помимо этого, еще выделяют фиксированные и ситуационные факторы. Фиксированные факторы формируются на протяжении всей жизни индивида, а ситуационные факторы формируются достаточно быстро и оказывают кратковременное влияние на человека [4, с. 43].

Фиксированные факторы также подразделяются на внутренние и внешние. К внутренним, в первую очередь, относится социализация, мотивация и образовательный уровень [4, с. 43]. На процесс формирования личности оказывают влияние такие агенты социализации, как:

- семья (например, воззрения родителей, положение в обществе, их участие к политической деятельности, и их отношение к ней);
- образовательные учреждения (например, наличие и участие в общественно-политических мероприятиях, гражданско-патриотических акциях);
- ближайшее окружение (друзья, сверстники) со своими ценностями и установками.

Мотивацию как фиксированный фактор рассматривают через пирамиду потребностей А. Маслоу, поскольку удовлетворение тех или иных потребностей мотивируют людей к участию в политической деятельности.

И еще один из факторов – образовательный уровень, заключается в том, что «хорошо образованный человек обладает навыками, которые необходимы людям для понимания субъекта политики, участия в политической кампании, а также изучении и оценке проблем и кандидатов» [4, с. 44].

К внешним фиксированным факторам относятся политическая система, социально-экономическое положение региона или страны. [4, с. 45]. Главным же фактором здесь является политическая система со всеми ее характеристиками и эффективностью.

В группу ситуационных факторов входят такие процессы, которые кратковременно влияют на индивидов и оказывают непосредственное воздействие на них. Такими формами являются информационные и агитационные материалы в социальных сетях, общественные акции [4, с. 46]. Однако, на мой взгляд, такие мероприятия оказывают больше отрицательное влияние на политическое участие молодежи, поскольку это воздействует на психологическую составляющую человека, т.е индивид данное поведение воспринимает как добровольно-

принудительное побуждение к участию в политической деятельности. Стоит отметить, что политическое участие это не только поведенческие, но и психологические аспекты, а именно проявление интереса, обращение внимания, знания, убеждения, мнения, эмоции или отношение к политическим либо гражданским делам.

На формирование политического поведения оказывает влияние и социальная напряженность в обществе, которая проявляется, когда своевременно не разрешаются социально-экономические, политико-правовые и другие противоречия, затрагивающие интересы и потребности людей. Именно социальная напряженность, на мой взгляд, определяет отношение к политике и политическое поведение молодого поколения [5, С. 74].

Перечисленные факторы нельзя рассматривать отдельно, они все взаимосвязаны и взаимозависимы, одни факторы могут влиять на формирование других. В большинстве случаев внешние факторы, формирующие политическое поведение, определяют состояние внутренних установок личности. Поэтому изучение факторов, оказывающих влияние на политическую активность молодежи, является актуальным вопросом для изучения.

Список литературы

1. *Хобраков С.Ц.* Механизмы и факторы влияния молодежных общественных объединений на политический процесс // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2014. – С. 231 – 236.
2. *Зозуля Е.В.* Участие молодежи в политическом процессе России: современная теория и практика // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – С. 133 – 137.
3. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия / Инглхарт Р., Вельцель К. М.: Новое издательство. – 2011. – С. 464.
4. *Рябухина Ю.Н.* Система факторов политического участия молодежи // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2012. – №3. – С. 42 – 47.
5. *Гурылина М.В.* Факторы и эффективность политического участия граждан в условиях демократизации современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – С. 69 – 78.

УДК 316.334

МОЛОДЕЖЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Т.А. Калугина, Н.А. Молодид

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассмотрены вопросы социализации современной молодежи, основные проблемы молодежи и способы их разрешения через организацию деятельности молодежных организаций, реализацию молодежных инициатив.

Ключевые слова: молодежь, социальная группа, молодежная общественно-политическая инициатива

IN THE SOCIO-POLITICAL SPACE OF THE REGION

T.A. Kalugina, N.A. Molodid

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

In the article the questions of socialization of modern youth, the main problems of youth and ways of resolving them through the organization of activities of youth organizations, implementation of youth initiatives.

Keywords: youth, social group, youth socio-political initiative

Молодежь – в современном мире это особая социально-демографическая общность, находящаяся в процессе социального становления и перехода к социальной зрелости. Анализ молодежи как социально-демографической общности позволяет выделить ряд специфических особенностей: прежде всего, молодежь способна преобразовывать общественные отношения, занимая в данном процессе активную позицию, способна активно преобразовывать сложившиеся общественные отношения, определяя направление и основные задачи на будущее.

Молодежь способна воспроизводить социальную структуру, ориентируя ее на современные требования и современные перспективы развития общества. Находясь в процессе своего становления, молодежь как социальная группа отличается особым содержанием личностной, предметной и процессуальной стороны своей жизнедеятельности.

Социальное положение молодежи определяется социально-экономическим и политическим состоянием общества, формируется в процессе активной социальной позиции, перспективами развития и амбициозностью взглядов. Условия жизни, образования, социализации молодых людей определяют особенности формирования молодежного сознания, формирования своеобразного молодежного стиля жизни.

Исследования молодежи как культурно-возрастной социальной группы, находящейся на особой стадии психобиологического развития, представлены достаточно широко в трудах зарубежных социологов: Э. Богардуса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ф. Знанецкого, К. Маннгейма, А. Милса, Р. Парка, Т. Парсонса, Н. Смелзера, П. Сорокина, У. Томаса. Они рассматривали социальный контекст состояния молодости, до перехода социальной свободы. Они базировались на ответственности государства за успешное вхождение молодежи в общество.

Теоретические разработки отечественных социологов, отражающие обусловленные возрастом различия в ролевых функциях, правах, привилегиях: С.И. Григорьева, И. Кона, В.Т. Лисовского, В.В. Радаева, Н. Е. Тихоновой, Е. Р. Ярославской-Смирновой, и др.

В свою очередь, исследователи В. Башкутов, В. Боровиков, Г. Журавлев, С. Иконникова, В. Лисовский, В. Лисин, В. Харчева и др. успешно анализировали ценностные ориентации, мировоззренческие позиции, жизненные планы, формы проведения досуга молодежи.

Современные российские социологические трактовки к определению молодежной политики и молодого поколения представлены в трудах В. В. Павловского и Н.А. Чистяковой. По взглядам Н. А. Чистяковой, «молодое поколение как специфическая социально-демографическая группа имеет ряд особенностей, вытекающих, главным образом, из самой её объективной сущностной

характеристики. Общественные особенности молодого поколения определяются специфической ролью, которую она играет в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и изменять уже сформированные социальные взаимоотношения, то есть потенциальными сущностными силами молодёжи» [1].

В связи с этим, актуальным является исследование опыта и потребности участия современной российской молодежи в социально-политических процессах, различных формах политической и социальной активности молодежи, гражданских инициатив молодежи, а также исследование факторов, влияющих на позитивную, конструктивную социально-политическую активность современной молодежи.

Руководство области особое внимание оказывает молодежному самоуправлению, то есть форме участия молодежи в подготовке, принятии и реализации управленческих решений, касающихся ее жизнедеятельности, защите прав и интересов молодых людей.

Большая часть молодежи принимает участие в благотворительных акциях и митингах, имеет опыт добровольческой помощи, подписывается под обращениями и письмами в органы власти, в том числе посредством Интернета.

На территории Саратовской области представлен широкий спектр возможностей для реализации потенциала молодежи их общественно-политической активности. В современных условиях значительное место в процессе институционализации общественно-политической активизации молодежи занимают партии и общественно-политические молодежные добровольческие движения.

В Саратовской области успешно функционируют более десяти добровольческих организаций: волонтерские центры, созданные на базе вузов города. Из них наиболее крупные — Волонтерский центр СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Волонтерское движение СГАУ имени Н.И. Вавилова «Эпицентр», Волонтерская организация студентов СГЮА «Академия добра» и другие.

Немаловажным аспектом институционализации молодежных политических практик является феномен молодежного парламентаризма. В Саратовской области действует с 2006 года Молодежный парламент при Саратовской областной Думе [2].

Изучая проблемы активности молодежи в общественно-политических процессах, авторами был проведен социологический опрос в мае-ноябре 2021 года методом анкетирования. В анкете было представлено 42 вопроса, из которых: 10 открытых, 21 полужакрытых, 11 закрытых. Автором было опрошено 100 респондентов: 44% девушек и 56% юношей в возрасте 14-35 лет.

Результаты исследования показали, что 75% опрошенных знают о том, что в Саратовской области существуют молодежные общественно-политические организации, 25% опрошенных не осведомлены о них.

На вопрос о том, интересуются респонденты политическими и общественными событиями, 70% опрошенных ответили - «утвердительно», 35% респондентов «частично», интерес к общественной жизни низок. А всего лишь

5% ответивших – «отрицательно». Ответы респондентов позволяют сделать вывод о том, что молодежь проявляет интерес к общественно-политической жизни страны и региона, что подтверждается и дальнейшими результатами.

Так, респонденты в возрасте до 35 лет 5% являются членами политических организаций, 4% думают о вступлении в какую-либо партию в ближайшее время. В отдаленной перспективе не против членства в партии 21% молодежи. Однако, 47%, не хочет вступать ни в какую партию. И каждый четвертый затрудняется с ответом. Полученные данные позволяют говорить о том, что процесс формирования политической активности занимает временную перспективу.

На вопрос о том, помогают ли общественно-политические организации в решении молодежных проблем, мнения респондентов разделились, 45% ответили, что «да, могут помочь», 32% затруднились ответить и только 23% респондентов ответили отрицательно.

Среди источников информации об общественно-политических событиях респонденты отдают предпочтение Интернету (74%) как самому популярному средству массовой коммуникации среди молодежного сообщества. Среди иных источников выделяются печатные СМИ (17%), а также неформальные источники (9%), к которым относят друзей, коллег и родителей.

Отвечая на вопрос авторской анкеты, респонденты выделяют следующие виды позитивной роли молодежи в общественно-политической жизни страны и региона: служба в Вооруженных силах РФ (22%), активное участие в выборах на всех уровнях власти (19%), участие в молодежных объединениях и организациях (16%), влияние на власть через общественные объединения и политические партии (14%), служба в органах государственной власти и местного самоуправления (5%).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что молодые люди проявляют интерес и участие в политической жизни нашей страны и нашего региона, стремясь реализовывать свои планы на будущее.

Молодые люди интересуются общественной и политической жизнью, имеют собственное мнение относительно происходящих событий в стране и регионе. Саратовская область обладает широким спектром возможностей для молодежи в рамках общественно-политической активности, включающих такие инструменты, как общественное участие в решении социальных вопросов.

В результате проведенного нами авторского исследования, мы пришли к выводу, что общественно-политические объединения являются важнейшей формой проявления политической активности и эффективным средством социализации молодежи.

Список литературы

1. *Бабаян К.Р.* Особенности социального лидерства в молодежной среде // Вестник ПАГС. 2008. № 2.
2. О Молодежном парламенте при Саратовской областной Думе: постановление Саратовской областной Думы от 22 февр. 2006 г. № 51-2022 (в ред. от 25 окт. 2017 г.). URL: <http://www.consultant.ru>

3. О создании Молодежного правительства Саратовской области: постановление Саратовской областной Думы от 28 февраля 2013 года № 93-П. URL: <http://www.consultant.ru>
4. Зубок Ю.А., Ковалева А.И., Луков В.И. Социология молодежи – М.: Academia, 2008. С. 246.
5. Мелешикина Е.Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001.
- 6.. Общественные организации Саратовской области.
URL:<http://sport.saratov.gov.ru/molo-dezhnaja-poHtika/molodezhnye-organizacii/obshhestvennye-organizacii> (дата обращения 11 октября 2021)
7. Петухов В. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Власть. 1999. № 1. С. 49.

УДК 316.334.3

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Д.А. Киряева, Д.В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

В статье рассматриваются сущность, особенности формирования и развития молодежных политических движений и организаций. Авторы, прежде всего, останавливаются на современных реалиях развития и специфике политических движений и организаций применительно к региональному уровню, опираясь на статистические данные и исследования российских социологов.

Ключевые слова: политические движения, политические организации, молодежь, особенности современного состояния, современный этап развития

PECULIARITIES OF THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF POLITICAL MOVEMENTS AND ORGANIZATIONS OF YOUNG PEOPLE: A REGIONAL ASPECT

D.A. Kiryaeva, D.V. Pokatov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article deals with the essence, peculiarities of the formation and development of youth political movements and organizations. The authors, first of all, dwell on modern realities of development and specificity of political movements and organizations in relation to the regional level, relying on statistical data and research of Russian sociologists.

Key words: political movements, political organizations, youth, peculiarities of the current state, modern stage of development

Современное общество характеризуется динамичностью происходящих политических процессов и явлений. В обществе наблюдаются изменения политических институтов и объединений, принципов взаимодействия ветвей власти, уровней государства и гражданского общества, обуславливающие политическое развитие государства, степень которого во многом будет зависеть от включенности молодежи в общественно-политическую жизнь. Поскольку участие молодежи в политических движениях и организациях имеет большое значение не только с точки зрения саморазвития, но и с целью формирования политической системы всего общества. В настоящее время молодежь составляет почти четвертую часть населения страны [1, с. 3]. Опираясь на статистические данные в сфере молодежной политики Саратовской области, в 2021 г. в регионе официально зарегистрировано 447 597 молодых людей, что составляет 18,4% от общего населения Саратовской области [2]. Молодежь – это социально-

демографическая группа, которая определяется на основе обусловленных возрастом особенностей социального статуса, положения и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. Хотя данная группа и включает молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, стоит отметить, что по определенным нормативным правовым актам Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, возраст увеличивается до 35 лет [3, с. 9].

Значимость изучения молодежных движений и организаций находит свое отражение в формировании новой концепции государственной молодежной политики, которая играет большую роль в повышении эффективности деятельности политических институтов и объединений, современной модернизации государства и общества. Актуальность в данной работе получает изучение особенностей становления и развития молодежных движений и организаций региона. Сущность молодежных движений и организаций Саратовской области на современном этапе своего развития характеризуется отличительными особенностями, связанными с культурными, социально-демографическими, экономическими признаками региона. По данным Саратовстата, на 2015 г. зарегистрировано 1276 общественных организаций, среди которых выделяется 21 общественное движение [4].

Современные молодежные политические движения представляют собой форму коллективного политического действия или участия, являясь институтом политической социализации и источником процесса омоложения политической элиты. Политические движения и организации формируются как самой молодежью, так и благодаря государству. Молодежные политические движения и организации имеют свою социальную специфику и отличаются от других типов социальных объединений тем, что направлены на изменение актуального состояния общества, в базисе которого неудовлетворенность функционирующим положением дел, недостаточность методов и способов построения жизни, которые может предложить молодежи социум. Стоит отметить, что особенности молодежных организаций и движений рассматриваются с точки зрения поиска идентичности – при самоидентификации и выборе социальной траектории молодое поколение ставит под сомнение укрепившиеся в обществе модели и стереотипы поведения, поэтому ему свойственно искать новые формы реализации в обществе. За основу деятельности любой молодежной организации и движения берется мировоззрение, определяющее набор целей, идей и средств, благодаря которым реализуется их миссия. Мировоззрение в молодежных организациях и движениях имеет свою специфику – оно менее четкое, в ряде случаев аморфное и дифференцированное, чем в других организациях и движениях, но вместе с тем более свободное, менее подверженное стереотипам и устоявшимся шаблонам, и разноплановое [5, с. 3-4].

Существует большое количество подходов, которые выделяют специфику молодежных движений и организаций. Так, исследователи в области социологии политики и политологии рассматривают молодежные движения с точки зрения интеракции политики и патриотического воспитания молодых людей. Другие авторы приравнивают молодежные движения к определенной молодеж-

ной субкультуре. Многие исследователи, такие как О. Бэдин, Ф. Гажо, Г. Мюллер, В. Адамски, И. М. Ильинский трактуют молодежные движения как механизм «освобожденной социализации». В трактовке социолога Ф. Малера молодежное движение выступает социальным феноменом интериоризованной социализации и активно включено в социальные изменения. Отечественные же исследователи, В. П. Култыгин, П. Н. Решетов, В. Ц. Худавердян, В. П. Мошняга, полагали, что молодежное движение есть форма социальной активности молодежи. С точки зрения политологов М. Карвата и В. Миляновского, молодежные организации и молодежные движения создают нечто новое из молодежи, а именно формируют молодежь как общественный субъект. Н. А. Хохлова представляет молодежные движения в виде совокупности молодежных организаций [6, с. 73-74].

В настоящее время включенность молодых людей в деятельность политических движений и организаций связано, прежде всего, с саморазвитием и самореализацией молодежи на политической арене, кроме того, можно отметить их стремление к карьерному росту и поиск возможностей влиять на властные решения. Несмотря на это общие представления молодежи о роли политических движений и организаций не совпадают с их реальными ориентациями и формами поведения. Опираясь на данные ВЦИОМ, в 2018 г. 80 % молодых людей в возрасте 18-24 года и 73% в возрасте 25-34 года считают, что молодежные движения необходимы при политических партиях [7]. Также по результатам проведения опроса ВЦИОМ было выявлено, что 58% (18-24 года) и 54% (25-34 года) молодежи интересна деятельность молодежных общественно-политических организаций в стране [8]. Но, несмотря на это, анализ материалов Российского статистического ежегодника за 2020 г. показал, что лишь 6,5% молодежи в возрасте 16-29 лет принимали участие в общественных и политических движениях и 11,5 % молодых людей активно были вовлечены в массовые молодежные объединения, в том числе в политические организации [9, с. 258]. В деятельности молодежных общественных организаций и объединений Саратовской области задействовано около 144 тыс. человек. В области ресурсом для молодежных организаций считается Региональный центр «Молодежь плюс». В Саратовской области в 2018 г. были реализованы традиционные сборы актива молодежной организации «Синегория» (60 уч.), общественно-политический форум регионального отделения «Молодой Гвардии Единой России», «Драйвер: время выбирать» (Балаковский район, 300 уч.) и многие другие [10, с. 44-48].

Интерес к молодежным политическим движениям и организациям как субъектам политических процессов отмечается еще с 20-х гг. прошлого столетия, так как с 1917 года молодежные организации в России начинают развиваться более динамично. К началу 2000-х гг. российская молодежь была подвержена трансформации, вследствие чего образовалось поколение молодежи, процесс социализации которых ложится на «постперестроечный» период. Российская постсоветская молодежь характеризуется маргинальным характером, поскольку она не обладает устоявшейся системой политических ценностей. Со-

временная российская молодежь считается первоначальным поколением прагматиков, у которых отсутствует не просто историческая, а институционализируемая историческая память. В начале 1990-х гг. деятельность молодежных движений и организаций всерьез не воспринималась, лишь в 1995 г. стала оказываться поддержка их деятельности, так как молодежь выступала как электоральный ресурс. В настоящее время функционирующая система ценностей в политическом сознании современной молодежи гармонично сочетается с молодежной политикой государства и механизмами взаимодействия с молодежными движениями и организациями [11, с. 45-48].

Молодежные организации и движения как формы проявления социальной активности молодежи развиваются в современном обществе на значительно другом уровне, чем в советские годы. Трансформация российского общества сформировала новый современный этап развития политических движений и организаций, которые институционализируются в единую структуру со своими особенностями. На современном этапе своего развития они характеризуются неустойчивостью, недостаточным профессионализмом, «мнимой» активностью, быстрыми темпами изменений. Современные молодежные движения и организации разрабатывают политическую деятельность, исходя из новых ценностей и ориентиров, в целях поиска эффективных форм взаимодействия с органами власти, государством, СМИ, молодежью, а также друг с другом. Современные молодежные движения и организации включают в себя две ипостаси: выступая в качестве субъектов социальной политики, представляющих интересы различных групп молодежи, с одной стороны, и инструментом воспитания и контроля молодого поколения, с другой стороны. В последние годы, в отличие от других этапов развития молодежных движений и организаций, наблюдается увеличение «искусственных» объединений, которые создаются государственной властью или другими структурами. Современный этап характеризуется тем, что развитие молодежных организаций и движений актуализирует проблему зависимости процессов конкуренции и интеграции в их взаимодействии. Наблюдается диссонанс – между ними возрастает конкуренция за доступ к различным ресурсам, но вместе с тем существуют попытки взаимодействовать. Важной характеристикой современного этапа молодежных движений и организаций является их неравномерное распределение по стране. Большая часть молодежных объединений сосредоточена в крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Волгограде, Саратове, а также в некоторых других крупных экономических центрах [10, с. 8].

Таким образом, проанализировав специфику молодежных движений и организаций, а также их современное состояние на политической арене, можно сделать вывод, что развитие и особенности движений и организаций во многом зависят от самой молодежи. Для современной молодежи не характерен патернализм старшего поколения, и, наоборот, более присущ индивидуализм и стремление к экономическим ценностям, отсюда отмечается политический абсентеизм у данной социальной общности. Молодежь эпохи постмодерна участвует в маркетинговых и пиар-технологиях, именно поэтому молодежные дви-

жения и организации больше всего склонны к постмодернистским технологиям в политике, они направлены на эпатаж и аффект, на неформальное восприятие реальности. В настоящее время в России разработаны перспективы дальнейшего развития молодежных общественных движений и организаций, которые направлены на переход от количественного к качественному росту, расширение публичного пространства объединений и стремление к независимости. Но, несмотря на это, в отдельных регионах России имеется и ряд моментов, требующих дополнения и усовершенствования. В ряде муниципальных районов Саратовской области, как отмечается в некоторых исследованиях, имеются направления, требующие более пристального внимания со стороны политических партий, движений и институтов власти и управления. Для урегулирования данной проблемы органами власти Саратовской области ведется активная работа по созданию молодежных структур, а также по формированию реестров молодежных движений и организаций.

Список литературы

1. *Сироткин О.Э.* Сущность и тенденции молодежного движения в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: М., 2004, 177 с.
2. Министерство молодежной политики и спорта Саратовской области [Сайт]. URL: <http://minmolodsport.saratov.gov.ru/ministerstvo/17> (дата обращения: 25.01.2022)
3. *Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.
4. Саратовстат [Сайт]. URL: http://srtv.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/government/81de7d804747374d8059b887789c42f5 (дата обращения: 27.01.2022)
5. Особенности современных молодежных организаций, 2018 г. 10 с. [Сайт] (дата обращения: 27.01.2022)
6. *Чирун С.Н.* Молодежные политические движения и пути самореализации молодежи в публичной молодежной политике/Экономика, социология, право. Вестник МГУ им. А. А. Куляшова. 2011. № 1 (37). С. 73-79 [Сайт]. URL: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/13857/1/4825n.pdf> (дата обращения: 25.01.2022)
7. ВЦИОМ. Столетие комсомола: послесловие и послевкусие [Сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stoletie-komsomola-posleslovie-i-poslevkusie> (дата обращения: 27.01.2022)
8. ВЦИОМ. Молодежный активизм = общественная польза? [Сайт] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshhestvennaya-polza> (дата обращения: 27.01.2022)

УДК 316:378(470.345)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Н.А. Лимкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск*

В статье рассматриваются отдельные аспекты профессиональной ориентированности выпускников организаций высшего образования Республики Мордовия: отношение к выбранной профессии, мотивы первичного профессионального выбора. Сделан акцент на вторичной занятости старшекурсников. Представлен анализ показателей в зависимости от направления подготовки.

Ключевые слова: вторичная занятость, выпускники, мотивы профессионального выбора

PROFESSIONAL MOTIVATION OF GRADUATES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

N.A. Limkina

State institution of the Republic of Mordovia

«Scientific Center for Socio-Economic Monitoring», Saransk

The article discusses certain aspects of the professional orientation of graduates of higher educational institutions of the Republic of Mordovia: the attitude to the chosen profession, the motives of the main professional choice. Special attention is paid to the secondary employment of senior students. The analysis of indicators depending on the direction of education is presented.

Key words: secondary employment, graduates, motives of professional choice

Профессиональная мотивация выпускников высших учебных заведений является показателем результативности образовательного процесса, маркером успешности будущего специалиста на рынке труда, кроме того, «объясняет и обеспечивает устойчивость выбора вектора профессионального развития личности» [1, с.5].

В 2019 г. сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» проведено социологическое исследование «Перспективы трудоустройства и закрепления выпускников вузов в Республике Мордовия» (I этап, online-опрос, n = 1 763). Опрошены студенты старших курсов следующих учреждений: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева (ранее — Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева).

Отношение к получаемой профессии. Подавляющее большинство выпускников образовательных организаций высшего образования (84 %) в той или иной степени испытывают интерес к своей будущей профессии. Каждый десятый опрошенный (10 %) относится безразлично к получаемой специальности. Незначительное количество респондентов (6 %) не смогли определиться с ответом на данный вопрос.

Показатель заинтересованности в освоении получаемой профессии дифференцируется в зависимости от области знания, к которой относится выбранная специальность. Наибольший интерес наблюдается у выпускников по областям знаний «Здравоохранение и медицинские науки» (96 %) и «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (92 %), сравнительно меньший — у выпускников по областям знаний «Образование и педагогические науки» (78 %) и «Искусство и культура» (78 %). По другим направлениям подготовки также зафиксирован достаточно высокий (80 и более %) уровень заинтересованности: «Инженерное дело, технологии и технические науки» (84 %), «Науки об

обществе» (83 %), «Математические и естественные науки» (80 %), «Гуманитарные науки» (80 %).

Отсутствие у обучающихся стремления к освоению будущей профессии в большей степени выражено по областям знаний «Искусство и культура» (14 %), «Образование и педагогические науки» (13 %), «Гуманитарные науки» (13 %), в меньшей степени — по областям знаний «Здравоохранение и медицинские науки» (1 %), «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (1 %). Примерно каждый восьмой — девятый из опрошенных по областям знаний «Математические и естественные науки» (12 %), «Инженерное дело, технологии и технические науки» (12 %), «Науки об обществе» (11 %) равнодушен к своей будущей профессии.

Сравнительно большее значение показателя затруднившихся с ответом зафиксировано по областям знаний «Образование и педагогические науки» (9 %), «Искусство и культура» (9 %) и «Математические и естественные науки» (8 %).

Совокупные значения показателей количества выпускников, которые в той или иной степени не заинтересованы в освоении выбранной профессии и затруднились с ответом, по областям знаний «Образование и педагогические науки», «Искусство и культура», «Математические и естественные науки», «Гуманитарные науки» свидетельствуют об отсутствии надлежащей мотивации при осуществлении первичного профессионального выбора примерно у каждого пятого выпускника.

Мотивы первичного профессионального выбора. Основной причиной выбора получаемой профессии более половины опрошенных (62 %) называют интерес к профессиональной области. Среди других популярных факторов отмечаются: престижность профессии (34 %), связь профессии с увлечениями (30 %), наличие бюджетных мест (28 %), рекомендации старших членов семьи (28 %), доходность профессии (22 %), информированность о профессии (17 %), гарантия трудоустройства (14 %), влияние проходного балла при поступлении (13 %), пример друзей, знакомых (10 %). Примерно каждый четвертый респондент (25 %) указывает на влияние сложившихся при поступлении обстоятельств.

Сравнительно меньшая часть выпускников осуществляла свой профессиональный выбор с учетом несложности обучения (9 %), семейных традиций (4 %), приемлемой стоимости обучения (3 %).

Отдельные участники исследования объяснили свой выбор инерцией, детской мечтой, желанием постоянно развиваться, отсутствием знаний в области экономики, деревенским происхождением, наличием специалитета, достойной сферой дальнейшей деятельности и другими причинами.

Параметры мотивации, которыми обусловлен первичный профессиональный выбор, по областям знаний имеют некоторые особенности. Интерес к профессиональной области стал мотивирующим фактором для подавляющего большинства опрошенных (85 %), наличие бюджетных мест — для меньшей части (3 %), а «несложность обучения» не значится среди причин

поступления по области знания «Здравоохранение и медицинские науки». Связь профессии с увлечениями чаще выделяют респонденты по областям знаний «Искусство и культура» (67 %), «Гуманитарные науки» (55 %). Престижность профессии в большей степени важна для студентов по областям знаний «Здравоохранение и медицинские науки» (51 %), «Науки об обществе» (43 %), в меньшей степени — по областям знаний «Искусство и культура» (10 %), «Гуманитарные науки» (17 %), «Образование и педагогические науки» (18 %). Рекомендации старших членов семьи повлияли на выбор примерно каждого третьего обучающегося по областям знаний «Здравоохранение и медицинские науки» (32 %), «Инженерное дело, технологии и технические науки» (31 %), «Образование и педагогические науки» (29 %), однако практически не оказали никакого влияния на обучающихся по области знаний «Искусство и культура» (2 %). Доходность профессии отметил примерно каждый третий по областям знаний «Инженерное дело, технологии и технические науки» (32 %), «Науки об обществе» (28 %). Данный показатель менее выражен по областям знаний «Искусство и культура» (7 %), «Гуманитарные науки» (8 %), «Образование и педагогические науки» (8 %). Гарантией трудоустройства обусловлен выбор примерно трети обучающихся (32 %) по области знания «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки». Практически не повлиял данный аргумент на желание выпускников связать свою профессиональную жизнь с областями знаний «Искусство и культура» (3 %), «Науки об обществе» (7 %). Никто из опрошенных при поступлении не руководствовался семейными традициями и приемлемой стоимостью обучения по области знаний «Искусство и культура».

Причины выбора получаемой профессии дифференцируются в зависимости от области знаний, к которой относится предпочитаемая специальность. Выбор медицинской отрасли в большей степени обусловлен профессиональным интересом, рекомендациями старших членов семьи, престижностью специальности. Рекомендации старших членов семьи и доходность играют ключевую роль при определении с выбором профессии по инженерно-технической области знаний. Юридическая отрасль также привлекает многих своей прибыльностью. Зачастую решение стать педагогом связано с рекомендациями старших членов семьи. Связь профессии с увлечениями является приоритетной для будущих работников искусства, культуры и гуманитарной отрасли. Рассчитывают гарантировано трудоустроиться выпускники, выбирающие сельскохозяйственную сферу.

Вторичная занятость студентов-старшекурсников. Вторичная занятость студентов неразрывно связана с проблемами коммерциализации образования, безработицы, роста цен на товары и услуги, трудовой социализации, самореализации, адаптации в современных экономических условиях. Показательно, что более половины опрошенных студентов-старшекурсников региона (60 %) подрабатывают или подрабатывали по время учебы, из них: 31 % — не по профессии, 18 % — по получаемой или смежной профессии, 11 % — как по профессии, так и не по профессии.

Распределение ответов на вопрос о наличии работы в период обучения различается по областям знаний. Сравнительно большее число трудоустроенных во время учебы студентов наблюдается по области знаний «Искусство и культура» (74 %), сравнительно меньшее (43 %) — по области знаний «Здравоохранение и медицинские науки».

Количество студентов, имеющих работу по получаемой или по смежной профессии, примерно в 3-4 раза больше по областям знаний «Искусство и культура» (38 %) и «Гуманитарные науки» (35 %), чем по области знаний «Науки об обществе» (10 %). Наименьшее количество студентов-старшекурсников, работающих «как по профессии, так и нет» и «не по профессии» наблюдается по области знаний «Здравоохранение и медицинские науки» (4 % и 15 % соответственно).

Большая часть студентов-старшекурсников (42 %) подрабатывает в частных предприятиях, учреждениях. Следующей по популярности (31 %) является самостоятельная занятость. В государственные предприятия, учреждения трудоустроились несколько меньше (28 %) респондентов. Небольшая часть обучающихся (6 %) организовали собственное дело или включились в семейный бизнес. Альтернативу «другое» отметили лишь отдельные (2 %) респонденты, которые работали: стюардами на FIFA, в банковской сфере, аниматорами, бариста, репетиторами по английскому языку, в магазине или службе такси.

Стоит отметить, что $\frac{2}{3}$ занятых по области знаний «Искусство и культура» (63 %) работают в государственных учреждениях, во время учебы не регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей. Напротив, чуть больше половины студентов по области знаний «Гуманитарные науки» (52 %) выбирают самостоятельную занятость.

В процессе обучения большинство участников исследования (55 %) не использовали методы дополнительного заработка. Те, кто получал таким образом дополнительный доход, отмечают следующие способы: заработок в Интернете (13 %), репетиторство (12 %), строительство и ремонт (8 %), бьюти-услуги (5 %), услуги такси (5 %), курьерские услуги (4 %), фото- и видеосъемку (4 %), автомобильный сервис (3 %), декоративно-прикладное творчество на заказ (3 %), рукоделие (шитье, вязание) (2 %), организацию совместных закупок (2 %), изготовление кондитерских изделий на заказ (1 %).

Некоторые респонденты (7%) назвали и другие альтернативы: «вожатство, тренерство», «оператор call centre; „Теле2“, „Ростелеком“», «аниматор, бариста», «медицинская сестра», «кафе, официант», «сервис», «IT-сфера, IT-услуги», «охрана», «промоутер», «продавец-консультант», «пресс-секретарь», «работа в рамках ЧМ по футболу по программе Match Hospitality», «работал на заводе», «сельское хозяйство», «телекоммуникации и телемаркетинг», «тренер по танцам», «туристическая и гостиничная сферы», «фондовый рынок», «юристом», «няня», «недвижимость», «мерчендайзер», «деятельность в банковской сфере» и др.

Распределение ответов на вопрос о способах дополнительного заработка по областям знаний выглядит следующим образом. Большая часть опрошенных

по каждой из отраслей знаний (кроме отрасли знаний «Гуманитарные науки») не использовали в период обучения приведенные способы дополнительного заработка. Репетиторство наиболее распространено среди представителей отрасли знаний «Гуманитарные науки», им занимаются 44 % студентов-старшекурсников. Среди представителей указанной отрасли знаний также популярен заработок в интернете, который предпочитают 22 % участников исследования. Чаще оказывают бьюти-услуги и занимаются изготовлением на заказ предметов декоративно-прикладного творчества обучающиеся по отрасли знаний «Искусство и культура» (по 16 % соответственно).

Распространенность практики вторичной занятости среди студентов высших учебных заведений региона носит массовый характер. В особенности это касается областей знаний «Искусство и культура», «Гуманитарные науки», «Инженерное дело, технологии и технические науки», «Науки об обществе». Если работа совпадает с будущей профессией, для студентов она является производственной практикой, которая способствует повышению уровня их профессиональных компетенций. Вторичная занятость, с одной стороны, помогает определиться с дальнейшим выбором профессии, с другой стороны, может негативно отразиться на посещаемости и в целом на учебном процессе.

Список литературы

1. *Рокицкая Ю.А., Семенова Е.С.* Психологическая безопасность и учебно–профессиональная мотивация студентов вуза [Текст]: монография / Ю.А. Рокицкая. – ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. 184 с.

УДК 316.346

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

К.В. Никитина, Д.В. Покатов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматриваются сложные и достаточно дискуссионные проблемы эволюции ценностных ориентаций современной российской молодежи. Выявляются факторы и детерминанты, обуславливающие данный процесс.

Ключевые слова: российская молодежь, молодежная среда, система ценностей, развитие личности, общественный прогресс

FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

K.V. Nikitina, D.V. Pokatov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article deals with complex and rather controversial problems of the evolution of value orientations of modern Russian youth. The factors and determinants that determine this process are identified.

Key words: Russian youth, youth environment, system of values, personal development, social progress

Перспективы развития любого государства связаны с положением молодежи как особой социально демографической группы в обществе. Молодёжь обладает значительным потенциалом, который не всегда используется в полной

мере. Главным, и одним из важнейших показателей уровня развития молодежи, является ее положение в самом обществе, потому что именно благодаря ей можно предвидеть некоторые тенденции общественного развития.

Молодежь – это совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видах деятельности [1, С. 267].

Молодежь представляет собой особую социально-демографическую часть населения нашей страны, в связи с чем будет правильно сказать, что перспективы развития, как Российской Федерации, так и любой другой страны мира, связаны с положением и развитием молодежи. Молодежь обладает значительным потенциалом, а именно мобильностью, инициативностью, восприимчивостью к инновационным изменениям и новым технологиям, развитию научно-технического прогресса, способность противодействовать негативным вызовам, однако, этот потенциал не всегда используется в полной мере.

Процесс становления современной российской молодёжи происходит в условиях ломки «старых» ценностей советского периода и формирования новой системы ценностей и новых социальных отношений, в условиях системного кризиса современного российского общества и его институтов социализации (семьи, системы образования и воспитания, институтов труда и трудовой деятельности, армии). Наблюдается тенденция подмены ценностей высокой культуры усредненными образцами массовой потребительской культуры, переориентации молодёжи от коллективистских духовных ценностей к корыстно-индивидуальным ценностям. Это, а также отсутствие четко сформулированной национальной стратегии развития, консолидирующей общество, противоречивость государственной молодёжной политики закономерно приводит сложностям и противоречиям общественного развития.

Положение молодежи в современном российском обществе достаточно противоречиво. С одной стороны, это самая мобильная часть общества. Среди этой социальной группы наиболее быстрыми темпами происходит подъем профессионального уровня и служебной карьеры. С другой стороны, трудности переходного периода особенно больно ударили по положению молодежи: лишь небольшая её часть сумела найти свое место в рыночной системе, основной же массе пока не удается адаптироваться к изменившейся ситуации. И у этой части наблюдается понижение социального статуса, сужаются возможности доступа к образованию и культурным ценностям.

Сегодня социологи и политологи выделяют несколько черт, характеризующих систему молодежных ценностей:

- преимущественно развлекательную направленность жизненных ценностей и интересов, подкрепляемую прямым воздействием массовой культуры;
- вытеснение ценностей национальной культуры западными образцами поведения и символами;
- приоритет потребительских ориентаций [2].

В целом, можно говорить, что ценностные ориентации молодежи существенно отличаются от ценностных ориентаций взрослых. То, чему учили со-

ветских людей на протяжении десятилетий, быстро утратило свою ценность. Существующие сегодня правовые и социальные гарантии молодежи часто носят декларативный характер. Положение молодых людей в обществе является нестабильным. В период, когда в обществе идет переоценка ценностей, норм, молодежи сложно ориентироваться в вопросах, которые касаются её жизненной перспективы, целей и смысла жизни.

В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей. В социокультурных ценностях современной молодежи преобладают потребительские ориентации. Культ моды и потребления постепенно и поэтапно овладевает сознанием молодежи, приобретая универсальный характер. Начинает преобладать тенденция к усилению процессов стандартизации культурного потребления и досугового поведения, поддерживаемая пассивно потребительским отношением к культуре.

По результатам опросов Фонда общественного мнения, проведенных в 2017 году 53% молодых россиян на вопрос: «Какие жизненные цели, по вашему мнению, чаще всего ставит перед собой современная молодёжь?», в первую очередь, отметили её стремление к достижению материального благополучия и обогащения; во вторую очередь (19%) – получение образования; в третью очередь (17%) – работу и карьеру. Анализ полученных данных говорит о четкой прагматичной и рациональной позиции молодёжи, её стремлении к достижению материального благосостояния и успешной карьере, взаимосвязанных с возможностью получения хорошего профессионального образования. Для современной молодёжи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной (коллективистской) составляющей к индивидуальной [3].

«Персональная ценностная позиция молодых людей не коррелируется с ценностями политической идеологии, которой они отдают предпочтение» [4, С. 124]. Материальное благосостояние стало цениться гораздо выше свободы, ценность оплаты труда стала преобладать над ценностью интересной работы. Среди общественных проблем, более всего тревожащих молодых людей в настоящее время, на первом месте стоят такие проблемы как: рост цен, инфляция, усиление неравенства доходов и социального неравенства, разделение на богатых и бедных, проблемы экологии, пассивность граждан, их безразличное отношение к происходящему. Из личных проблем, испытываемых молодыми людьми, на передний план выдвигаются проблемы материальной обеспеченности и здоровья, хотя ориентация на здоровый образ жизни формируется недостаточно активно.

Доминирование потребительских ценностных ориентаций неизбежно отражается на жизненной стратегии молодых людей. Данные анализа результатов проведенных в 2017 году Всероссийским центром изучения общественного мнения показали, что «18-24-летние стали характеризовать самих себя (современную российскую молодежь) как более циничных (с этим сегодня соглаша-

ются 56 % против 43 % в 2014 г.), а 25-34-летние - как более агрессивно настроенных людей (52 % - за, против - 41% соответственно)». Полученные данные позволяют сделать вывод о неблагополучии в молодежной среде и требуют более детального изучения. Обращает на себя внимание довольно высокая степень равнодушия молодежи к таким традиционно отрицательным явлениям как приспособленчество, беспринципность, потребительство, праздный образ жизни [5].

Оздоровление молодежной среды, осуществляющей формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи, может быть, осуществлено посредством совершенствования системы, форм и методов осуществления молодежной политики в Российской Федерации.

Нереализованность в полном объеме задач современной государственной молодежной политики обусловлена не только слабым финансированием, но и несовершенством законодательно-нормативной базы, сложностями в организационном, материально-техническом и кадровом обеспечении и т.д. Положение усугубляется отсутствием законодательного закрепления понятия «молодежь» как единой социальной группы по критерию «возраст». Проблемой остается и выработка механизмов представительства законных интересов молодежи перед государством и обществом, расширения участия молодежи в политических процессах и государственном управлении. Все это приводит к тому, что, несмотря на активизацию действий органов исполнительной власти, социально-экономическое положение многих молодых россиян не улучшается. Большинство молодежи считает, что государству до них нет дела, а сами они не в состоянии влиять на принятие социально-значимых решений.

Анализ Федеральной целевой программы России (2001-2005 годы) позволяет выделить главные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации:

- создание условий для гражданского становления, духовно-нравственного, патриотического, физического воспитания молодежи;
- формирование и развитие системы оказания социальных услуг молодежи;
- обеспечение государственной поддержки молодых семей;
- создание системы научно-информационного и кадрового обеспечения молодежной политики.

На основе Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ [7], принятого для регулирования отношений, возникающих между субъектами, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, были конкретизированы в новых социально-политических условиях новые задачи:

- 1) защита прав и законных интересов молодежи;
- 2) обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи;
- 3) создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества;

4) повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде;

5) формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям;

6) формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации [6].

Проблемы в области молодежной политики, которые требуют сегодня решения (в том числе, в свете принятия нового закона):

- слабо разработаны политико-правовые механизмы представления интересов молодежи;

- слабое финансирование;

- необходимо совершенствование нормативно-правовой базы;

- более четкое определение путей и форм реализации различных молодежных инициатив;

- создание условий для самоорганизации молодежи.

Молодое поколение всегда характеризуется мобильностью, способностью к активным действиям, инициативой, творческим потенциалом. Главным является создание условий для реализации молодежного потенциала в обществе.

Необходимо четко определить цели, задачи, формы и методы работы с молодежью, создание условий для политического образования и воспитания подрастающего поколения, особенно в плане усиления патриотических ценностей.

Современный молодежный электорат через несколько лет будет определять политический процесс в России. От того, какие именно ценностные ориентации будут осваиваться молодым поколением, во многом будет зависеть направленность развития самого общества и успех демократических преобразований в стране.

Список литературы

1. Социология молодежи: энциклопедический словарь / [сост. Ю. А. Зубок и др.]. – М.: Academia, 2008. - 606 с.
2. Дунаева В.И. Проблемы формирования ценностных ориентиров молодежи России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-tsennostnyh-orientirov-molodezhi-rossii> (дата обращения: 21.03.2022).
3. Ориентиры и ценности молодых россиян: ФОМ [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения 03.11.2021)
4. Карпухин О.И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 124-128
5. Даешь, молодежь! Аналитический отчет. ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/daesh-molodezh> (дата обращения 27.05.2021)
6. Щенина О.Г. Молодежная политика: диалог с молодежью или монолог власти? // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. №6-2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-politika-dialog-s-molodezhyu-ili-monolog-vlasti>
(дата обращения: 21.03.2022).

7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 28.03.2022).

УДК 316.334.23

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ START-UP ЗА РУБЕЖОМ

Ю.А. Семенова, К.В. Мохнаткина

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассмотрены этапы возникновения start-up за рубежом и определены основные признаки их успешности и эффективности с точки зрения бизнес-структуры. В статье подробно представлена история создания зарубежной теории предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, стартап, инновационная активность, информационные технологии

HISTORY OF START-UP ABROAD

Yu.A. Semenova, K.V. Mokhnatkina

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article considers the stages of the emergence of start-ups abroad and identifies the main signs of their success and effectiveness from the point of view of the business structure. The article presents in detail the history of the creation of a foreign theory of entrepreneurial activity.

Key words: entrepreneurial activity, start-up, innovative activity, information technology

Впервые термин «стартап» был употреблен в 1939 году в США студентами Стефорского университета Дэвидом Паккардом и Уильемом Хюлеттом, разработавшие свой небольшой проект, который в последующем назвали стартапом «Hewlett-Packard». Стечением времени данный проект перерос в одну из успешных компаний в сфере IT-технологий, являющейся на сегодняшний день мировым лидером в области IT-решениях и компьютерных технологиях чисто сотрудников которой давно превысило 300 тысяч человек. Но, когда проект был только запущен, компания состояла всего лишь из двух инженеров-электронщиков. Последующие крупные и ставшие всемирно известные компании, образующиеся из стартап-проектов, также развивались в сфере IT-технологий, что в результате породило стереотип о том, что данный феномен обозначает бизнес или разработку в сфере информационных технологий.

Генезис понятия «стартап», описание его ключевых характеристик, особенностей ведения деятельности, стадий жизненного цикла встречается в работах многих зарубежных авторов. В прошлом прототипами стартапов выступали предпринимательские проекты. В этой связи следует отметить, что предпринимательство, по мнению американских ученых Р. Хизрича и М. Питерса, – это «процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью; процесс, поглощающий время и силы, предполагающий принятие на себя финансовой, моральной и социальной ответственности; процесс, приносящий денежный доход и личное удовлетворение достигнутым». 1, с.5] В развитии зарубежной теории предпринимательской деятельности можно выделить четыре направления. Пер-

вое направление возникло в XVIII века и связано с концентрацией внимания на такой черте предпринимателя, как способности нести риск. Ирландский экономист Ричард Кантильон стал одним из первых, кто исследовал институт предпринимательства. В 1725 году им было употреблено такие понятия, как «предприниматель» и «предпринимательство». По его мнению, предприниматель – это человек, принимающий решения и удовлетворяющий свои потребности в условиях неопределенности и риска. В своей работе «Опыт о природе торговли вообще» [2, с.265] исследователь описал свои взгляды на коммерческую деятельность, в результате чего, данный труд был призван выдающимся производением.

Адам Смит – шотландский экономист, философ-этик, а также один из основоположников современной экономической теории, считал, что предприниматель – это собственник капитала, который ради реализации какой-то коммерческой идеи идет на экономический риск и получение прибыли. По его мнению, риск – неотъемлемая часть предпринимательства, за который предприниматель получает вознаграждение. [3, с.78] Теория Адама Смита стала толчком к следующему этапу в развитии предпринимательских общественных отношений.

Второе направления предпринимательство связано с такой отличительной чертой, как инновационность. В 1911 г. Й.А. Шумпетер, являющийся основоположником данного направления, а также выдающимся американским экономистом, в своей знаменитой книге «Теории экономического развития», [4, с.400] рассмотрел проблемы теории и практики предпринимательства. В своей работе, исследователь писал, что основным элементом в предпринимательской деятельности являются инновации. Функции предпринимательства, как правило, состоят в инновационных открытиях, создании новых изобретений или возможности для выпуска новых товаров, открытий новых источников сырья, рынков сбыта и т.д.

Последователь Й. Шумпетера – Уолта Ростоу [5, с.115], говорил о том, что среди факторов экономического роста неотъемлемую роль играет склонность предпринимателей к инновациям и материальным усовершенствованиям.

Третье направление связано с концентрированием внимания на личных качествах предпринимателя. Представителями данного направления являются экономисты Людвиг фон Мизес [6, с.10] и Фридрих фон Хайек [7, с.92]. По их мнению, предпринимательское дело – это не просто эксперименты с новыми технологиями, а отбор наиболее эффективных методов, пригодных для потребителей в настоящий момент времени. В 1936 г. английский экономист Джон Мейнард Кейнс говорил о том, что предприниматель – это своеобразный социально-психологический тип хозяйственника, для которого главное «... не столько новаторство Шумпетера, сколько набор определенных психологических качеств». К основным предпринимательским качествам исследователь выделял: умение соотносить потребности и сбережения, способность к риску, дух активности, уверенность в перспективах и др.

Четвертое направление делает акцент на управление, и, в частности, на внутрифирменное предпринимательство или «интрапренерство». В 1983 г. американский ученый Гиффорд Пиншота ввел такое определение, как «интрапренер», т.е. внутреннее предпринимательство. Появление данного феномена связано с тем, что многие крупные предприниматели переходят на предпринимательскую форму организации производства, для которой обязательным условием является наличие свободы творчества. [8, с.495] То есть, подразделения предприятия получают свободу действий, реализации собственных идей, а также интракапитал – капитал, необходимы для реализации этих идей.

Если проводить анализ между особенностями предпринимательской деятельности, выдвинутые авторами прошлых лет и особенностями стартап-проектов, то можно заметить сходства между этими двумя феноменами, к которым можно отнести: риск, инновационная активность, высокие технологии.

Список литературы

1. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха: пер. с англ. Вып.5. М.: Прогресс – Универс, 1991.- 160с.
2. Кантильон Р. Опыт о природе торговли вообще // Первые экономические системы. М.: Эксмо, 2007. 266 с.
3. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. В 2-х томах. Т.1.М.: МП «ЭКОНОВ», 1991. – С.79-396
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. - М.: Прогресс,1982. - 454 с.
5. Ростю У.У. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест, Нью-Йорк, 1961. – 236 с.
6. Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2012. – 880с.
7. Хайек Ф. Безработица и денежная политика. Правительство как генератор делового цикла // Экономические науки. – 1992. № 1. С. 91-95.
8. Antoncic B. and Hisrich R.D. Intrapreneurship: construct refinement and cross-cultural validation. Journal of Business Venturing 16 (5), 2001, 495-527 p.

УДК 316.6 + 316.77

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК КОМПОНЕНТА ОБЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

М.М. Соколова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В статье рассматриваются трудности межличностного взаимодействия иностранных студентов, обучающихся в вузе, представленные результаты эмпирического исследования на выявление уровня коммуникативной и социальной компетентности у студентов китайцев первого года обучения.

Ключевые слова: общение, стереотипы, межличностное взаимодействие, иностранные студенты, кросс-культурное образование

STUDY OF INTERACTION AS A COMPONENT OF COMMUNICATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY)

M.M. Sokolova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

The article deals with the difficulties of interpersonal interaction of foreign students studying at the university, the presented results of an empirical study to identify the level of communicative and social competence among Chinese students of the first year of study.

Key words: communication, stereotypes, interpersonal interaction, international students, cross-cultural education

Фундаментальность российского образования делает Россию привлекательной для иностранцев, и традиционно в наши вузы приезжают на обучение студенты из разных стран. В связи с этим становится актуальным изучение проблем трудностей межличностного взаимодействия иностранных студентов в образовательном пространстве вуза.

К одному из важнейших показателей, характеризующих данную проблему, следует отнести межличностное общение. Общение – сложный, многоплановый процесс развития и установления контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [2, с. 285-286]. Общение выступает как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, как взаимодействие субъектов. Подчеркнем, что речь идет не просто о действии, не просто о воздействии одного субъекта на другого, а именно о взаимодействии. Как известно, в процессе общения принято выделять три стороны, а именно: перцептивную (восприятие субъектами друг друга), коммуникативную (особенности обмена информацией между субъектами общения) и интерактивную (характеристики взаимодействия субъектов общения).

Остановимся на интерактивной стороне – межличностное взаимодействие. В психологическом словаре можно встретить следующее определение категории «взаимодействие» - это процесс, при котором происходит опосредованное или непосредственное воздействие субъектов друг на друга, тем самым порождающие их взаимную связь [1]. Выделить характеристики взаимодействия как психологической категории позволяет анализ научных трудов ученых-психологов, таких как А.Н. Леонтьева, В.И. Слободчикова, С.Л. Рубинштейна, В.А. Петровского и др. В системе «человек-человек» взаимодействие предполагает участие в данном процессе не менее двух субъектов, «влияющих друг на друга», связанных между собой определенными отношениями, взаимозависящих друг от друга [4]. Иначе говоря, процесс «взаимодействия» возможно понять только через эти отношения и связи.

Межличностное взаимодействие - способность понимать внутреннюю организацию и структуру личности окружающих, правильно интерпретировать их чувства и эмоции, управлять проявлениями своих эмоций, выстраивать эффективные отношения с окружающими. Личность обнаруживает свою активность в процессе взаимодействия с окружающим миром. В силу того, что активность характеризует обе стороны взаимодействия, они обе имеют качество субъектов. Следовательно, для того, чтобы выявить причины этой активности, ее психологические формы и проявления, необходимо охарактеризовать личность со стороны ее направленности и важнейших, жизненных отношений [4].

В.Н. Куницыной была предложена классификация трудностей межличностного общения по их содержательно-функциональным и причинной обусловленности характеристикам [3]:

1) Субъективно переживаемые трудности (социальная неуверенность, неумение установить психологический контакт, робость);

2) Объективные трудности (трудности, появляющиеся именно на момент контакта, тем самым снижающие успешность процесса общения: полнота владения вербальными и невербальными средствами общения; владение нормами, правилами психологической культуры общения).

По причинной обусловленности трудности общения принято разделять на две группы: первичные (природные свойства человека, например, темперамент) и вторичные (психогенные – стресс, психологические травмы, заниженной самооценка и др., социогенные - неудачный социальный опыт, внешние барьеры (смысловые, ситуационные, коммуникативные), ошибки воспитания и др.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дефекты и трудности общения наблюдаются именно в личностном общении. В основном трудности возникают вследствие отсутствия потребности в общении, неумении раскрыться и правильно донести информацию до субъектов общения и т.д.

На сегодняшний день исследований, посвященных изучению межличностного общения (с интерактивной стороны) студентов, крайне мало. Об этом свидетельствует низкий процент публикаций по данной тематике за последние 10 лет (по данным сайта ВАК и РИНЦ). Таким образом, актуальность проблемы исследования и ее недостаточная разработанность послужили основанием для выбора темы данной работы.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Дальневосточного федерального университета (далее - ДВФУ) среди иностранных студентов 1 курса направления «Экономика» на корпоративной интернет-площадке Microsoft Teams и Google, при помощи Google-Форм, по причине организованного дистанционного образовательного процесса для иностранных студентов из-за эпидемиологической ситуации в России и мире. Общее число обучающихся, принявших участие в исследовании, составило 48 человек. Все они имеют гражданство Китайской народной республики.

Респондентам предлагалось заполнить анкету на русском и английском языке (в зависимости от уровня владения иностранным языком), состоящую из 25 вопросов. Кроме того, в анкете присутствовали основные пункты, обязательные для заполнения: год рождения, сколько полных лет (на момент заполнения анкеты), направление подготовки, курс. Данный метод дает возможность сбора социально-демографических данных о респонденте, а также возможность понять общее впечатление от образовательного процесса и ощущения себя в нем самого студента.

По результатам анкетирования видно, с какими трудностями в первое время столкнулись иностранные студенты, прибывшие в Россию для получения высшего образования. К ним можно отнести: языковой барьер (общение с одноклассниками, преподавателями и сотрудниками, местным населением), пра-

вила обучения в университете, участие в университетских мероприятиях. На вопрос «Как облегчить обучение для иностранных студентов?» были получены следующие ответы: отведение большего времени на самоподготовку студентов к занятиям, проводить дополнительные уроки русского языка, проводить дополнительные консультации для иностранных студентов с преподавателями направления подготовки. Также следует сказать о том, что все опрошенные студенты единогласно указали на то, что хотели бы обучаться в межкультурной учебной группе, что свидетельствует о том, студенты заинтересованы в установлении контактов в образовательной среде вуза. Однако на вопрос «С кем бы Вы хотели проживать в комнате в общежитии?» большинство респондентов (31 человек (64%)) указали в качестве «желательного» соседа по комнате - студентов своей национальности, что говорит о том, что присутствует скованность, замкнутость, недоверие к студентам, принадлежащим к другой национальности.

Для диагностики было выбрано несколько методик, а именно:

- Методика диагностики коммуникативной и социальной компетентности (далее - КСК) [4];
- «Оценка коммуникативных и организаторских склонностей в процессе общения» (далее - КОС) В.В. Синявский, В.А. Федорошин;
- Тест «Оценка уровня общительности» (тест В.Ф. Ряховского) [Рогов 1999, с. 52-55].

Методика «КСК» предназначена для получения более полного представления о личности студента, составления вероятностного прогноза успешности её учебной деятельности. В результате оценка личностных уровней коммуникативной и социальной компетентности иностранных студентов 1 курса показала, что:

- Большинство респондентов набравших высокое количество баллов (от 16 до 20), обладают ярко выраженными качествами личности. Об успешной образовательной и профессиональной деятельности в будущем говорит максимальный уровень оценки факторов общительности и эмоциональной устойчивости (44% обучающихся (21 человек).

- Средний результат (количество баллов от 13-15) имеют 35% опрошенных студентов (17 человек). Это указывает на выраженность одного из факторов. Можно сказать, что студенты стремятся к повышению уровня своей коммуникативной и эмоциональной компетентности, что в будущем также положительно скажется на их профессиональной и образовательной деятельности в вузе.

- Низкие показатели (количество баллов от 7 до 11) у 21% опрошенных студентов (10 человек). Это указывает на низкую оценку коммуникации студентов с окружающими. Это говорит о трудностях успешности в дальнейшей профессиональной деятельности и личностной проблеме в социальной компетенции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, в соответствии со шкалой оценок по методике «оценки коммуникативных и организаторских склон-

ностей в процессе общения (КОС), направленной на определение уровня коммуникативных и организаторских склонностей в общении студентов, были получены следующие результаты:

– 16 человек / 33% (шкала оценки 4-5), что говорит о высоком/очень высоком уровне проявления организаторских и коммуникативных склонностей в процессе общения. Студенты испытывают потребность в коммуникативной и организаторской деятельности и активно стремятся к ней, быстро ориентируются в трудных ситуациях и могут самостоятельно принимать решения, умеют отстаивать свое мнение. Быстро находят новых друзей, так как часто занимаются общественной деятельностью

– 19 человек / 40% (шкала оценки 3) указывает на преобладание среднего уровня, которому характерно стремление к контактам с людьми, планирование своей учебной и внеучебной деятельности, однако потенциал их склонностей не отличается высокой устойчивостью и может изменять в зависимости от ситуации.

– 13 человек / 27% (шкала оценки 1-2) говорит об уровне ниже среднего/низком коммуникативных и организаторских склонностей в процессе общения. Таким студентам свойственно избегать принятия самостоятельных решений, они не стремятся к общению, и тяжело переживают обиды и неудачи, чувствуют себя скованно в новом коллективе, предпочитают проводить время только с близкими друзьями или наедине с собой, безынициативны.

Тест «Оценка уровня общительности» (В.Ф. Ряховского), оценивающий общий уровень общительности, показывает, что:

– у 15 иностранных студентов/ 31% ярко выражен высокий уровень общительности (1-13 баллов).

– 22 обучающихся/46% имеют средний уровень коммуникабельности (14-24 балла), что характеризуется умением слушать собеседника, терпимостью в общении, иметь свою точку зрения по разным вопросам, неконфликтностью.

– результаты 11 респондентов / 23% говорят о низком уровне общительности (25-31 балл), выражающийся в замкнутости, недоверии к окружающим (как следствие, малый круг знакомых и друзей), недовольстве собой.

Таким образом, студенческая среда из наиболее интенсивных зон межэтнических контактов. Именно в вузах встречаются представители разных этнических групп и вступают в контакт различные системы мировосприятия и миропонимания. Именно в результате этих контактов у многих студентов закрепляются стереотипы межэтнического восприятия и поведения, которые они пронесут всю дальнейшую жизнь. В целом, студенческий возраст (18-23 лет) являются решающим периодом развития этнического самосознания, его упрочнения и закрепления.

Для гармонизации межэтнической атмосферы и создания необходимых кросс-культурных отношений в вузе следует обогатить содержание предметов новым учебным материалом, отражающим культурное достояние, традиции, быт каждого представителя разной этнической группы. Теория и практика многокультурного образования требует от вуза, чтобы он стал местом возможной

культурной дискуссии, предоставил возможность студентам пережить личностные различия, научиться решать проблемы и конфликты межкультурного взаимодействия путем диалога, компромиссов и сотрудничества.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / *Авдеева Н.Н. и др.*; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. - 4-е изд., расш. - Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с. [Сайт]. URL: <https://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 10.01.2022).
2. *Карнышев А.Д., Винокуров М.А., Трофимова Е.Л.* Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 285-286
3. *Леонтьев А.А.* Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. – М. Наука, 1975.
4. *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. - Л.: ЛГУ, 1979.
5. *Пахтусова Н.А.* Межличностные отношения как фактор оптимизации образовательного процесса в вузе / Проф.-пед. ин-т ГОУ ВПО «Челяб. гос. пед. ун-т». - Челябинск, 2010. - 144 с.
6. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн. Кн. 2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ВЛАДОС, 1999. - 480 с. (С. 52-55).
7. *Слотина Т.В.* Психология личности: Учебное пособие. 2008.
8. *Соколова М.М., Соколова А.М., Калита В.В.* // Иностранцы студенты в межкультурном пространстве вуза. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 10(4), С. 425-440. [Сайт].URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.404> (дата обращения: 09.01.2022).

УДК 316.774

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ СМИ: ФЕНОМЕН ПАНДЕМИИ

А.В. Антонова

АО «Москва Медиа»

О.Г. Антонова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматриваются особенности и проблемы перехода на удаленную работу средств массовой информации. Авторы исследуют трансформацию организации рабочего процесса в медиа, последствия и тренды развития в этой сфере.

Ключевые слова: удаленная работа, телевидение, пандемия, медиа

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF REMOTE WORK OF THE MEDIA: PANDEMIC PHENOMENON

A.V. Antonova

JSC Moscow Media"

O.G. Antonova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article discusses the features and problems of the transition to remote work of the media, television channels. The authors explore the transformation of the organization of the workflow in the media, the consequences and development trends in this area.

Key words: remote work, television, pandemic, media

До недавнего времени удаленная работа как форма организации рабочего процесса была не слишком распространенным явлением в России. По данным Министерства труда России, до пандемии в таком режиме работали всего лишь 30 000 россиян, на время пандемии их количество увеличилось до 6 миллионов человек [1]. По оценкам ВЦИОМ, уже к концу апреля 2020 года количество трудящихся в удаленном режиме в нашей стране возросло в восемь раз [2]. Это был уникальный опыт массового внедрения дистанционного формата в деятельность множества самых различных предприятий, обусловленный экстренными внешними обстоятельствами. Стоит отметить, что статистика охватывает официально трудоустроенных россиян, однако, в частности, в сфере медиа до сих пор распространена работа без официального оформления.

Удалённая (дистанционная) работа – это такая форма занятости, когда работодатель и работник не имеют специально отведенного единого рабочего пространства, могут находиться на значительном расстоянии друг от друга, и процесс обмена заданием и результатами труда, а также его оплата происходит при помощи современных средств связи (преимущественно интернет) [3].

Как принято считать, саму идею удалённой работы высказал американец Джек Ниллес в 1972 году. Он проводил эксперименты в Университете Южной Калифорнии и пришел к выводу, что современные

средства коммуникации позволяют обеспечивать контакт с сотрудниками на расстоянии, не привлекая их в офис. В результате, к его идее новой формы организации труда был проявлен интерес, и он получил финансирование от американского национального научного фонда. В 1979 году глава Комитета по экономическому развитию США Фрэнк Скифф, продолжая развивать идеи Джека Ниллеса, вводит новый термин *flexiplace* - «гибкое рабочее место», и публикует статью «Работа из дома экономит бензин» [4].

Новая форма организации труда позволяет решать многие проблемы, в первую очередь, транспортную, а также обеспечить работой население удалённых сельских районов.

Несмотря на перспективность в условиях цифровизации экономики, и наличие ряда преимуществ, удаленная работа представляется возможной не для всех сфер хозяйственной деятельности. Очевидно, что она целесообразна для так называемых транзакционных отраслей и специальностей, которые связаны, в первую очередь, с информацией, осуществлением разного рода коммуникаций, например, для сфер IT, HR (подбор персонала), финансов (бухгалтерии и аудита), консалтинговых и переводческих услуг, закупок, продаж и т.п. [3].

Нельзя заявлять, что формат дистанционной работы — достижение нескольких лет пандемии: в 2013 году в Трудовом кодексе РФ появилась глава 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников», в ней четко сформулировано понятие «дистанционная работа» и определены особенности заключения и расторжения трудового договора с дистанционным работником. Уже тогда специалисты получили законные гарантии, которых раньше не было.

В первую очередь, удаленный режим работы стал популярным среди работников в сфере бухгалтерии и финансов, it-технологий, медиа и образования. Дистанционный режим работы it-специалистов, учителей, преподавателей и репетиторов стал возможен благодаря интернет-технологиям. В медиасфере уже давно исторически сложились профессии, которые не предполагают нахождения в офисе: авторы, иллюстраторы, копирайтеры, переводчики.

Не таким очевидным, но важным шагом в легализации дистанционного режима работы стало введение понятия «самозанятого» в 2017 году. Статус позволил копирайтерам, рерайтерам, дизайнерам, монтажерам, авторам, редакторам, маркетологам, смм-специалистам и другим узаконить профессиональную деятельность и получить социальные гарантии и защиту. В свою очередь это повлияло на общественное отношение к целому пласту профессий и повысило их привлекательность.

Стоит отметить взаимосвязь распространения дистанционного режима работы и экономических кризисов. Так, в России в 1998, 2008 годах востребованность дистанционного режима работы как у работодателей, так и у соискателей возрастала.

Опросы работодателей показали, что удаленный режим позволяет сократить расходы на рабочие помещения, канцелярию и коммунальные услуги, а также оптимизировать расходы на заработную плату. При этом, например, согласно исследованию ТАСС, «Большинство работодателей (72%) удовлетворены качеством работы сотрудников на удаленке» [5].

В свою очередь, и сотрудники компаний также отметили экономию на расходах на транспорт и питание (50% опрошенных). Также респонденты отметили как плюс удаленного режима возможность работать отовсюду, где есть интернет (32%). Для 27% респондентов важным преимуществом является отсутствие отвлекающих офисных факторов: разговоров коллег, совещаний и планерок, для 23% — большее количество свободного времени [6].

Переход на удаленный режим работы многих компаний в пандемию 2019-2021 года – не столько способ оптимизировать расходы в условиях экономического кризиса, сколько необходимость и требование со сторон властей. В Москве, например, согласно «Указу мэра Москвы от 8 июня 2020 г. N 68-УМ», было запрещено нахождение более 70% сотрудников в офисах и рабочих местах [7].

Требование вызвало срочную реорганизацию рабочего процесса, в том числе, в медиасфере. Как было замечено выше, в сфере информационных услуг до пандемии уже сформировалась группа профессий, работающих в дистанционном режиме, большинство таких сотрудников работают вне штата, а, значит, как офисные сотрудники уже не числятся. В частности, на региональных телеканалах до 30% персонала трудятся вне штата. Таким образом, большинство людей, которых можно перевести на удаленный режим работы без ущерба для производства, уже работали так.

Телеканалы не могут значительно сэкономить и на оптимизации рабочих пространств. Так как это узкоспециализированная сфера, большинство помещений оснащены дорогостоящей техникой и аппаратурой. Для сокращения используемых помещений необходима серьезная многоуровневая реорганизация — продажа собственной техники и оформление договоров с подрядными организациями, например. Но делать этого не имело смысла, так как пандемия вызвала повышение зрительского интереса к телевидению. По данным Mediascore, в апреле 2020 года жители российских городов с населением более 100 тыс. человек старше четырех лет в среднем смотрели ТВ на 25% дольше, чем в апреле 2019 года — 269 минут каждый день.

С другой стороны, наличие собственной техники и оборудованных площадок позволили СМИ первыми запустить и формат массовых онлайн-мероприятий, онлайн-встреч, а значит, и запустить онлайн-рекламу во время этих мероприятий и получить дополнительный источник дохода. Примером служат регулярные прямые эфиры в интернете с вирусологами и медиками страны информационного агентства ТАСС.

Современные телеканалы — это конвергентные редакции, которые включают в себя как телевидение, так и радио и интернет-издания. Главное отличие таких редакций - организация тесного и быстрого взаимодействия

между отделами. Перенос тех же принципов в режим удаленной работы требует больших затрат на разработку необходимого программного и технического обеспечения. Еще одно необходимое условие - безопасность информации. При удаленном режиме работы обеспечение безопасного канала связи — это дополнительные расходы.

Одновременно с расходами, конвергентные редакции и целые экосистемы сделали стремительный скачок в развитии. Чтобы достичь таких же результатов до пандемии, понадобились бы годы. Примером служит медиаэкосистема «Сбер», которая из банка превратилась в сервис доставки, сервис предоставления фильмов, музыки, новостей, онлайншоппинга. Другим таким гигантом стал «Яндекс».

Со стороны сотрудников, которых перевели на удаленную работу во время пандемии, главная жалоба — ненормированный рабочий день (37% респондентов) [8]. По результатам опроса Kelly Services, 32% опрошенных сотрудников считают, что скорость коммуникаций ухудшилась, а 37% отмечают снижение эффективности таких коммуникаций по сравнению с личными встречами. Однако, несмотря на все минусы, россияне надеются на продолжение работы в дистанционном режиме и после окончания пандемии (54% опрошенных). Такие результаты получил в ходе исследования портал Jobs.

Еще один побочный эффект работы в дистанционном режиме — выравнивание зарплат в регионах и федеральных центрах. Так, копирайтер и автор, проживая в Саратове, может получать «московскую зарплату». В то же время, это повышает уровень конкуренции среди соискателей.

С другой стороны, на сайтах HH.ru, VKHL.ru (портал для поиска вакансий в медиа) все больше встречается требование посещать офис хотя бы на время испытательного срока. Это вызвано назревающими проблемами в условиях дистанционного рабочего процесса: сотрудники со временем выгорают, теряют мотивацию, теряют связь с остальной командой, коммуникация становится всё менее эффективной. Выходом работодатели называют гибридный режим работы, то есть, когда сотрудник совмещает работу в офисе (это может быть несколько дней в неделю, месяц и даже год) и работу из дома.

Переход в дистанционный формат работы в сфере медиабизнеса стал неоднозначным процессом. С одной стороны, это спровоцировало быстрое развитие в рамках уже намеченных интернет-трендов, ускорило запуск целых медиасистем информационных гигантов. Пандемия изменила принципы работы журналиста - удаленное ведение эфиров прямо из дома, в результате стерлись границы между гражданской и профессиональной журналистикой.

Одновременно с этим, пандемия окончательно разорила 44 региональные газеты, 40% редакций пришлось сократить свой штат, во многом именно из-за невозможности перестроить рабочий процесс.

Большинство СМИ подтверждают, что оставят на удаленном формате работы до 30% своих сотрудников (РБК, Daily Mail и другие), так как такой режим работы показал свою эффективность.

Список литературы

1. Минтруда оценило число россиян на удаленке. Forbes. 02.09.2021 [сайт] URL: <https://www.forbes.ru/biznes/438827-mintrud-ocenili-cislo-rossian-na-udalenoj-rabote-v-3-mln-celovek> (дата обращения 29.01.2022)
2. Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Social Business Group. Москва, 15.05.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=102802> (дата обращения 20.01.2022)
3. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта//МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2.
4. Frank W. Schiff. Working at Home Can Save Gasoline (англ.). The Washington Post (2 сентября 1979).
5. Опрос: большинство работодателей удовлетворены качеством работы сотрудников на удаленке. ТАСС. 10.07.2020 [сайт]. URL: https://tass.ru/obshchestvo/8932655?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 04.02.2022)
6. Главный плюс работы на удаленке — экономия расходов, главный минус — ненормированный рабочий день. Исследовательский центр портала Superjob.ru. 14.12.2020 [сайт] URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112583/glavnyj-plyus-raboty-na-udalenske/> (дата обращения 02.12.2021)
7. О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ. [сайт] URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/47268220/> (дата обращения 10.02.2022)
8. В Министерстве труда считают, что многие россияне оценили преимущества удаленки и этот тренд будет продолжаться/Moscow daily News[сайт]URL: <https://www.mn.ru/smart/okolo-3-mln-rossiyan-prodolzhayut-rabotat-udaleno-mintrud-do-nachala-pandemii-koronavirusa-v-strane-distancionno-trudilis-tolko-30-tys-chelovek> (дата обращения 10.02.2022)

УДК 316.422.42

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Е.В. Бочарова

Институт аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН», Саратов

В статье рассматриваются вопросы формирования новых и совершенствования имеющихся цифровых навыков работников аграрной отрасли в условиях сохранения рисков распространения COVID-19.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, сельское хозяйство, цифровые компетенции, работник

IMPROVING THE DIGITAL COMPETENCES OF AGRICULTURAL WORKERS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

E.V. Bocharova

*Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov*

The article deals with the formation of new and improvement of existing digital skills of agricultural workers in the context of continuing risks of the spread of COVID-19.

Key words: COVID-19 pandemic, agriculture, digital competencies, worker

Пандемия COVID-19 не только усилила проблему цифрового неравенства и неравномерного доступа к информационно-компьютерным технологиям, но также ускорила структурные и операционные изменения в различных секторах экономики, в том числе в сельском хозяйстве. Руководство и сотрудники

агропредприятий в ходе действия ограничительных мероприятий столкнулись с большими проблемами. Однако, некоторые сельскохозяйственные организации сумели успешно адаптироваться к происходящим изменениям путем использования инновационных возможностей, а также практик совершенствования цифровых компетенций.

Цифровые компетенции – это общий термин, используемый для описания или объяснения способности (гражданина, студента, преподавателя и т.д.) использовать информационные технологии (ИТ) в конкретном контексте [1, с.236]. Владение цифровыми навыками – важнейшая отправная точка для устойчивого развития аграрного сектора в условиях новых глобальных вызовов, поддержки инноваций, а также залог успешного развития в будущем. Высококвалифицированные рабочие выступают основной движущей силой нововведений и предпосылкой для создания и использования новейших технологий.

Помимо этого, успешная адаптация сотрудников к новым рыночным реалиям и методам работы после окончания пандемии будут иметь решающее значение в условиях устойчивого развития экономики. Инновации являются одним из ключевых факторов роста агропромышленного комплекса. Широкое использование новейших технологий, инновационных разработок стимулируют дополнительный спрос на высококвалифицированных специалистов и создают возможности для улучшения их материально-финансового благополучия.

В последние два года пандемия ускорила процесс распространения цифровых навыков среди работающего населения. В долгосрочной перспективе обучение на протяжении всей жизни в рамках непрерывного образования приведет к постоянному повышению профессиональных навыков и компетенций, в том числе в сфере цифровизации.

По результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат) [2] 64,6% квалифицированных работников аграрного сектора не желают повышать свои цифровые компетенции.

Одной из возможных причин неготовности развиваться профессионально и совершенствоваться на своем рабочем месте является, в том числе недостаток цифровых навыков. Около 34% респондентов стремятся пополнить имеющиеся знания. Сотрудники предпенсионного возраста (39,4%) возглавили список респондентов, наиболее желающих пройти дополнительную подготовку в сфере информационных технологий. Данные о тех, кто стремится получить дополнительные цифровые навыки в разрезе возрастных категорий, выглядят следующим образом: 16-34 лет – 30,0%; 35-44 лет – 28,6%; 45-54 лет – 38,5%.

Совершенствованием цифровых навыков для выполнения текущих трудовых задач с помощью компьютерного оборудования (стационарные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны) на своем рабочем месте не реже одного раза в неделю занимались около 11% респондентов. Среди молодежи (16-34 лет) самостоятельно изучают и активно применяют в трудовой деятельности компьютерное оборудование 17% ответивших, среди сотрудников старше 65 лет – 4,0%. Относительно невысока активность в данном вопросе у

представителей среднего возраста: 35-44 лет – 10,7%; 45-54 лет – 10,1%; 55-64 лет – 9,7%.

Дополнительное распространение цифровизации и современных онлайн-технологий приведет, по мнению некоторых ученых, к потере работы на протяжении следующих десяти лет около полумиллиона человек, занятых в сельском хозяйстве. В этих условиях «удержатся на плаву» те специалисты, которые действительно готовы и способны освоить дополнительные цифровые навыки. Следовательно, вырастет спрос на знающих и квалифицированных руководителей, высококомпетентных специалистов и рабочих.

Работа в сельском хозяйстве относится к такому виду деятельности, которая требует практически ежедневного присутствия на рабочем месте и практически не предусматривает возможности дистанционного формата. Физическую работу в поле, уход за животными, использование машинного оборудования нельзя выполнять удаленно. Напротив, такие действия, как сбор и обработка информации, обучение, консультирование, общение могут успешно выполняться онлайн, особенно в период ограничительных мероприятий. Работа в период пандемии заставила работников совершенствоваться имеющиеся и формировать новые цифровые компетенции.

В настоящее время большая часть сельскохозяйственных работников обладают следующими цифровыми навыками: отправляют электронную почту с прикрепленными файлами, работают с текстовыми редакторами, умеют копировать электронные файлы и папки. Наименее распространены навыки работы с программным обеспечением.

Однако, переход некоторых категорий сельскохозяйственных работников на частично удаленный режим работы предъявляет новые требования к самостоятельному изучению ключевых программных продуктов, используемых в профессии. В некоторых случаях от сотрудников может потребоваться навык установки, настройки и взаимодействия отдельных элементов программного обеспечения.

В современных условиях помимо владения цифровыми компетенциями, необходимо оперативно изучать необходимые для работы программы и сервисы. Цифровизация затронула инструменты профессионального развития, многие из них переходят в онлайн-формат. В период пандемии COVID-19 широкое распространение получили дистанционные формы обучения.

Доступ к дистанционному обучению и цифровому образованию должен быть обеспечен для всех заинтересованных сторон, независимо от социального статуса и территориального местоположения. Представителям сферы образования важно понимать разнообразные требования, которые будущие работники предъявляют к способам обучения и профессиональной подготовки, и разрабатывать гибкие программы обучения и переобучения [3].

Во время пандемии в сельскохозяйственной отрасли, допускается использовать так называемую гибридную модель, комбинирующая удаленную работу с деятельностью на производстве. Мобильная платформа в условиях распространения коронавирусной инфекции становится инструментом коммуникации. Работник может участвовать в проведение публичных

семинаров, посвященных новшествам в профессиях; знакомиться с новостями из профессиональной сферы об инновациях, изобретениях, новейших технологиях с дальнейшим обсуждением; удаленно наблюдать за работой наставников [4]. В процессе совершенствования профессиональных навыков и компетенций важно оценить степень владения ими, поскольку сельхозтруженникам необходимо не только работать на различных онлайн-платформах, но и освоить новые форматы обучения.

Приоритетными направлениями совершенствования профессиональных навыков и компетенций работников сельского хозяйства в соответствии с целями национального развития являются следующие:

- взаимодействие сферы образования и производства в вопросах совершенствования профессиональных навыков и компетенций работников с целью обеспечения потребности отрасли в высокопрофессиональных кадрах;

- доступность качественного образования и обучения для всех категорий занятых в сельскохозяйственной отрасли, в том числе для наиболее уязвимых работников, в частности пенсионеров, низкоквалифицированных работников, самозанятых, работников с ограниченными возможностями;

- непрерывное обучение на рабочем месте на протяжении всей жизни.

Иницилируемые государством программы и нововведения должны строиться с учетом риска ментальных препятствий и возможной коррекции социокультурных факторов, профилирующих основные направления жизнедеятельности субъекта [5, 6].

Список литературы

1. *Анищенко А.Н., Левина Е.В.* Цифровая компетентность как основа конкурентоспособности работника на рынке труда агропромышленного комплекса в условиях киберэкономики // Экономика и социум: современные модели развития. 2020. Т. 10. № 3. С. 233-246. doi: 10.18334/ecsoc.10.3.111143
2. Комплексное наблюдение условий жизни населения проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». [Электронный ресурс] https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html
3. *Семенов С.Н., Бочарова Е.В.* Развитие функционально-структурного метода в системе управления социальным потенциалом АПК // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 2. С. 107-116.
4. *Великий П.П., Бочарова Е.В.* Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 1. С. 30-37.
5. *Нечаева И.В.* Деятельность малых фермерских хозяйств: ресурсный аспект. Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 2(70). С. 205-212. DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-2-205-212
6. *Нечаева И.В.* Основные стратегические направления развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере // Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 115-117.

**ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ
СЕТИ ИНТЕРНЕТ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ**

С.Г. Былина

Институт аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН», Саратов

В статье проанализирована динамика использования сельским населением сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, а также для приобретения товаров и услуг. Выявлены региональные различия данных процессов, обоснованы их причины.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, сеть Интернет, сельское население, регионы, электронные услуги

DYNAMICS IN RURAL PEOPLE'S INTERNET USE: REGIONAL DIFFERENCES

S.G. Bylina

*Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov*

The article analyzes the dynamics of the use of the Internet by the rural population to receive state and municipal services, as well as to purchase goods and services. Regional differences of these processes are revealed, their reasons are substantiated.

Key words: information and communication technologies, Internet, rural population, regions, electronic services

В условиях новых глобальных вызовов, одним из которых явилась пандемия COVID-19, влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на уровень социально-экономического развития регионов многократно возрастает, формируется отдельная отрасль интернет-услуг, а также расширяется сфера их применения. В цифровой формат переводятся практически все сферы жизнедеятельности человека: телекоммуникации, сфера государственного управления, медицины, образования, торговли, общественного питания, и прочее.

Одними из самых востребованных сфер использования ИКТ в повседневной жизни, особенно в ограничительных условиях, связанных с распространением вируса COVID-19, являются «электронное правительство» и приобретение товаров и услуг онлайн. Под «электронным правительством» понимается возможность для граждан использовать механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, под электронным приобретением товаров и услуг – использовать сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг. Доля граждан, использующая механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также доля населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, являются одними из индикаторов Государственной программы «Информационное общество (2011-2020 гг.)» [1].

Однако развитие информационного процесса, соответственно, возможности и уровень использования данного вида услуг, существенно различаются как для городского и сельского населения, так и по регионам РФ. Данные различия усугубляются не только отсутствием доступа к средствам ИКТ, но и сложностью использования в силу различных причин. Для сельских территорий Рос-

сии данная проблема имеет особую остроту, поэтому разносторонние исследования, направленные на поиск путей снижения степени информационного неравенства между сельскими территориями, представляются весьма актуальными.

Целью настоящего исследования является анализ динамики использования средств ИКТ сельским населением по регионам РФ для получения государственных и муниципальных услуг, а также для приобретения товаров и услуг в период с 2018 по 2020 гг., т.е. до начала пандемии COVID-19 и в пандемийный период; определение степени дифференциации регионов на основе их типологизации по динамике исследуемых параметров за указанный период.

Источником исходных данных послужили результаты Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [2].

Результаты проведенного исследования показывают следующее. Спрос на электронные услуги среди сельского населения РФ в целом неуклонно растет. Так, с 2013 по 2020 гг. доля сельского населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, выросла в 6,2 раза, доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и/или услуг, в 2,2 раза. Причем, темпы роста востребованности данных электронных услуг весьма неравномерны. Наибольший рост доли сельских пользователей услуг «электронного правительства» наблюдался в 2017 году относительно 2016 года – в 1,32 раза. Аналогичный показатель сельских пользователей услуг и товаров, заказанных с помощью средств ИКТ, максимально вырос в 2016 году относительно 2015 года – в 1,66 раза. В 2019 году отмечается падение доли сельчан, использующих услуги «электронного правительства» на 1% относительно предыдущего года. Таким образом, в последние доковидные годы наблюдается снижение темпов роста доли сельских пользователей означенных услуг. В 2020 году доля сельских жителей, использующих сеть Интернет для приобретения товаров и услуг, в среднем по России выросла на 4,6% относительно доковидного 2018 года. Аналогичный рост сельских пользователей услугами «электронного правительства» составил 8,4%. То есть фиксируется небольшой рост сельских потребителей электронных услуг в период пандемии, причем доля сельских пользователей электронными государственными и муниципальными услугами растет быстрее, чем доля приобретающих товары и услуги онлайн.

Динамика исследуемых показателей существенно различается и по регионам РФ. Так, максимальный рост доли сельских пользователей сети Интернет, приобретающих товары и услуги онлайн в 2020 году относительно 2018 года, наблюдается в республике Ингушетии и составляет 26,9 п.п. В то же время в Чукотском автономном округе показатель снизился на 21,4 п.п. Доля сельских жителей, пользующихся государственными и муниципальными услугами в электронном виде, за тот же период максимально выросла в Ивановской области – на 41,9 п.п., больше всего снизилась в Магаданской области – на 37,2 п.п.

Решение существующей проблемы неравномерности охвата сельского населения услугами современных средств ИКТ требует кластерного регионального подхода. Для определения типологических групп регионов со сходной динамикой изучаемых процессов построена классификация субъектов РФ по динамике изменения исследуемых параметров за период 2018-2020 гг. В качестве типобразующих признаков взята разница в процентных пунктах между долей сельского населения, использующего средства ИКТ для получения государственных и муниципальных услуг, а также приобретения товаров и услуг, в 2020 году относительно 2018 года. Для качественного описания дифференциации между группами использованы также абсолютные значения исходных показателей в сравнении с их средними значениями по сельскому населению РФ в целом.

Получены типологические группы регионов, отличающиеся следующими признаками:

1. Высокие темпы роста обоих показателей.
2. Высокие темпы роста использования услуг «электронного правительства», низкие – приобретения товаров и услуг.
3. Высокие темпы роста использования ИКТ для приобретения товаров и услуг, низкие – «электронного правительства».
4. Низкие темпы роста обоих показателей.
5. Высокие темпы роста использования услуг «электронного правительства», падение темпов использования ИКТ для приобретения товаров и услуг.
6. Высокие темпы использования ИКТ для приобретения товаров и услуг, падение темпов использования «электронного правительства».
7. Низкие темпы использования ИКТ для приобретения товаров и услуг, падение темпов использования «электронного правительства».
8. Низкие темпы использования услуг «электронного правительства», падение темпов использования ИКТ для приобретения товаров и услуг.
9. Падение темпов использования всех услуг.

К первой классификационной группе отнесено 29 субъектов РФ с темпами роста обоих типологических признаков выше, чем в среднем по России. В регионах группы: республике Дагестан, Астраханской, Владимирской, Волгоградской, Костромской, Ленинградской, Московской, Томской, Тульской, Челябинской областях отмечается и высокий процент населения, использующего данные услуги в электронном виде. Это – самая благополучная по изучаемым признакам подгруппа регионов. В субъектах РФ: республиках Карелия и Крым, Воронежской, Кировской, Псковской, Свердловской областях, входящих в первую группу, отмечается выше среднероссийского уровень участия в использовании средств ИКТ для приобретения товаров и услуг, но низкий в пользовании услугами «электронного правительства». Напротив, выше среднероссийского уровень использования услуг «электронного правительства», но низкая доля участия в использовании средств ИКТ для приобретения товаров и услуг, наблюдается в таких регионах группы как: республиках Ингушетии, Марий Эл, Мордовии и Саха (Якутии), а также в Вологодской, Липецкой, Оренбургской,

Тамбовской областях. Низкий уровень использования всех рассматриваемых электронных услуг наблюдается в Алтайском и Пермском краях, а также в Амурской, Омской, Ярославской областях.

Вторая классификационная группа содержит в своем составе 13 регионов РФ, отличительной чертой которых является выше среднероссийских темпы роста доли сельского населения, использующего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, но при этом ниже средних по РФ темпы роста доли сельских пользователей средств ИКТ для приобретения товаров и услуг. В Белгородской и Смоленской областях, относящихся к данной группе, наблюдаются еще и выше среднероссийских абсолютные значения исследуемых параметров. Калининградская и Мурманская области характеризуются высоким уровнем участия в использовании средств ИКТ для приобретения товаров и услуг, низким – в услугах «электронного правительства». В республике Адыгее, Брянской, Курской, Пензенской, Тюменской и Ульяновской областях высок уровень участия сельского населения в использовании услуг «электронного правительства», но ниже, чем в среднем по сельской России – в приобретении товаров и услуг посредством ИКТ. Красноярский край, Иркутская и Тверская области характеризуются низким уровнем использования сельским населением всех означенных услуг в электронном виде.

Третья классификационная группа состоит лишь из двух регионов: республики Хакасии и Ставропольского края, которые характеризуются высокими темпами роста использования сельским населением сети Интернет для заказа товаров и услуг, но низкими – для получения государственных и муниципальных услуг. При этом в Ставропольском крае, в отличие от республики Хакасии, выше среднероссийской доля сельчан, приобретающих товары и услуги посредством сети Интернет.

Малочисленной является и четвертая классификационная группа регионов, к которой отнесены республика Коми и Новосибирская область. В данных субъектах РФ отмечаются низкие темпы роста обоих типобразующих признаков, но при этом выше средней по РФ доля сельского населения, использующая средства ИКТ для приобретения товаров и услуг.

К пятой классификационной группе отнесены 4 региона РФ с высокими темпами роста доли сельского населения, использующего услуги «электронного правительства», но при этом характеризующиеся падением темпов использования ИКТ для приобретения товаров и услуг. Это республика Северная Осетия-Алания и Новосибирская область, где также высок уровень участия в приобретении товаров и услуг онлайн, но низок – в использовании услуг «электронного правительства». К данной группе относятся также республика Удмуртия и Калужская область с низкими абсолютными значениями исследуемых факторов.

Шестая классификационная группа содержит в своем составе 12 субъектов РФ с высокими темпами использования средств ИКТ для приобретения товаров и услуг, но падением темпов использования услуг «электронного правительства». При этом Камчатский край характеризуется высоким уровнем уча-

ствия сельского населения в использовании Интернета для приобретения товаров и услуг, но низким – «электронного правительства». Обратная тенденция отмечена в республиках Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Тыве, а также в Ивановской, Нижегородской и Сахалинской областях. Низкий уровень использования средств Интернета сельским населением для означенных целей наблюдается в регионах шестой группы: республике Алтай, Забайкальском и Хабаровском краях, в Курганской и Новгородской областях.

Седьмая классификационная группа состоит из шести регионов РФ с низкими темпами использования сети Интернет для заказа товаров и услуг и падением темпов использования услуг «электронного правительства». К данной группе отнесены: Самарская область и Ханты-Мансийский автономный округ с высоким уровнем использования всех означенных услуг, Саратовская область с высоким уровнем участия в использовании средств ИКС для приобретения товаров и услуг, но низким – в услугах «электронного правительства», а также республики: Башкортостан, Бурятия, Калмыкия с низким уровнем использования всех рассматриваемых электронных услуг.

К восьмой группе регионов отнесено пять субъектов РФ: Ростовская область, республика Татарстан, Кемеровская и Орловская области, Еврейская автономная область. Из них лишь в Ростовской области высок уровень использования всех рассматриваемых видов электронных услуг. В трех последних регионах, напротив, данные показатели ниже средних по России. В республике Татарстан высокий уровень использования услуг «электронного правительства», низкий – приобретения товаров и услуг онлайн.

Последняя, девятая классификационная группа регионов, содержит в своем составе 9 субъектов РФ и характеризуется падением темпов использования всех видов означенных услуг за рассматриваемый период времени. При этом в Ямало-Ненецком автономном округе, несмотря на падение темпов, все же выше среднероссийского уровень использования сельским населением всех видов услуг. В республиках Чувашии и Чеченской, Приморском крае, а также Магаданской, Рязанской областях и Чукотском автономном округе падение темпов использования всех видов электронных услуг сопровождается и низким уровнем их использования сельским населением данных регионов. Это подгруппа с самой неблагоприятной ситуацией с использованием электронных услуг сельским населением. Чуть лучше положение в Ненецком автономном округе и Краснодарском крае, где все же абсолютные значения доли сельского населения, использующего тот или иной вид услуг в электронном виде выше, чем в среднем по России. В Ненецком АО – это приобретение товаров и услуг онлайн, в Краснодарском крае – это услуги «электронного правительства».

Таким образом, разработанная классификация регионов РФ позволила выявить специфические особенности типологических групп субъектов РФ по динамике вовлеченности сельского населения в процесс информатизации для получения государственных и муниципальных услуг, а также приобретения товаров и услуг, что позволяет наметить пути преодоления информационного не-

равенства между сельскими территориями регионов РФ по динамике исследуемых параметров для регионов каждой классификационной группы.

Как показывают результаты Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (ФСП), среди основных причин отказа сельского населения от использования государственных и муниципальных услуг в электронном виде в 2020 году преобладали предпочтения личного визита и персонального контакта (54,8% респондентов, получивших данный вид услуг), а также недостаток навыков или знаний (17,7% соответствующих респондентов). Между тем, по результатам данного исследования за 2018-2020 годы, среди причин отказа от означенного вида услуг наибольший рост отмечен в причине недоступности требуемых услуг на официальных веб-сайтах и порталах государственных и муниципальных услуг (в 1,61 раза) и ввиду опасений по поводу защиты и безопасности персональных данных (1,24 раза). То есть падение темпов использования данного рода услуг за рассматриваемый период времени в основном обусловлено проблемами организации их получения в электронном виде и защиты информации, что является прерогативой государственных и муниципальных органов власти.

Результаты обследования ФСП также показывают, что в 2020 году основными причинами отказа сельского населения от использования сети Интернет для приобретения товаров и услуг являются: предпочтения личного визита в торговые точки (54,4% респондентов, использующих сеть Интернет) и отсутствие необходимости (нежелание пользоваться, нет интереса) к такого рода способу приобретения товаров или услуг (37% пользователей сети Интернет). Однако в 2020 году по отношению к 2018 году среди непользователей данного вида электронных услуг выросла доля тех, кто не желает раскрывать в сети Интернет информацию о платежной карте и персональных данных, т.е. это также соображения безопасности.

Обозначенные причины наиболее остро стоят в регионах, отнесенных к седьмой-девятой группам, где низкие темпы роста одного из параметров сочетаются с падением показателей второго фактора, либо, как в регионах девятой группы, падением уровня использования обоих видов услуг. Для субъектов данных групп крайне важна также степень доступности средств ИКТ и уровень информированности сельского населения об имеющихся возможностях. Увеличение спроса на электронные услуги возможно по мере возрастания экономической и культурной активности граждан и осознания ими новых возможностей, что особенно актуально в условиях социальных ограничений, вызванных пандемией COVID-19.

Снижение степени дифференциации регионов по темпам изменения уровня использования сельскими жителями информационных технологий для получения различного рода услуг существенно зависит и от качества человеческого капитала села: готовности самих сельских жителей к использованию средств ИКТ или их желания учиться использовать эти технологии.

Полученная в результате исследования типология регионов РФ может служить ориентиром при разработке и координации региональных концепций и программ информатизации, а также региональных стратегий развития села и управления развитием сельских территорий.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации № 313 от 15 апреля 2014 года. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/gosudarstvennaya-programma.pdf>. (Дата обращения 19.01.2022 г.)
2. Итоги Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html. (Дата обращения 17.01.2022 г.)

УДК 004.82

КОНТЕСТЫ КАК ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Н.С. Вагарина, М.Э. Палашевский

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Саратов*

Потребность в цифровом учебно-методическом обеспечении преподавания дисциплин обуславливает необходимость создания соответствующих цифровых инструментов. В данной статье рассматриваются такие цифровые инструменты, как системы конкурса. Применение такого рода системы в учебном процессе при преподавании дисциплин «Программирование» и «Информатика» может существенно повысить его качество.

Ключевые слова: цифровой инструмент, качество образования, системы конкурса, конкурсы

CONTESTS AS DIGITAL TOOLS TO IMPROVE THE QUALITY OF THE LEARNING PROCESS

N.S. Vagarina, M.E. Palashevsky

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov

The need for digital educational and methodological support for the teaching of disciplines necessitates the creation of appropriate digital tools. This article discusses such digital tools as contest systems. The use of such a system in the educational process when teaching the disciplines "Programming" and "Computer Science" can significantly improve its quality.

Key words: digital tool, quality of education, contest systems, contests

В настоящее время цифровая трансформация университетов с одной стороны обуславливает, а с другой обеспечивает внесение продуктивных изменений в традиционный учебный процесс [1]. Это дает возможность университетам более значимо взаимодействовать с потенциальными студентами, предоставляя больший выбор, большую прозрачность и большую предсказуемость образовательного процесса. Потребность в цифровом учебно-методическом обеспечении преподавания дисциплин делает необходимым создание соответствующих цифровых инструментов. В частности, преподавание дисциплин «Программирование» и «Информатика» требуют разнообразного набора циф-

ровых образовательных средств [2-3]. Особый интерес представляют так называемые системы контеста (контестеры). Контест – платформа для автоматизированной проверки задач по программированию. Применение такого рода системы в учебном процессе может существенно повысить его качество, ускорив множество процессов, таких как: проверка домашних работ по программированию, проверка лабораторных работ по программированию во время занятия, проведение соревнований по программированию, проведение контрольных работ по программированию. Такой подход позволит студентам моментально получать сведения о правильности написанных ими программ, а преподавателям создавать вариативные задания, загружать их в систему, существенно сокращать время на их проверку, администрировать учебный процесс студенческой группы.

В статье рассматриваются существующие системы контеста. Цель данной статьи – проанализировать существующие аналоги систем контеста для того, чтобы в дальнейшем применить эти знания при разработке своей системы.

CodeForces. CodeForces - это сайт, на котором проводятся соревновательные соревнования по программированию [4]. Он поддерживается группой конкурентоспособных программистов из Университета ИТМО. На платформе представлено более 6000 задач разной степени сложности. Все задачи представлены на 2 языках, русском и английском. Есть поддержка большинства современных языков программирования, в числе которых: C/C++, Java, C#, PHP, Kotlin. На сайте отсутствует возможность создавать свои мероприятия и добавлять задачи. Сайт позволяет отслеживать активность пользователя, его удачные и неудачные решения задач и историю рейтинга, который формируется на основе соревнований. Встроенный редактор кода позволяет писать решения прямо на сайте, однако функционал ограничивается подсветкой ключевых слов и форматированием. Время проверки задания зависит от загруженности сайта, в среднем начинается от нескольких секунд в обычные дни, и заканчивается 1 и более минутой в моменты соревнований. Платформа дает возможность установить ограничения при выполнении программы по ресурсам, в задачах, которые этого требуют.

LeetCode. LeetCode – одна из самых широко известных онлайн платформ, которую можно использовать для решения задач по программированию [5]. В архиве платформы более 1600 задач трех степеней сложности. Текст задач представлены только на английском языке. Есть поддержка большинства современных языков программирования, в числе которых: C/C++, Java, C#, PHP, Kotlin. На сайте отсутствует возможность создавать свои мероприятия и добавлять задачи. Сайт позволяет отслеживать активность пользователя. Функционал восторенного редактора кода имеет подсветку ключевых слов и авто дополнение. Однако авто дополнение доступно только пользователям премиум аккаунтов, который доступен только платно, за \$35 в месяц. Время проверки одной задачи в среднем занимает менее 10 секунд. Платформа дает возможность установить ограничений при выполнении программы по ресурсам, в задачах, которые этого требуют.

HackerRank. HackerRank – техническая компания, которая занимается задачами соревновательного программирования для разработчиков и для компаний заинтересованных в поиске специалистов [6]. На сайте представлено большое количество заданий, разбитых по категориям и уровню сложности. Текст большинства задач представлен на английском и русском. Как и в двух предыдущих аналогах есть поддержка большинства современных языков программирования, в числе которых: C/C++, Java, C#, PHP, Kotlin. HackerRank предоставляет возможность создавать свои мероприятия однако загружать свои задачи возможности нет, можно только выбирать из уже существующих. Также есть возможность отслеживать активность пользователя. Она включает, решенные задачи, полученные достижения и сертификаты. Встроенный редактор кода включает авто дополнение, подсветку синтаксиса, обнаружение и подсветку ошибок. Время проверки одной задачи в среднем занимает менее 10 секунд. Платформа дает возможность установить ограничения при выполнении программы по ресурсам, в задачах, которые этого требуют.

CodeWars. Codewars - образовательное сообщество по компьютерному программированию. На платформе разработчики программного обеспечения обучаются программированию задач [7]. Сайт дает доступ к более чем 6000 задачам разной степени сложности. Все задачи представлены на 2 языках, русском и английском. Сайт поддерживает те же языки программирования, что и предыдущие описанные аналоги. На сайте отсутствует возможность создавать свои мероприятия и добавлять задачи. Редактор кода имеет только подсветку синтаксиса и форматирование. Время проверки одной задачи в среднем занимает менее 10 секунд. Платформа дает возможность установить ограничения при выполнении программы по ресурсам, в задачах, которые этого требуют.

Яндекс.Контест. Яндекс.Контест - это сервис для онлайн-проверки заданий, предназначенный для проведения состязаний, занятий, экзаменов, проверки домашних заданий [8]. Яндекс.Контест наиболее удобен для автоматической проверки задач курсов по программированию, алгоритмам и структурам данных и других курсов, где ответом на задачу является код программы или полученный с помощью программы результат обработки большого объема данных. На платформе представлено более 70 соревнований с возможностью виртуально участвовать в них. Язык задачи зависит от соревнований. Есть поддержка большинства современных языков программирования, в числе которых C/C++, Java, C#, PHP, Kotlin. Яндекс.Контест позволяет создавать свои мероприятия, ограниченные по времени и участникам. Есть возможность создавать свои задачи. Для упрощения создания задач Яндекс.Контест предоставляет обширный инструментарий, помогающий в создании задачи. Он включает в себя генераторы тестов на основе заранее написанного скрипта, и валидаторы ответов. Чтобы получить доступ к этому функционалу, преподаватель должен отправить заявку на использование. Встроенный редактор имеет только функционал подсветки ключевых слов, ни поддержки авто дополнения, ни форматирования нет. Время проверки задачи в среднем не превышает 10 сек. Платформа дает возможность

установить ограничения при выполнении программы по ресурсам в задачах, которые этого требуют.

В результате проведенного исследования были выделены 9 критериев сравнения систем: Поддержка языков программирования из учебной программы, Возможность добавлять свои задачи, Возможность проводить свои мероприятия, Русскоязычный интерфейс, Возможность объединять студентов в группы, Отслеживание активности пользователя, Установка ограничений ресурсов на решение, Удобный встроенный редактор кода, Быстрая проверка задач.

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что ни одна система не покрывает весь функционал необходимый для проведения учебного процесса. Лишь одна из платформ – Яндекс.Контест – имеет необходимый функционал для проведения своих мероприятий и добавления задач. Но она имеет неудобный встроенный редактор кода и не поддерживает функционал для организации учебного процесса в группах. Тем самым представляется интересным и необходимым разработка собственной системы контента, представляющей собой цифровой инструмент для проведения занятий по дисциплине «Программирование».

Список литературы

1. *Мельникова Н.И.* Цифровая трансформация в действии / Материалы международной научно-практической конференции. VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика». Саратов: Издательство: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 226-231.
2. *Виндовер В.В.* Разработка учебного программного комплекса «логический калькулятор»/ В.В. Виндовер, Н. С. Вагарина // Математические методы в технике и технологиях - ММТТ-26: сб. тр. XXVI междунар. науч. конф., г. Н. Новгород, 27-30 мая 2013 г.: в 10 т.. -Саратов, 2013. т.Т. 9.-С.18-20
3. *Акимова С.А.* О создании интерактивных тестовых заданий в среде Acrotex Education Bundle / Акимова С.А., Кузнецова О.С.//Сборник трудов Международной научной конференции «Компьютерные науки и информационные технологии».-Саратов, 2018.- С. 14-17.
4. «CodeForces» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://codeforces.com/> (дата обращения 30.01.2022)
5. «LeetCode» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://leetcode.com/> (дата обращения 30.01.2022)
6. «CodeWars» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.codewars.com/trainer/setup> (дата обращения 30.01.2022)
7. «HackerRank» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.hackerrank.com/dashboard> (дата обращения 30.01.2022)
8. «Яндекс.Контест» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://contest.yandex.ru/> (дата обращения 30.01.2022)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Н. Ершов

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, Саранск*

В статье рассматриваются роль и значение цифровизации в современной России. Проанализирована Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Мордовия. Выявлены проблемы и перспективы Мордовии в сфере цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровизация Республики Мордовия

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

N.N. Ershov

*Research Institute for the Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk*

The article discusses the role and significance of digitalization in modern Russia. The Strategy in the field of digital transformation of sectors of the economy, social sphere and public administration of the Republic of Mordovia is analyzed. The problems and prospects of Mordovia in the field of digitalization are identified.

Key words: digitalization, digital transformation, digitalization of the Republic of Mordovia

Сегодня государство имеет высокое стремление к повсеместному внедрению цифровизации, что объясняется целью мощного пространственного развития страны. Предполагается, что использование отечественных коммуникационных и информационных технологий обеспечит подъём производительности труда и производственную результативность, даст толчок экономическому росту, усилит конкурентоспособность страны на мировых рынках и поможет достичь стабильного развития страны в долгосрочной перспективе. Цифровизация распространяется на все сферы общественной жизни и создаёт новые вызовы как для национальной экономики в целом, так и для региональной экономики в частности [2, с.112].

Все сферы экономики внедряются в процесс цифровизации с разной скоростью и глубиной. Нецифровые компании при этом постепенно вытесняются с рынка и их роль значительно снижается. В результате этого всё больше компаний разрабатывают собственные стратегии цифровизации. Ключевыми факторами роста отраслей и компаний, связанными с развитием цифровизации являются: расширение рынка сбыта товаров и услуг за счет привлечения новых контрагентов и создания спроса; повышение эффективности научно-исследовательских работ и разработки продуктов; повышение эффективности рынка труда; увеличение производительности оборудования; снижение расходов ресурсов и производственных потерь.

Цифровая трансформация в России является комплексной стратегией регионального развития и невозможна без участия регионов. Нужно учитывать тот факт, что цифровизация страны не произойдёт без достижения соответ-

ствующих успехов в каждом отдельном субъекте, чему во многом будет способствовать формирование и реализация регламентирующих документов по цифровой трансформации регионов. Во исполнение поручения Президента Российской Федерации, субъекты разработали и утвердили региональные стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления [2, с.113].

В 2021 году в Республике Мордовия была принята Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Мордовия [3]. Реализация программы призвана модернизировать ключевые отрасли экономики, внедрить новые отечественные информационные технологии (промышленный интернет, большие данные, системы распределенного реестра и др.), совершенствовать бизнес-процессы, создать условия для инновационного развития. Основными целями реализации Стратегии являются: повышение уровня жизни жителей Республики Мордовия, повышение инвестиционной привлекательности и международной конкурентоспособности региона, занятие регионом лидерских позиций в России [3].

Ожидаемым результатом к 2024 году является достижение не менее 32% цифровизации ключевых отраслей экономики, проведение не менее 95% проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности в дистанционном формате, обеспечение возможности использования цифрового портфолио при трудоустройстве. Что касается долгосрочных экономических эффектов, здесь предусматривается выполнение следующих показателей: снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года, обеспечение устойчивого роста доходов населения не ниже инфляции, увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 миллионов человек и др. [3].

В стратегии отмечаются некоторые существующие проблемы в отраслях экономики, которые решаются посредством цифровизации. Среди них:

- нехватка данных для принятия управленческих решений;
- недостаточность обеспеченности агропромышленного комплекса квалифицированными кадрами;
- низкая доля электронных документов и проникновения электронной подписи;
- взаимодействие организаций между собой преимущественно в «бумажном» виде.

Указано, что для решения данных проблем необходимо:

- внедрить применение современных технологий и перейти на электронный документооборот;
- добиться высокого уровня цифровизации основных производственных процессов, а также процессов в сфере логистики, переработки и хранения;
- сформировать и внедрить цифровые каналы сбыта продовольствия;
- поддерживать внедрение отечественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов.

Также отмечаются наиболее значимые и актуальные риски, среди которых:

- недостаточное финансирование проектов;
- потеря управляемости производством из-за сбоя в системах;
- нежелание сотрудников предприятий переходить на новые формы работы;
- недостаток качественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов [3].

Нельзя не отметить ряд проблем, который является тормозом для цифровизации Мордовии. Во-первых, это нехватка квалифицированных кадров в области информационной безопасности, в первую очередь в органах власти. Для решения данной проблемы правительство Республики Мордовия совместно с МГУ имени Н.П. Огарёва разработало программу профессиональной переподготовки для сотрудников органов власти и органов местного самоуправления «Техническая защита информации ограниченного доступа, не содержащей сведения, составляющие государственную тайну».

Во-вторых, для того, чтобы обеспечить цифровую экономику кадрами необходимо время, так как IT-специалисты требуются во всех сферах, а республика имеет в этом плане кадровый дефицит.

В-третьих, нужно понимать, что для внедрения цифровизации необходимо наличие высокого уровня цифровых компетенций населения, а также их доверия к цифровой среде. Здесь главная задача заключается в том, чтобы грамотно донести до жителей республики основные преимущества использования информационных технологий и повысить уровень цифровых компетенций в обществе. Важно модернизировать систему образования и сформировать условия для развития инновационного предпринимательства в регионе.

Стимулирующим фактором развития цифровизации в Мордовии в 2022 году станет то, что IT-компании и стартапы республики могут претендовать на отраслевые гранты Фонда содействия инновациям. Таким образом постепенно будет решена проблема с дефицитом кадров. По оценкам генерального директора фонда С. Полякова, у Республики Мордовия в сфере развития цифровизации имеется большой потенциал, а молодые исследователи, стартапы и малые предприятия могут претендовать на финансовую поддержку со стороны фонда. <https://e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/natsproekt-maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-it-spetsialist/>

За последние несколько лет был выполнен план поэтапного подключения социально-значимых объектов, реализовано единое цифровое информационное пространство, распространен сервис по доставке электронных заказных писем, снижающий затраты на бумагу для распечатки и упаковки письменной корреспонденции. В 2020 году была поддержана заявка Республики Мордовия на участие в системе персональных цифровых сертификатов от государства на формирование у трудоспособного населения компетенций цифровой экономики [1].

Таким образом, для развития цифровизации необходимо создание инфраструктуры, включающей аппаратные средства, программное обеспечение, построение новых моделей ведения бизнеса, научных и социальных сетей, формирование доверия к надежности и безопасности цифровой инфраструктуры, повышение уровня владения цифровыми технологиями, обучение и переквалификация специалистов. Предпосылками дальнейшего развития цифровой экономики в Республике Мордовия можно считать высокий потенциал для подготовки специалистов цифровой экономики, наличие технологических решений по созданию эффективной инфраструктуры. Нет сомнений в том, что цифровая трансформация экономики Мордовии приведет к значимым преобразованиям производства и бизнес-процессов. Внедрение современных цифровых технологий повышает эффективность и способствует улучшению показателей в различных отраслях экономики.

Список литературы

1. Итоги развития отрасли информатизации и связи Республики Мордовия в 2020 году в условиях цифровой трансформации // D-Russia [Сайт]. URL: <https://d-russia.ru/itogi-razvitija-otrasli-informatizacii-i-svjazi-respubliki-mordovija-v-2020-godu-v-uslovijah-cifrovoj-transformacii.html> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Келеш Ю.В. Реализация стратегических приоритетов цифровой трансформации региональной экономики // Вестник НГИЭИ. 2021. №5. С.111–125.
3. Постановление Правительства Республики Мордовия от 18 августа 2021 г. №389 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Мордовия // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Сайт]. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/mordovia/1482833/> (дата обращения: 01.02.2022).

УДК 338.49

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЦИФРОВАЯ РОССИЯ» И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Т.Л. Коновалова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

Статья посвящена некоторым аспектам региональной трансформации, связанной с реализацией национального проекта «Цифровая Россия» в период 2022-2024 гг. Выделены основные цели и мероприятия цифровизации в социально-экономической и управленческой сфере, особенности стратегии цифровой трансформации в Саратовском регионе.

Ключевые слова: национальный проект «Цифровая Россия», региональные особенности цифровизации, суперсервисы, стратегия цифровой трансформации Саратовской области

NATIONAL PROJECT «DIGITAL RUSSIA» AND REGIONAL ASPECTS OF DIGITALIZATION

T.L. Konovalova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article is devoted to some aspects of the regional transformation related to the implementation of the national project «Digital Russia» in the period 2022-2024. The main goals and

measures of digitalization in the socio-economic and managerial sphere, peculiarities of the digital transformation strategy in the Saratov region, are highlighted.

Key words: national project «Digital Russia», regional features of digitalization, superservices, strategy of digital transformation of the Saratov region

В основе цифровой экономики лежит глубокое проникновение цифровых технологий во все сферы экономической деятельности и социальных отношений. К таким технологиям относится использование аппаратно-программных средств сбора, обработки и передачи цифровой информации, что позволяет добиться гармоничного сочетания технико-технологического прогресса и социально-экономической практики. Исследователи сходятся во мнении, что изучение и внедрение в повседневную жизнь цифровых инструментов является абсолютно необходимым, поскольку может позволить кардинально изменить качество жизни людей, перейти на иной, более высокий уровень цивилизации.

Основные цели цифровой трансформации России заложены в национальный проект «Цифровая экономика», в котором предусматривается комплекс направлений, связанных с развитием российских регионов.

Региональное развитие представляет собой сложный процесс и должно рассматриваться на основе многофакторного подхода [1]. Эти факторы влияют на способность экономики региона осуществлять воспроизводство, на основе модернизации своих внутренних технологических и организационных возможностей. Сегодня региональные особенности трансформируются и совершенствуются на основе использования цифровых технологий, их внедрения в различные сферы экономического и социального развития регионов. Внедрение цифровой экономики обеспечивает достижение таких преобразований, которые увеличивают производственные и потребительские возможности общества, создают благоприятные условия для существования человека, его безопасности и комфорта. На ближайшие три года правительством определены следующие целевые ориентиры цифровизации, имеющие региональный характер:

Цифровая экономика – возможность получения госуслуг. Цель этого направления состоит в том, чтобы граждане тратили меньше времени и усилий на получение всех необходимых госуслуг. Цифровой ID и биометрия должны заменить гражданам паспорта и подписи как в реальной жизни, так и в цифровой среде.

В 2024 г. 80 процентов всех обращений за госуслугами должны осуществляться по цифровым каналам. Доля очных обращений составит менее 20 процентов. Будет проведена регистрация совершеннолетних граждан (не менее 50%) с их биометрическими данными в созданной системе онлайн-идентификации. Персональные данные каждого гражданина, имеющиеся в государственных информационных системах, будут ему доступны в личном кабинете на портале госуслуг.

Цифровая экономика – это новое качество образования и подготовки кадров. Всем учащимся должна быть обеспечена гарантия равного доступа к качественному образованию с возможностью его персонализации.

Цифровая экономика – это новые возможности контроля за состоянием своего здоровья, развитие медицины. Ближайшая цель здесь – гарантия 100% доступности базовой медицинской помощи, а также формирование у 50% населения заинтересованности в постоянном контроле своего здоровья, своевременное обращение за медицинской помощью, выбор оптимального варианта лечения и снижение количества врачебных ошибок.

Цифровая экономика в сфере бизнеса должна обеспечить кардинальное снижение издержек производства и обращения. Так, перевод документооборота бизнеса с клиентами, контрагентами и госорганами исключительно в цифровой вид должен дать экономию расходов на 1-3%.

Цифровая экономика предполагает снижение административного давления на бизнес. Цель этой деятельности – благоприятный климат для развития бизнеса. В 80-процентах решений о проведении проверок бизнеса они должны формироваться в рамках ИТ-систем контрольных органов.

Цифровая экономика – это повышение эффективности работы госаппарата, рост удовлетворенности населения качеством работы органов власти и снижение на 10% издержек взаимодействия с населением и бизнесом. Эти преобразования должны привести к сокращению на 20% численности сотрудников, участвующих в процессах оказания госуслуг, и количества инспекторов и контролеров.

Цифровая экономика также должна обеспечить новый уровень общественной безопасности. Сюда относятся профилактика преступности, повышение раскрываемости и эффективность предупреждения преступлений, рост оперативности реагирования на чрезвычайные ситуации.

Национальная программа «Цифровая экономика» также дополнена тремя федеральными проектами, касающимися цифровых услуг, кадрового потенциала ИТ-отрасли и развития спутникового интернета.

К концу 2020 года в рамках нацпроекта на портале госуслуг было запущено семь суперсервисов:

- «Поступление в вуз онлайн»,
- «Социальная поддержка онлайн»,
- «Цифровое исполнительное производство»,
- «Трудовые отношения онлайн»,
- «Оформление европротокола онлайн»,
- «Пенсия онлайн»
- «Онлайн помощь при инвалидности».

В рамках данного нацпроекта в 2020 г. к интернету было подключено около 22 тысяч социально значимых объектов. В Москве, Екатеринбурге, Зеленограде, Кемерово, Кронштадте, Сочи и республике Хакасия были реализованы пилотные проекты по созданию сетей связи 5G. Создан сервис «Поступление в вуз онлайн», а также масштабирован в рамках РФ сервис «Европротокол онлайн». В сферах здравоохранения, ЖКХ, ТЭК, сельского хозяйства реализованы пилотные проекты по организации узкополосных беспроводных сетей.

Вместе с тем, необходимо отметить, что Правительство перенесло утверждение федерального проекта «Цифровой регион», стоимость реализации которого оценивается в 137,3 млрд рублей до 2024 года, на конец 2021 года. По заявлению Минфина РФ, исполнение расходов федерального бюджета на реализацию нацпроекта «Цифровая экономика» за 11 месяцев 2020 года составило всего 41,2 %. Это стало худшим результатом среди подобных показателей других национальных проектов [2]. Эти показатели указывают на необходимость активизации и популяризации данного национального проекта.

Поэтому 2021 год должен был продемонстрировать повышение активности проводимых цифровых мероприятий. В апреле 2021 года куратор проекта вице-премьер Дмитрий Чернышенко заявил о планах Правительства РФ в рамках нацпроекта «Цифровая экономика» запустить в текущем году на портале госуслуг шесть новых суперсервисов:

- «Мое здоровье онлайн»,
- «Правосудие онлайн»,
- «Рождение ребенка»,
- «Трудовая миграция онлайн»,
- «Уведомление и обжалование штрафов за нарушение ПДД онлайн»,
- «Утрата близкого человека».

Всего на портале должно быть реализовано 25 суперсервисов.

В июне 2021 года было объявлено о том, что в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» нацпроекта «Цифровая экономика» свыше 1200 стартапов смогут получить поддержку по технологиям искусственного интеллекта. К концу 2024 года 10 млн человек пройдут обучение по онлайн программам развития цифровой грамотности, еще 120 тысяч человек будут приняты на программы высшего образования в сфере информационных технологий. Помимо этого, планируется создание шести опорных исследовательских центров, а также разработка пятидесяти программ высшего образования в этой сфере.

В августе 2021 года вице-губернатор Саратовской области Бусаргин Р.В. утвердил Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области на 2022-2024 годы [3]. В этом документе предусматривается достаточно широкий спектр действий по реализации нацпроекта «Цифровая экономика» в регионе. Можно особо выделить следующие:

- проект «Умный дом» – формирование платформы цифрового ЖКХ;
- инициатива «Зеленый цифровой коридор пассажира» в рамках проекта «Цифровая трансформация»;
- проект «Электронный документооборот (ЭДО)»;
- проект перевода социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронный вид;
- модернизация государственной службы занятости населения;
- библиотека цифрового образовательного контента (в разделе «Образование и наука») и другие.

Представляется, что реализация намеченных проектов и инициатив создаст условия развития для платформ и технологий, обеспечит эффективное межотраслевое взаимодействие и взаимодействие производителей и потребителей социальных благ и услуг. Эти меры охватывают как нормативное регулирование, так и информационную инфраструктуру, подготовку кадров, информационную безопасность и другие аспекты социально-экономической трансформации жизни в регионе.

Итак, в настоящее время цифровая экономика представляет собой один из наиболее широко обсуждаемых аспектов глобального социально-экономического процесса, имеющего многочисленные, многоплановые и многообразные проявления. Оценки феномена цифровой экономики неоднозначны, но исследователи сходятся во мнении, что его изучение может позволить добиться гармоничного сочетания технико-технологического прогресса и социально-экономической жизни.

Список литературы

1. Вилькен В.В. Региональные аспекты цифровой экономики // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 2. – 20 с. // eLIBRARY ID: 42320608
2. Цифровой регион доработают на местах // Коммерсант. 2021. № 74 (7036) [Сайт] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4792049> (дата обращения 28.01.2022).
3. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области на 2022-2024 годы от 19 августа 2021 г. № 688-П. // [Сайт] URL: https://www.tadviser.ru/images/f/f2/25.08.2021_184-97462_Slavutin_A.M._Mincifry%27_Rossii.pdf (дата обращения 28.01.2022).

УДК 316.334.2

ИНСТИТУТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЛЕДА ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

О.Ю. Красильников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье с точки зрения институциональной теории рассматриваются проблемы обеспечения безопасности экономического интернет-следа личности. Проанализировано противоречие формальных институтов обеспечения экономической кибербезопасности и неформальных институтов виртуального мошенничества, а также представлены способы его разрешения.

Ключевые слова: интернет-след, кибермошенничество, кибербезопасность, формальные и неформальные институты, противоречие

INSTITUTIONS FOR ENSURING THE SECURITY OF AN INDIVIDUAL'S ECONOMIC TRACE ON THE INTERNET

O.Yu. Krasilnikov

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

In the article, from the point of view of institutional theory, the problems of ensuring the security of an individual's economic Internet trace are considered. The contradiction between formal institutions of ensuring economic cybersecurity and informal institutions of virtual fraud is analyzed, and ways of its resolution are presented.

Key words: internet trace, cyberbullying, cybersecurity, formal and informal institutions, contradiction

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в первую очередь интернет, приводит к тому, что большинство людей вольно или невольно оставляют значимый информационный след во всемирной паутине (социальных сетях, поисковых, почтовых и других серверах) в виде аватаров, аккаунтов, личных страниц и кабинетов на сайтах банков, онлайн-магазинов, маркетплейсов, агрегаторов и т.п.

На конференции, посвященной искусственному интеллекту «Artificial Intelligence Journey 2021», президент РФ В.В. Путин заявил: «Государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных» [1].

Нас, прежде всего, интересует экономический интернет-след личности, который может существовать в различных формах:

- в виде личных кабинетов и электронных кошельков на сайтах банков, страховых и инвестиционных компаний, трейдеров и других финансовых организаций;

- в виде кабинетов и аккаунтов на сайтах интернет-магазинов, маркетплейсов, транспортных агрегаторов, компаний по продаже пассажирских и зрительских билетов;

- данные, содержащие информацию о денежных переводах и платежах по банковским картам, товарным покупкам, выдаче и погашению кредитов, заказам транспортных средств;

- информация о сделках купли-продажи иностранной валюты, кибервалюты и ценных бумаг;

- данные, содержащие информацию о благотворительных пожертвованиях, спонсорских перечислениях, выигрышах в виртуальных лотереях и казино, роялти, выплатах за рекламу;

- информация о потребительских предпочтениях индивидов.

Таким образом, многие действия людей в интернете сопровождаются экономическим следом, связанным с движением денежных средств, товаров и услуг. Поэтому они содержат потенциальный риск утраты материальных и нематериальных ценностей. Не случайно в последнее время участились случаи, так называемого, кибермошенничества. По статистике МВД России, за семь месяцев 2021 года произошло почти 320 тыс. киберпреступлений. Это на 16% больше, чем за тот же период предыдущего года. При этом, согласно данным Генеральной прокуратуры, в России раскрывается меньше 25% подобных правонарушений [2].

Рассмотрим институциональный аспект экономического интернет-следа личности. На наш взгляд в экономике России и других стран вполне сформировались специфические институты виртуального мошенничества. Они включают в себя набор неформальных норм и правил, позволяющих кибермошенникам незаконно проникать в защищенные информационные системы и использовать их в целях обогащения. В свою очередь им противостоят институты обеспече-

ния кибербезопасности. Это формальные нормы и правила, закрепленные на законодательном или корпоративном уровне, препятствующие виртуальному мошенничеству. Сюда же можно отнести институты формирования финансовой грамотности населения страны.

Таким образом, складывается объективное противоречие формальных институтов обеспечения экономической кибербезопасности и неформальных институтов кибермошенничества [3, с. 22]. Данное противоречие может разрешаться как минимум двумя основными способами:

- 1) с помощью ужесточения контроля со стороны государства, банковского и предпринимательского сообщества;
- 2) на основе гармоничного институционального взаимодействия экономических агентов.

Проанализируем указанные способы разрешения противоречия с применением теории транзакционных издержек, к которым, несомненно, относятся затраты на обеспечение экономической безопасности с одной стороны и на осуществление мошеннической деятельности с другой. При этом издержки велегальности будут заведомо меньше, чем затраты на безопасность. Действительно, функционирование неформальных институтов виртуального жульничества не требует регистрации, лицензирования, содержания большого числа штатных работников, уплаты налогов и социальных взносов.

Так, по оценкам аналитиков авторитетной консалтинговой компании «Deloitte» (США) сегодня в мире среднемесячные затраты на самые простые средства взлома составляют порядка 34 долл. США, тогда как доход от них превышает 25 тыс. долл. ежемесячно. При этом усредненные расходы на обеспечение кибербезопасности на одного штатного сотрудника банки оценили в 2,7 тыс. долл. США в год [4]. При таком разрыве в транзакционных издержках необходимо многократно увеличить затраты на обеспечение информационной безопасности.

Однако рост подобных затрат неизбежно будет снижать эффективность бизнеса. Но еще большие потери предприниматели могут понести, возмещая убытки по искам со стороны недовольных или обманутых клиентов. Поэтому представители бизнеса также должны будут решать нелегкую задачу оптимизации своих транзакционных издержек как со стороны обеспечения информационной безопасности, так и со стороны возмещения вреда клиентам, пострадавшим от действий кибермошенников.

Важную роль в данном вопросе отводится государству, особенно в деле защиты личных сведений о человеке. Определенные шаги со стороны государства в деле обеспечения кибербезопасности уже сделаны. В 2006 году принят Федеральный закон РФ «О персональных данных», в 2011 году – закон «Об электронной подписи». В 2020 году в законодательство внесены поправки об использовании Единой биометрической системы (ЕБС). ЕБС позволяет идентифицировать человека по отпечатку пальца, голосу или посредством распознавания лица. Кроме того, необходима организация действенного контроля за экономическими транзакциями в интернете со стороны соответствующих государственных органов, в первую очередь МВД и Роскомнадзора. Введенные

в период пандемии коронавируса карантинные ограничения и повсеместный переход на удаленную работу значительно увеличили риски осуществления мошенничества в виртуальной среде.

Вторым способом разрешения институционального противоречия экономического интернет-следа личности является гармоничное институциональное взаимодействие субъектов хозяйственных отношений, когда исчезает сам интерес к осуществлению киберпреступлений. В этом случае транзакционные издержки подготовки и осуществления кибермошенничества значительно превышают выгоду от его реализации.

Можно выделить несколько форм подобной институциональной координации на основе рыночных отношений:

1. Введение, так называемого, периода охлаждения при осуществлении финансовых операций. Так, ЦБ РФ планирует дать банкам право списывать деньги по подозрительным транзакциям по истечении одного-двух рабочих дней, даже несмотря на согласие клиента.

2. Определение минимальной суммы, после которой транзакция подлежит обязательному контролю со стороны финансовых структур и надзорных органов. Сейчас в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» подобная сумма определена в размере 600 тыс. рублей. В связи с участвовавшими случаями кибермошенничества возможно существует необходимость скорректировать данную сумму в сторону понижения.

3. Установление размера денежных средств, который банки должны возвращать в упрощенном и безусловном порядке клиентам, ставшим жертвами кибермошенников. Одновременно с установлением суммы возврата ЦБ РФ предлагает значительно изменить процедуру подтверждения банками операций, если они видят признаки того, что транзакция совершается в целях мошенничества

4. Совершенствование способов осуществления финансовых операций, в частности внедрение технологии блокчейн. Применение метода построения цепочки взаимосвязанных блоков информации особенно актуально в тех случаях, когда у контрагентов нет полного доверия друг к другу и существует большая вероятность оппортунистического поведения сторон. Как известно, под оппортунизмом в экономике понимается поведение субъектов транзакции, не связанное с соображениями морали, к которому, несомненно, относится кибермошенничество [3, с. 12].

5. Повышение финансовой грамотности населения, особенно его наиболее уязвимой части – людей преклонного возраста. Финансовая грамотность предполагает наличие базового набора знаний, навыков и компетенций, позволяющего индивиду принимать разумные экономические решения и осуществлять действия в целях достижения личного материального благополучия.

В период пандемии коронавируса актуальность обеспечения безопасности экономического интернет-следа личности значительно возросла, так как во время удаленной работы увеличился уровень киберугроз. В 2020 году количество киберинцидентов выросло на 51% по сравнению с предыдущим годом.

При этом в общем количестве кибератак 69% приходилось на частных лиц. Основными мотивами злоумышленников были получение персональной информации и финансовая выгода. Среди сведений, украденных у частных лиц, лидировали учетные системные и личные данные, а также реквизиты платежных карт [5].

В целом необходимо отметить слабость государственных и рыночных институтов защиты экономического интернет-следа личности. Данный факт объясняется постоянным прогрессом ИКТ, появлением все более совершенных гаджетов и новых приложений. Государственные органы не успевают, а рынок не спешит реагировать на данные изменения. Это происходит из-за того, что чиновничий аппарат слабо мотивирован, а рыночные структуры неохотно идут на мероприятия, не предполагающие получение прибыли. Судебные институты также не готовы к интерпретации и рассмотрению не закрепленных в законодательной базе и правоприменительной практике новых видов киберпреступлений. В то же время государству в рамках национального проекта развития цифровой экономики в России необходимо разработать комплексную стратегию обеспечения безопасности личной информации в интернете.

Список литературы

1. Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных // РБК [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Число киберпреступлений в России // TAdviser [Сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 20.01.2022).
3. Красильников О.Ю. Неинституциональная экономика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 104 с.
4. Как зарабатывают киберпреступники: дипфейк-боссы и цифровое вымогательство // ХАЙТЕК [Сайт]. URL: <https://hightech.fm/2020/10/30/deep-fake-fishing> (дата обращения: 21.01.2022).
5. Актуальные киберугрозы: итоги 2020 года // Positive Technologies [Сайт]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020/> (дата обращения: 22.01.2022).

УДК 316.42

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Н.И. Мельникова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассмотрена идея гедонистического императива в аспекте социальной стратификации. Представлены примеры гедонистического обогащения применительно к физико-генетической стратификации, потенциальные угрозы снижения когнитивного и физико-генетического разнообразия природы человека. На первый план выходит формирование гедонистических точек отсчета на основе этического выбора со стороны человека и осуществляемой социальной политики.

Ключевые слова: гедонистический императив, социальная стратификация, физико-генетическая стратификация, гедонистическая адаптация, гедонистическая беговая дорожка, гедонистическая точка отсчета, гедонистическая перекалибровка, гедонистическое обогащение

THE HEDONISTIC IMPERATIVE AND SOCIAL STRATIFICATION

N.I. Melnikova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

This article discusses the concept of the hedonistic imperative from the aspect of social stratification. Examples of hedonistic enrichment in relation to physical-genetic stratification are discussed, as are the potential risks to humans in the cognitive and physical-genetic diversity of human nature. The formation of hedonistic set-points on ethical choices on the part of man and the implementation of social policy have come to the fore.

Keywords: hedonic imperative, social stratification, physical-genetic stratification, hedonic adaptation, hedonic treadmill, hedonic set-point, hedonic recalibration, hedonic enrichment

Социальное неравенство является одним из факторов, влияющим на возникновение психологической боли, ресентимента, которые испытывают множество людей по всему миру. Социальная стратификация имеет системный характер и обусловлена природой общества, логикой его развития, а также природой человека. Отдельные люди могут поддерживать или, напротив, бороться с социальным неравенством, а оно вновь и вновь создается и поддерживается обществом в целом. При этом попытки сгладить социальное неравенство в различных аспектах, уменьшить психологическую боль человека, предпринимаются постоянно.

Спектр предлагаемых мер для сглаживания социального неравенства во многом определяется текущими научно-техническими достижениями и идеями. В настоящее время на повестке дня стоит трансгуманизм. Идея трансгуманизма состоит в отказе принимать биологические и когнитивные ограничения человека и поиске способов их преодоления [5].

Британский философ Дэвид Пирс выдвинул идею, предполагающую существование гедонистического императива для устранения страданий у людей [6]. Согласно гедонистическому императиву, генная инженерия и нанотехнологии избавят людей от страданий и боли в пользу здоровья и счастья. В подтверждение своей мысли приводится такой пример. Еще двести лет назад были неизвестны сильные обезболивающие синтетические препараты. Мысль о том, что физическая боль может быть изгнана из жизни большинства людей, казалась абсурдной. В настоящее время же люди воспринимают анальгетики как должное. Результативность избавления человека от физической боли подвела к идее и поиску механизмов избавления от психологической боли.

Гедонистический императив основывается на одной из концепций счастья, которая также называется гедонистической [1]. Одним из ключевых факторов, определяющих здоровье, счастье и социальное положение человека, является его происхождение. Родители напрямую влияют на физико-генетическую стратификацию общества, которая основана на ранжировании людей по ряду признаков, таких как пол и возраст, а также по психологическим качествам, в том числе счастью. Также родители склонны передавать свое социальное положение своим детям. Дети наследуют не только социальное положение, но и культурные нормы, сопровождающие определенный образ жизни. В семье человеку задают градиенты благополучия. Достигнутое социальное по-

ложение становится привычным образом жизни человека, его идентичностью, но не всегда зоной комфорта для человека.

Изучение феномена счастья привело к возникновению концепции гедонистической беговой дорожки [2]. Гедонистическая беговая дорожка, иногда называемая гедонистической адаптацией, — это наблюдаемая тенденция людей быстро возвращаться к относительно постоянному уровню удовлетворения, несмотря на приятные или негативные события и жизненные изменения. По какой-то причине мозг стирает удовольствие от новизны. Согласно теории гедонистической адаптации, когда человек зарабатывает больше денег, ожидания и желания растут параллельно, это не приводит к постоянному увеличению счастья.

Гедонистическую адаптацию называют «гедонистической беговой дорожкой», потому что это некий бег по кругу. Люди неоднократно возвращаются к своему базовому уровню счастья, независимо от того, какие события с ними произошли, какой опыт они пережили, какие чувства довелось пережить. Всегда существует первоначальный всплеск счастья или печали, но с течением времени эти чувства, вызванные некоторыми обстоятельствами, начинают рассеиваться, и возникает привыкание. Через некоторое время человека возвращает на тот уровень счастья, на котором был ранее.

Существует несколько различных способов наблюдения гедонистической адаптации. Например, это люди, выигравшие в лотерею большие суммы денег. Обычно они возвращаются примерно к своему первоначальному уровню счастья после того, как новизна выигрыша проходит. Некоторые из лотерейных счастливиц даже становятся менее счастливыми из-за произошедших изменений в отношениях с людьми. Первоначально происходит прилив радости, но примерно через год люди в своей повседневной жизни испытывают ощущение счастья, которое было до выигрыша. Гедонистическая адаптация приводит к тому, что богатство не увеличивает уровень счастья. Исследования показали, что первый кусок чего-то вкусного доставляет больше удовольствия, чем третий или десятый. Люди довольно быстро привыкают к удовольствию, и вскоре то же самое лакомство, поднимающее настроение, уже не приносит прежнего прилива радости.

Исследование гедонистической адаптации подвело к вопросу, а какова часть счастья человека находится под его управлением. Проведенные исследования, показывают такие результаты: 50% счастья людей обусловлены генетикой, 10% зависит от обстоятельств, таких как семья и место рождения, а 40% зависят от человека [4]. Обстоятельства не являются причиной большей части счастья, переживаемого человеком. При этом каждый человек имеет некую гедонистическую точку отсчета, когда достигаемый уровень счастья воспринимается как приемлемый.

Теория гедонистической точки отчета (set-point theory) предполагает, что уровень нашего субъективного счастья определяется в первую очередь наследственностью и чертами личности, укоренившимися в нас в раннем возрасте, и поэтому он остается относительно постоянным на протяжении всей жизни.

Таким образом, субъективное благополучие в значительной мере определяется генетикой, то есть счастье является частично наследственным признаком. Если человек счастлив от природы, то концентрация на положительном может помочь ему чувствовать себя еще счастливее, чем человек менее счастливый генетически. Если человек от природы менее счастлив и при этом сталкивается с большими трудностями, то дополнительное внимание к минимизации гедонистической адаптации поможет жить более насыщенной жизнью.

Однако при этом людям свойственно предпочитают верить, что все имеют равные шансы на успех, в то, что упорный труд и талант, а не предвзятое отношение или социальные ценности, определяют социальный статус. Этот упор на собственные усилия увековечивает веру в то, что люди контролируют свое социальное положение, свое счастье. Гедонистическая адаптация является фактом жизни любого человека. Знание о том, как происходит гедонистическая адаптация, человек получает средства справиться с негативными факторами в жизни и заниматься деятельностью, которая более устойчива к удушающему воздействию гедонистической беговой дорожки.

Если уровень счастья человека наполовину определяется его генетическим кодом, то возникает соблазн вмешаться в этот код и произвести репродуктивную революцию проектированных детей (*designer babies*). В 2018 году в Китае уже родились первые генетически-модифицированные девочки-близнецы.

Потенциально проектированный ребенок должен иметь характеристики, которые выбирают его родители и врачи. После предимплантационной генетической диагностики (*pre-implantation genetic diagnostic*) предполагается генная терапия для достижения желаемых характеристик ребенка. Проектирование генома происходит на основе выбора личностных гедонистических переменных (*hedonic variables*) и, как итог, происходит гедонистическая перекалибровка (*hedonic recalibration*) в обществе.

Предполагается, что генетическая перекалибровка обеспечит бесконечный выбор свойств человека и приведет к разнообразию, которым будет обладать улучшенный постчеловек в будущем. При этом выбранные гедонистические переменные будут отражать не только эстетические свойства человека, но и его духовные свойства и переживания, образ жизни, формы поддержания здоровья, разновидности испытываемого удовольствия и восторга. Гедонистические переменные и выполненная на их основе гедонистическая перекалибровка смогут гарантировать людям поддержание личных предпочтений и ценностей на протяжении всей жизни.

Ключевой вопрос для постчеловеческого общества состоит в определении состава гедонистических переменных и их значений, или как уже называлось гедонистических точек отсчета. Хорошо известно, что каждый гедонистические точки отсчета различных людей, существенно различаются. Одно из преимуществ потенциальной гедонистической перекалибровки видится в том, что ничья гедонистическая точка отсчета не повлечет за собой отказ от собственных заветных ценностей и предпочтений в пользу чужих представлений об идеальном обществе.

Использование технологий гедонистического обогащения (hedonic enrichment technology) также не является призывом к бесконечному блаженству. Скорее гедонистическая перекалибровка гарантирует, что каким бы ни было представление о благополучной жизни, реальность будет неописуемо лучше. Пирс предполагает, что гедонистическая перекалибровка станет наиболее эффективным средством культурного разнообразия в постчеловеческом будущем.

Пессимистические мысли насчёт разнообразия вследствие использования технологий массового гедонистического обогащения навеваются следующими произошедшими событиями и явлениями. Наиболее ярким и доступным всем для наблюдения пример физико-генетической стратификации является воплощение с помощью пластической хирургии и других косметических технологий стандартизованного представления о красоте человеческого лица в настоящее время. Еще двадцать лет назад такого явления не наблюдалось даже в мире супермоделей.

Но, с другой стороны, массовое гедонистическое обогащение в области стоматологии стало явю. Трудно найти в современной жизни подтверждение цитатам из романа «Война и мир»: «Все дворяне ,.. Особенно поразительны были старики, подслеповатые, беззубые, плешивые, оплывшие желтым жиром или сморщенные, худые.» (Т.3, С.185); «Он только что открыл рот, чтобы говорить, как один сенатор, совершенно без зубов, с умным и сердитым лицом, стоявший близко от оратора, перебил Пьера. С видимой привычкой вести прения и держать вопросы, он заговорил тихо, но слышно: — Я полагаю, милостивый государь, — шамкая беззубым ртом, сказал сенатор, — что мы призваны сюда не для того, чтобы обсуждать, что удобнее для государства в настоящую минуту — набор или ополчение» (Т.3, С.185); «Когда Николай с женою пришли отыскивать Пьера, он был в детской и держал на своей огромной правой ладони проснувшегося грудного сына и тетёшкал его. На широком лице его с раскрытым беззубым ртом остановилась веселая улыбка.» (Эпилог. Ч. 1. С. 344). Пьер был ведь совсем молодой человек, до тридцати лет, и без зубов. Кинематограф, наверное, никогда не решится представить в фильмах, молодых людей и людей высшего общества без зубов, чтобы приблизиться и исторической достоверности изображаемого. Современный зритель воспримет такую аутентичность на уровне фильма ужасов. Гедонистическое обогащение в стоматологии поддерживается всеми людьми несмотря на страх, боль, материальные затраты на протяжении всей жизни человека.

Потенциальное опасение снижения когнитивного и физико-генетического разнообразия природы человека можно отдаленно проиллюстрировать примером из мира из мира семян растений. Век назад в 1903 году коммерческие семенные компании предлагали сотни сортов привычных распространенных культур. Однако уже к 1983 году лишь немногие из этих сортов были найдены в Национальной лаборатории хранения семян (National Seed Storage Laboratory). В 1903 предлагалось 288 сортов семян свеклы, а в 1983 году - всего лишь 17 сортов, соответственно белокочанной капусты 544 сортов против 28, томатов 408 сортов против 79 сортов [3]. По всем культурам произошло уменьшение

количества сортов на порядок. В начале прошлого века насчитывалось в употреблении сотни сортов различных культур, а к концу века – уже только десятки. Начался период глобальной торговли, для которой требовалось не разнообразие сортов, а их определенные свойства, прежде всего, лежкость и транспортабельность, при этом вкусовые качества ушли на дальний план. Такой подход обеспечил людей разнообразными фруктами и овощами со всех уголков мира. Круглогодичная доступность фруктов и овощей представляется людям самым обычным явлением, никакой эйфории от возможности съесть зимой банан ни у кого не возникает. Также следует заметить, что гедонистическая адаптация по отношению к фруктам и овощам не по сезону и не по району произошла достаточно быстро. Гедонистическими переменными в развитии глобальной торговли фруктами и овощами стали лежкость, транспортабельность, вкусовые качества, разнообразие сортов. Если лежкость и транспортабельность ушли в плюс, то вкусовые качества и сортность – в минус. Т.е. гедонистическая точка отсчета, состоящая в доступности практически любых фруктов и овощей в течение всего года оказала радикально увеличило воздействие на их сортность и вкусовые качества.

Возможность устранения психологической боли с использованием генной инженерии и нанотехнологий, становится все более технологически достижимой. На повестку дня выходят вопросы формирования гедонистических переменных и определения их значений. В основе этой работы находятся, прежде всего, этической выбора со стороны человека и осуществляемая социальная политика, определяющая границы применимости тех или иных методов изменения когнитивной и физико-генетической природы человека. Следование гедонистическому императиву, осуществление генетической перекалибровки может иметь привести, прежде всего, к изменению физико-генетической стратификации, которая повлияет на все другие виды жизнедеятельности человека.

Список литературы

1. Деменев А.Г. Эвдемонистические и гедонистические теории современных исследованиях счастья. Вестник. ВГУ. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 15–23.
2. Brickman P. Hedonic relativism and planning the good society // M. H. Appley (Eds.), *Adaptation level theory* / P. Brickman, D. T. Campbell. –New York: Academic Press, 1971. – P. 287–302.
3. Fowler C., & Mooney P.R. (1990). *Shattering: Food, politics, and the loss of genetic diversity*. Tucson: University of Arizona Press.
4. Lyubomirsky S, King L, Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? *Psychol Bull.* 2005;131(6):803-55. doi:10.1037/0033-2909.131.6.803
5. Melnikova N.I., & Romanovskaya O.A. (2021). The Russian Concept of Social Informatics in Light of Information Technology Innovation: A Systematic Review. *Acta Informatica Pragensia*, 10(3), 301-332. doi: 10.18267/j.aip.172
6. Pearce D. (2015). *The Hedonistic Imperative*.

УДК 316.4

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СОВЕРЕННЫХ УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Э.Р. Нуруллина, О.Е. Кичанова

Казанский государственный энергетический университет», Казань

В статье рассматриваются возможные теоретические истоки и основания возникновения цифровой социологии как теории, описывающей и объясняющей изменения, происходящие под влиянием цифровых устройств, аппаратных и программных цифровых решений и включенности личности в процессы цифровизации общества. Особое внимание уделяется проблеме влияния информационно-коммуникационных технологий на общество и социальные процессы, происходящие в нем.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровизация, цифровые технологии, цифровое общество

DIGITAL SOCIOLOGY IN MODERN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF SOCIETY

E.R. Nurullina, O.E. Kichanova

Kazan State Power Engineering University, Kazan

The article discusses the possible theoretical origins and grounds for the emergence of digital sociology as a theory describing and explaining the changes that occur under the influence of digital devices, hardware and software digital solutions and the involvement of the individual in the processes of digitalization of society. Special attention is paid to the problem of the influence of information and communication technologies on society and the social processes taking place in it.

Keywords: digital sociology, digitalization, digital technologies, digital society

В последние годы «цифровая социология» приобретает все большее значение, социологический анализ всего, что связано с цифровыми технологиями, затрагивает устойчивые проблемы социологической науки, порождая вопросы о социальных действиях, социальном порядке, социальной мобильности и мобилизации, социальных изменениях и социальном неравенстве. Цифровые формы взаимодействия интегрированы в повседневную жизнь каждого члена общества. Ранее в процессе анализа разделяли «киберпространство» от «реальной» жизни, теперь признано, что повсеместное распространение цифровых технологий и растущая неотделимость он-лайн и офф-лайн взаимодействий делают это раздвоение, устаревшим.

Современное общество переживает новый этап цифровой трансформации. Социологические теории, описывающие индустриальный мир, уже теряют свою актуальность, а новые только формируются. Необходимо обратиться к прошлому и существующему социологическому материалу, чтобы понять возможности социологической теории для быстрого изменения в сторону цифровизации общества. Это позволит наиболее оптимально оценить возможности формирования цифровых социологических теорий. В преддверии нового этапа цифровизации общества социологическая теория должна быть дополнена новыми идеями и концепциями, которые позволят понять, как изменится общество в ближайшее время.

Классическая социология (Г. Спенсер, К. Маркс, О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель) не смогла описать и объяснить функционирование и развитие индустриального общества в XX веке. Несмотря на то, что модернизм возник в ответ на проблемы классических теорий (Ж. Деррида, М. Фуко, Лиготар и др.), он оказался не востребован перед лицом постмодернизма (Ж. Бодрийяр, З. Бауманн и др.). Это неудивительно, ведь постмодернизм оказался не в

состоянии ответить на вызовы общества, трансформирующегося к постиндустриальному будущему, потому что нормы, ценности, социальные роли, социальные институты и структуры находятся в постоянном движении, и оно характеризуется движением к чему-то новому.

Однако в то же время социологические теории XX века, пройдя свой путь развития, сменялись, так как оказалось, что молодые теории не имеют достаточного потенциала для объяснения происходящих изменений. Изменения, происходившие под давлением усиливающейся позиции информации в организации и функционировании общества, были достаточно заметны уже к середине XX века. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, разрушал традиционные, модернистские и постмодернистские теории и подвергал сомнению их методологии.

Цифровые технологии проникают во все аспекты социальной жизни, будь то семьи и отношения (поиск партнеров через сайты знакомств или поддержание отношений с помощью текстовых сообщений, телефонных звонков, видеоконференций или социальных сетей), рабочее место, которое все больше трансформируется с помощью информационно-коммуникативных технологий, управление и участие в политической жизни (электронное управление, онлайн-мобилизация политических партий и общественных движений). Цифровые технологии также порождают новые формы формирования сообществ (включая транснациональные сообщества или сообщества диаспоры) и одновременно несут новые угрозы благополучию (такие как «слежка» и «киберпреступность»). Более того, растет понимание того, как цифровые технологии увековечивают неравенство; анализ цифрового неравенства стал более сложным, с выделением различных аспектов цифрового неравенства; и отдельно все больше внимания уделяется роли принятия компьютерных решений в усилении недостатка. Дебаты вокруг искусственного интеллекта обращают внимание на репрессивные и дискриминационные последствия предвзятых алгоритмов (например, расового профилирования).

Цифровая социология все больше и больше знакомится с новыми технологическими разработками и тем, как они формируют и формируются основными процессами общества. В социологии одна из первых статей, посвященных искусственному интеллекту и вычислениям, была опубликована в конце 1980-х годов. Появившись в том же году, когда Тим Бернерс - Ли изобрел «всемирную паутину», английский лингвист Леонард Блумфилд использовал социальную конструктивистскую точку зрения и сосредоточил внимание на роли языка в понимании компьютеров и их использовании [1]. Примечательно, что он специально сослался на условности английского языка и таким образом, кажется, предсказал доминирующую роль английского языка как языка Интернета. Таким образом, вмешательство Л. Блумфилда является прообразом многих дебатов, которые получают дальнейшее развитие в следующие десятилетия. Т. Голдинг обсуждал социальное воздействие информационно-коммуникационных технологий, как расширения, так и преобразования существующих процессов, уделяя особое внимание изучению идентичности, нера-

венства и власти [2]. Все больше статей, посвященных цифровой социологии, начали появляться примерно в 2008 году и, таким образом, отражают появление некоторых онлайн-платформ, в том числе Facebook и Twitter. Спустя двадцать лет после статьи Л. Блумфилда появляется фраза «цифровая социология», которая начинает ускоренно внедряться в социологический лексикон. Появление «больших данных» и сопутствующая им «информационная революция» также вдохновили социологическое воображение и, начиная со второго десятилетия XXI века, вклад цифровой социологии и цифрового общества неуклонно растет.

Социологи участвуют в исследованиях, связанных с Интернетом с момента его создания. Прежде всего, социологов заинтересовали проблемы связанные с онлайн сообществами, «киберпространством» и «киберкультурой». Эти исследования стимулировали появление различных областей социологических знаний: «киберсоциология», «социология Интернета», «социология онлайн-сообществ», «социология социальных средств массовой информации», «социология киберкультуры» и др. Цифровая социология охватывает названные и другие цифровые подходы, описывает и объясняет цифровые социальные объекты, явления и процессы, которые составляют относительно самостоятельную, особую сферу жизни общества.

Цифровые субдисциплины, прежде всего, цифровые гуманитарные науки и цифровая антропология предшествовали становлению цифровой социологии. Они оказали влияние на разработку предметного поля и теоретической базы цифровой социологии, включая такие следующие разделы:

- профессиональная цифровая практика;
- социологический анализ использования цифровых средств массовой информации;
- анализ цифровых данных;
- критическая цифровая социология;
- публичная цифровая социология.

Как отмечалось выше, власть и неравенство на раннем этапе привлекли внимание социологов, занимающихся цифровыми технологиями, и большое внимание было уделено «цифровому разрыву», который показывает, как неравный доступ к цифровой коммуникации отражает и увековечивает другое неравенство. Существовало мнение, что, несмотря на связь с прогрессом, технология не обязательно устраняет экономические недостатки и, более того, что «технологическое неравенство имеет тенденцию усугублять другие виды неравенства».

Продвижение «оцифровки» требует радикального переосмысления эмпирических подходов [3]. В эпоху цифровых технологий традиционные методы, такие как опросы, включенное наблюдение и интервью, могут быть дополнены широким спектром стратегий использования интернет - методов - будь то в качестве источника существующих данных, инструмента для анализа или средства для набора участников. Существует множество возможностей, которые предлагают сайты социальных сетей: набор участников; анализ данных, разме-

щенных в социальных сетях; и наблюдение за социальным взаимодействием. Кроме того, в качестве источников, возможно, рассматривать «блоги» и «видеоблоги». Рекомендации по анализу социальных сетей по-прежнему неоднозначны, а этические принципы до конца не сформированы. Например, сообщения в Twitter можно рассматривать как общедоступные, но пользователи - даже если они осведомлены об условиях обслуживания - обеспокоены использованием «твитов» для исследований и их цитированием без согласия. Профессиональные ассоциации, как правило, придерживаются принципа «ситуативной этики», пользователи обеспокоены использованием данных Twitter, особенно тех, кто принадлежит к уязвимым сообществам.

Информационно-коммуникационные технологии, безусловно, изменили работу и организации, и там, где первая промышленная революция характеризовалась разделением между частной и общественной сферами, последняя цифровая революция, безусловно, внесла свой вклад в размытие между «работой» и «жизнью». Это создает возможности для удаленных поездок на работу и совмещения неоплачиваемой работы по уходу с оплачиваемой работой, но ожидание круглосуточной доступности и доступности также может вызывать стресс. Информационно-коммуникационные технологии предлагают возможности для решения личных вопросов, информационно-коммуникационные технологии также влияют на рабочие процессы как сотрудников на руководящих должностях, так и более младшего персонала. Технология также оказала значительное влияние на то, как можно было бы организовать рабочий день. Растущее значение больших данных и «датафикации» в современном обществе, то, как данные обрабатываются, становится решающим вопросом, особенно для тех, кто регулярно занимается анализом данных.

Цифровая социология имеет богатую историю, уходящую корнями в 1980-е годы. Цифровая социология предложила значительные теоретические, эпистемологические, онтологические и методологические достижения как за счет повторного открытия и адаптации существующих социологических представлений, так и за счет культивирования чего-то нового. К этому можно отнести исследования работы, организаций, неравенства, мобильности, активности, миграции, эмоций, принадлежности и гражданства в цифровую эпоху. Конечно, существует гораздо больше, например, растущая цифровая социология здоровья, но особенно примечателен устойчивый характер давних социологических проблем в цифровом обществе. Цифровая социология анализирует возможности технологий в различных социальных сферах и то, как они формируют и формируются социальными отношениями, социальным взаимодействием и социальными структурами. Изучение формы и влияния цифровых технологий на общество - это действительно междисциплинарная задача.

Существуют признаки некоторых заметных тенденций, которые, вероятно, приобретут еще большее значение в ближайшем будущем. Во-первых, анализ «цифровой» и повседневной жизни по-прежнему только зарождается в некоторых социологических дисциплинах, особенно в анализе досуга, волонтерства. Тем не менее, заметное ускорение темпов говорит о том, что ситуация в

скором времени изменится. Новые цифровые технологии неизбежно откроют возможности для трансформационных изменений, как и в прошлом, с достижениями в области «блокчейна», цифровой проверки и квантовых технологий, которые, по-видимому, обладают значительным потенциалом в этом отношении. Анализ взаимодействия человека с технологиями и ожидаемых результатов такого взаимодействия, вероятно, останется актуальным и будет расти. Применение этих новых концептуальных и методологических инструментов для понимания разнообразных последствий таких отношений, таких как влияние, на равенство и социальную справедливость, приобретает все большее значение. Наконец, многие дискуссии, инициированные и продвинутое цифровой социологией, например, те, которые касаются гражданства и идентичности в цифровую эпоху, похоже, продлятся долгие годы. Применение новых концептуальных и методологических инструментов для понимания разнообразных последствий таких отношений, таких как влияние, на равенство и социальную справедливость, приобретает все большее значение.

В результате воздействия информации, знаний мир стал настолько разнообразен, различен, что требует абсолютно новых способов мышления. Теория цифровизации, в частности математические разработки, информатика, электронная техника и цифровые методы познания социального составляют базис цифровой социологии, ее теоретический и методологический фундамент. Неизбежно развитие цифровых методов исследования в целом и социальной реальности, в частности; они, будут опираться не только на общие, но также на специальные и частные теоретические и методологические положения.

Анализ теоретико-методологических основ цифровой социологии позволяет предположить, что систематизация, достоинства (или недостатки) существующих теорий и их методологий, а также обобщение имеющихся исследований и их методологических положений окажутся полезными в дальнейшем формировании новых или нового содержания известных социологических концепций, методов, прежде всего направленных на экспериментальные исследования и формирование теорий.

Искусственный интеллект, робототехника, современные технологии автоматизации производства, связанные с распространением концепции «интернета вещей», привели к четвертой промышленной революции и качественным изменениям жизни. Этап зарождения «мега интеллектуального» общества неизбежен, и он будет усилен необходимостью создания цифровых социологических исследований.

Список литературы

1. *Брайан П., Блумфилд Л.* Технологии и возможности действий: когда такое аффорданс? / П.Брайан, Л. Блумфилд // Социология.- 2010.- С.415 - 433.// Сайт SAGE Journals [Сайт]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003803851036246> (дата обращения: 26.12.2021).
2. *Голдинг П.* Информационные и коммуникационные технологии и социология будущего / П. Голдинг // Социология, Том 34 , Выпуск 1 , февраль 2000 г., стр. 165 – 184// Сайт Cambridge Core- источник академического контента издательства Cambridge University Press [Сайт]. URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/sociology/article/abs/forthcoming-features->

information-and-communications-technologies-and-the-sociology-of-the-future/
3CD846D5983986C6B42E6825159D301 (дата обращения: 15.01.2022).

3. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания / В.Ф. Ницевич // Научная электронная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-teoretiko-metodologicheskie-istoki-i-osnovaniya> (дата обращения: 20.12.2021).

УДК 316.33

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОГНОЗНОМ МАРКЕТИНГЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ДАННЫХ

Э.Р. Нуруллина, А.А. Плетнева

Казанский государственный энергетический университет, Казань

В статье рассматривается эволюция искусственного интеллекта в цифровом маркетинге и его растущее значение для понимания поведения потребителей нового века. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта в прогнозном маркетинге, выполняемым им задачам и его инструментам. В статье показаны особенности применения digital-маркетинга, который предполагает использование комплексного подхода к продвижению, ее продуктов в цифровой среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая среда, цифровой маркетинг, прогнозный маркетинг, потребительское поведение

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREDICTIVE MARKETING USING CONSUMER DATA

E.R. Nurullina, A.A. Pletneva

Kazan State Power Engineering University, Kazan

The article examines the evolution of artificial intelligence in digital marketing and its growing importance for understanding the behavior of consumers of the new century. Special attention is paid to the role of artificial intelligence in predictive marketing, the tasks it performs and its tools. The article shows the features of the application of digital marketing, which involves the use of an integrated approach to the promotion of its products in the digital environment.

Key words: artificial intelligence, digital environment, digital marketing, predictive marketing, consumer behavior

Индустрия электронной коммерции постоянно развивается, и прошлый 2021 год не стал исключением. Искусственный интеллект кардинально изменил правила ведения бизнеса в электронной коммерции. В настоящее время искусственный интеллект и машинное обучение позволяют потребителям автоматизировать и персонализировать процесс совершения покупок. Также искусственный интеллект постоянно собирает данные о том, как потребители делают покупки, когда они покупают, и что они ищут в продукте или услуге.

Благодаря этой возможности искусственный интеллект играет важную роль в прогнозном маркетинге, который представляет собой подход, использующий прогнозную потребительскую аналитику для предоставления релевантного и значимого клиентского опыта во всех точках взаимодействия с клиентами на протяжении всего жизненного цикла клиента, тем самым повышая лояльность клиентов и увеличивая прибыль. Искусственный интеллект, действительно стал прогрессивной технологией, которая дает социологам маркетинго-

гам конкурентное преимущество, поскольку он уникален для каждого бизнеса и его трудно воспроизвести.

В настоящее время благодаря современным технологиям потребитель может совершать он - лайн покупки из любого места, что немаловажно в современном мире. В последние годы прогнозный маркетинг и искусственный интеллект были тесно связаны, они изменили способ ведения бизнеса. Эволюция прогнозного маркетинга определяется следующими факторами:

1) клиенты требуют более индивидуального, комплексного подхода, поскольку они взаимодействуют с маркетингом и продажами по множеству каналов;

2) доступны новые технологии для сбора новых и существующих источников данных о клиентах, распознавания закономерностей и упрощения использования данных о клиентах на пересечении физического и цифрового миров [1, с.78-84].

Согласно отчету IBM, посвященному искусственному интеллекту, автоматизация с помощью искусственного интеллекта в розничной торговле по прогнозам вырастет с 40 процентов до более 80 процентов в следующие три года [2]. Многие компании считают искусственный интеллект активом, учитывая преимущества, которые он предлагает, и продолжит предлагать, если будет использоваться разумно и конструктивно. Искусственный интеллект и машинное обучение постепенно становятся неотъемлемой частью многих отраслей, включая социологию и маркетинг.

Социологи и маркетологи постоянно изучают своих потребителей и их цифровой опыт, чтобы разрабатывать эффективные маркетинговые программы и предлагать более качественные продукты, чтобы потребители были более лояльны. Сбор данных с помощью искусственного интеллекта, помогает маркетологам лучше понять предпочтения своей целевой аудитории. По словам Марка Цукерберга, генерального директора Facebook, искусственный интеллект повлияет на маркетинговые стратегии, включая бизнес - модели, процессы обслуживания клиентов и поведение потребителей.

Исследователи предполагают, что искусственный интеллект относится к программам, алгоритмам, системам и машинам, которые демонстрируют аспекты человеческого интеллекта, а также имитируют разумное поведение человека. К известным искусственным интеллектам на сегодняшний день можно отнести SIRI, чат - боты в социальных сетях, Google Alexa, Алиса и т. п.

Если говорить более подробно о современном маркетинге, в котором используются инструменты с применением искусственного интеллекта — можно отметить, что это digital-маркетинг.

Digital-маркетинг (цифровой маркетинг) как инструмент продвижения является сравнительно новым направлением в деятельности современных маркетологов, но в последние годы уверенно набирает популярность. Digital-маркетинг включает в себя интернет-маркетинг, но, в отличие от второго, он только лишь интернет - технологиями не ограничивается. Применение digital-маркетинга предполагает использование комплексного подхода к продвиже-

нию, ее продуктов в цифровой среде, охватывающего как онлайн, так и оффлайн пользователей, использующих мобильные устройства, планшеты и другие цифровые средства связи [3].

На основе данных искусственного интеллекта формируется прогнозная аналитика, которая в основном используется для автоматизации бизнес-процессов. Инструменты и алгоритмы искусственного интеллекта выполняют четко определенные задачи практически без участия человека, например, передачу данных из центров обработки вызовов в базы данных клиентов и осуществление простых рыночных транзакций. Искусственный интеллект может получать информацию из огромных объемов потребительских и бизнес-данных, включая не только числовые, но и текстовые, голосовые, изображения и выражения лиц.

Аналитика с использованием искусственного интеллекта предоставляет компаниям данные, которые можно использовать для прогнозирования предпочтений потребителей. Основываясь на данных того, что потребители могут купить, компания может использовать целенаправленную цифровую рекламу в режиме реального времени и даже прогнозировать мошенничество с кредитными картами. Например, он - лайн магазин очков Lenskart, использует искусственный интеллект для определения стилей, которые лучше всего подходят их различным клиентам. Искусственный интеллект объединяет предоставленные клиентами данные о предпочтениях и тенденциях стиля, а затем рекомендует модели, которые, скорее всего, заинтересуют клиента. Также искусственный интеллект может решать следующие задачи:

- 1) разработка креативов: автоматическая генерация рекламных сообщений, копирайтинг, монтаж видео;
- 2) автоматизированные закупки рекламы: подбор оптимальных каналов, времени размещения, таргетинг;
- 3) контекстная реклама: определение контекста, темы и семантики;
- 4) E-commerce и распознавание объектов в кадре: продажи через «стриминги», «умная» ТВ-реклама;
- 5) оценка эффективности кампаний.

Многие компании и маркетинговые группы применяют интеллектуальные технологические решения для повышения эффективности и улучшения качества обслуживания клиентов. Раньше компании анализировали проведенные маркетинговые кампании и оценивали реакцию потребителей, а теперь с помощью искусственного интеллекта они могут получить более глубокие знания о результатах поведения потребителей. Технология искусственного интеллекта используется в маркетинге для принятия автоматизированных решений на основе сбора данных, анализа и дополнительных наблюдений за аудиторией или тенденциями.

Инструменты искусственного интеллекта используют накопленные данные и профили клиентов, чтобы научиться общаться с клиентами, а затем помогают им отправлять персонализированные сообщения в нужное время без участия маркетинговой команды и обеспечивают максимальную эффективность.

Для современных маркетологов, искусственный интеллект дополняет маркетинговые команды и выполняет тактические задачи, требующие меньшего вмешательства персонала.

Одним из основных атрибутов он - лайн покупок является круглосуточная доступность сервиса для клиентов. В некоторых компаниях служба поддержки клиентов переключается на автоматизацию в ночное время, когда персонал недоступен для связи. Именно здесь искусственный интеллект заменяет службу поддержки, автоматически понимая запрос потребителя и отвечая на него соответствующим сообщением.

Современные потребители нетерпимы к задержкам в обслуживании, и искусственный интеллект заполняет этот пробел, оперативно предоставляя потребителям то, что необходимо, в отсутствие маркетинговой команды. Потребители также чувствуют свою значимость, когда на их запросы отвечают незамедлительно, что приводит к удовлетворенности, доброжелательности и лояльности. Поэтому, неудивительно, что искусственный интеллект меняет правила игры, и компании, которые максимально использует свою систему искусственного интеллекта, имеют экономическое преимущество перед другими предприятиями в нынешней конкурентной маркетинговой среде. В конечном итоге, именно от потребителей зависит успешность компании или бренда, и поэтому искусственный интеллект делает все возможное, чтобы удовлетворить потребности клиентов, мгновенно узнавая о возникающих моделях поведения потребителей и удивляя их своевременными ответами, тем самым оставляя потребителя удовлетворенным и, в свою очередь, продвигая компанию.

Прогностическая способность искусственного интеллекта широко исследуется в последние годы, поскольку в этой области есть много возможностей для маркетологов. Постоянно развивающийся искусственный интеллект оказывается лучшим решением для интернет-маркетологов понять динамический характер поведения потребителей. Прогнозный маркетинг дает начало новому подходу к маркетингу, основанному на данных, в котором клиент находится в центре внимания. Возможность собирать данные о каждом клиенте и их взаимодействиях позволяет компаниям прогнозировать и лучше обслуживать своих клиентов и в то же время увеличивать продажи. Прогнозный маркетинг по своей сути помогает компаниям перейти от ориентации на продукт или каналы, к ориентации на клиента.

При использовании искусственного интеллекта в маркетинге важно иметь комплексный план по интеграции систем искусственного интеллекта в бизнес. Также необходимо установить четкие цели и ключевые показатели эффективности, которые помогут понять, насколько успешным было усовершенствование искусственного интеллекта.

Следует отметить, что при использовании искусственного интеллекта важно не переходить черту допустимого использования данных во имя персонализации, потому что, как известно, потребители испытывают определенные сомнения, когда дело доходит до доверия платформам с искусственным интеллектом по причине конфиденциальности данных. Следовательно, стандарты

конфиденциальности должны быть признаны и запрограммированы на платформах, чтобы поддерживать доверие потребителей.

Маркетологам необходим огромный объем данных, чтобы обучить инструменты искусственного интеллекта изучать потребительские предпочтения, тенденции и другие факторы. Эти данные обычно поступают в основном из собственной базы данных CRM компании, аналитики веб-сайтов и маркетинговых кампаний. Они также дополняются вторичными или сторонними данными, такими как данные о погоде, данные о местоположении и т. д.

Для внедрения современных технологий необходимы эксперты-аналитики, чтобы обучить системы искусственного интеллекта делать контекстные выводы и анализировать данные. Когда программы машинного обучения начинают потреблять данные, они учатся принимать точные и эффективные решения.

Первые компании, которые начали использовать искусственный интеллект, отмечают, что два основных эффекта от автоматизации интеллектуальной деятельности заключаются в повышении качества обслуживания клиентов и росте доходов.

Улучшая потребительский опыт, маркетологи могут открывать новые подходы к вовлечению и взаимодействию с потребителями. С помощью искусственного интеллекта они могут точно определить потребности потребителя и уловить подходящий момент, предложив нужный продукт или услугу, чтобы обеспечить конкурентное преимущество перед другими игроками.

Сегодня бренды даже начали использовать искусственный интеллект для запуска автоматизированных маркетинговых кампаний на основе активности клиентов. В зависимости от стадии процесса принятия покупателем решения о покупке искусственный интеллект запускает соответствующие действия, чтобы привлечь потребителей и побудить их двигаться вперед.

Например, искусственный интеллект компании Facebook представляет собой торги между платформой-покупателем и платформой-продавцом рекламы в реальном времени. Во время такого аукциона пользователь заходит на сайт участника рекламной сети, которая передает данные о нем платформе-покупателю. Эта платформа анализирует данные с помощью искусственного интеллекта и выбирает рекламу, которую можно показать этому конкретному посетителю.

Также искусственным интеллектом пользуется компания Wildberries, сайт компании объединяет данные из нескольких точек соприкосновения, в том числе о деятельности потребителя в он-лайн магазине и анализе рыночных тенденций, чтобы узнавать и рассуждать о том, чего хотят клиенты и когда они этого хотят. Компания обеспечивает автоматические персонализированные предложения с использованием прогнозирующего искусственного интеллекта, чтобы удерживать посетителей и побудить их к покупке, пока они находятся в подходящем "покупательском настроении".

Обладая огромным объемом информации о предпочтениях потребителей и практиках совершения покупок, компании начали интегрировать искусствен-

ный интеллект в свои инструменты управления кампаниями. Бывают случаи, когда система запускает автоматизированные кампании по электронной почте на основе активности потребителей в Интернете. Эта возможность искусственного интеллекта может быть более эффективно использована маркетологами в процессе выполнения заказов, когда потребитель может совершать покупки непосредственно из этих инициированных кампаний.

Список литературы

1. *Артун О., Левин Д.* Прогнозирующий маркетинг: простые способы, с помощью которых каждый маркетолог может использовать аналитику клиентов и большие данные / О. Артун, Д. Левин. - М.: Publisher John Wiley & Sons Limited, 2015. - 272с.
2. IBM. Революция в области искусственного интеллекта в розничной торговле и потребительских товарах // Сайт компании IBM Corporation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/report/ai-retail-consumer-products>
3. *Плестун К.Е.* Влияние искусственного интеллекта на современный маркетинг // Скиф. 2019. №5-2 (33) // Научная электронная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-sovremennyy-marketing> (дата обращения: 26.12.2021).

УДК 316.334.55:001.31

МОДЕРНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕЧНЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Фисенко

Институт аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН», Саратов

В статье рассматриваются направления модернизации института сельских библиотек как фактора повышения устойчивости развития социокультурных ресурсов села. Особый акцент делается на определении векторов развития в условиях распространения пандемии.

Ключевые слова: сельское общество, социокультурные ресурсы, социальная нестабильность, сельские библиотеки, модернизация

MODERNIZATION OF LIBRARIAN RESOURCES AS A FACTOR OF THE RURAL SOCIETY SUSTAINABILITY

N.A. Fisenko

Institute of agrarian problems of the FRC "Saratov Research center of the RAS", Saratov

The article explores the directions of the institute of rural libraries' modernization as a factor of rural socio-cultural resources sustainability. Special attention is paid to the vectors of development during the spread of the pandemic.

Key words: rural society, socio-cultural resources, social instability, rural libraries, modernization

Организация эффективного информационного обеспечения жителей села — неременное условие устойчивого развития сельского общества и повышения качества жизни сельского населения. В этом контексте особое внимание хочется акцентировать на проблеме развития института сельских библиотек как неотъемлемого звена процесса информирования и образования сельского населения, оказывающего существенное влияние на культурную атмосферу села. Сельские библиотеки в большей степени, чем другие учреждения культуры, выполняют функции социальной коммуникации,

находясь в максимальной близости к населению и его потребностям [1, с.4]. Они являются источником информации, знаний для сельчан и остаются наиболее стабильным и доступным учреждением культуры.

Результаты изучения сложившихся тенденций показывают, что среди комплекса политических мер в этом направлении первостепенной задачей является модернизация библиотечных ресурсов села [2, с.292]. Особенно актуальной эта задача становится в условиях распространения пандемии COVID-19, когда возрастает необходимость расширения возможностей использования on-line ресурсов в информационном обеспечении жителей села.

Между тем по данным статистики компьютерной техникой обеспечены 70% муниципальных библиотек России. Несомненно, что 30% относятся к небольшим сельским библиотекам. Распространение пандемии поставило их в положение «самоизоляции», что сказалось и на уровне культурного развития населённого пункта, в котором они расположены.

В этих условиях ещё острее стоит задача использования всех информационно-библиотечных ресурсов через внутрисистемный обмен и интеграции сельских библиотек в единую корпоративную библиотечную компьютерную сеть общедоступных библиотек. В этом плане является позитивным опыт Саратовской области. Положительным моментом является то, что Саратовская областная универсальная библиотека как координатор деятельности сельских библиотек одна из первых в России внедрила использование компьютерной техники в библиотечные процессы и с 1997 года крупнейшие библиотеки Саратова и области объединены в «Единую региональную компьютерную сеть». Безусловно, на пути компьютеризации сельских библиотек стоит много проблем, одной из основных которых является недостаточное финансирование. Оно осуществляется в основном за счёт субсидий из федерального и частично областного бюджета. Муниципальный уровень финансирования для большинства библиотек задействован крайне слабо. Также процесс подключения к электронным ресурсам во многих сельских библиотеках тормозит низкая пропускная способность каналов связи. Актуальным является вопрос модернизации компьютерного парка машин и программного обеспечения. Сдерживает процесс информатизации сельских библиотек и отсутствие специалистов в области IT технологий [3, с.114].

Следует подчеркнуть, что в период ограничений использование режима удалённого доступа становится доминирующей формой информационно - библиотечного обеспечения жителей села. Такая система библиотечного обслуживания включает в себя: информирование о библиотеке, мероприятиях, событиях и услугах через сайт; доступ к электронному каталогу, полным текстам оцифрованных документов; доступ к информационным продуктам.

При организации дистанционного информационного обеспечения необходимо продолжить и давно сложившуюся масштабную практику развития по всем регионам России системы межбиблиотечного абонементов (МБА). Успешно зарекомендовала себя также электронная доставка документов (ЭДД), которую осуществляет Центральная научная сельскохозяйственная

библиотека, организуя доступ к своим электронным ресурсам через удалённые терминалы.

Заслуживает внимания опыт развития специальных проектов по созданию системы дистанционного обслуживания работников аграрного комплекса области на основе комплексного использования информационных ресурсов федерального, регионального и местного уровней. Примером тому является программно-проектная и конкурсная деятельность муниципальных библиотек Саратовской области, которая включает такие направления как создание межбиблиотечной корпоративной компьютерной сети, создание системы эффективного доступа населения к краеведческим информационным ресурсам, формирование сельской библиотеки как центра муниципальной культуры, интеллектуального общения местного сообщества и другие.

Большое значение в развитии сельских библиотек и их модернизации имеет методическое сопровождение их деятельности, которое заключается в постоянном мониторинге и прогнозировании развития библиотечного обслуживания, поддержке и стимулировании инновационной деятельности, консультировании по всему спектру проблем и вопросов, возникающих в процессе деятельности. Опыт показывает, что в качестве координирующего звена непременно должна выступать Областная научная библиотека. Полезно также взаимодействие сельских библиотек с научными организациями региона. Так, у лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН» (ИАГП РАН) сложились плодотворные взаимно обогащающие контакты с библиотекой посёлка Колос Марковского района Саратовской области. Научно-практическое сотрудничество осуществляется по следующим направлениям:

- изучение и распространение передового зарубежного и отечественного опыта развития информационно- библиотечных ресурсов;
- интеграция Колосовской библиотеки в информационные базы данных ИАГП РАН;
- методическая помощь при оформлении документации, связанной с участием в профессиональных проектах и грантах;
- участие Колосовской библиотеки в научных мероприятиях (конференциях, семинарах), проводимых ИАГП РАН);
- проведение совместных профессиональных мероприятий;
- участие Колосовской библиотеки как координирующего центра при проведении социологических обследований ИАГП РАН;
- практическая помощь ИАГП РАН в пополнении библиотечного фонда и экспонатов для Краеведческого музея при Колосовской библиотеке.

Одним из приоритетных инновационных направлений развития информационно-библиотечных ресурсов на селе является создание так называемых модельных библиотек. Модельная библиотека – это не просто новое название. Это новый подход к деятельности библиотеки, главной целью которого является качественное изменение жизни сельского жителя и его

психологии. Формирование модельных библиотек предполагает полную модернизацию библиотеки и создание на её основе многофункционального культурно-образовательного просветительского центра. Это связано с внедрением новых информационных технологий, укреплением ресурсной базы, повышением квалификации персонала и созданием нового имиджа библиотеки.

В рамках национальной Программы «Культура» в России до 2024 года планируется открыть 660 модельных библиотек из средств Федерального бюджета.

Следует отметить, что Саратовская область имеет большой позитивный опыт по созданию сельских модельных библиотек, который активно распространяется в другие регионы. В 2018 году в рамках реализации пилотного проекта по созданию библиотек нового поколения была открыта первая в регионе и пятая в России модельная сельская библиотека. В период с 2019 года по 2021 год были модернизированы ещё 11 библиотек области, а к 2024 году в ходе реализации Национального Проекта «Культура» планируется открыть ещё 12 модельных сельских библиотек [3, с. 130].

Таким образом, модернизация сельских библиотек связана с пониманием их полифункциональной сущности и особой миссии в развитии сельского общества, особенно в период социально-экономической нестабильности. При создании определённых условий они содействуют развитию аграрного производства и улучшению социально-экономических условий жизни на селе посредством распространения знаний, в том числе обучения новшествам, оказания информационно-консультационных услуг хозяйствующим субъектам агропромышленного комплекса, объектам инфраструктуры села и сельскому населению, и формируют образовательное пространство и культурную атмосферу села.

Список литературы

1. *Абрамовских В.Г.* Сельская библиотека как фактор формирования социокультурного пространства села // Материалы научно-практической конференции, 2013. - № 3. С.4.
2. *Фисенко Н.А.* Приоритеты развития библиотеки как центра культурно-образовательного пространства села // Библиотеки в современном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий: Сборник статей III Международной научной конференции. Минск, 2018. С. 292-301.
3. Муниципальные библиотеки Саратовской области в 2020 году / Составители: *Г.И. Шелихова, Т.В. Садаева, Е.Ю. Качанова* и др.; ответственный за выпуск Л.А. Канушина; Министерство культуры Саратовской области; ГУК «Областная универсальная научная библиотека». - Саратов, 2021. - 168 с.

УДК 316.77

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

А.А. Шиленко

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Саратов*

В статье рассматриваются аспекты развития цифровой трансформации современных социальных сфер, в частности системы образования на региональных уровнях. Выделяются

отдельные моменты, важные для оценки этих процессов. Приводится несколько примеров проблем в рамках развития цифровизации. Перечисляется, какие действия в перспективе могут решить проблемы и улучшить ситуацию в области цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые трансформации, пандемия, дистанционные коммуникации, образовательная деятельность, воспитательная работа

DIGITAL TRANSFORMATIONS IN THE EDUCATIONAL PROCESS, REGIONAL ASPECTS

A.A. Shilenko

Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Saratov

The article discusses aspects of the development of the digital transformation of modern social spheres, in particular the education system at the regional levels. Separate points are highlighted that are important for evaluating these processes. Several examples of problems in the development of digitalization are given. It lists what actions in the future can solve problems and improve the situation in the field of digital transformation.

Keywords: digitalization, digital transformations, pandemic, remote communications, educational activities, educational work

В настоящее время развитие цифровых технологий для многих сфер жизни уже перешло в разряд необходимостей. Новые технологии в большей степени становятся неотъемлемой частью структур, процессов, видов деятельности. Это обусловлено рядом моментов:

- цифровизация облегчает взаимодействие различных уровней участников процессов;

- объём использованных в современных процессах данных постоянно растёт и требует цифровой каталогизации и анализа;

- многие сферы нашей жизни уже вышли на внешний уровень и требуют рассмотрения не только в границах нашей страны, но и в аспекте общемирового состояния отраслей;

- один из важнейших аспектов цифровизации, связанный с дистанционным взаимодействием, стал особенно актуальным в связи с современной эпидемиологической обстановкой и введением «специальных режимов» во многих общественных сферах;

- перспективное развитие общественных сфер в большей степени зависит от цифровизации и междисциплинарного подхода.

Исходя из этих моментов, можно проанализировать образовательный процесс с учетом регионального аспекта.

Современный образовательный процесс включает в себя большое число аспектов, среди которых по важности можно выделить, собственно, учебную деятельность, внеучебная/воспитательная работа, межсистемное взаимодействие структур, научная деятельность. Последние годы обострили многие проблемные моменты в данной сфере и выявили ряд новых, особенно в аспектах региона. Рассмотрим эти проблематики образовательной сферы.

В любой сфере основа развития заключается во взаимодействии ее звеньев. Законодательный орган работает с управляющими структурами в регионах, а те в свою очередь уже с периферийными участниками образовательного процесса. Соответственно, обратная связь осуществляется от отдельных образова-

тельных организаций до региональных центров и поступает в контролирующие структуры.

Проблемы заключаются в недостаточном материальном обеспечении и оснащении современной техникой, излишней бюрократизированности процессов передачи информации и отчетности. Желание унифицировать процессы взаимодействия входят в конфликт со спецификой отдельных участников.

Образовательные процессы являются одними из самых требовательных на накопление, хранение и систематизацию данных. Уже имеющиеся материалы дополняются новыми в связи с возникновением новых дисциплин. Старые данные требуют цифровой обработки. Для всего этого необходимо достаточное материальное обеспечение.

Кроме того, существует проблема верификации уже имеющихся и новых данных и новой поступающей информации. Другая проблема - в доступе и передаче данных, особенно для образовательных организаций в отдаленных населенных пунктах.

Проблема доступа и передачи данных также актуальна и для моментов связанных с развитием глобальной системы образовательной среды. Глобальные коммуникации предоставляют большой спектр возможностей, например, для образовательного процесса полезен обмен опытом не только с другими регионами, но также с другими странами, доступ к библиотекам и мировым образовательным организациям. Незрелость системы коммуникаций для региональных образовательных организаций означает сложности при подготовке квалифицированных специалистов.

Последние годы характеризуются введением многих «специальных режимов» по причине распространения эпидемии COVID-19. В частности, возросшая необходимость в дистанционных коммуникациях.

Кроме того, проблема уже выходит за рамки образовательных учреждений. Речь идет о коммуникации между преподавателем и учащимися во время ведения занятий из домашних условий. Также в период пандемии невозможность проведения каких-либо мероприятий с большим числом участников, означает возрастание нагрузки на коммуникационные сети при проведении мероприятий в онлайн формате с тем же количеством участников.

Образовательная среда в современных условиях остро требует междисциплинарного подхода. Это касается таких моментов как «доступная среда», переподготовка кадров, специализированное профессиональное обучение. Однако недостаточность развития коммуникаций и бюрократические моменты осложняют взаимодействия образовательных организаций и других структур. Особенно остро это проявляется в профессиональной подготовке учащихся.

Перспективное развитие цифровизации позволит по мере возможности разрешать перечисленную проблематику.

Развитие взаимодействия с подразделениями позволит оптимизировать передачу информации. Кроме того, изучение специфики отдельных элементов позволит соблюсти баланс между унификацией и специальным подходом.

Унификация процессов накопления и передачи информации также позволит в перспективе сформировать единую, верифицированную базу по данным, используемым в образовательном процессе.

Синхронное взаимодействие с глобальными системами по обмену данными, используемыми в образовательном процессе, поможет в работе с научными наработками ведущих мировых учебных организаций, особенно это актуально для программ по типу «учеба по обмену».

Международный опыт в равной степени важен и при проведении посредством цифровизации учебного процесса не только в условиях настоящей пандемии, но и при других возможных обстоятельствах требующих «особых режимов».

Перспективное развитие обеспечивается, в том числе междисциплинарным подходом к взаимодействию организаций. Это означает, что цифровизация должна касаться не только образовательной среды, но и многих других сфер, взаимодействующих с ней.

Подводя итоги, следует отметить, что развитие информатизации и цифровизации это процесс, требующий сложного системного подхода как на региональном, так и на федеральном уровне. Эти программы требуют ресурсы, время и оптимизацию взаимодействия. Тем не менее, начальные этапы на региональном уровне и обратная связь с федеральными структурами будут все больше способствовать этим процессам.

Список литературы

1. *Мовлаев А.А.* Цифровая трансформация российских регионов: предпосылки и направления проведения // Вестник экспертного совета, №3 (14) М., 2018. С. 48 – 52.
2. *Гладилина И.П. Ермакова И.Г.* Цифровая трансформация образования: зарубежный и отечественный опыт // Современное педагогическое образование №3 М. 2021. С. 8 – 12.
3. Постановление правительства Саратовской области от 19 августа 2021 года №688-П «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области // Официальный портал Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 25.01.2022).

Раздел V. Направления современных исследований в области социологии повседневности

УДК 005.32

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ РАБОТОЙ В ФОКУСЕ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ

О.В. Андриющенко, Н.В. Моисеенко, И.Ю. Суркова

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов*

В статье представлены результаты исследования, проведенного в УСПН г. Энгельса и ЦЗН г. Энгельса. Анализируется уровень удовлетворенности персонала основными организационными факторами. Представлены результаты хронометража и функционального анализа, демонстрирующих рост переработок в период пандемии.

Ключевые слова: социальные службы, удовлетворенность трудом, пандемия, переработки

JOB SATISFACTION OF SOCIAL SERVICES EMPLOYEE IN THE FOCUS OF TRANSFER TO DISTANCE MODE

O.V. Andryuschenko, N.V. Moiseenko, I.Y. Surkova

*Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saratov*

The article represents the research's results in "Social Support Department" and "Employment Center" in Engels. It analyses the level of job satisfaction by general organizational factors. Represents the results of timekeeping and functional analyses, it shows the growing of overtimes in pandemic

Key words: social services, job satisfaction, pandemic, overtimes

Сложная эпидемиологическая ситуация в мире четко обозначила векторы напряженности в современном социальном пространстве: безработица, социальная изоляция, противоречивая информация о короновирусной инфекции, при этом «поле» негативных эффектов пандемии все время расширяется, захватывая все новые и новые области кризисных ситуаций [1]. В этих непростых условиях приходится работать социальным службам, миссия которых заключается в нивелировании последствий всевозможных кризисов, стабилизации социальной ситуации посредством реализации механизмов социальной защиты населения. Безусловно, ковидные ограничения заставили практически все государства мира, в том числе и Россию, усилить меры социальной поддержки населения через страхование, помощь людям пожилого возраста, денежные выплаты и пособия семьям с детьми, программы школьного питания, переход на дистанционный формат получения тех или иных услуг, начиная от оплаты ЖКХ, заканчивая подачей заявлений на статус безработного. Социальная политика государства, как проводник идей социального государства или государства всеобщего благосостояния, призвана «регулировать» уровень социально-экономического благополучия, качества жизни, минимизировать социальную напряженность за счет нормотворческой деятельности, реализации националь-

ных проектов и программ, стандартизации и унификации социальных услуг» [2, С. 495].

В большинстве субъектов Российской Федерации федеральные меры поддержки были усилены региональным компонентом «компенсациями снижения зарплат из-за простоя, расширением поддержки семей с детьми (выдача продуктовых наборов, освобождение от платы за детсады и др.), выдачей натуральной помощи пожилым людям, поддержкой секторов, неохваченных федеральными программами» [3]. При этом в соответствии с направлениями реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предполагающая широкий спектр направлений деятельности, в том числе затрагивающая и федеральный, и региональный уровень социального обеспечения населения.

Казалось бы, усиленная цифровизация должна облегчить трансфер мер социальной защиты от социальных служб до потребителей, но на практике оказалось, что тотального включения населения в эту цифровую среду не произошло. Это связано, во-первых, с тем, что люди пожилого возраста далеко не всегда обладают соответствующими гаджетами, имеют необходимые компетенции, да и зачастую испытывают недоверие к любым компьютерным программам, затрагивающим предоставление своих личных данных. Во-вторых, инновационные технологии легли дополнительным бременем на самих специалистов социальных служб, обострив проблемы освоения нового софта, а также вскрыв дефицит оборудования на местах и его комплектации. В-третьих, социальная работа зачастую предполагает непосредственный контакт с клиентами, ведь эмпатии, социальным взаимодействиям, коммуникациям уделяется важнейшее значение в профессии.

В результате на сотрудников социальных служб все новшества легли дополнительным балластом, поскольку переход на дистанционный формат работы в полном объеме не осуществим (часть клиентов все-равно будет пытаться прийти лично), то и сам функционал разделился на онлайн и оффлайн, заставляя пересматривать привычные практики реализации функциональных обязанностей. Кроме того, учитывая, что общий объем мер социальной поддержки в ситуации пандемических ограничений значительно увеличился и может составлять 8,7% мирового ВВП [4], то на отделы назначения пособий и организации социальных выплат упал значительный объем работы, не учтенный в системе управления организацией при распределении нагрузок на специалистов.

В управлениях социальной защитой населения, в центрах занятости населения в срочном порядке пришлось пересматривать графики работы, способы взаимодействия с получателями мер социальной поддержки. Такие трансформации, безусловно, сказываются на удовлетворенности персонала своим трудом, организацией, своим местом в данной профессиональной нише. Опреде-

лить основные маркеры этой удовлетворенности мы смогли, проведя комплексное исследование с использованием функционально-стоимостного анализа и хронометража в ГКУ СО «Управление социальной поддержки населения Энгельсского района» и «Центре занятости населения г. Энгельса» (по заказу Министерства труда и социальной защиты Саратовской области).

Традиционно основными позициями удовлетворенности работой персонала является отношение к бытовым условиям, режиму труда и материально-технической базе. В Центре занятости населения г. Энгельса целом уровень удовлетворенности сотрудников условиями труда достаточно высокий. Только в единичном случае встретилась негативная оценка удобства индивидуального рабочего места, включающего в себя удобство кабинета, температурный режим, уровень освещенности и шумовое сопровождение при выполнении задач. Сотрудники наиболее удовлетворены режимом труда (40% поставили наивысшую оценку); на втором месте материально-техническая оснащенность – 30% и удобство рабочего места на третьем месте – 20%. От 60 до 70% респондентов удовлетворены условиями труда в среднем оценочном диапазоне.

Что касается Управления социальной поддержкой населения Энгельсского района, то здесь показатели несколько лучше, хотя в целом уровень удовлетворенности сотрудников находится все в том же среднем диапазоне. На первом месте по уровню удовлетворенности оказался режим труда (79,1% респондентов). Удобство рабочего места и материально-техническое обеспечение оценивается не так хорошо (максимальное значения по 47,6% оба показателя), при этом оценки сильно разнятся от отдела к отделу. В Отделе автоматизации максимально негативное отношение сотрудников к материально-техническому обеспечению. Это вполне ожидаемо, поскольку во время наблюдения нами был зафиксирован регулярный выход техники из строя, за счет чего некоторые специалисты прекращали свою работу и ждали результатов ремонта / исправления технических проблем. В отделах, в чей функционал попадает прием граждан, ниже оценивают удобство рабочего места, поскольку – во время приема кабинки оборудованы с соблюдением всех необходимых норм, оснащены СИЗами, а вот непосредственно в отделах, где происходит внесение личных дел в программы, наблюдается скученность, старая офисная мебель, давно нуждающаяся в замене.

График работы устраивает практически всех специалистов и административно-управленческий аппарат организаций социальной сферы. Т.е. часы приема населения установлены с 8.00 до 12.00, с 13.00 до 16.00 в течение трех дней в неделю (понедельник, вторник, среда); оставшиеся два дня (четверг и пятница) посвящены оформлению личных дел и другой документации в области обеспечения мер социальной поддержки населения. Интересно, что перерыв на обед устанавливается с 12.00 до 12.48, что сделано специально, для высвобождения 12 минут ежедневно и обеспечения сокращенного рабочего дня на 1 час в пятницу. Суббота и воскресенье – выходные дни. Нормативное закрепление графика не означает его неукоснительное соблюдение в повседневной жизни социальных служб. И в одной, и в другой организации есть авральные режимы

работы, особенно, когда наступает время сдачи отчетов. При этом за последний год в связи с пандемией количество получателей услуг увеличилось на 10%.

Все это привело к увеличению нагрузки на персонал – почти все сотрудники (97% опрошенных) отметили, что задерживаются на работе. Для 25% респондентов переработки составляют около 2 часов в неделю, 43% - 3-4 часа, 31% работает сверхурочно почти 5 часов в неделю. Причем, значительная часть из них – руководители подразделений. Вполне объяснимо, что респонденты дают отрицательную оценку переработкам. Однако результаты разнятся в УСПН и ЦЗН. В первом случае 62% выражают резко негативное отношение к переработкам, а вот во втором таковых лишь 20%, 80% отмечают свое нейтральное отношение к сверхурочной работе. Подобную разницу в результатах мы объясняем организационными факторами – реорганизацией ЦЗН и включение его в структуру УСПН. Неопределенность трудовой ситуации заставляет сотрудников центра занятости пересматривать свои приоритеты в работе из опасения сокращения.

В качестве факторов, способных редуцировать негативное влияние переработок и повышенного стресса, мы рассматривали интерес к содержанию деятельности и значимость работы. Подавляющее большинство (80% и 90% соответственно) сотрудников УСПН и ЦЗН воспринимают свою работу как интересную и социально значимую. Вместе с тем имеется явная тенденция к рутинизации деятельности – чем старше сотрудник (46 лет и более – 56%), и чем более длителен его стаж работы (свыше 10 лет – 61%), тем ниже его оценка по параметрам интереса и значимости. Ситуация усугубляется объективными ограничениями в плане возможностей для профессионального развития персонала, стандартизированным характером самой деятельности и накапливающимися симптомами профвыгорания.

Однако, вопреки нашему предположению, не было выявлено существенного влияния переработок на текущий уровень удовлетворенности. Это связано с тем, что избыточная трудовая нагрузка является обычной практикой для исследуемых организаций и социальной сферы в целом. Кроме того, объемы переработок не статичны, сильно варьируются от в зависимости от периодов формирования отчетных документов. Сотрудники сами выбирают в каком формате они реализуют эти переработки - приходят раньше на свое рабочее место, остаются после работы, используют обеденный перерыв или берут работу на дом. Все это со временем приводит к тому, что персонал адаптируется к избыточной нагрузке, она начинает восприниматься как естественный элемент трудовой деятельности. Но даже у этой адаптивности есть границы и пределы. В связи с пандемией COVID19 нагрузка на учреждения социальной защиты резко возросла и это коснулось практически всего функционала.

В рамках функционального интервью были выделены опорные функции для Управления – ведение личных дел (осуществляется Отделом организации мер социальной поддержки, Отдел выплаты пособий) и прием граждан (Отдел адресной помощи). Отделы социальной поддержки и адресной помощи реализуют оба функционала. Результаты хронометража показали, что в совокупности

по всем подразделениям организации ведение личных дел занимает 84% времени (188 трудочасов), прием граждан – 16% (36,6 трудочасов). Для указанных подразделений пропорции сохраняются – 84/16% (129 и 24 часа соответственно). Для непрофильных отделов ведение личных дел занимает почти 88% времени.

Таким образом, можно наблюдать явную диспропорцию в структуре трудовой занятости – явное преобладание функционала ведения личных дел над всеми остальными трудовыми активностями. По профильным подразделениям разница почти в 2,5 раза. Хотя во внутренних регламентах организации фиксируется прямо противоположная пропорция – прием граждан доминирует (ему отведено 3 дня в неделю), а ведение личных дел является менее трудоемкой функцией (под нее зарезервировано 2 дня, плюс 1 час в оставшиеся дни недели). Но даже в этом случае в сравнении с фактическим положением дел, по приему граждан имеется превышение нормативного лимита на 16,5% в неделю (25,6 часа вместо предполагаемых 18), а это составляет в среднем по 6,6 на специалиста. Еще более сложной ситуацию делает тот факт, что для ряда отделов (Адресной помощи и Социальной поддержки) функционал приема граждан заявлен как основной, строго регламентирован и не может быть сокращен или перераспределен в пользу других функций, например, ведения личных дел.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что функционал ведения личных дел являются наиболее трудоемким и имеет явную тенденцию к росту. Это связано с несколькими факторами - прежде всего, с все более набирающей обороты цифровизацией usługовой сферы. Этот тренд не обошел стороной и государственный сектор. В пространстве взаимодействия с гражданами имеется тенденция к формированию так называемых «суперсервисов» - нового вида государственных услуг, предполагающих упрощенное получение комплексной услуги без необходимости физического присутствия получателя. На данный момент на портале «Госуслуги» запущены прототипы 25 суперсервисов и их число планируется увеличивать [5].

Для успешной работы такой сложной экосистемы требуются огромные массивы информации, представляющей собой цифровой профиль граждан. А это, в свою очередь, ставит проблему оцифровки данных и перевод их с физических носителей на электронные. В силу слабой цифровизации большинства профильных государственных учреждений и ведомств, значительная часть информации по-прежнему хранится в бумажном виде, а имеющиеся базы данных представляют собой набор локальных разрозненных репозиторий.

Таким образом, пандемия, с одной стороны, ускорила процесс перехода на цифровые «рельсы», с другой – изменила сам статус социальных служб, актуализировав их социальную значимость, что отразилось на показателях удовлетворённости. Как продемонстрировали результаты исследования, уровень удовлетворенности персонала средний либо выше среднего по большинству организационных факторов, среди которых удобство рабочего места, график работы. Радикальным образом на удовлетворённость не повлияли даже значительные переработки, которые стали следствием пандемии коронавирусной

инфекции. Увеличение количества мер социальной поддержки граждан привело к росту трудовой нагрузки специалистов профильных учреждений. В среднем переработки составляют 5-6 часов в неделю. Однако, негативное влияние повышенной трудовой нагрузки значительно редуцируется восприятием работы как значимой и интересной. Плюс к этому – государственные гарантии занятости на фоне тотальной нестабильности трудового ландшафта позволили социальной сфере заняться если не привлекательные, то вполне прочные позиции на рынке труда.

Список литературы

1. Кокорева М.Е. Технологии социальной работы в учреждениях реабилитационного профиля в период пандемии Covid-19 // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11. С. 59–63.
2. Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., Селиванова Ю.В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т.19. №3. С.494-502
3. Соцподдержка во время пандемии: гражданам не хватает защиты// Сайт НИУ-ВШЭ [Сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (дата обращения: 15.02.2022)
4. Соцподдержка во время пандемии: гражданам не хватает защиты // Сайт НИУ-ВШЭ [Сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (дата обращения: 15.02.2022)
5. Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в госорганы// Сайт «Госуслуги» [Сайт]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (дата обращения: 16.02.2022)

УДК 316.1

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

М.Б. Аракчеева, О.А. Лазарева

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматривается влияния классической теории фрейм-анализа И. Гофмана на развитие современных подходов в социологии повседневности, а также описывается содержание наиболее крупных направлений социологии повседневности XXI века.

Ключевые слова: социология повседневности, классическая теория, фрейм-анализ, пандемия COVID-19

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE IN THE XXI CENTURY: NEW APPROACHES AND DIRECTIONS

M.B. Arakcheeva, O.A. Lazareva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article examines the influence of I. Hoffman's classical theory of frame analysis on the development of modern approaches in the sociology of everyday life, and also describes the content of the largest areas of the sociology of everyday life of the XXI century.

Key words: sociology of everyday life, classical theory, frame analysis, COVID-19 pandemic

Мир повседневности, как область с собственными правилами и тенденциями, всегда вызывал особый интерес у социологов. Предметом исследования становятся интеракции, ритуалы, конвенции и значения, фреймы, пространственно-временные ограничения и лингвистические формы, которые и делают

повседневность повседневностью. Тема, начатая такими исследователями как А. Шюц, Г. Гарфинкель, П. Бергер, Т. Лукман и И. Гофман, получила развитие в новых социологических поисках.

Современные теории повседневного мира часто обращаются к анализу социально-пространственных и социально-временных сторон повседневности. Ведь на поведенческие практики индивидов сегодня влияет бесчисленное число факторов, которые трансформируются и развиваются с невероятной скоростью.

Нельзя не отметить тот факт, что в работах социологов конца XX – начала XXI века фрейм-анализ Ирвинга Гофмана, американского социолога и представителя «второго поколения» Чикагской школы [1], и введенные им «ключи» рассматриваются как особый теоретический подход для осмысления повседневных взаимодействий.

В.С. Вахштайн указывает на то, что именно фрейм-анализ активно используется в эмпирических исследованиях повседневных практик [2].

Более того, в настоящее время в зарубежной литературе сформирован огромный пласт текстов по теории фрейм-анализа, который используется при социологическом изучении повседневности мира. В более современном понимании фрейм – структура представления знаний, которая организована вокруг центрального понятия (события). Также актуальное представление о фрейм-анализе опирается на логические взаимосвязи, схемы и сценарии.

Интересен подход российского социолога Т.В. Сирковской, которая обращает внимание на то, что повседневность есть, прежде всего, именно способ конструирования реальности. Это особый код, который возникает в сознании индивида при необходимости практически решить ту или иную проблему [3, с.232].

В повседневной реальности субъективное переживание противопоставляется объективным структурам и процессам, типические практические действия – индивидуальным и коллективным деяниям, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям и точным методам.

Классический подход к теории повседневности на сегодняшний день находит свое отражение в когнитивной социологии, например, в работах Э. Зерубавеля, который построил концепцию прагматических режимов интеракции на основе фрейм-анализа, в работах Л. Тевено, в аналитических исследованиях А.А. Лозинской.

Также пристальное внимание к особенностям повседневного поведения индивидов уделено в работах Э. Щеглоффа, разработавшего техники консервативного анализа, Д. Мэйнарда (этнометодология), в акторно-сетевых работах Б. Латура и М. Каллона. Их труды не содержат новой концепции, а скорее отражают практику применения фрейм-анализа в повседневности.

Среди отечественных ученых можно назвать Р.В. Гурину, которая сделала попытку применить теорию фреймов в педагогике [4]. По ее мнению, фреймовский подход к организации учебных занятий студентов и учеников позволяет рационально сжать и компактно представить информацию обучающимся. Такие фреймы «знаний» являются разнообразным инструментом обучения. Ре-

ализация фреймового подхода в образовательном процессе позволяет существенно повысить качество и скорость обучения учащихся. Этот подход помогает обучающимся осваивать логическое мышление, развивать его, применять на практических занятиях, при самостоятельной работе, при реализации творческих заданий и т.д.

Все перечисленные авторы, так или иначе, опираются на социологическое восприятие реальности, повседневности и продолжают идею фреймирования. Принципиально новых идей современные социологи не смогли обосновать и предложить в социологической практике. Но им удалось лишь подчеркнуть важность фрейм-анализов в становлении социологии повседневности.

Между тем, работы, нацеленные на использование теоретического потенциала фрейм-анализа для решения актуальных задач социологии повседневности, в российской социологической литературе крайне малочисленны, и практически данное направление наполняется лишь эмпирическими исследованиями узкого круга российских социологов.

Если исходить из существования фрейма, содержащего в себе переключения, то каждую трансформацию можно интерпретировать как добавление какого-то наслоения. Работа с ними представляется весьма перспективной и полезной для решения целого ряда задач, в том числе в образовательной сфере.

Особого внимания заслуживает направление в теории социального порядка, выделенное французским социологом Б. Латуром [5].

Б. Латур признает, что в современном мире вещи продолжают выступать в трех качествах: как инструменты, как детерминирующая инфраструктура и как проекционный экран. Его подход получил название «анализ мира вещей». Вещи, по мнению автора, стали очень много значить для современного человека. Вещи и предметы способны повлиять на восприятия индивидом окружающей его социальной реальности. Можно привести пример: без определенного атрибута одежды человек не воспринимает себя таким какой он есть. Лишившись этого атрибута, человек словно теряет свою индивидуальность, или даже смысл существования

Среди других направлений можно выделить «пространственно-временной анализ повседневности», разрабатываемый авторами Э. Зерубавель и М. Де Серто [6, с. 105-106]. По их мнению, на восприятие реальности и поведение человека огромное влияние оказывает пространство. Смена пространства и обстановки способна дать толчок новым практикам поведения индивида, т.е. в зависимости от обстановки, индивид по-разному проявляет себя как личность.

Данный подход не является новым, но пользуется сейчас спросом ввиду того, что современный человек меняет свое пространство очень редко. Он живет, окружая себя комфортными условиями, соблюдая традиционные привычки, и совершая практически одни и те же действия ежедневно.

Смысл жизни человека сводится к поиску достаточного количества средств, необходимых для существования и к обеспечению комфорта. Человек опасается пробовать что-то новое, так как боится выйти за рамки своей повседневности. Однако авторы Э. Зерубавель и М. Де Серто уверены, что человек

способен приспособливаться к любым условиям, и только новая обстановка может вызвать толчок к развитию важных качеств личности.

Особенности поведения, сознания, деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни определяет культура: она влияет на формирование системы норм, ценностей, установок, собственного мировоззрения и привычного для человека образа жизни. Например, отечественные авторы М.Я. Хребтов и С.В. Березюк исследовали поведенческие практики и стереотипы современных студентов, а главным фактором, который повлиял на изменения в поведении студентов, называют пандемию COVID-19 [7].

Влияние пандемии COVID-19 на поведение и настроение студенческой молодежи было изучено в 2021 году и такими исследователями, как С.П. Елшанский, М.В. Ферапонтова и О.С. Ефимова [8]. Авторы выделили положительные и отрицательные аспекты влияния в изменении поведения молодежи.

Более широко влияние пандемии COVID-19 на поведение людей проанализировала Г.А. Цветкова. Одно из типичных изменений, выявленное автором, связано с тем, что, с одной стороны, эпидемия ослабляет или устраняет положительные и отрицательные действия, т.е. то, что не способствует освобождению от страданий; с другой – во время пандемии обычно вырабатываются и увеличиваются все те действия, которые ведут прямо или опосредованно к самосохранению человека [9, с. 78].

COVID-19 трансформировал мир людей, поменял привычки и образ жизни, преобразовал повседневное пространство. Несмотря на неоднозначное восприятие ситуации, россияне разных социальных групп и возрастов пересмотрели свои планы, изменили или стали стремиться к преобразованию условий собственной жизни. [9, с.80, 81].

Таким образом, современные исследования в социологии повседневности, в том числе отечественных ученых, можно условно разделить на два широких направления: продолжение теории фреймирования («пространственно-временной анализ повседневности» и «анализ мира вещей») и новые исследования, связанные с оценкой изменений в поведении людей в связи с пандемией COVID-19. В рамках второго направления активно изучают изменения в самочувствии индивидов, их отношение к новому вирусу, характер проявления новых привычек или причины отказа от старых традиций.

Список литературы

1. *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004. 32 с.
2. *Вахитайн В.С.* Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 2 (117). – С. 1-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peresborka-povsednevnosti-bespilotniki-lifty-i-proekt-pkm-1> (дата обращения: 10.02.2022).
3. *Сирковская Т.В.* Рассмотрение повседневных практик питания в рамках социологических подходов // Молодой ученый. 2021. № 13 (355). С. 232-236. — URL: <https://moluch.ru/archive/355/79472/> (дата обращения: 10.02.2022).
4. *Гурина Р.В.* Фреймовое представление знаний [Текст] / Р.В. Гурина, Е.Е. Соколова. - М.: Изд-во НИИ Школьных технологий, 2005. - 176 с.

5. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014 — 384 с.
6. *Бурак Т.В.* В поисках повседневности: обзор новых концепций в социологии // Социология: Научно-теоретический журнал. — 2010. - № 2. - С. 105-115. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/6336> (дата обращения: 28.01.2022)
7. *Хребтов М.Я., Березюк С.В.* Особенности формирования ценностей у студентов современных российских университетов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2021. — Т. 14. — № 6. — С. 897-917. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-tsennostey-u-studentov-sovremennyh-rossiyskih-universitetov> (дата обращения: 10.02.2022).
8. *Елианский С.П., Ферапонтова М.В., Ефимова О.С.* Отношение студентов к дистанционному обучению в период пандемии: положительные и отрицательные аспекты // Педагогика и психология образования. 2021. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-k-distantsionnomu-obucheniyu-v-period-pandemii-polozhitelnye-i-otritsatelnye-aspekty> (дата обращения: 28.01.2022).
9. *Цветкова Г.А.* Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4 (23). — С. 72-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-i-povedenie-rossiyan-sotsiologicheskij-srez> (дата обращения: 28.01.2022).

УДК 316.74

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ КАЧЕСТВОМ ПОЛУЧАЕМОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ БГУ

О.А. Велько

Белорусский государственный университет, Минск

В статье представлен социологический анализ удовлетворенности студентов БГУ качеством получаемого образования. Проведен анализ частных показателей удовлетворенности получаемым образованием в вузе. Материалы, представленные в публикации, подготовлены по данным социологического исследования, проведенного среди студентов БГУ в мае – июне 2021 г.

Ключевые слова: качество высшего образования; изучение студенческой удовлетворенности; социологический анализ удовлетворенности; социологический онлайн-опрос.

STUDENT SATISFACTION WITH THE QUALITY OF THE RECEIVED EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF BSU

O.A. Velko

Belarusian State University, Minsk

The article presents a sociological analysis of the satisfaction of BSU students with the quality of education received. The analysis of particular indicators of satisfaction with the education received at the university was carried out. The materials presented in the publication were prepared based on the data of a sociological survey conducted among BSU students in May-June 2021.

Key words: quality of higher education; study of student satisfaction; sociological analysis of satisfaction; sociological online survey.

Представления о качестве образования изменяются с течением времени, поскольку меняются ключевые цели образовательного процесса, требования общества к развитию личности выпускника. Для обучения и развития личности важны как психологическая сторона, так и социальный опыт, который приобретается через включенность в социальные отношения. Эти постулаты согласу-

ются с идеями о социальной обусловленности обучения и важности взаимодействия преподавателя и учащегося [1, с. 281].

Качество высшего образования в современном мире – это многомерное понятие, охватывающее все стороны деятельности вуза. Оно определяется не только объемом знания, а складывается также из параметров личностного, мировоззренческого, общекультурного, гражданского развития и социальной значимости. В наше время понятие качества образования выступает социальной категорией, «определяющей состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям различных социальных групп в развитии и формировании гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности» [2, с. 27].

Автор настоящей статьи занимается социологическим изучением удовлетворенности студентов качеством получаемого образования. В рамках изучения удовлетворенности студентов Белорусского государственного университета получаемым образованием автором было проведено социологическое исследование в два этапа среди студентов БГУ в мае – июне 2021 г. На первом этапе исследования была проведена фокус-группа со студентами 1, 2, 3 и 4-го курсов факультета философии и социальных наук.

Выделим основные результаты первого этапа исследования. Студентам было предложено продолжить фразу «Для меня качество образования это...»

Приведем некоторые ответы студентов.

1. «Подготовка востребованных людей, способных к саморазвитию».
2. «Высокий уровень востребованности на рынке труда после выпуска».
3. «Актуальность и нужность получаемой в университете информации».
4. «Высокая квалификация после окончания обучения, правильность применения знаний, полученные в ходе обучения, а также развитие личных навыков».
5. «Высокий уровень владения профессией или научной дисциплиной после окончания университета».
6. «Качественное образование – это образование, которое соответствует требованию времени, быть актуальным. Оно должно использовать креативный подход, а не только написание рефератов».

Для студентов очень важна роль преподавателя. Что касается роли преподавателей, то студенты считают, что профессионализм преподавателя и его человеческие качества одинаково важны. «Преподаватель – это некое связующее звено между студентами и знаниями, преподаватель должен быть не только компетентен в своем предмете, но и должен уметь находить общий язык со студентами, чтобы правильно и в полном объеме донести знания студентам». «Преподаватель должен быть профессионалом, и особенно важно, когда преподаватель помимо научной деятельности работает по своей специализации». «Помимо профессиональных качеств хотелось бы видеть заинтересованность преподавателя в результатах деятельности студентов. На мой взгляд, без определенных личных качеств это невозможно». По мнению студентов, преподаватель должен быть понимающим, отзывчивым, коммуникабельным, располага-

ющим к себе, харизматичным, вежливым, также современный преподаватель должен обладать ораторскими способностями и уважительно относиться к студентам [3, с. 55].

Студенты всех курсов отметили, что для них удовлетворенность учебным процессом занимает главное место в удовлетворенности качеством получаемого образования. Для большинства студентов важно содержание программ и профессиональная направленность обучения. Они хотят в процессе обучения развивать свои навыки и компетенции. Самым важным в учебном процессе является овладеть глубокими знаниями и практико-ориентированными компетенциями необходимыми в будущей профессии. Для студентов самым важным является найти достойную работу, а для этого необходимо овладеть практико-ориентированными компетенциями и глубокими профессиональными знаниями. Они считают, что учебный процесс должен быть нацелен на получение знаний, компетенций и навыков, которые пригодятся в их работе, например, аналитические способности и навыки критического мышления, способность четко и ясно выражать свои мысли как в письменной, так и устной форме, способность понимать научную литературу, лидерские качества, коммуникативные качества и навыки.

В результате фокус-группы студенты выделили проблемы, которые возникли в процессе обучения, например, «у меня понизилась самооценка, появилось чувство подавленности», «у меня возникли проблемы общения с однокурсниками», «у меня ухудшилось здоровье», «у меня не остается свободного времени» и другие.

Студентам было предложено ответить на вопрос: «Что конкретно, с Вашей точки зрения, должен сделать БГУ для повышения качества образования и, как следствие, повысить удовлетворенность студентов качеством получаемого образования?» Отметим некоторые важные ответы: «составлять более удобное расписание», «активнее вовлекать студентов в научно-исследовательскую работу», «повышать профессиональный уровень преподавательского состава», «привлекать к учебному процессу специалистов-практиков», «ввести больше профилирующих предметов, предоставить больше возможностей совмещать работу с учёбой», «улучшить работу электронной библиотеки», «активнее использовать дистанционное обучение», «упростить переход на другие специальности, так как не всегда на первом курсе студенты чётко представляют себе, чем хотят заниматься в будущем, да и вообще специфику выбранной специальности».

По результатам фокус-группы была составлена анкета для изучения удовлетворенности студентов факультета философии и социальных наук и механико-математического факультета получаемым образованием. Автор рекомендует с помощью онлайн мониторинга качества получаемого образования установить двустороннюю коммуникацию между всеми участниками образовательного процесса и наладить канал обратной связи [4, с. 67]. В настоящее время набирает популярность социолого-статистический мониторинг, который «мы рассматриваем, как важнейшую тенденцию во взаимосвязи социологии и статистики на

современном этапе, которая в свою очередь, определяет и информационные перспективы указанного взаимодействия – формирование системы социолого-статистической информации» [5, с. 162-163]. Применение мониторинговых методик позволяет учесть уровень ожиданий студентов от учебно-познавательного взаимодействия с преподавателем.

В онлайн-опросе на межвузовском портале БГУ приняли участие 200 студентов факультета философии и социальных наук и 202 студента механико-математического факультета.

Проанализируем частные показатели удовлетворенности студентов получаемым образованием, а также оценим их вклад в общую удовлетворенность. В качестве общей оценки удовлетворенности качеством высшего образования было решено использовать ответ на следующий вопрос: «В какой степени Вы удовлетворены качеством высшего образования в БГУ? Для оценки использовалась пятибалльная шкала, где 1 – «абсолютно не удовлетворен», 5 – «полностью удовлетворен». Проведенный опрос показал, что студенты выбранных факультетов в целом удовлетворены качеством обучения в вузе. Низкая (1–2 балла) удовлетворенность характерна только для 9 % студентов. 35 % студентов в целом удовлетворены качеством образования и обладают средним уровнем удовлетворенности в 3 балла. Большинство студентов БГУ (56 %) отметили в ходе опроса высокую и очень высокую удовлетворенность качеством получаемого образования (40 % – 4 балла и 16 % – 5 баллов, соответственно), что свидетельствует о том, что подавляющее большинство в основном удовлетворено качеством получаемого в БГУ образования на достаточно высоком уровне.

Уровень удовлетворенности отражается на уверенности в правильности выбранного вуза. В связи с этим в качестве интегральной оценки общей удовлетворенности качеством университетской жизни было решено использовать ответ на следующий вопрос: «Если бы Вы могли вновь принимать решение о поступлении в вуз, то что бы Вы выбрали?» Так, 56% студентов ответили, что предпочли бы учиться в БГУ на том же факультете; 10% выбрали бы другую специальность на том же факультете в БГУ; 12% хотели бы учиться в БГУ, но на другом факультете и только 22% решили выбрать другой вуз или вообще не поступать в вуз.

После фокус-группового интервью было установлено, что удовлетворенность студентов качеством высшего образования имеет три измерения: удовлетворенность учебным (образовательным) процессом, социальную удовлетворенность, удовлетворенность деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды [6, с. 113].

Удовлетворенность образовательным процессом представляет собой удовлетворенность условиями, созданными для обучения в БГУ, удовлетворенность различными формами обучения и характеристиками читаемых курсов.

По каждому аспекту удовлетворенности образовательным процессом была показана высокая и очень высокая удовлетворенность. Лишь 14 % студентов показали низкую удовлетворенность (1–2 балла). Студенты наиболее удовлетворены традиционными лекциями, семинарскими, практическими занятиями и

дистанционным обучением, а наименее удовлетворены рефератами и коллоквиумами. Только по двум характеристикам читаемых курсов – желание преподавателей находить индивидуальный подход к каждому студенту и желание преподавателей использовать современные формы, методы, технологии обучения (авторская подача материала, эвристические задания) – большинство студентов отметили, что эти характеристики используются на половине предметов, причем остальные характеристики используются либо на большей части предметов, либо на всех.

Рассмотрим социальную удовлетворенность. Она характеризуется удовлетворенностью отношениями студента с другими студентами, удовлетворенностью отношениями студента с преподавателями, удовлетворенностью внеучебной деятельностью. Большинство студентов БГУ (92 %) отметили в ходе опроса высокую, очень высокую или среднюю социальную удовлетворенность.

Удовлетворенность деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды была измерена как средняя оценка девяти аспектов: 1) организация питания в учебных корпусах; 2) возможности для занятий спортом (оснащенность и доступность залов и т.д.); 3) доступность медицинской помощи; 4) возможность пользоваться библиотекой; 5) возможность получения общежития; 6) возможности для получения материальной поддержки (наличие стипендий, разовых выплат и пр.); 7) удобное расположение учебных корпусов; 8) возможность получения путевок в оздоровительные учреждения (пансионаты, санатории, профилактории и т.д.); 9) доступность психологической помощи. Полностью или частично удовлетворены деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды 85% студентов.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что обучающиеся на различных факультетах студенты в большей степени удовлетворены качеством предоставляемых образовательных услуг. Все факультеты получили высокую оценку удовлетворенности и имеют близкие значения. В целом можно отметить, что все критерии анкеты имеют для респондентов достаточно высокую важность, и вариативность оценок весьма незначительная, что свидетельствует о том, что опрошенные студенты единодушны в выражаемом мнении.

Подтверждением удовлетворенности студентов учебной деятельностью является положительная оценка профессионализма и компетентности преподавателей, так как взаимопонимание формирует уверенность и развивает у студента профессиональные умения и навыки с учетом их индивидуальных особенностей. Уважение к каждому студенту и постоянная забота поощряют инициативу и улучшают психологический климат в студенческом коллективе.

Студенты, удовлетворенные взаимодействием с однокурсниками, преподавателями и руководителями вуза, демонстрируют положительную мотивацию в приобретении знаний, так как уверены, что полученные знания будут востребованы в трудовой деятельности.

Результаты данного исследования могут использоваться при анализе деятельности структурных подразделений, анализе системы менеджмента качества

образования и при определении стратегии, политики и целей университета. Целесообразно провести более детальное изучение причин и факторов, под влиянием которых у студентов сформировалось выраженное ими мнение. При этом необходимо учитывать, что деятельность по оценке удовлетворённости обучающихся должна носить комплексный и системный характер, учитывать все факторы, их взаимовлияние и влияние на уровень удовлетворенности в целом.

Список литературы

1. Велько О.А. Современные подходы к социологическому изучению удовлетворенности студентов БГУ качеством образования // Социологический нарратив 2021: Общество в контексте новых вызовов: риски и возможности. М., 2021. С. 277-283.
2. Антонова В.Н. Качество образования: словарь. М., 2013. – 82 с.
3. Велько О.А. Изучение удовлетворенности студентов качеством высшего образования: социологический аспект // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания. Минск, 2021. С. 53-57.
4. Велько О.А. Изучение удовлетворенности студентов БГУ получаемым образованием (методологический аспект) // Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи. Минск, 2020. № 8. С. 64–68.
5. Кечина Е.А. Социолого-статистическое исследование: учебно-методическое пособие. Минск, 2012. - 199 с.
6. Велько О.А. Социологический онлайн мониторинг удовлетворенности студентов БГУ качеством получаемого образования // Современная молодежь и общество. Минск, 2021. № 9. С. 109-114.

УДК 316.44

ЧТЕНИЕ КАК ПОЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

М.Э. Елютина, И.Д. Ивахнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье предпринимается попытка понять, какое место в повседневной жизни пожилых людей занимает чтение, как оно помогает старшему поколению адаптироваться к современным изменениям. Статья основана на результатах эмпирического социологического проекта, посвященного изучению проблемы чтения пожилых людей.

Ключевые слова: функции чтения, информационное чтение, чтение как «подвижная среда», формализуемые условия чтения

READING AS A FIELD OF OPPORTUNITY FOR OLDER PEOPLE

M.E. Elyutina, I.D. Ivakhnova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article attempts to understand what place reading takes in the everyday life of older people, how it helps the older generation to adapt to modern changes. The article is based on the results of an empirical sociological project devoted to the study of the problem of reading in older people

Key words: reading functions, informational reading, reading as a “moving medium”, formalized reading conditions

Современная жизнь поставила вопрос о чтении в позднем возрасте на совершенно ином фоне, нежели раньше. В частности, необходимо принять во внимание следующие моменты. Во-первых, в настоящее время речь идет о но-

вом типе пожилого человека, который существенно отличается по деятельностным реакциям от представителей предшествующих поколений пожилых людей, социальный портрет которого не может быть полным и законченным без учета его читательских интересов, вкусов и практик. Во - вторых, тотальное распространение технических сущностей модифицировало все отношения в обществе и, по утверждению экспертов, в какой-то мере потеснило локальный процесс чтения. Важно понять, в какой мере такая характеристика, как «человек читающий», присуща представителям геронтологической группы. В - третьих, переход к пенсионному статусу традиционно анализируется с точки зрения эффекта локализации (общение становится более разряженным: меньше каналов и оно становится менее интерактивным), а пожилых людей зачисляют в группу, не имеющую достаточных ресурсов для того, чтобы справиться с новыми социальными контекстами. Акцент переносится на локальные связи и интеракции, имеющие фонд общих знаний. Конечно, данный возраст не характеризуется чрезмерной изменчивостью и мобильностью. Однако не надо забывать о важности технологического потенциала, доступа к внешнему кодифицированному знанию, позволяющему старшему поколению адаптироваться к современным изменениям. С каждым годом в старшую возрастную категорию переходит все больше людей, чей образ жизни предполагает активное пользование современными информационными технологиями. Поэтому (не)предрасположенность к чтению определяется скорее не внешними, а внутренними переменными и установками, связанными с культурой непрерывного обучения. Другое дело, что оцифровка коммуникаций не принижает роль материального взаимодействия с книгой с повышенной дозой эмоциональных переживаний.

В данной статье мы попытались ответить на вопрос – какие функции в повседневной жизни пожилых людей выполняет чтение, какие практики чтения для них характерны. С этой целью нами было проведено качественное исследование - 32 глубинных интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, возраста 60-75 лет, пенсионерами, основным источником дохода которых является государственная пенсия. Опрашивались жители гг. Саратова и Энгельса. Рекрутинг информантов осуществлялся методом "снежного кома" с помощью родственников и знакомых исследователей. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Все интервью с респондентами проводились по месту их жительства.

Функции чтения

Отметим, что наши респонденты говорили и о словесно-буквенном (в большей степени), и о синтетическом компьютерном (в меньшей степени) чтении. Доминирует бумажное чтение, чтение лицом к лицу с книгой

Р.: "Виртуальные, электронные книги для меня неудобны. Глаза быстро устают, начинается головная боль. Предпочитаю бумажный вариант. Особенно на стадии знакомства с книгой люблю ее подержать в руках, даже запах от нее особенный. Смотрю, какое издательство ее выпустило, как оформ-

лена, кто переводчик, если таковой имеется. Мне это в радость. Электронные тексты читаю, когда уж очень нужно. А для души – книга в своей особой упаковке» (жен., 69 лет).

1) Чтение как интеллектуальный актив, способ освоения культуры

Р.: "У родителей была хорошая библиотека. Выдалась свободная минутка, присела почитать. Это привычка как вторая натура, я и сейчас не представляю себе жизнь без книг. Это целый мир" (жен., 65 лет).

Для геронтологической группы чтение выступает стратегическим интеллектуальным ресурсом, поддерживающим оптимальный уровень здоровья, определяет жизненную и социальную успешность. Чтение как модель расширения сознания, мыслительная привычка, своего рода медитация.

Значимость чтения усиливается определенными формализуемыми условиями: телесными положениями тех, кто читает и использованием дополнительных средств. Как показали наши исследования, читают в основном, сидя, используя различные приспособления: подушки, лупу, стульчик под ноги, специальные очки для чтения. Для некоторых характерно продуманное использование музыки для создания читательского настроения

Р.: "Люблю классическую музыку. Чуть слышно включаю «Элегию» Ж. Массне или фортепианную музыку К. Дебюсси, закутываюсь в плед, и вот так уютно устроившись, читаю» (жен., 69 лет).

Чтение конкурентноспособное в отношении других активных практик (прогулки, путешествия, креативные занятия, общение)

Р.: "Я сторонница активного отдыха. Мы в молодости справлялись по горным рекам, ездили на верблюдах, плавали, ныряли, на водных лыжах...И сейчас я много гуляю. Но никогда не откажусь от чтения хорошей книги. Для меня чтение это лучшее лакомство" (жен., 76 лет).

2) Помимо медитации, чтение выполняет функцию справочной информации.

Р.: "Меня интересует информация по радиолюбительской тематике. Читаю журналы: «Радио», журнал радиотехники и электроники. В электронной форме слежу за схемами, программами» (муж., 72 года).

"Информационное чтение" связано и с распространением многочисленных руководств, рецептов: как приготовить то или иное блюдо, что и когда сажать на садовом участке

Р.: "У меня, как говорят знакомые, образцовый порядок на садовом участке. Чтобы создать такое многоцветие, я очень много читаю, заказываю специальную литературу: когда и как сажать, что с чем совместимы, как ухаживать (ж., 73 года).

3) Чтение как бегство от императивов повседневной жизни, связанных с поломками, финансовыми трудностями, неисправностями: от ошибочной доставки до невозможности оформить документы

Р.: "Живу одна. Дети далеко. В доме постоянная суеда, то кастрюля сгорела, то выбило пробки, то шланг в ванной сломался. Ну, такова жизнь.

Это нормально. Но это и достает... Когда отчаиваюсь или гневаюсь, сажусь читать. Так постепенно успокаиваюсь, нервы приходят в норму, и на трезвый ум начинаю исправлять ситуацию» (ж., 74 года).

Чтение становится средством эмансипации сознания, средством борьбы с целым рядом тревожных реакций.

4) При сокращении мобильности чтение воспринимается как «подвижная среда».

Р.: «Благодаря чтению, я – не одинок, я преодолеваю расстояния и время» (м., 69 лет).

5) Чтение непосредственно и вовлекает все чувства, переживание красоты, удовольствия, или их противоположности. Иницирует фантазийные образы. Происходит комбинирование и рекомбинирование образов во временном потоке прошлого, настоящего и будущего в соответствии с некой гипертекстуальной схеме. Формируется порядок рассредоточенности, что помогает вытаскивать определенные образы памяти. Это особенно важно, так как умножение проблем в этот период жизни нередко ведет к «безразличию и апатии». Чтение мобилизует эмоциональные ресурсы, помогая справиться с трудностями повседневной жизни

Р.: "Чтение я называю дозправкой положительными эмоциями. Терпеть не могу обычную болтовню, жалко потраченного времени. Другое дело, когда читаешь возникают целые живые картинки со смыслами, с переживаниями» (муж., 68 лет).

Иногда книги обладают собственной действенностью, создавая призыв к действию, частичную и временную переналадку, состоящую в попытках сделать в данный момент что - то важное, но отложенное в дальний ящик

Р.: "После чтения у меня появляется какая-то решимость, смелость, мне хочется увидаться с друзьями, родными, сделать что-то для них полезное» (жен., 70 лет).

Таким образом, у пожилых людей выражена потребность в чтении как способе воспроизводства культуры, от чтения они получают удовольствие. Для многих респондентов чтение - неотъемлемый компонент образа жизни. В этом возрасте в обращении к практикам чтения определяющее значение имеет внутренняя мотивация, снимается диктат необходимости.

УДК 316.614.5

РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.Н. Иванова

Тольяттинский государственный университет, Тольятти

В статье рассматривается религиозная социализация населения. Автор статьи представляет результаты глубинного фокусированного интервью. Особое внимание уделяется социологическому анализу принципам религиозной социализации.

Ключевые слова: религия, социализация, население, дети, молодежь, нормы, ценности, образование, поведение, установки

RELIGIOUS SOCIALIZATION OF THE POPULATION AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

T.N. Ivanova

Togliatti State University, Togliatti

The article discusses the religious socialization of the population. The author of the article presents the results of an in-depth focused interview. Special attention is paid to the sociological analysis of the principles of religious socialization.

Keywords: religion, socialization, population, children, youth, norms, values, education, behavior, attitudes

Религиозная социализация сложна для изучения. Она содержит в себе множество различных аспектов, с помощью которых усвоение норм и ценностей происходит по-особенному. На сегодняшний день она мало известна обществу, а многие относят её к подразделу обычной социализации, которая подразумевает лишь определенные методы воспитания.

В рамках большинства российских исследований отмечается, что религиозность населения не влияет на ценности и поведение людей вне религиозного контекста, либо это влияние незначительно. Также многие люди относят религию к национальной составляющей, однако это не совсем так, поскольку в ней нет описания социальных механизмов, посредством которых происходят изменения в обществе в связи с изменением места религии в жизни отдельного человека, в нашем случае речь идет как раз о религиозной социализации.

Религия является источником определенного набора установок, ценностей и типов поведения, которые передаются или приобретаются в ходе социализации. Существует множество аспектов, где такая социализация может функционировать. Ключевой особенностью может стать и образование, в связи с чем развиваются определенные последствия религиозной социализации [1].

В связи с этим, кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета организовано и проведено социологическое исследование, цель которого заключалась в оценке мнений жителей города Тольятти о возможных последствиях религиозной социализации. В ходе работы был использован качественный метод сбора информации – глубинное интервью (фокусированное). Данный вид интервью позволил нам получить информацию в рамках одной тематики с акцентом на максимальный объем жизненного опыта и ощущений респондента. Метод позволяет решить поставленную проблему, так как представляет собой наиболее информативный вариант беседы с непосредственными представителями различных групп населения. В ходе проведения интервью были заданы как подготовленные вопросы, так и появившиеся в ходе общения. В распоряжении интервьюера находились ответы с подробными изъяснениями и эмоционально окрашенным мнением конкретного человека на тот или иной акцент. Нами был заготовлен список вопросов, раскрывающих роль религиозной социализации в условиях турбулентности, а также указывающих на ее последствия, по мнению респондентов. В процессе интервьюирования было опрошено 18 человек, из которых 9 являются студентами высших учебных заведений (ТГУ и ППИ), а также представителями возрастной категории 18–25 лет,

остальные – студенты средних учебных заведений (ПВГУС и православный колледж), относящиеся к такой же возрастной категории. В каждой группе по учебному заведению было соотношение мужчин и женщин по 50%.

Выборку высших учебных заведений города (N=2) составили студенты Поволжского православного института имени святителя Алексия, а также студенты Тольяттинского государственного университета.

Выборку средних учебных заведений города (N=2) составили студенты колледжа гуманитарных и социально-педагогических дисциплин имени Святителя Алексия Митрополита Московского, а также студенты Поволжского государственного университета сервиса.

По типу выборка являлась целевой. Опрошенные входят в категорию молодого населения города Тольятти.

Программа интервью содержала три блока вопросов, затрагивающих отношение респондентов к религиозному образованию и религиозным ценностям. Данные вопросы необходимы для полного понимания о мировоззрении респондентов, что поможет определить значение в их жизни религиозной социализации, а также предполагаемые последствия в условиях турбулентности. Ниже представлены основные результаты, полученные в ходе исследования.

Для того, чтобы понять мнения респондентов, касаясь значений религиозных ценностей, нами было принято решение задать вопрос о том, каково, на их взгляд, значение религиозных ценностей в современном обществе. Студенты из Тольяттинского государственного университета ясно дали понять, что в настоящее время религиозные ценности постепенно утрачивают свое значение. По мнению респондента, (ж., 20), «ценности, которые пропагандировались и возводились в прошлые года и тысячелетия, сейчас просто устарели и могут даже мешать людям жить полноценно и свободно, потому что навязывают определенный образ жизни, мышления, выбора и т. д». Ответы обучающихся в православных учебных заведениях несильно отличаются от ответов студентов ТГУ. Респонденты высказались в пользу того, что сейчас религиозные ценности значимы только для определенной части общества, а для остальных существуют обычные социальные и моральные нормы, которые не отождествляются с понятием религии, однако респондент (м., 17) добавил: «Значение религиозных ценностей всегда зависит от мышления индивида. Если человек видит в этом сокровенный смысл, то религиозные ценности априори будут стоять у него на первом месте. А если никаких чувств человек не испытывает при личном осознании данного понятия, то это будет восприниматься в его мышлении как дань прошлому, не больше». Поделится также мнением респондента (ж., 19) из православного колледжа: «Как по мне в современном обществе роль религии очень незначительна. Как правило, человек живет вне Церкви и находится в неведении в отношении Церковных канонов и устоев, а отношение к религии в молодежной среде чаще является данью и уважением к вере, религии и традициям своих народов и редко находит истинное понимание веры в Бога». Исходя из полученных сведений по данному вопросу, можно сделать вывод, что религиозные ценности, по мнению респондентов, в настоящее время мало ценятся, а

это значит, что и религиозная социализация может не находить ценностного приоритета в обществе.

Известно, что в современном обществе существуют нравственные ценности, которые никак не связаны с религией. В связи с этим мы решили узнать у респондентов, как они считают, в чем состоит главное отличие нравственных ценностей, принятых в обществе, от религиозных ценностей.

Мнения студентов имели некоторые существенные различия. Участники интервью считают, что нравственные ценности от религиозных не очень сильно отличаются. Респондент (ж., 17) из ПВГУС указала, что «религиозные ценности немного «преувеличены», поскольку предполагают наиболее четкие правила. А обычные нравственные ценности формируются у человека, исходя из его опыта и личных взглядов на то, как стоит поступать, а от каких действий лучше воздержаться.». Респондент (ж., 22) из ТГУ считает, что «все нравственные ценности – это «выходцы» из религиозных.» Студент обозначил, что «когда религия играла одну из главных ролей в жизни государства, было очень много социальных правил и норм, которые полностью пронизывали все общество». Нам дали понять, что сейчас, когда в стране присутствует свобода выбора и религиозное разнообразие, правила и нормы продолжают функционировать вне зависимости оттого, относит ли себя человек к какой-либо религии или нет. Мнения студентов из Поволжского православного института оказались иначе. Они считают, что в нравственных и религиозных ценностях есть весомые различия. По мнению респондента, (ж., 21), нравственные ценности просто диктуют модель правильного поведения, и в ней «нет ни слова, что они как-то касаются человеческой души или внутреннего состояния человека. А религиозные ценности вдобавок учат корректировать собственное внутреннее состояние, опираясь на вековые религиозные истины». Следуя позициям наших участников интервью, можно сделать предположение, что отличительной особенностью религиозной социализации является следование чётким правилам и укрепление внутреннего состояния человека.

Затем мы поинтересовались, как должно функционировать общество в условиях турбулентного воздействия (изменяющихся тенденций), чтобы это не приводило к религиозным конфликтам. Наши респонденты твердо убеждены в том, что если в обществе будет свобода и уважение друг к другу, то и все религиозные конфликты сведутся к минимуму.

Респонденты считают, что религия играет большую роль в воспитании человека и аргументировали это тем, что в религии необычным образом закладываются определенные правила, манеры, устои, а также нравственные и культурные ценности, что гораздо значительнее традиционных методов воспитания, принятых в обществе. «Ведь ребенку с детства открываются жизненные ориентиры, а в переломных ситуациях религия выполняет важную компенсаторную функцию. Совокупность этих фактов влияет на качества личности, которые формируются в религиозных традициях и воспитании» – обозначила респондент (ж., 23). В соответствии с этим можно сделать вывод, что религия может повлиять на воспитание человека, однако есть два противоположных мнения по

этому поводу: такое воспитание может помочь ребенку развиваться на своем жизненном пути, опираясь на нравственные законы и устои, что заложит в нем важные качества личности, а второе мнение гласит, что к такому воспитанию нужно относиться с осторожностью, поскольку право выбора жизненного пути всегда зависит только от самого человека и нельзя навязывать ему тот или иной путь развития, заключающийся в религиозных традициях.

Завершающий вопрос второго блока просит респондентов рассказать о посещении каких-либо религиозных мероприятий, праздников, если таковые были. Респондент (ж., 21) из Тольяттинского государственного университета сообщила, что довольно часто посещала такие мероприятия в силу того, что выросла в религиозной семье. Но она обозначила, что в юном возрасте «не особо задумываешься об этом в каком-то смысле. В более осознанном уже появляется интерес, начинаешь обдумывать те или иные моменты. Думаю, здесь и познавательная цель есть, и семейные традиции тоже играют, конечно, большую роль». Респондент (ж., 18) указала, что посещала религиозные мероприятия, например, такие, как Пасха, однако цель посещения таких мест не была связана с личными взглядами. Скорее это было следование принципу «все ходят, и я пойду».

В заключении социологического исследования можно сделать общий вывод: говоря в целом о религии и религиозных процессах, стоит заметить, что респонденты православных учебных заведений больше привержены моральным ценностям и нравственным нормам, чем респонденты из обычного вуза. Также мы выяснили, что студенты из ТГУ немного скептически относятся к верованию, однако абсолютно точно не отрицают существование Бога, тогда как студенты из ППИ верят в Высшие Силы, но не считают нужным навязывать эту веру другим людям, поскольку у каждого свои ценности и свой выбор.

Что касается воспитания, наши респонденты считают нужным объяснять детям некие религиозные принципы жизни, однако студенты ТГУ и ПВГУС заявляют, что с этим подходом нужно относиться осторожнее и с пониманием, чтобы при взрослении ребенок смог сам выбрать свой жизненный путь, а студенты ППИ и православного колледжа полагают, что привитие детям религиозных ценностей – это не навязывание веры, а лишь источник жизненных ориентиров и большого кругозора, опираясь на который ребенок сможет определить свое мироощущение и избежать множества ошибок в будущем. Исходя из полученных результатов, можно полагать, что религиозная социализация играет немаловажную роль в жизни респондентов, однако важно чувствовать тонкую грань её ценностей, чтобы это привело к положительным последствиям, выражающихся в полноценном развитии личности, следовании моральным нормам и глубоком понимании своего происхождения и духовности мира, а не к отрицательным последствиям, которые предполагают некое навязывание ценностей и следование им по принципу «так нужно».

Отметим некоторые принципы, которые важны для религиозной социализации.

Во-первых, это влияние родителей на детей. Всем вполне известно, что социализация начинается с семьи, а конкретнее с воспитания ребенка родителями, которые используют для этого различные традиционные методы. Многие исследователи в своих работах утверждали, что религиозные убеждения родителей так или иначе оставляют отпечаток на религиозности своих детей. Однако, даже тогда, когда показатели религиозности «воспитателей» и «воспитуемых» совпадают, возникает вопрос о причинах такой согласованности или скорее о том, что именно было передано ребенку. Ответы таковы – передаются, в первую очередь, ценности и убеждения, что свойственно для социализации, далее дети могут наследовать от родителей социальный статус, который может предполагать идентичные условия воспитания, связанные с их родителями. В соответствии с этим у ребенка будет формироваться мировоззрение, близкое к мировоззрению мамы и папы. Последствия такой социализации будут определять многие критерии воспитания.

Во-вторых, влияние детей на родителей. Как правило, социализация – это взаимный процесс. Ведь с формированием ребенка до полноценной личности, его развитие на этом не будет останавливаться. Именно поэтому социализацию можно рассматривать и с обратной стороны. Исследования показывают, что убеждения детей в плане религии оставляют след на мировоззрении родителей, и такой эффект усиливается по мере старения [1]. Эмпирическое подтверждение объясняется и действиями подростков, что создает определенные социальные ожидания со стороны родителей.

В-третьих, влияние расширенной семьи. Предполагается, что важную роль в социализации играет передача ценностей от поколения к поколению, то есть влияние бабушек и дедушек на своих внуков.

В-четвертых, влияние супругов. Одним из важных моментов в жизни человека, в которые актуализируются вопросы религии, является создание собственной семьи, супружество. В целом люди склонны выбирать супруга в рамках своей конфессии, а в ситуации, когда супруги относятся к разным конфессиям, высока вероятность, что один из них сменит религиозную принадлежность на религиозную принадлежность супруга.

В-пятых, влияние религиозных организаций. Церковь – это агент социализации. Как социальный институт, она является источником передачи ценностей и правил, проявляющихся в религиозных практиках.

В-шестых, влияние образования. Считается, что с повышением уровня образования уровень религиозности снижается, поскольку наука старается объяснять многие религиозные события и явления. А как правило, научное и религиозное учение несовместимы между собой. Исходя из этого, процессы религиозной социализации могут представлять различные последствия.

Таким образом, религиозная социализация – это сложный процесс. Она содержит в себе множество различных аспектов, с помощью которых усвоение норм и ценностей происходит по-особенному. В рамках большинства российских исследований отмечается, что религиозность населения не влияет на цен-

ности и поведение людей вне религиозного контекста, либо это влияние незначительно.

Религия является источником определенного набора установок, ценностей и типов поведения, которые передаются или приобретаются в ходе социализации. На сегодняшний день существует множество аспектов, где такая социализация может функционировать.

Список литературы

1. *Иванова Т.Н.* Религиозная социализация молодежи в информационном турбулентном обществе: социально-политические аспекты. В сборнике: Молодежь в современных политических процессах. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Л.В. Рожковой, О.В. Сальниковой. Пенза. 2021. С.126–130 Культурная цифровая среда современного семейного досуга (эмпирический опыт исследования)// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. Т.2. №5. С.35–40

УДК 61:3

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С.В. Климова

Саратовский областной базовый медицинский колледж, Саратов

На основе медицинских и социологических исследований в статье анализируется влияние ограничений личной свободы человека как признака трансформации социальной реальности в условиях антиковидных мер на деятельность организаций, осуществляющих медико-социальную работу.

Ключевые слова: общество, социальная работа, здравоохранение

SOCIAL WORK OF A MEDICAL PROFILE IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF SOCIAL REALITY

S.V. Klimova

Saratov Regional Basic Medical College, Saratov

Based on medical and sociological research, the article analyzes the impact of restrictions on a person's personal freedom as a sign of the transformation of social reality in the context of anti-covid measures on the activities of organizations engaged in medical and social work.

Key words: society, social work, health care

Рассмотрение темы доклада предполагает интерпретацию базовых понятий: «медико-социальная работа» и «трансформация социальной реальности». Определение медико-социальной работы вполне устоялось в социальной работе: сущность медико-социальной работы (МСР) определена практическими задачами социальной адаптации людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и острых дискуссий не вызывает. В целом ее отражает дефиниция, предложенная доктором медицинских наук А.В. Мартыненко: «Медико-социальная работа – вид профессиональной деятельности медицинского, психолого-педагогического и социально-правового характера, направленного на восстановление, укрепление и сохранения здоровья. Она предусматривает тесное взаимодействие различных специалистов с медицинским персоналом по вопросам

профилактики, реабилитации, осуществления мер социального характера за больными, инвалидами. Цель МСР – достижение максимального уровня здоровья, функционирования адаптации лиц с физической и психической патологией, а также социальным неблагополучием» [5, с.5-6].

Как и любой социальный институт, МСР не существует вне общества, и происходящие в нем события и изменения краткосрочного и долгосрочного характера накладывают на нее свой отпечаток.

Социальный субстрат, в котором сегодня реализуется МСР, – «трансформация социальной реальности» – ученые социологи, политологи, экономисты в общем характеризуют абстрактным названием «посткапитализм» [2], однако понимая под этим явлением далеко не идентичные векторы и стратегии развития общества. Предлагаемые весьма разнообразные концептуальные схемы описания и объяснения происходящих в стране изменений объединяет наполнение негативными признаками, которые в социологическом дискурсе получили метку «травмированного общества», отмечается зависимость социальных изменений от глобальных процессов [7], формирование новой системы неравенства и эксплуатации.

Обзор сложившихся в актуальной ситуации концепций социальных изменений в стране свидетельствует в пользу тех подходов, которые указывают на значительное влияние на них политических интересов глобалистов, утраты ориентации в управлении обществом на национальные интересы, ценностей гуманизма, отказа от необходимости для нормального общества соблюдения естественных человеческих прав [3]. В современном российском обществе, как и в других странах, наблюдается продвижение так называемой «новой нормальности», несмотря на вызванное им общественное сопротивление. Идеологи «нового мирового порядка» связывают его с жесткими ограничениями личной свободы людей, вплоть до нарушения естественных прав граждан, выдвигая медикализованные поводы современного рабства. С 2019 г. таким поводом стало появление нового коронавируса. Обратимся к фактам изменений МСР в результате внедрения в общество такой модели управления поведением личности.

Цель социальной работы, одним из направлений которых является МСР, – социальная адаптация людей. Наибольший объем медико-социальной работы в Российской Федерации выполняет государственная система социального обслуживания. Сегодня эта система осуществляет помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в условиях, по сути, бактериологической войны. Пожилые люди и инвалиды – самая уязвимая часть населения в плане риска по здоровью и политики в отношении них. В численном выражении пожилые и инвалиды составляют абсолютное большинство клиентов учреждений социально-медицинского профиля. В большей степени ковидная дискриминация коснулась именно пожилых. Они были подвергнуты прямой изоляции от общества в виде режима самоизоляции в виду «сверхсмертности» пожилых от ковида. Однако научные исследования показывают, что такие жесткие меры вызваны скорее мифом о смертности среди пожилых от ковида, чем реальным положением дел. Ученые-геронтологи обоснованно утверждают, что самоизоляция и

снижение активности, напротив, крайне вредны для организма пожилых и вызывают развитие комплекса болезней, что в конечном счете обуславливает общий уровень смертности пожилых. Опираясь на исследования влияния стратегий изоляции разных возрастных групп на заражаемость ковидом в обществе, ведущие геронтологи рассматривают «пандемию» как эйджизм и дискриминацию пожилых. Согласно полученным учеными-медиками научным результатам, возрастная категория людей третьего и четвертого возраста не играет ведущей роли в получении и распространении нового коронавируса [1].

К сожалению, практика медико-социальной работы зачастую идет в разрез с рекомендациями ученых. И в «пандемию» работает стереотип игнорирования научных исследований для оказания социальных услуг. Уже достаточно длительное время для возникновения необратимых последствий – два года – система социального обслуживания работает в режиме «ковид», что существенно осложнило как личную жизнь клиентов, так и самих сотрудников учреждений.

В стационарных учреждениях (домах–интернатах для престарелых и инвалидов, психоневрологических интернатах, геронтологических и реабилитационных центрах), в реабилитационных отделениях КЦСОНов почти два года продлевается карантин. В режиме карантина клиенты физически изолированы от общества в учреждении (запрещены личные свидания с родными и близкими), контакты с внешним миром переведены в виртуальную форму (по скайпу, по телефону, по социальным сетям интернета). «Домашними арестантами» стали не только престарелые и инвалиды, но и сами сотрудники. Они работают вахтовым методом, при котором также не могут две недели покидать территорию учреждения и ни с кем встречаться. Более того, врачи, медицинские сестры, специалисты по социальной работе и другие сотрудники стационарных учреждений дают обязательство руководству учреждения не покидать населенный пункт, где они проживают, в период своих законных выходных дней, – по сути, подписку о невыезде. К слову сказать, такая мера ограничения свободы предусмотрена в случае уголовного преследования. Возникает вопрос о правомерности ее применения к людям, которые ему не подвергаются.

Насельники учреждений негативно отреагировали на антиковидные меры. «Благополучатели не придавали значения заболеванию и его опасности: *«на угрозу пандемии реакции не было, негативная реакция была на угрозы изоляции»* (И. № 1); *«полное отрицание угрозы, существования пандемии»* (И. № 8); *«неверие в серьезность ситуации»* (И. № 9); *«было очень тяжело донести всю серьезность о заболевании COVID»* (И. № 10).» [4, с.107]. У клиентов стали развиваться депрессивные состояния, появилась агрессия. Они отвергали ограничения личной свободы и масочный режим. Сохранение дружеских и родственных связей, по которым больно ударили антиковидные меры, настолько важны для престарелых людей, что из дома престарелых они вернулись в семьи, кому было куда вернуться.

Серьезным отягощающим настроением постояльцев интерната обстоятельством стало то, что антиковидные меры существенно изменили их досуг: были

отменены любимые клиентами мероприятия социокультурной реабилитации. Следует отметить, что досуговые мероприятия особенно важны для пожилых и инвалидов. Развивая формы жизнедеятельности личности, они имеют терапевтическое значение: социокультурная реабилитация улучшает социальное самочувствие клиентов, следовательно, улучшает их физическое самочувствие.

Изоляция подвергла психологической нагрузке сотрудников учреждения. Многие из них уволились, возник дефицит кадров. Восполнить его удалось только за счет повышения заработной платы, что является главной мотивацией для работы персонала в чрезвычайных условиях.

Приспосабливаясь к возникшим условиям существования для компенсации клиентам утраченной свободы общения и передвижения, учреждение переносит коммуникацию на принадлежащую ему территорию, организуя прогулки и мероприятия в собственном дворе, что возможно, если учреждение располагает достаточным пространством для такой работы. Учреждение также вынужденно меняет партнеров, отказываясь от многолетнего выгодного сотрудничества сотрудников. Однако данные меры лишь частично снимают психологическое напряжение клиентов.

В условиях антиковидных мер существенно пострадала не только деятельность подведомственных министерству социального развития учреждений, но и некоммерческих и общественных организаций, оказывающих социальные услуги. Согласно результатам опроса руководителей НКО в ходе исследования «Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО» [6], нарушилась социальная коммуникация, ухудшилась организация труда и произошла частичная потеря кадров за счет перевода сотрудников на удаленную работу, резко упал уровень пожертвования от партнеров. Деятельность НКО позитивно развивается только в направлении «обслуживания» пандемии, то есть актуальных для режима самоизоляции пожилых людей услуг. Не имея возможности развития других направлений работы в офлайн-формате, многие НКО вошли в реестр поставщиков социальных услуг и стали сотрудничать с государством по системе государственного заказа, хотя, возможно, до этого отказывались от таких предложений со стороны социального ведомства. Однако пандемия настолько ограничила направления деятельности НКО в сфере социальной работы, что многие из них были вынуждены перейти на выполнение уставных функций комплексных центров социального обслуживания, чем создали ситуацию прямой конкуренции с этими учреждениями. Вместо разноплановых креативных проектов сотрудники НКО вполне качественно выполняют популярные услуги социальных работников, такие как доставка продуктов, товаров и лекарств на дом, вынос твердых бытовых отходов, оплата ЖКУ, сопровождение получателя услуг в медицинские учреждения и другие.

В критической ситуации НКО выручил также национальный проект «Демография». Многие из них включились в программу долговременного ухода, развивая социальную службу сиделок. В реализации стационарозамещающих

технологий НКО, действительно, имеют реальные преимущества перед КЦСОН. Несмотря на обязанность подчиняться формальным требованиям статистического учета социальных услуг при работе по госзаказу, НКО имеют менее формальный подход к работе, меньшую обремененность другими работами, отчетностью, чем КЦСОН, они более мобильны. Поэтому им легче решать вопросы поиска подходящего для семьи помощника по уходу, налаживать контакты с медработниками поликлиник, находить волонтеров, осуществлять взаимодействие с родственниками. Следует отметить, что формализм, отсутствие кадровых ресурсов и зачастую желания существенно препятствуют развитию стационарозамещения в государственных учреждениях. Однако именно на него сегодня делает ставку государство при оказании медико-социальной помощи и осуществлении медико-социальной работы.

Анализ репрезентативных научных исследований свидетельствует об однозначно негативном влиянии отмены конституционного права на свободу передвижений получателей социальных услуг. Подобные меры продвижения «нового мирового порядка» могут привести к деградации медико-социальной работы как в государственном, так и в негосударственном секторе.

Список литературы

1. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т.33. № 2. С.397-408.
2. Давыдов Д. А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 3-13.
3. Катасонов В.Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М., 2021. 288 с.
4. Киенко Т.С., Савина Е.А. Хроники карантина и обсервации в доме-интернате для престарелых и инвалидов // Социологические исследования. 2021. № 2. С.104-112.
5. Мартыненко А.В. Методологические аспекты социальной работы в области охраны здоровья // Медико-социальная работа: теория, технологии, образование. М., 2021. С. 5-6.
6. Ситникова Я.И., Николаенко Э.А. Рынок социального обслуживания населения в условиях пандемии: новые практики и технологии // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 2. С. 110–123.
7. Эфендиев А. Г. Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 16-27.

УДК 316.4

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Е.Е. Немерюк, Г.В. Немерюк

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

В статье рассматривается уровень жизни населения как приоритетная стратегическая цель управления. Обращается внимание на то, что в связи с динамичным развитием общества назрела необходимость совершенно новых подходов к управлению его развитием, напрямую связанных с самим человеком и его удовлетворенностью своей жизнью.

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, благосостояние, доход, мигранты

STANDARD OF LIVING AS A PRIORITY STRATEGIC GOAL OF MANAGEMENT IN RUSSIA

E.E. Nemeryuk, G.V. Nemeryuk

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article considers the standard of living of the population as a priority strategic goal of management. Attention is drawn to the fact that due to the dynamic development of society, there is a need for completely new approaches to managing its development, directly related to the person himself and his satisfaction with his life.

Key words: standard of living, quality of life, welfare, income, migrants

Одним из значимых показателей социально-экономического развития государства является показатель уровня жизни населения, характеризующий состояние социальной сферы, отражающий структуру расходов и доходов населения и уровень инфляции в стране, определяющий состояние здоровья национальной экономики и благосостояние населения, выявляющий культурно-мировоззренческие позиции граждан, в связи с чем представляющий собой одну из приоритетных стратегических целей управления.

Российская действительность такова – свыше 80 % населения нашей страны, довольствуясь малым, живут в бедности, а то и влачат нищенское существование. Для нашей страны характерна резкая дифференциация по уровню доходов на бедных и богатых, сохраняющийся разрыв между которыми наблюдается длительное время – более десяти лет, и наличие такой тенденции: бедные становятся нищими, богатые еще богаче. В связи с тем, что мощным сдерживающим фактором как социально-экономического, так и политического развития государства выступает недостаточно высокий уровень жизни населения, поскольку в большей мере граждане страны определяют роль и позиции государства, о необходимости повышения уровня жизни населения неоднократно заявлял Президент России.

Актуальность исследования проблем государственного регулирования уровня жизни населения в нашей стране усиливается и тем фактом, что в связи с динамичным развитием общества назрела необходимость совершенно новых подходов к управлению его развитием, напрямую связанных с самим человеком и его удовлетворенностью своей жизнью.

В последнее время можно констатировать снижение реальных доходов среднестатистического россиянина, в связи с чем уезжая в роли трудовых мигрантов в страны дальнего зарубежья множество людей стало искать за границей возможность лучшей жизни. Также обращает на себя внимание и тот факт, что значительное влияние на уровень жизни и благосостояния граждан в российской действительности оказывают такие факторы как сокращение промышленного производства, падение цен на нефть, санкционная политика западных стран, а также инфляционные ожидания населения.

Крайняя необходимость исследования проблем государственного регулирования уровня жизни населения и путей их решения обусловлена тем, что государство исполняет функции защитника прав и интересов граждан, а также в целях повышения уровня и качества жизни населения способствует через под-

держку отечественных товаропроизводителей, создание условий для развития бизнеса и привлечение иностранных инвестиций, развитию экономики страны.

Уровень жизни населения, обусловленный такими факторами как экономические, социальные и географические, характеризующийся преобладанием сельского хозяйства или промышленности представляет собой многогранное понятие, подлежит оценке по различным критериям, среди которых следует отметить наличие работы и уровень её оплаты, уровень социальных выплат и доходов, доступность недвижимости и её стоимость. Степень духовной и финансовой удовлетворённости населения объёмом возможностей, услуг и товаров, используемым в данный период, а также степень обеспеченности граждан материальными благами как на федеральном, так и на региональном уровнях определяется показателем уровня жизни. Соотношение реального дохода к потребительской корзине выступает в качестве основы [1, с.23].

Такие нематериальные факторы как степень экологической безопасности проживания в конкретном регионе, степень моральной удовлетворённости жизнью, степень бюрократизации государственного аппарата в определённом регионе, состояние здоровья и психологический комфорт являются составляющими понятия качества жизни.

Обращает на себя внимание тот непреложный факт, что исследуемый уровень жизни зачастую неверно отождествляют с уровнем благосостояния, включающим в себя как материальные, так и духовные блага, и в связи с этим представляющее собой более пространное понятие. [2, с.37]

Организацией объединённых наций специально для того, чтобы оценить уровень благосостояния в определённом регионе или отдельно взятой стране в целом были разработаны и утверждены основные индикаторы, среди которых необходимо указать на такие как: потребляемый населением региона в частности и страны в целом объём продовольствия; уровень потребительских цен; оценка уровня средней продолжительности жизни населения, смертности и рождаемости; уровень образования; наличие культурных ценностей, памятников, музеев, старинной архитектуры, степень развития культуры; соотношение среднего уровня расходов и реального среднего дохода населения; положение с правами и свободами граждан; условия проживания, включающие в себя жильё, его доступность и стоимость; степень развитости транспортной инфраструктуры; культура гигиены у населения, а также санитарные условия проживания; состояние системы рекреации; условия труда, а также степень занятости трудоспособного населения. [3, с.53]

Следует отметить, что зачастую для экстренного анализа ситуации, несмотря на разносторонность оценки, экспертами применяется только несколько основных, выражающихся количественно в конкретных цифрах, параметров, а именно такие как средняя продолжительность жизни и реальный доход средне-статистического жителя. С целью более подробной детальной оценки осуществляется срез по различным слоям населения, идентифицируемый принадлежностью к определённой социальной группе, социальным положением, а также уровнем материальной обеспеченности.

Необходимо акцентировать внимание на то, что уровень жизни населения в России рекомендуется исследовать в таких двух аспектах как в сравнении с уровнем жизни населения в других странах, а также по уровню жизни в различных городах и регионах нашей страны, уровень благосостояния которых обуславливается развитой социальной сферой и сферой услуг, довольно-таки высоким уровнем оплаты труда, наличием высокотехнологичных производств, а также промышленным потенциалом [4].

Данные статистики свидетельствуют о том, что ежегодно примерно 3% населения в России осуществляет свой переезд на новое место жительства. Кажется бы, цифра небольшая. Однако, если учесть, что со сменой года состав переселенцев обновляется практически полностью, выходит, что за десяток лет более четверти россиян перебираются в другие места.

В 2020 году в Саратовской области немного ухудшилось качество жизни. Саратовский регион оказался в середине рейтинга. Соотношение общей площади жилого фонда в области и количество населения оказалось лучшим показателем (6 баллов из 7 возможных) среди тех, по которым аналитики мерили качество жизни региона. Климатические условия Саратовской области эксперты оценили в 5,5 баллов. Худшим показателем по качеству жизни стал показатель обеспеченности основными фондами социальной сферы (1,1), а также оборот розничной торговли на душу населения (1,8). Общий средний балл Саратовской области – 3,21 [5].

В городах России с населением более 250 тысяч человек за последние полгода 2020 года в рейтинге качества жизни Саратов также потерял свои позиции. Проведённое Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации исследование позволило на основании мнений жителей дать оценку качеству жизни в 75 крупных городах [6].

Специалисты консалтингового агентства FinExpertiza [7] проанализировали динамику доходов и расходов россиян в период пандемии. «Если сложить дополнительные доходы с сэкономленными средствами, то размер общей „коронавирусной надбавки“ в регионах доходит до 93,7 тысячи рублей», — сообщают аналитики.

В 2021 году прожиточный минимум в России установлен на уровне 11 653 рубля. Такое значение установлено на 12 месяцев, а не на четыре, как было ранее. По сравнению с показателем прошлого года прожиточный минимум вырос на 352 рубля (тогда он составлял 11 301 рубль) [8].

От социально-экономических показателей зависит уровень качества жизни и благосостояния населения. Такими показателями являются демография, экология, уровень доходов и занятости населения. Будучи старейшим нефтегазодобывающим регионом России, Саратовская область существенно отстает от других субъектов РФ, чья экономика зависит от добычи, переработки и экспорта природных ресурсов.

Все регионы нуждаются в мерах социальной поддержки граждан, особенно в это нелегкое для всех время. Ситуация, в которую попала страна в период

с марта 2020 года очень ярко говорит о тех переменах в жизни людей, к которым пришлось срочно подстраиваться, чтобы оставаться «на плаву».

XXI век – век высоких информационных технологий. Стремительно набирают обороты экосистемы. Крупнейшие банки России (Сбербанк, ВТБ), IT компании (Яндекс, Mail) становятся агрегаторами экосистем. Под их началом находятся не только их изначальные сферы деятельности (банкинг, электронные услуги, средства доставки), но и новые форматы – комбинация из множества услуг, которыми пользуются ежедневно.

Цифровизация Российского общества является динамичным процессом, затрагивающей с каждым днем все больше разнообразных сфер жизнедеятельности населения. Такие процессы объединяют всех жителей как региона, так и страны в единую сеть, взаимодействие лиц в которой становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Цифровые технологии позволяют гражданам получать государственные и муниципальные услуги из любой точки (портал «Госуслуги»), создаются государственные платежные системы («Мир»), органы государственного и муниципального управления становятся открытыми, большинство вопросов стало решаться за гораздо более короткий срок. Уровень развития цифровых технологий стал одним из определяющих факторов национальной экономики [9, с.23].

Цифровая экономика реализует современные цифровые инновации, создавая экосистему из экономических, социальных, культурных отношений, объединенных на благо социума. Преимуществом таких экосистем являются снижение стоимости услуг, быстрота их получения, рост производительности труда в смежных сферах, а также перспектива налогообложения цифровой сферы в будущем.

2020 год для Саратовской губернии вводит еще одно новое понятие «Саратовская агломерация». Как сказал губернатор Саратовской области В.В. Радаев в своем обращении к гражданам: «Агломерация - это объединение Саратова и муниципальных образований Саратовского района: Александровское, Багаевское, Красный текстильщик, т.е. 17 населенных пунктов, граничащих с областным центром на юге. Пока для местных жителей этих пунктов сохранятся привычные для них льготы. Данная программа помогает расширить территориальные границы и возможности, направлена на участие города в федеральных программах, получение гос. поддержки, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, улучшение социальной сферы, коммунального хозяйства, транспортной доступности, а значит решение важных вопросов для Саратовцев».

Фондом «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», фондом «Центр стратегических разработок», обществом с ограниченной ответственностью «Центр экономики инфраструктуры» и обществом с ограниченной ответственностью «МЛА+СПб» было проведено социологическое исследование в рамках разработки Стратегии пространственного и социально-экономического развития Саратовской агломерации до 2030 года по договору № Ф-17/75-20 от 22 мая 2020 г. [10]. В массовом опросе принял участие 3181 респондент, про-

живающие постоянно в городе Саратове, Саратовском, Энгельском и Татищевском районах.

Люди моложе 30 лет дали более высокие оценки территории агломерации, благоустройству, услугам, объектам социальной, развлекательной, образовательной инфраструктур везде, даже на тех территориях, где люди старше 40 лет давали низкие, критические оценки тем же показателям. То есть, получается, что в этих случаях удовлетворенность жителей доступным им уровнем жизни, определена не объективными, внешними обстоятельствами, а скорее социальными установками, свойственными возрасту или поколению. На первый взгляд, то, что молодое поколение более решительно настроено мигрировать из агломерации, противоречит тому, что они более высоко отзываются о территории. На самом деле, этот факт говорит о том, что уровень запросов со стороны молодого поколения высок, они хотят больше, чем хорошо, больше, чем достаточно для этого места. Они редко связывают персональное будущее с местом своего нынешнего проживания, а месту будущего проживания делегируют более высокий уровень комфорта, благоустройства. Образ персонального будущего у них воплощает мечты и надежды.

У жителей Саратовской агломерации довольно сильные миграционные настроения. Более половины респондентов хотели бы переехать, и лишь каждый четвертый предпочел бы остаться жить на своем месте. В отличие от жителей Энгельского и Саратовского районов и города Саратова, подавляющее большинство которых настроены на отъезд, респонденты из Татищевского района более привязаны к своему дому, но и здесь довольно высокий процент тех, кто хотел бы покинуть свой край.

Что же является движущей силой миграционных процессов? От чего же стремятся уйти и к чему прийти жители агломерации? Во-первых, от бедности к материальному достатку, во-вторых, от невыгодных условий занятости к более достойной работе. Не удовлетворены опрошенные и климатическими условиями, что актуализирует задачу изучать опыт успешно развивающихся агломераций в сходных природных ареалах. Кроме повышения достатка и возможности выгодного трудоустройства, респонденты всех районов, охваченных опросом, стремятся к более доступной и богатой культурной сфере, качественному здравоохранению и образованию.

Подавляющее большинство опрошенных (трое из пяти) не видят перспектив для своих детей там, где они сейчас проживают. Респонденты довольно скромно оценивают качество всех форм образования: дошкольного и школьного, дополнительного и профессионального. Доля положительных оценок ни по одной из форм образования не превысило 46%, а профессиональное образование среднего звена положительно характеризуется в ответах менее чем третьей части выборки. Отсутствие шансов дать детям хорошее образование наиболее остро ощущают жители Энгельского, Саратовского районов и г. Саратова, а жители Татищевского района настроены более позитивно.

Качество обучения ребенка – это настолько серьезный вопрос, что каждый второй из опрошенных родителей детей дошкольного возраста готов

уехать из Саратовской области в поисках лучшего образования для своих детей. При этом доля настроенных на переезд растет с повышением уровня образования и снижается с возрастом опрошенных. Высшее образование положительно оценивают менее половины респондентов. Состояние системы образования не удовлетворяет примерно 37% опрошенных во всех муниципалитетах, ее оценивают плохо и скорее плохо более половины опрошенных. Развитие образовательных услуг для детей школьного возраста, входит в число значимых запросов.

Представления об идеальном выходном дне и реальные практики расходятся по многим позициям. Возможно, высокая популярность ответов о проведении досуга дома объясняется изменением практик респондентов во время пандемии, но в большей степени данные указывают на высокую роль контекста семьи, дома в жизни респондентов. В то же время это наводит на мысль о дефиците досуговых предложений в агломерации для разных категорий населения. Межрайонные различия в представлениях о досуге и реальных практиках проведения свободного времени могут объясняться особенностями инфраструктуры поселений и экономическим укладом. Использование других исследовательских методов и типов данных поможет прояснить эти вопросы.

Основные проблемы места проживания, причины недовольства и беспокойства в представлениях респондентов отразились следующим образом. Первые позиции занимают проблемы, которые указал каждый второй респондент во всех возрастных группах на всех рассматриваемых территориях: перспективы для молодежи 53,20% и состояние рынка труда 49,44%. За место на этом «пьедестале» конкурируют еще две позиции, набравшие высокие оценки в разных возрастных группах: состояние системы здравоохранения отметили, как самое большое основание для беспокойства почти 60% респондентов старше 35 лет. В большей степени, чем здравоохранение, людей моложе 35 лет беспокоит экологическая ситуация (46%). Следующую группу высоко значимых проблем (их указали 35-40%) образуют коммунальное обслуживание, состояние системы образования, проявления коррупции [5].

Потребности, диктующие респондентам мысль о переезде, по результатам опроса можно объединить в три группы. К наиболее влиятельным, существенным, основным наши респонденты отнесли улучшение финансового благополучия и доступа к выбору работы, к смене климатической зоны (группа 1). Кроме этих трех наиболее общих позиций, существенную роль в миграционных установках играют потребности в улучшении доступа к ключевым сервисам – в сфере культуры, здравоохранения и образования (группа 2). При этом минимальное число опрошенных актуализировали для себя потребность в изменении структуры семьи, формировании новых личных отношений или сокращении географической дистанции с родными, возможно, большинство эту потребность уже реализовали (группа 3).

Запросы жителей агломерации в отношении жизни на рассматриваемой территории, по результатам опроса, касаются, в первую очередь, обеспечения перспектив для молодежи, формирования рынка труда с достойной заработной,

развития системы услуг в области здравоохранения. Эти запросы прослеживаются во всех разделах исследования, особенно четко в характеристике миграционных стратегий и оценке качества жилой среды. Вторую группу запросов составляет повышение качества коммунальных услуг и улучшение экологической ситуации. Объединение этих двух направлений в одну группу по количественным показателям является еще одним косвенным свидетельством того, что чистоту и благоустроенность, ухоженность территории жители ассоциируют с экологическим благополучием [10, с. 24].

Для получения максимальной пользы необходима единая стратегия развития всей территории агломерации. Вовлечение горожан, их мнения, идеи и предложения необходимы для выработки и принятия максимально эффективных проектных решений. Единая стратегия поможет сформировать видение развития таких городов как Саратов, Энгельс, Татищево и темпы развития Саратовской агломерации.

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что оценка уровня и качества жизни в регионах и городах России представляется крайне важной информацией. Анализ показал, что в разных частях страны уровень отдельных показателей отличается в несколько раз. В связи с чем возникает проблема, требующая принятия в ближайшем будущем решений российских региональных и федеральных властей. Значимое влияние на уровень и комфортность жизни в регионах оказывают исключительно местные факторы, большая часть из которых должна нивелироваться общегосударственными программами развития.

Список литературы

1. Будко, Е.Н. Уровень и качество жизни населения [Текст]: монография / Е.Н. Будко. – М.: ОнтоПринт, 2016.
2. Аргунова, В.Н. Качество жизни населения региона: социологический анализ [Текст] / В.Н. Аргунова, Е.В. Панкратова; М-во образования и науки Российской Федерации, Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010.
3. Вечканов, Г.С. Качество жизни населения как признак состояния общества [Текст]: монография / Г.С. Вечканов. Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2012.
4. Уровень жизни в России в 2018 году: где и кому лучше всего жить [Электронный ресурс]. URL: <https://emigrant.guru/potom/uroven-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения 22.02.2019).
5. Министерство труда и социальной защиты Саратовской области [Сайт]. URL: <http://саратов.рф/gov/auth/minsoc/> (дата обращения 15.09.2021)
6. Правительство России [Сайт]. URL: <http://government.ru/news/41634/> (дата обращения 23.12.2021).
7. Рейтинги FinExpertiza [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/> (дата обращения 19.10.2021).
8. Минтруда и социальной защиты РФ [Сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения 17.01.2022).
9. Цифровое будущее государственного управления по результатам [Текст] / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. - Москва: Дело, 2019.
10. Отчёт о выполнении работ и оказании услуг по разработке Стратегии пространственного и социально-экономического развития Саратовской агломерации до 2030 года по договору N Ф-17/75-20 от 22 мая 2020 г. Саратов, 2020. – 74 с.

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГРАЖДАН КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

Т.А. Саттаров

Государственное бюджетное учреждение «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», Казань

В статье рассматривается термин «качество жизни» как одно из основных компонентов социальной политики органов государственной власти, также приведена их взаимообусловленность. Также рассмотрены основные подходы изучения качества жизни населения, а также описываются его основные показатели.

Ключевые слова: качество жизни, социальная политика, социально-экономическое положение, органы государственной власти, индивиды, общество, здоровье

**QUALITY OF LIFE OF PEOPLE AS A PRIORITY DIRECTION OF THE SOCIAL
POLICY OF THE STATE**

T.A. Sattarov

*Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan*

The article considers the term "quality of life" as one of the main components of the social policy of public authorities, and also shows their interdependence. The main approaches to studying the quality of life of the population are also considered, as well as its main indicators are described.

Key words: quality of life, social policy, socio-economic situation, public authorities, individuals, society, health

Основопологающим условием, которое влияет на социум и обуславливает защиту интересов индивида, общественных групп и слоев, а также их прав и свобод. Социальная политика включает в себя деятельность органов государственной власти и других политических институтов, направленная на управление социальной сферой и ее жизнедеятельностью.

В реальности под социальной политикой подразумевается комплекс определенных мероприятий, которые ориентированы на достойную жизнь граждан. Принято выделять различного рода социальную политику в зависимости от того, кто ее реализует (например, государственная, региональная, муниципальная и т.д.). Субъектами социальной политики выступают органы государственной власти (исполнительная и законодательная ветвь власти), владельцы предприятий, профсоюзы, некоммерческие и общественные организации [5].

Одним из индикаторов эффективности социальной политики является качество жизни, которое является сложным явлением, включающим в себя ряд элементов, а именно физиологические, социальные и духовные потребности индивида.

Впервые понятие «качество жизни» встречается в труде «Общество изобилия» американского исследователя в области экономики Дж. Гэлбрейта в 1960 году. Зарубежные исследователи в оценку условий качества жизни населения включают в себя такие факторы, как стабильность в социальной, экономической и политической сферах, свобода выбора, защита интересов прав и свобод граждан, защищенность и стабильность. Важно отметить, что такое яв-

ление как «качество жизни» включает в себя не только материальные индикаторы, но и другие показатели, позволяющие дать оценку качеству жизни населения [1].

Точкой отсчета применения термина «качество жизни» в нашей стране стали социально-экономические и политические реформы, проводимые в России в 1980-1990-х годах. Отечественные исследователи Ю. В. Зубрилина и Н.С. Маликова считают, что повышенный интерес к проблеме качества жизни свидетельствует о том, что отечественное общество в большей степени озабочено не столько внешнеполитическими проблемами, сколько социальными проблемами внутри страны.

Отечественные исследователи Т.Ф. Матвеева и О.В. Глушакова придерживаются мнения, что качество жизни представляет собой степень удовлетворения потребностей индивидов. Потребности есть нужда или недостаток в чем-либо для поддержания функционирования организма, личности и в целом общества.

Другой подход в исследовании качества жизни ставит в центр ценности человека, которые выступают фундаментальным понятием, позволяющим дать оценку удовлетворенности индивида жизнью. В рамках данного подхода исследователи подразумевают под ценностями определенные установки индивида, которые дают возможность делать суждения об уровне удовлетворения их потребностей.

Различные социологические исследования свидетельствуют, что качество жизни есть отражение последствий социальной политики. Отсутствие системного подхода осуществления социальной политики в разрезе качества жизни населения приводит к снижению как самого качества жизни, так и результативности управления. Также здесь важно отметить, что без проведения непосредственно самой социальной политики наблюдается спад и в качестве жизни. В нашей стране повышение качества жизни населения является одной из самых важных задач социальной политики государства, на реализацию которой ориентирование всей системы государственного управления [3].

Исследователи при выделении качества жизни обозначают два вида индикаторов – объективные и субъективные. Объективные факторы включают в себя природные и социальные показатели, а субъективные включают когнитивные и эмоциональные показатели [2]. Одним из значимых элементов качества жизни является здоровье населения, состояние которого оценивается по определенным показателям, большая часть которых относится к характеристике структуры и уровня заболеваемости.

Высокий уровень социальной политики государства позволяет создавать в регионах и городах эффективные структуры оздоровления, на регулярной основе проводить профилактические мероприятия. Значимое влияние на это также оказывает городская среда, благоприятная для здоровья населения, то есть, по сути, инфраструктура оказывает прямое влияние на качество жизни населения. Также органам государственной власти необходимо оказывать поддержку образовательным, культурным, медицинским, научным учреждениям, которые

безусловно позволяют повысить качество жизни населения в том или ином регионе или стране.

Духовность и образованность являются также важнейшими компонентами качества жизни. В этом случае социальная работа со стороны органов государственной власти является необходимой, ввиду того что мы ежегодно нуждаемся в качественной информационной среде, создаваемой социальными институтами: культурными, образовательными и научными учреждениями.

Таким образом, мы видим, что понятие «качество жизни» является многоаспектным явлением, которое включает в себя множество общественных компонентов (материальные, духовные, физиологические и т.д.). Удовлетворение вышеперечисленных компонентов влияет на состояние качества жизни индивида и общества, а его повышение есть социальной политики государства. Качество жизни населения является наиболее ярким индикатором социальной политики. Так, социальная политика включает в себя решение вопросов экономики, безработицы, образования, медицины, культурного просвещения. Чем лучше будет исполняться социальная политика государства, тем выше будет качество жизни населения, а в следствии будет повышаться экономический уровень государства [4].

Список литературы

1. *Гаврилова И.А., Макаров А.Д.* Качество жизни населения: Стратегия повышения, государственное урегулирование // *Фундаментальные исследования*. – 2017. – №4-1. – С. 133-137.
2. *Мироедов А.А.* Качество жизни в статистических показателях социально- экономического развития / А.А. Мироедов. - М.: Вопросы статистики, 2008. С. 125.
3. *Смирнова С.Н.* Социальная политика / С.Н. Смирнова, Т.Ю. Сидорина. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.- 216 с.
4. *Шамсемухаметова Э.И.* Уровень жизни и качество жизни как основные индикаторы социальной политики Российского государства/ Э.И. Шамсемухаметова, Э.Ф. Алимова, // *Вестник Казанского технологического университета*. Серия 4. Социология. - 2010. - №3. – С. 195 – 201.
5. *Хайруллина Ю.Р., Саттаров Т.А.* Состояние социального предпринимательства в России: опыт, мнения, оценки / Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций. Двадцать четвертые Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 ч. / под общей редакцией профессора В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2021. – Ч. 2. – 192 с.- С. 34-37.

УДК 316.344.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОСТПЕНСИОННЫЙ ПЕРИОД: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Тимофеева, М.Э. Елютина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

Статья посвящена анализу основных направлений исследования профессионально-трудовой деятельности в постпенсионный период. Особое внимание авторы уделяют различным рискам, которые влечет за собой выход на пенсию.

Ключевые слова: профессионально-трудовая деятельность, работающие пенсионеры, риски выхода на пенсию, социология старения

PROFESSIONAL AND LABOR ACTIVITY AFTER RETIREMENT: DIRECTIONS OF RESEARCH

A.A. Timofeeva, M.E. Elyutina

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article is devoted to the analysis of the main directions of the study of professional and labor activity after retirement. The authors pay special attention to the various risks that retirement entails.

Key words: professional and labor activity, working after retirement, post-retirement risks, sociology of aging

Профессионально-трудовая деятельность – многогранное явление, рассматриваемое в исследовательском поле различных наук. В области социологии, психологии и экономики делается акцент на содержательных характеристиках профессионально-трудовой деятельности: трудовом доходе; субъективном образе «хорошей работы»; преобразовании себя и реальности вокруг; наличии специальных знаний и подготовки; причастности к конкретной профессиональной группе; степени престижности различных профессий. С социологической точки зрения деятельность понимается как форма социальной активности, как «способность действовать сознательно, не только приспособляясь к внешней среде, но и целенаправленно изменяя ее» [1, с. 176]. Профессионально-трудовая деятельность – это форма социальной активности индивида, направленная на его включение в трудовые отношения, обеспечение финансовой независимости и удовлетворение личных и общественных потребностей, зачастую требующая специальных профессиональных знаний и навыков. Основными трендами современной профессионально – трудовой деятельности являются способность к обучению в течение всей жизни и умение строить гибкую профессиональную траекторию.

На степень участия индивида в трудовых отношениях непосредственное влияние оказывают его социально-демографические характеристики (в том числе возраст), поскольку они соотносятся с социальными ролями вне сферы труда и являются значимым критерием в формировании общественных и законодательных установок в отношении положения на рынке труда различных социальных групп. В настоящее время, когда в мире наблюдается тенденция постарения общества, актуализируется вопрос повышения статуса пожилого человека и раскрытие его трудового потенциала в качестве резерва социально-экономического развития.

В научном дискурсе изучением профессионально-трудовой деятельности в постпенсионный период занимаются многие социальные науки. Речь идет не просто о наличии разнообразных подходов к сложному и неоднозначному объекту, а, прежде всего, о стремлении изучать его во всем многообразии и с учетом различных исследовательских перспектив. В социологическом дискурсе можно выделить следующие направления исследований данного феномена.

- Социокультурный анализ, фокусирующий исследовательский интерес на социокультурных особенностях отношения к профессионально-трудовой деятельности в постпенсионный период. Тенденция к постарению общества – со-

циальный феномен, не имеющий аналогов в прошлом. Серьезным барьером к участию пенсионеров в трудовых отношениях являются представления об имидже пожилого человека, сконструированные на основе негативных геронтостереотипов. Значительное влияние на конструирование образа старости оказала ее медиализация - отождествление старости с потерей трудоспособности, постоянными болезнями, приближающейся смертью. Негативная стереотипизация пожилых людей является одной из основных причин дискриминации по возрасту (эйджизма). Автор термина «эйджизм» Р. Батлер описал его как комплексное понятие, состоящие из взаимосвязанных между собой элементов: негативных стереотипов о старении; дискриминационных практик в отношении пожилых людей, как в межличностном взаимодействии, так и на уровне функционирования различных социальных институтов [9, с. 244]. По мнению Н.В. Овсянниковой, помимо геронтологического эйджизма, стереотипы порождают геронтофобию. Она проявляется в виде страха старости и неминуемой смерти, который становится проекцией на пожилых людей и способствует формированию пренебрежения по отношению к ним [5, с. 53].

Исследуя отношение руководителей предприятий разных форм собственности к работникам пожилого возраста, М.Э. Елютина и Т.В. Смирнова пришли к важным выводам. Во-первых, все руководители, независимо от придерживаемой стратегии, считают возраст важным критерием в решении вопросов, касающихся заключения трудового контракта, увольнения, поощрений. Во-вторых, масштабы дискриминации усугубляет ещё тот факт, что нередко к пожилым сотрудникам относят людей среднего возраста (от 45 лет). Большинство руководителей имеют стереотипизированные представления о старении и предпочли бы работать с молодыми людьми. В сегментах экономики, для которых характерен низкоквалифицированный или низкооплачиваемый труд, пожилых сотрудников могут не отстранять от работы лишь по той причине, что не удаётся привлечь представителей более молодого возраста [2, с. 47].

- Профессионально-трудовая деятельность пенсионеров по возрасту как компонент активного/успешного старения. В социальной геронтологии концепция успешного старения является одной из самых известных и широко используемых. Во второй половине прошлого века Р. Хэвигхёрст сформулировал её на основе синтеза двух других социогеронтологических теорий: теории социальной активности, разработанной им ранее, и теории разобщения, авторства Э. Камминг и У. Генри [10, с. 11]. Несмотря на полярность ключевых моментов, обе теории испытали сильное влияние структурного функционализма (Р. Мертон, Т. Парсонс). В рамках структурного функционализма общество представляется в виде системы, а её составляющие выступают в роли определённых функций, которые осуществляют поддержку всей системы. В частности, каждый индивид должен вести себя определённым образом, чтобы социальный порядок не был нарушен. Так, представители теории социальной активности считали, что гарантом «правильного» старения является сохранение пожилым человеком прежнего уровня активности и замена утраченных после выхода на пенсию связей новыми. Авторы теории социального разобщения имели совер-

шенно противоположную точку зрения. По мнению Э. Камминг и У. Генри, в постпенсионный период «естественным» представляется сценарий, основанный на постепенном отчуждении пожилого индивида от социума, вплоть до самой его смерти. Исследователи полагали, что наполненность повседневности различными занятиями и социальными связями не является универсальным критерием счастливой жизни, в то время как те, кто предпочитают менее активный образ жизни, необязательно чувствуют себя несчастными. При разработке концепции успешного старения Р. Хэвигхёрст учитывал возможность успешности обеих теорий, при условии, что человек удовлетворён своим положением и сохраняет это состояние в пожилом и более старшем возрасте. Дискурс активного старения получил большое распространение, как в рамках научной риторики, так, впоследствии, и в виде центрального компонента некоторых программ социальной политики в отношении пожилых людей.

- Исследования профессионально-трудовой деятельности в контексте сравнительного анализа социального портрета работающих и неработающих пенсионеров. При исследовании специфики пролонгирования или прекращения трудовой деятельности некоторые авторы делают акцент на социально-демографических характеристиках пенсионеров. С.Д. Капелюк и Е.В. Погребняк предприняли попытку описать социальный портрет пенсионера, продолжающего трудовую деятельность. По результатам исследования, были выделены следующие характеристики: наличие среднего специального или высшего образования; проживание в городе или областном центре; наличие зарегистрированных отношений, при этом наличие или отсутствие детей не является значительным [3, с. 63]. Авторы отметили, что у занятости в постпенсионный период, как правило, «женское» лицо, что можно объяснить спецификой демографического старения в России, заключающийся в низкой рождаемости и высокой смертности, преимущественно, населения мужского пола в трудоспособном возрасте.

Т.В. Смирнова указывает на то, что пенсионеры, продолжающие работать, в большей степени обеспокоены не востребованностью в будущем, в то время как оставившие работу – состоянием здоровья и низким уровнем жизни [6, с. 130]. Оказалось, что наличие занятости положительно воздействует как на личное понимание индивидом своей старости, так и на его отношение к сверстникам. Неработающие пенсионеры склонны чаще представлять старость как период «дожития» и отзываться о других пожилых людях в соответствии с различными негативными геронтологическим стереотипами.

Были отмечены проблемы, с которыми неработающие пенсионеры сталкиваются чаще: рост риска смерти после выхода на пенсию; снижение когнитивных функций; рост употребления алкоголя [7, с. 179]. Концепция рисков «пассивной старости» свидетельствует о том, что при нормальном течении геронтогенеза и сохранении активности, человек способен оставаться продуктивным и продолжать профессионально-трудовую деятельность. Так, В.В. Фролькис, изучая механизмы старения, пришёл к заключению, что наравне с разрушительными процессами в человеческом организме действуют другие, полу-

чившие название «витаукт» [8]. Цель механизмов витаукта заключается в стабилизации жизнеспособности, замедлении темпов старения и поддержке адаптивных возможностей, длительность которых и определяет продолжительность жизни. Исследование Н.Н. Коноплева и Л.С. Коноплевой компонентов психологического здоровья у работающих и неработающих пенсионеров показало, что у пожилых людей, прекративших трудовую деятельность, снижены навыки противостояния стрессовым нагрузкам и чаще возникает чувство скованности в преодолении жизненных ситуаций [4, с. 120]. Эти факторы оказывают негативное влияние на психологическое здоровье в пожилом возрасте. Трудовая активность напротив коррелирует с жизнестойкостью и сохранением психологического здоровья личности.

- Исследование мотивации к продолжению профессионально-трудовой деятельности. В качестве наиболее распространённых причин, побуждающих пожилых людей пролонгировать профессионально-трудовую деятельность, отмечают следующие: 1). Мотив получения дохода. Низкий уровень пенсионного обеспечения вызывает чувство безысходности и незащищённости, детерминирует потребность поиска большего дохода. Отсутствие накоплений и невозможность трудоустроиться приводят к тому, что адаптация к постоянной нехватке ресурсов у пенсионеров по возрасту сопровождается схлопыванием практик потребления для минимизации затрат, в том числе, и на товары, необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности. 2). Неэкономические мотивы: субъективный контроль над собственной жизнью, удовлетворенность трудом, сохранение интегрированности в структуру карьер в сегменте с высоким уровнем квалификации.

В качестве выводов отметим следующие моменты. Во-первых, выход на пенсию влечет за собой определённые риски, касающиеся физического, психологического здоровья и социального благополучия пожилых людей. Во-вторых, низкий уровень пенсионного обеспечения обуславливает тяжёлое материальное и эмоциональное положение многих пенсионеров. В-третьих, помимо проблемы малообеспеченности, старшее поколение сталкивается с прессингом негативных культурных стереотипов, формирующих образ старости как «период дожития», что является причиной дискриминации в отношении пожилых людей на рынке труда. Приоритетным направлением, с нашей точки зрения, становится изучение реакций пожилых работников на новые условия занятости, на нетипичные трудовые контракты и траектории, на цифровизацию рабочих процессов.

Список литературы

1. *Водзинская В.В.* Активность личности в сфере досуга. М., 1976. 278 с.
2. *Елютина М.Э., Смирнова Т.В.* Геронтологическая составляющая кадровой работы современного руководителя // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 40-48.
3. *Капелюк С.Д., Погребняк Е.В.* Пенсионеры, продолжающие и прекращающие трудовую деятельность: кто они? // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2018. № 2(24). С. 58-64.

4. Коноплев Н.Н., Коноплева Л.С. Различия компонентов психологического здоровья у работающих и неработающих пенсионеров // Мир педагогики и психологии. 2017. № 4(9). С. 107-122.
5. Овсянникова Н.В. Феномен старости в традиционной и современной культуре // Научный список. 2011. №2. С. 52-54.
6. Смирнова Т.В. Работа в пенсионном возрасте: мотивы, факторы влияния, результаты // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 2. С. 128-131.
7. Третьякова Е.А., Хасанова Р.Р. Влияние выхода на пенсию на состояние здоровья пожилых: обзор зарубежных исследований // Вестник НГУЭУ. 2018. №1. С. 168-185.
8. Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни // Электронная библиотека RoyalLib.com [Сайт]. URL: https://royallib.com/read/frolkis_vladimir/starenie_i_uvelichenie_prodogitelnosti_gizni.html#86834 (дата обращения: 14.12.21).
9. Butler R.N. Age-ism: Another form of bigotry // The Gerontologist. 1969. Vol. 9. P. 243–246
10. Havighurst R.J. Successful Aging // The Gerontologist. 1961. Vol. 1. P. 8-13

УДК 316.74:2

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБРАЩЕНИЕ В ПРАВОСЛАВИЕ»

Е.И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье освещается степень изученности проблемы обращения в православие в современной российской социологии. Рассматривается вопрос соотношения понятий «обращение в православие» и «воцерковление». Анализируются исследовательские позиции Л.П. Ипатовой и О.В. Тупахиной в интерпретации понятий «обращение в православие» и «воцерковление».

Ключевые слова: обращение в православие, воцерковление, социализация в православной культуре, практикующий верующий

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF "CONVERSION TO ORTHODOXY"

E.I. Ufimceva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article highlights the degree of study of the problem of conversion to Orthodoxy in modern Russian sociology. The question of the relationship between the concepts of "conversion to Orthodoxy" and "churching" is considered. The research positions of L.P. Ipatova and O.V. Tupakhina in the interpretation of the concepts of "conversion to Orthodoxy" and "churching" are analyzed.

Key words: conversion to Orthodoxy, church formation, socialization in Orthodox culture, practicing believer

В современном российском научном дискурсе феномен религиозного обращения (конверсии) является объектом междисциплинарного изучения. Наиболее активно проблема обращения исследуется в социологическом аспекте. Большая часть современных российских социологических исследований процесса обращения осуществляется на эмпирическом материале обращения в новые религиозные движения. Социологические исследования обращения в православие пока малочисленны и представлены работами Л.П. Ипатовой [5],

С.В. Рязановой [6], О.В. Тупахиной [8]. Диссертационное исследование Л. П. Ипатовой является первым и пока единственным в ряду российских диссертационных социологических исследований, посвящённых изучению процесса обращения в православие современных россиян. Методологически близкими исследованиями выступают исследования М.С. Алексеевой [1], Л.П. Ипатовой [4], Ю.Ю. Синелиной [7], В.Ф. Чесноковой [10], а также автора данной статьи [9], посвященные изучению процесса воцерковления современных православных россиян.

Следует заметить, что указанные исследователи для описания феномена обращения современных россиян в православие применяют различные термины: «обращение», «обращение в православие», «религиозное обращение», «конверсия», «религиозная конверсия», «воцерковление», «религиозный выбор», рассматривая их преимущественно как синонимы и отдавая предпочтение либо понятию «религиозное обращение» (Л.П. Ипатова, С.В. Рязанова), либо понятию «обращение» (О.В. Тупахина, В.Ф. Чеснокова). При этом авторское определение данного феномена встречается только в диссертационной работе Л.П. Ипатовой [5], первой и пока единственной в ряду российских диссертационных социологических исследований, посвящённых изучению процесса обращения в православие современных россиян.

Осуществляя анализ понятия «обращение», Л.П. Ипатова выделяет несколько ракурсов, можно сказать, уровней обозначения и описания этого феномена. Прежде всего, она указывает на объективный (предметный) смысл обращения, понимая под ним процесс принятия новой для индивида социальной (религиозной) идентичности, сопровождающийся изменением его образа жизни благодаря привнесению в сферу его повседневности религиозных практик [5, с. 6]. Второй уровень интерпретации феномена обращения Л.П. Ипатовой представлен субъективным смыслом, определяющим его как индивидуальную стратегию социальной адаптации и социального самоосуществления личности, реализуемых в рамках индивидуального биографического проекта. Так как, по мнению исследователя, понимание обращения как социальной стратегии от различных затруднений на индивидуальном жизненном пути поддерживается и воспроизводится социально, то возникает третий – социальный – уровень интерпретации этого процесса. В рамках него обращение представляет собой готовность субъекта разделить существующий в культуре смысл христианской веры и принять идентичность, ожидаемую и конструируемую со стороны Другого, а также репрезентацию субъектом своей изменившейся социальной идентичности перед «лицом» Другого, как вид социального действия, ориентированный на социальное распознавание. Сам многоуровневый подход к определению обращения, характеризующий исследование Л.П. Ипатовой, нам представляется перспективным, так как указывает на многоуровневость как базовый принцип самого процесса обращения.

Следует заметить, что в ранних работах Л.П. Ипатовой встречается понимание обращения как одного из этапов «пути воцерковления» православных верующих. «Путь воцерковления» рассматривался исследователем как последовательность нескольких основных этапов: 1) постепенное вызревание такой

жизненной ситуации, которая приводит человека к вере и к Церкви; 2) обращение; 3) социализация (адаптация) в православно сообществе; 4) духовный рост в качестве члена Церкви [4, с. 154]. В последующих работах Л.П. Ипатовой стала рассматривать воцерковление как один из этапов процесса обращения, включающего: 1) постепенное вызревание такой жизненной ситуации, которая порождает в человеке потребность обращения к вере; 2) момент обретения веры; 3) решение (осознание желания) стать (практикующим) верующим РПЦ; 4) процесс социализации в религиозной (православной) культуре через освоение её ценностей, норм и практик поведения; 5) воцерковлённость, свидетельствующая о законченности процесса обращения [3, 96].

В рамках этой структуры процесса обращения воцерковление рассматривается как освоение корпуса религиозных практик [4, с. 154], как процесс социализации в православной культуре. Воцерковлённость, по мнению Л.П. Ипатовой, имеет социальный и духовный аспекты. Социальное выражение воцерковлённости заключается в включении в повседневность православных верующих, принадлежащих к РПЦ МП, религиозных практик (молитвы, поста, регулярное участие в богослужении и таинствах и т.д.), обязательных для верующего с точки зрения православного вероучения, а также принадлежность к конкретному церковному приходу. При этом исследователь уточняет, что исполнение нормативных религиозных практик не может быть использовано в качестве надёжного критерия воцерковлённости в духовном смысле, так как духовная воцерковлённость предполагает соответствие морали человека, его образа мыслей и действий православным идеалам.

С ранним пониманием феномена обращения Л.П. Ипатовой как одного из этапов духовного пути православного верующего сходно понимание обращения у О.В. Тупахиной, чьи работы посвящены проблеме нарративизации православными россиянами своего религиозного опыта (конструирования религиозной биографии) и, в значительной степени связаны с проблемой их обращения в православие. О.В. Тупахина склонна рассматривать обращение как структурный элемент религиозной истории верующего, включающей в качестве обязательных элементов: 1) обращение, 2) крещение, 3) воцерковление [8, с. 191].

Что касается того, как определяет О.В. Тупахина понятие обращения, то здесь следует констатировать неоднозначность, и, с нашей точки зрения, размытость данного ею значения этому понятию. Во-первых, О.В. Тупахина указывает, что синонимами «обращения» выступают «конверсация», «конверсия», «обретение веры». Действительно, перечисленные термины используются исследователями для описания феномена обращения. Однако значение этих терминов у разных исследователей могут быть совершенно разными. Поэтому утверждать однозначную синонимичность этих понятий, с нашей точки зрения, не верно. Во-вторых, О.В. Тупахина, с одной стороны, отмечает, что обращение связано с изменением мировоззрения, а с другой стороны, апеллирует к определению Л.П. Ипатовой, раскрывающему обращение как «принятие новой для индивида социальной (религиозной) идентичности, сопровождающееся изменением его жизни, а именно — привнесением в сферу его повседневности рели-

гиозных практик» [8, с. 192]. В-третьих, О.В. Тупахина подчёркивает, что под обращением (как и под крещением) следует понимать некое конкретное хронологическое событие в религиозной биографии верующего, противопоставляя его событийности процессуальности воцерковления. В результате суммирования описанных О.В. Тупахиной характеристик обращения, остаётся не ясным, какое конкретное событие в религиозной биографии православного верующего подразумевает исследователь под обращением, которое бы с одной стороны характеризовалось изменением мировоззрения верующего, с другой стороны - сопровождалось бы привнесением в сферу повседневности религиозных практик, с третьей стороны – характеризовалось изменением жизни человека.

Несмотря на указанную размытость определения обращения, имеющегося в работах О.В. Тупахиной, следует также отметить важные, с нашей точки зрения, теоретические положения, сформулированные ею. Во-первых, О.В. Тупахина включает в качестве значимого этапа религиозной биографии православного верующего практику крещения. Нельзя не согласиться с исследователем, что крещение, являясь событием личной истории, связано с изменением идентичности – обретением нового социального статуса. Человек становится членом Церкви и приобретает возможность называться православным христианином. По мнению исследователя, крещение является опорной точкой религиозной биографии.

Второе значимое, с нашей точки зрения, теоретическое положение, сделанное О.В. Тупахиной, заключается в том, что она предложила рассматривать обращение, крещение, воцерковление не как последовательные этапы религиозного пути, а как его структурные элементы, порядок которых может меняться в контексте личной биографии и определять различные типы религиозного жизненного мира. Как указывает исследователь, каждая религиозная биография православного верующего содержит, по крайней мере, один из этих элементов. Если в религиозной биографии присутствуют все элементы, то, как отмечает О.В. Тупахина, они могут быть представлены в различной комбинации (хронологической последовательности).

В качестве распространённых в российском контексте религиозных биографий комбинаций исследователь называет те, в которых хронологически на первом месте стоит крещение (крещение /обращение / воцерковление или крещение/воцерковление/обращение). При этом О.В. Тупахина указывает, что в случае, когда крещение является первым пунктом религиозной биографии, на практике оно может остаться единственным её элементом или крещёный человек может еще долго оставаться номинальным членом Церкви (до своего обращения), и только с началом воцерковления, (приобщения к церковным практикам) он становится фактическим членом Церкви и приобретает специфическую идентичность («церковного человека», «практикующего православного»). Ситуацию, когда крещёный человек долго остаётся номинальным членом церкви, О.В. Тупахина называет ситуацией «отложенного воцерковления». Иные комбинации структурных элементов религиозной биографии исследователь не рассматривает, возможно, вследствие того, что они не вошли в её исследователь-

ское поле.

Можно предположить, что в современных условиях постатеистического, секулярного, характеризующегося ревитализацией религии и религиозным плюрализмом российского общества, современная практика обращения в Русскую Православную Церковь будет также содержать различные комбинации его структурных элементов.

Описывая структуру религиозной биографии и возможные её комбинации, О.В. Тупахина указывает, что они характерны для религиозной биографии представителей всех христианских конфессий. Однако с такой точкой зрения мы можем согласиться лишь отчасти. Во-первых, во всех христианских конфессиях практики крещения отличаются как формой, так и богословским содержанием. Во-вторых, ещё У. Джеймс в своей общеизвестной работе «Многообразии религиозного опыта» обратил внимание на то, что взгляды методистов на феномен «обращения» значительно отличаются от представлений о нём представителей других протестантских деноминаций или католицизма [2]. Так, методистам присуще именовать «обращением» некий опыт экстатических переживаний «чудесного схождения Святого Духа», которым предшествует глубокий душевный кризис (отчаяние), а последуют эмоциональные переживания душевного освобождения и радости. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что для православной традиции такое понимание «обращения» не характерно.

Таким образом, как показал анализ исследовательских позиций Л.П. Ипатовой и О.В. Тупахиной в интерпретации понятий «обращение в православие» и «воцерковление», определение содержательных значений указанных феноменов требует дополнительной проработки.

Список литературы

1. *Алексеева М.С.* Воцерковлённость как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. №9. С. 97-102.
2. *Джеймс У.* Многообразии религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович, М. В. Шик; под ред. С. В. Лурье. М., 2017. 415 с.
3. *Ипатов Л.П.* Теории религиозного обращения // Религиоведение. 2006. № 4. С. 88–101.
4. *Ипатов Л.П.* Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Мещеркина Е.Ю. М.: Невский Простор. 2004. С. 153-189.
5. *Ипатов Л.П.* Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России: дисс.канд.социол.наук: 22.00.06. М., 2006. 178 с.
6. *Рязанова С.В.* Выбор православия в условиях мировоззренческого плюрализма (Пермский край) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 76. С. 130–144.
7. *Синелина Ю.Ю.* Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89-97.
8. *Тупахина О.В.* Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. №1. С. 185-197.
9. *Уфимцева Е.И.* Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социологические исследования. №1. 2013. С.127-134.
10. *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

**ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПРЕДМЕТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

В.Л. Шабанов

Институт аграрных проблем ФИЦ «Саратовский научный центр РАН», Саратов

Потребление интерпретируется с социологических позиций – как стремление сконструировать определенный образ жизни, соответствующий современным представлениям: используя определенные потребительские практики-символы, индивиды включаются в сложившуюся систему общественных и групповых норм, правил и ценностей.

Ключевые слова: потребительское поведение, демонстративное потребление, потребительские блага, расходы, домохозяйство, сельское и городское население

**CONSUMPTION AS AN ELEMENT OF EVERYDAY LIFE AND THE SUBJECT
OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

V.L. Shabanov

Institute of agrarian problems of the FRC "Saratov Research center of the RAS", Saratov

From sociological positions, consumption is interpreted as a desire to form a certain way of life that corresponds to modern ideas: using certain consumer practices-symbols, individuals are included in the established system of social and group norms, rules and values.

Key words: consumer behavior, conspicuous consumption, consumer goods, expenses, household, rural and urban population

Социологический анализ потребления – одно из направлений современных исследований повседневности. Потребление в нём рассматривается как повседневная практика, нацеленная на обеспечение потребностей и демонстрацию статуса, и связывается с социальной коммуникацией, с маркированием значимых черт в образе жизни, с выделением групп в системе социальной иерархии. Согласно Т. Веблену, потребительское поведение индивидов преследует демонстративную цель: обладатели более низкого статуса посредством определенных потребительских практик стремятся подражать тем, кто занимает более высокие статусные позиции. Однако вебленовский акцент на «праздности» и «роскоши», и на выстраивании линейной статусной вертикали сужает интерпретацию потребления: сформулированный Т. Вебленом в конце XIX в. подход был впоследствии уточнен и расширен [1]. В настоящее время большее внимание уделяется личному выбору индивида и социальным правилам: потребление рассматривается не только как механизм выстраивания статусных различий, но и как ключевая характеристика образа жизни, который конструируется индивидом с учетом собственных мотивов и под влиянием социальной среды [2; 3; 4]. Цель индивида – с помощью определенных потребительских практик включиться в сложившуюся систему норм, правил и ценностей, ставших общепринятыми в обществе в целом и в конкретной социальной среде, к которой индивид принадлежит или стремится принадлежать.

Мотивация потребительского поведения может изучаться не только посредством опросных и качественных методов, но и на основе количественного анализа объективной статистики. Так, выявление некоторых особенностей в структуре расходов, противоречащих обыденно-рациональным представлени-

ям, служит подтверждением отмеченного выше целеполагания. В частности, такие представления касаются потребления «необязательных» благ: их доля в структуре расходов должна снижаться ускоренным темпом по мере снижения доходов домохозяйства, однако, если происходит иначе, то это означает выраженный символический характер этих благ и появление неэкономической мотивации их потребления.

В экономической статистике потребительские блага группируются в обобщенные категории «продукты питания», «непродовольственные товары», «услуги» и др. Анализ бюджетов домашних хозяйств подтверждает известную из микроэкономики закономерность о том, что расходы на питание низкоэластичны по общим расходам домохозяйства – потребность в питании удовлетворяется людьми наиболее полно во всех группах населения и слабо зависит от уровня их общих потребительских расходов. Низкоэластичными также являются расходы на жилищно-коммунальные услуги – обязательный вид платежей, тяжесть которых для домохозяйства обратно связана с его благосостоянием. Расходы на мебель, домашнее оборудование и, особенно, транспортные средства высокоэластичны по общим потребительским расходам. Ожидаемо высокоэластичны расходы на бытовые услуги, услуги из сферы культуры и отдыха: чем выше уровень доходов, тем выше их потребление. (Разница между потребительскими расходами домохозяйств X и I децильных групп, образованных на основе показателя среднедушевого дохода, составляет 10,2 раза. В то же время разница между расходами на питание составляет 4,6 раза, на ЖКУ – 4,4 раза, на мебель и домашнее оборудование – 22 раза, на транспортные средства – 510 раз, на услуги быта, культуры, рекреации – 30-84 раз. Доли питания и ЖКУ в потребительских расходах составляют 49,2% и 13,9% для I группы против 22,1 и 6,0% для X; суммарная доля расходов на мебель, домашнее оборудование, услуги быта, культуры, рекреации – соответственно 4,7% против 18,4%; доля расходов на транспортные средства – соответственно 0,5% и 22,6% [5, Табл. 1.1.1, 1.6.6]).

В то же время среди высокоэластичных благ выделяются предметы длительного пользования (холодильник, телевизор, стиральная машина, микроволновая печь, электропылесос, смартфон, электро- или газовая плита) а также услуги Интернета, которые имеются практически во всех современных домохозяйствах независимо от уровня доходов. В 2019 г. охват этими благами домашних хозяйств был полным: их количество составляло от 87 на 100 домохозяйств в I децильной группе доходности (для микроволновых печей и пылесосов) до 170-190 на 100 домохозяйств в VIII-X группах (для телевизоров и смартфонов).

Широкая востребованность этих благ обусловлена не только ростом финансовых возможностей домохозяйств, но и превращением благ в «обязательные», их включением в общепринятые современные стандарты образа жизни. По мере общего роста благосостояния домохозяйства с более низкими доходами начинают ускоренным темпом замещать устаревающие блага их более современными аналогами, часто несмотря на отсутствие прямой необходимости. Так, потребность в компьютерах в 2010 г. удовлетворялась за счет портативных

аналогов на 5% в I группе и 15% в X-й, в 2015 г – соответственно на 44 и 53%, в 2020 г. – на 56 и 73%. Несмотря на дублирование основных функций «обычных» персональных компьютеров, ноутбуки и планшеты за десять лет в большой степени заместили их в домохозяйствах самого разного достатка. Наряду с компьютерами, широко востребованными в период 2010-2020 гг. стали смартфоны, которые замещали и вытесняли из употребления мобильные телефоны, причем, после 2015 г. наиболее активно – в I группе доходности [6].

Наиболее четко выделяются особенности современного потребительского поведения при его анализе в разрезе города и села. Сельское население почти не замещает морально устаревающие виды товаров современными аналогами на начальном этапе их появления, когда их стоимость достаточно высока, и они не рассматриваются как «обязательные». Однако с течением времени доступность инновационных товаров возрастает, и активность их приобретения сельским населением становится выше, чем у горожан, приводя к уменьшению разницы в обеспеченности ими. Причем, «догоняющий тренд» в потребительском поведении сельского населения проявляет себя и в условиях относительного снижения сельских доходов после 2017 г. – под влиянием внешней среды: возможна экономия на «менее обязательных» товарах, но не на тех, которые стремительно входят в жизнь и становятся маркером «новой нормы».

Широкая востребованность многих товаров длительного потребления и услуг, не относящихся к благам первой необходимости, их повсеместное наличие и использование стали нормой современной жизни. По мере развития экономики и технологий, роста качества жизни стандарты потребления меняются в сторону усложнения, и индивиды разного достатка стремятся им следовать. Наличие телевизора и холодильника стало нормой очень давно, 20-30 лет назад такой нормой стало наличие стиральной машины, 5-10 лет назад – компьютера, мобильных средств связи и Интернета. Данные товары и услуги обеспечивают не физиологическое, но социальное выживание; некоторые их виды стремятся приобрести даже в том случае, если личная потребность в них минимальная – чтобы «быть в тренде». Потребительское поведение сельских домохозяйств имеет свои особенности, определяемые факторами низких доходов, натуральных поступлений некоторых видов продовольствия, ограниченной доступности отдельных услуг. Для сельского потребительского поведения характерно стремление к современным, «городским» стандартам, которое выражается в том, что сельские домохозяйства активно перераспределяют свои ограниченные ресурсы на приобретение более современных благ за счет более дешевых аналогов и за счет экономии на других товарах и услугах, чья «необязательность» снижает их символический характер.

Список литературы

1. *Кучеренко Е.А.* Теория показного потребления Т. Веблена через призму концепции П. Бурдьё // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 101-103.
2. *Ечевская О.Г.* Потребление и различие: социальные значения и практики потребительского поведения горожан / под ред. Т.Ю. Богомоловой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2011.
3. *Ильин В.И.* Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 41-54.

4. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5-18.
5. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2019 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) // Росстат [Сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/xk4ZU4up/dox-rasx19.rar> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Материалы обследования бюджетов домашних хозяйств. 2019 // Росстат [Сайт]. URL: <https://obdx.gks.ru> (дата обращения: 15.12.2021).

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
IX ДЫЛЬНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ»**

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 12.05.2022 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 16,12. Тираж 300 экз. Заказ № 33

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовский источник»

